
3 1761 03572 1257



БОГДАНЪ ХМЕЛЬНИЦКІЙ.

БОГДАНЪ

ХМЕЛЬНИЦКІЙ.

СОЧИНЕНІЕ

Николая Костомарова.

ТОМЪ II.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ, ДОПОЛНЕННОЕ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ИЗДАНІЕ КНИГОПРОДАВЦА Д. Е. КОЖАНЧИКОВА.

1859.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С.-Петербургъ, 2 сентября 1858 года.

Цензоръ *В. Бекетовъ.*

ВЪ ТИПОГРАФІИ И. И. ГЛАЗУНОВА И КОМП.

ОГЛАВЛЕНІЕ ВТОРАГО ТОМА.

Глава I.

Глава II.

Глава III.

Глава IV.

Глава V.

Глава VI.

Стр.

Глава VII.

Глава VIII.

Глава IX.

Глава X.

Глава XI.

Глава XII.

Глава XIII.

Глава XIV.

ГЛАВА I.

Неудовольствія въ Польшѣ. — Пасквили. — Обвиненія Оссолинскаго. — Смерть его. — Любовь къ Вишневецкому. — Состояніе Украины. — Сеймъ въ Варшавѣ. — Недопущеніе кіевскагв митрополита въ сенатъ. — Гражданское устройство въ Украинѣ. — Коммиссары. — Водвореніе владѣльцевъ. — Бунты. — Нечай. — Ходатайство митрополита. — Переяславская рада. — Казацкіе полки. — Положеніе владѣльцевъ.

Никто въ польскомъ лагерѣ подъ Зборовомъ не думалъ о сохраненіи зборовскаго договора. «Мы должны были suadente necessitate согласиться на подобныя статьи», писалъ одинъ изъ поляковъ изъ–подъ Зборова (1). «Тайный шопотъ (говоритъ поэтъ-современникъ) предупреждалъ всѣхъ, что не могъ быть продолжителенъ миръ, который служилъ къ униженію шляхетскаго сословія и достоинства. Это значитъ присыпать пепломъ огонь, который современемъ долженъ былъ вспыхнуть снова». Русскіе также мало вѣрили въ прочность этого договора. Непостоянство татаръ, готовыхъ за деньги воевать съ кѣмъ бы то

(1) «Starożytn. polsk.» I, 263.

ни было и даже обратиться противъ своихъ союзниковъ, опасность, которая грозила бы Украинѣ отъ сосѣднихъ державъ въ случаѣ дальнѣйшихъ успѣховъ казаковъ, и, наконецъ, уваженіе къ особѣ помазанника, побудили Хмельницкаго согласиться на миръ съ королемъ. Но еслибъ русскіе и довѣряли королевскому слову, то все-таки не могли думать, что король въ силахъ сдержать его. «Чтó значитъ въ Польшѣ король? (говоритъ русскій лѣтописецъ) Ляхи народъ непостоянный; они не повинуются своимъ королямъ и живутъ между собою въ несогласіи. Сколько въ польской землѣ ляховъ, столько совѣтовъ и мнѣній: каждый хочетъ свое слово поставить выше слова другаго; они пишутъ договоры, обѣщаютъ, а потомъ отрекаются отъ своихъ обѣщаній» ([2]). Самъ Хмельницкій, возвращаясь изъ-подъ Зборова, сказалъ: «Король человѣкъ добрый, но паны какъ со«баки будутъ на него лаять до-тѣхъ-поръ, пока опять «поднимутъ» ([3]).

Короля въ Варшавѣ встрѣтили очень-дурно. Жители столицы, только по слухамъ знавшіе, чтó такое Хмельницкій и его казачество, кричали, что король посрамилъ честь польской націи, что онъ сдѣлалъ Польшу данницею невѣрныхъ и игралищемъ во-

---

([2]) «Истор. о през. бр.»
([3]) «Истор. Малорос.» Маркевича. I, 262.

ли хлоповъ. Когда при дворѣ происходили праздники, и балы, какъ бываетъ обыкновенно по окончаніи войны, которое придворные хотѣли выставить счастливымъ, варшавскіе шляхтичи пѣли на улицахъ язвительныя пѣсни, прибивали къ стѣнамъ пасквили и распускали соблазнительныя исторіи на счетъ короля, королевы и придворныхъ (4). Въ числѣ подобныхъ сочиненій ходило по рукамъ одно діалогической формы. Сцена происходитъ между королемъ, канцлеромъ, Киселемъ, ханомъ, русскимъ митрополитомъ и королевскимъ любимцемъ, пѣвцомъ Грембошевскимъ. Король дружеско-бесѣдуетъ съ ханомъ. Канцлеръ, стоя предъ ними, восклицаетъ: «Се что добро и что кра- «сно, еже жити братіи вкупѣ!» — «Одна любовь «насъ соединила, и тебѣ подобаетъ честь за эту услу- «гу отечеству», говоритъ король. Канцлеръ, желая показать скромность, обращается къ Киселю и восклицаетъ: «вотъ кто сдѣлалъ услугу отечеству; востань, «возлюбленный, пріими вѣнецъ!» Митрополитъ при этомъ говоритъ Киселю: «Ты краса русскихъ, ты «слава схизматиковъ!»—«И ты, отвѣчалъ ему Кисель: «возсядемъ между двѣнадцатью колѣнами Израиля (то «есть въ сенатѣ)» Пѣвецъ играетъ на лирѣ и поетъ: «сей день, егоже сотвори Господь, возрадуемся и

---

(4) «Annal. Polon. Clim.» — «Истор. о през. бр.»

«возвеселимся въ онь!» и получаетъ за это въ награду староство ([5]). Одинъ изъ сенаторовъ, Кобѣржицкій, совѣтовалъ отъискать оскорбителей величества и предать ихъ наказанію; но король хотя зналъ, кто сочиняетъ эти пасквили, однако терпѣлъ, зная непостоянство польскаго характера. «Онъ (говоритъ польскій историкъ) припоминалъ слова Тацита: «оскорбленіе теряетъ свою силу, когда его пренебрегаютъ, и внушаетъ къ себѣ вѣру, когда за него гнѣваются» ([6]).

Ненависть къ Оссолинскому не кончилась пасквилями и сатирическими стихотвореніями. Въ ноябрѣ, 1649 года, былъ собранъ чрезвычайный сеймъ съ цѣлью утвердить зборовскій договоръ. Тогда паны Речи Посполитой обратили всю злость на виновника своего униженія. Обвинители подали на сеймъ краткій очеркъ дѣйствій канцлера. «Вся послѣдняя междоусобная война есть плодъ правленія Оссолинскаго (гласило это сочиненіе). Овладѣвъ умомъ жаднаго къ славѣ и власти короля Владислава, онъ затѣялъ войну съ Турціею, и когда представители Речи Посполитой не одобрили его замысломъ, вздумалъ начать ее съ помощью казаковъ и уговорить короля раздать имъ приданое королевы: съ этими-то деньгами каза-

---

([5]) «Histor. belli cosac. polon.» 112.
([6]) «Annal. Polon. Clim.» I, 166—169.

ки и поднялись ([7]). Онъ раздражилъ всѣхъ нашихъ сосѣдей: Турцію оскорбительными письмами, шведскаго короля — непризнаніемъ титула, московскаго царя — разными выходками ([8]); наконецъ онъ съ Владиславомъ замышлялъ сдѣлать въ государствѣ переворотъ и употребить казаковъ орудіемъ къ уничтоженію шляхетской націи ([9]). Онъ одинъ не совѣтовалъ собирать посполитаго рушенья, и во время похода не велѣлъ посылать подъѣздовъ для того, чтобъ мы не знали о непріятелѣ; а когда привелъ короля въ бѣду, то предложилъ мириться съ ханомъ, и съ перваго раза согласился на все, что́ предложили ханъ и Хмельницкій» ([10]). «Легко понять (говорили «на сеймѣ), чего заслуживаетъ тотъ, кто короля на«шего послалъ безоружнымъ противъ враговъ, какъ «на бойню; кто довелъ его до такого униженія, что «онъ, отдавъ булаву Забускому и объявивъ Хмельниц«каго измѣнникомъ, снова перемѣнилъ свое постано«вленіе; кто прежде не хотѣлъ давать татарамъ жало«ванья, а потомъ обязался платить постыдную дань;

([7]) «Pamiętn. o Koniecp.» 420.

([8]) «Annal. Polon. Clim.» I, 166. — «Histor. Jan. Kaz.» I, 98. — «Pamiętn. do pan. Żygm. III, Wlad. IV i Jan. Kaz.» II, 110.

([9]) «Histor. belli cosac. polon.» 175.

([10]) «Pamiętn. o Koniecpols.» 424—426. — «Annal. Polon. Clim.» I. 167.

«кто наложилъ вѣчное ярмо на жителей воеводствъ: «кіевскаго, черниговскаго и брацлавскаго и довелъ «Речь Посполитую до заключенія такого унизительнаго «договора, о какомъ наши дѣды и не слыхивали!» ([14]).

Большая часть этихъ обвиненій была справедлива. Канцлеръ удержался на мѣстѣ, потому-что на его сторонѣ были король, придворные и множество кліентовъ. Но эти обвиненія были для него послѣднимъ ударомъ. Печально было положеніе этого государственнаго человѣка, осужденнаго видѣть зло, происшедшее непосредственно изъ дѣйствій, которыя онъ почиталъ спасительными для отечества. Для Оссолинскаго все вышло противъ его желаній. Онъ думалъ обезопасить отечество отъ сосѣдей и смирить Турцію, ужасную тогда для всего христіанства, вышло напротивъ: пришлось платить дань подручнику султана. Думалъ онъ усилить королевскую власть и сокрушить аристократическое безначаліе — вышло напротивъ: шляхетское сословіе, увидя опасность, сильнѣе утвердилось противъ единовластія, и съ этой поры аристократическо-республиканскій элементъ взялъ рѣшительное господство въ Польшѣ. Думалъ онъ соединить тѣснѣе Русь съ Польшею, содѣлавъ казаковъ орудіемъ преобразованія государства — вышло напротивъ: Русь готова была разорвать послѣд-

([11]) «Pamiętn. o Koniecp.» 427.

нюю связь съ Польшею. Вмѣсто народнаго благосостоянія и благословеній потомства, онъ видѣлъ упадокъ отечества и, на закатѣ жизни, ожидалъ безславія послѣ смерти. Оссолинскій не прожилъ года послѣ этого тяжелаго сейма.

Поражая всеобщимъ поношеніемъ Оссолинскаго, паны въ то же время величали враговъ его. Соперникъ его, Іеремія Вишневецкій, встрѣченъ былъ въ Варшавѣ съ такими почестями, какими пользовались въ Варшавѣ только короли. Толпа народа всякаго званія ожидала его за́ городомъ; рукоплесканія, восклицанія оглашали воздухъ: «вотъ онъ (кричалъ на«родъ), поборникъ правовѣрія, единственная защита «нашей свободы!» Изъ устъ въ уста переносились свѣжіе разсказы о его геройскихъ подвигахъ подъ Збаражемъ; духовенство всенародно оказывало ему знаки признательности отъ имени церкви ([12]), а депутаты, въ вознагражденіе за труды, постановили отдать ему въ наслѣдственное владѣніе страну, омываемую Гороломъ, и приписать къ Збаражу ([13]). Королю, придворнымъ и Оссолинскому не нравилось это предпочтеніе, оказываемое воинственному князю; но, сильный любовью шляхетскаго званія, онъ толь-

---

([12]) «Histor. ab. exc. Wład. IV.» 55.

([13]) «Annal. Polon. Clim.» I, 167 — «Pamiętn. do pan. Żygm. III, Władysł. IV i Jan. Kaz.» II, 110.

ко радовался безсилію злобы нелюбившихъ его и громко произносилъ сочиненное имъ латинское двустишіе: Hoc erat vetus Ossolinsciorum opus corrumpere semper reipublicae corpus (фамилія Оссолинскихъ издавна дѣйствуетъ ко вреду Речи Посполитой (14).

Еще торжественнѣе, чѣмъ Іеремію въ Польшѣ, принимали Хмельницкаго въ Украинѣ. Возвращаясь съ побѣдоноснымъ войскомъ изъ-подъ Зборова, гдѣ была потоптана гордость ляховъ, какъ выражались тогда, онъ несъ въ родную землю утѣшительную вѣсть освобожденія отъ долгой неволи. Въ каждомъ мѣстечкѣ, куда онъ проходилъ, раздавался колокольный звонъ, и русскіе люди, по обычаю предковъ, выходили съ образáми, хлѣбомъ и солью на встрѣчу избавителю Украины *отъ кормыги лядськой.* «Радуйтесь, братія (говорилъ побѣдитель), подъ Зборовомъ сила русская была поставлена на вѣсы съ польскою и перевѣсила: теперь цѣлый свѣтъ узнаетъ, чтó значатъ казаки» (15). То было славное время, но короткое и единственное въ жизни южно-рускаго народа время всеобщаго восторга. «Были у насъ времена страшныя, невзгоды печальныя — никто не приходилъ спасать украинцевъ, никто не возсылалъ

(14) «Histor. belli cosac. polon.» 175.
(15) «Histor. Jan. Kaz.» II, 100.

за нихъ къ Богу молитвъ, никто не подавалъ воды омыть кровавыя раны наши; но вотъ прошли грозныя невзгоды! Теперь никто не одолѣетъ насъ; не будетъ у насъ ни жида, ни ляха, ни пана, и не будетъ въ свѣтѣ земли лучше нашей Украины» ([16]). Такъ воспѣвала народная муза эпоху славы и освобожденія Южной Руси.

Въ другой разъ Хмельницкій въѣхалъ торжественно въ Кіевъ, столицу православія, и возвѣстилъ митрополиту о возстановленіи достоинства отеческой церкви. «Тамъ (говоритъ лѣтописецъ) онъ, лежа ницъ передъ гробами святыхъ, заливался слезами благодарности и воздавалъ хвалы Всевышнему» ([17]). Изъ Кіева онъ уѣхалъ въ Чигиринъ и началъ жить великолѣпно. Въ короткое время онъ пріобрѣлъ столько сокровищъ, сколько могло быть только у государя. Богатое мѣстечко Млійовъ, славное добываніемъ красильныхъ произведеній, отнятое у Конецпольскаго, давало ему до двухсотъ тысячъ талеровъ дохода ([18]). Чигиринскій полкъ, набранный изъ лучшихъ казаковъ, составлялъ его гвардію; сверхъ-того, три тысячи татаръ должны были стеречь здравіе вельможнаго гетмана, по образцу иноземныхъ властителей,

---

([16]) Пѣсня народ.
([17]) «Истор. о през. бр.»
([18]) «Annal. Polon. Clim.» I, 180.

**

окружавшихъ себя наемною стражею изъ чужестранцевъ ([19]). «Только скипетра и вѣнца недоставало ему, чтобъ быть совершеннымъ монархомъ», говоритъ современникъ ([20]).

Но скоро проходило первое восхищеніе русскаго народа, и кипучая любовь къ гетману охладѣвала. Надобно было платить татарамъ. Уже Хмельницкій изъ своей шкатулки отсчиталъ имъ пятьсотъ тысячъ талеровъ; этого недоставало: наложена была поголовная подать на русскій народъ для заплаты союзникамъ. Татары, повадившись лакомиться въ Украинѣ, почитали позволительнымъ распоряжаться по произволу въ землѣ союзниковъ и уводить въ плѣнъ женщинъ. Распространилась ужасная дороговизна: хлопы, ѣвши все готовое въ походѣ, приходили домой и заставали семейства въ скудости. Иное дѣло прошлый годъ: тогда много богатствъ изъ панскихъ паллацовъ перенесено было въ казацкія хаты; но все это давно было распродано московскимъ и турецкимъ купцамъ за бездѣлицу; много поживились тогда русскіе хлопы на поляхъ пилявскихъ; теперь не то: два мѣсяца простояли украинскіе удальцы подъ Збаражемъ, а получили только удовольствіе посмѣяться надъ голодными врагами, которые прежде мучили ихъ

([19]) «Annal. Polon. Clim.» 176—186.
([20]) «Истор. о през. бр.»

медленнымъ голодомъ; если же что́ и отняли у непріятеля, то это все доставалось ненасытнымъ татарамъ, которые считали себя въ-правѣ подгонять русскихъ нагайками въ сѣчу, чтобъ самимъ не отваживаться на опасность. Пришла осень; мужики не взялись за цѣпы, которыми лѣтомъ били поляковъ, сравнивая ихъ съ соломою: молотить не́чего было. Но это все было еще начало; еще не всмотрѣлись въ зборовскія статьи.

Польскій сеймъ утвердилъ зборовскій договоръ послѣ всеобщаго ропота; этотъ договоръ былъ написанъ кратко, потому-что паны не имѣли духа ни писать, ни читать его. Депутаты согласились на унизительный, какъ они говорили, договоръ, потому-что желали доставить своимъ братьямъ, украинскимъ шляхтичамъ, способъ возвратиться на родину. «Но они (говоритъ украинскій повѣствователь) помнили этотъ договоръ только до-тѣхъ-поръ, пока не перестали смотрѣть на окровавленные трупы своихъ соратниковъ, а потомъ снова начали свои *злобства.*» Зборовскій договоръ былъ нарушенъ въ одной изъ главнѣйшихъ статей своихъ на томъ же сеймѣ, на которомъ былъ утвержденъ.

Въ немъ было сказано, что митрополитъ кіевскій имѣетъ право засѣдать въ сенатѣ. Сильвестръ Коссовъ, въ сопровожденіи знатнаго духовенства, отправился въ Варшаву занять свое мѣсто, купленное для

него цѣною крови. Но прежде появленія его, въ сенатѣ открылось предварительное совѣщаніе, на которомъ толковали: допустить ли грекорусскаго первосвященника въ сенатъ, или отказать ему?

Этотъ вопросъ завязали римскіе епископы. «Сидѣть и разсуждать съ духовенствомъ схизматическимъ — большое оскорбленіе римско-католической «вѣрѣ (говорили они); за это насъ въ Римѣ назовутъ «защитниками раскола, и папа произнесетъ клятву «на цѣлое королевство.»

Свѣтскіе сенаторы, часто недовольные притязаніями духовныхъ особъ, протестовали противъ такой выходки.

— Напрасно духовные отцы безпокоятся (говорили они): рѣшенія сената зависятъ не отъ однихъ духовныхъ, но и отъ свѣтскихъ. Русская земля присоединена къ королевству на условіяхъ, съ сохраненіемъ правъ духовныхъ и гражданскихъ, а митрополитъ кіевскій есть примасъ русской церкви. У насъ засѣдаютъ кальвины и лютеране; есть между нами почтенныя особы греческой вѣры, и они не дѣлаютъ зла, напротивъ, подаютъ благіе для отечества совѣты.

— Это иное дѣло (возражали духовные): мы терпимъ диссидентовъ и схизматиковъ потому, что они, какъ люди свѣтскіе, подаютъ голоса въ дѣлахъ оте-

чества, не касаясь религіозныхъ вопросовъ; иное дѣло духовные — хотя бы диссиденты, хотя бы схизматики. Они не должны находиться вмѣстѣ съ нами. Владиславъ Ягелло допустилъ на совѣщаніе гуссита, прибывшаго изъ Чехіи; тогда кардиналъ Олесницкій вышелъ изъ сената и наложилъ на королевство интердикцію. Послѣ такого примѣра можемъ ли мы дозволить входить въ общеніе съ нами главѣ отступниковъ, непріятелю св. отца?

— Этого требуетъ трактатъ (говори свѣтскіе): онъ заключенъ королемъ и коммиссарами. Не-уже-ли покажемъ примѣръ крайняго вѣроломства и на первыхъ порахъ нарушимъ зборовскій договоръ, и при томъ въ столь важномъ пунктѣ — относительно религіи? Этимъ мы подадимъ Хмельницкому поводъ къ новой враждѣ, чего, быть-можетъ, онъ только и ждетъ. Русскій народъ привязанъ къ своей вѣрѣ и уважаетъ свое духовенство. Митрополитъ человѣкъ почтенный и умный; онъ не станетъ дѣйствовать противъ отечества; напротивъ, получа право, ему принадлежащее, онъ станетъ для насъ заложникомъ спокойствія, будетъ удерживать русскій народъ въ повиновеніи Рѣчи-Посполитой. Если жь бы онъ показалъ какое-нибудь недоброжелательство къ отечеству, въ такомъ случаѣ мы можемъ отказать ему.»

— Надобно намъ (говорили другіе), по-крайней-мѣрѣ для вида, обласкать *русскаго каплана*, а въ

другой разъ онъ самъ не захочетъ добиваться этой чести.

— Зборовскій трактатъ (возражали духовные) заключенъ во время опасности, по необходимости; поэтому онъ не долженъ нарушать старинныхъ правъ римско-католическаго духовенства. Король развѣ имѣетъ право дѣлать постановленія, которыя оскорбляютъ святую католическую вѣру? Никогда, никогда схизматикъ не дождется, чтобъ сидѣть ему съ нами. Иначе мы оставимъ сенатъ.

Кисель вышелъ изъ сената и поспѣшилъ къ митрополиту. Онъ разсказалъ ему обо всемъ. «Современемъ (прибавилъ онъ) они успокоятся и принуж-«дены будутъ исполнять должное; а теперь я вижу «въ нихъ большое ожесточеніе. Уступимъ на этотъ «разъ, иначе они въ-самомъ-дѣлѣ оскорбятъ главу «православія въ самомъ сенатѣ, и тогда произойдетъ «горшая вражда.»

Митрополитъ былъ столь же миролюбивъ, какъ и Кисель, но болѣе кротокъ и прямодушенъ; онъ не пожертвовалъ общимъ спокойствіемъ интересамъ своего званія. Безъ ропота онъ уѣхалъ изъ Варшавы, и никто не замѣтилъ въ немъ неудовольствія. Только втайнѣ вздыхалъ архипастырь, предвидя новыя бѣды ([21]).

([21]) «Annal. Polon. Clim.» I, 168—169. — «Histor. Jana Kazim.» I, 100. — «Pamiętn. do pan. Żygm. III,

Между-тѣмъ въ королевскомъ дворцѣ происходили тайныя совѣщанія. Предполагали успокоивать казаковъ и ласкать до-тѣхъ-поръ, когда Польша будетъ въ-состояніи свергнуть съ себя обязательство зборовскаго договора. Въ панскихъ домахъ толковали о томъ же. Государственные люди и дипломаты изъискивали средства повредить Хмельнндкому и ослабить въ зародышѣ возроставшую Украину.

Въ Чигиринѣ было извѣстно, чтó говорили и чтó замышляется въ Варшавѣ. Былъ при дворѣ Яна Казимира русскій шляхтичъ, Верещака, умный и ловкій, рекомендованный на службу Киселемъ. Онъ подбился въ милость къ королю, умѣлъ потакать панамъ; никто не замѣчалъ въ немъ нималѣйшей приверженности къ казачеству. Этотъ человѣкъ съ изумительнымъ искусствомъ проникалъ въ самыя скорoвенныя тайны варшавскаго кабинета, въ политическіе замыслы, направленія умовъ и передавалъ все это православнымъ монахамъ посредствомъ писемъ, писанныхъ цифрами на русскомъ языкѣ; монахи сообщали ихъ Хмельницкому. Гетманъ по положенію дѣлъ въ Варшавѣ располагалъ свои поступки ([22]).

Wład. IV i Jan. Kaz.» II, 113.—114. — «Истор. о през. бр.». — «Лѣтоп. повѣст. о Мал. Росс.» 135.

([22]) «Annal. Polon. Clim.» I, 209. — «Histor. Jan. Kazim.» I, 154. — «Pamiętn. do pan. Żygm. III, Wład. IV i Jan. Kaz.» II, 148.

Но до поры до времени онъ не показывалъ полякамъ ни малѣйшаго вида недовѣрчивости. Всю зиму Хмельницкій былъ занятъ водвореніемъ порядка въ освобожденной странѣ. Гражданская часть оставлена была въ прежнемъ видѣ; народъ привыкъ къ польскимъ законамъ ([23]): по своему основанію они вовсе не были тягостны; притомъ значительная часть законодательства и управленія заимствована была изъ Руси въ разныя историческія времена чрезъ сближеніе единоплеменныхъ народовъ; поэтому тогдашній гражданскій порядокъ въ Украинѣ, будучи польскимъ, былъ въ то же время и русскимъ, особенно когда чиновники и исполнители законовъ были русскіе и дѣла отправлялись на русскомъ языкѣ.

Въ нѣкоторыхъ городахъ было *мійское*, или такъ называемое магдембургское муниципальное право. Въ это время на правой сторонѣ Днѣпра въ Украинѣ пользовались имъ изъ городовъ, вошедшихъ въ границы гетманщины: Брацлавъ, Винница, Черкасы, Васильковъ, Овручъ, Кіевъ; на лѣвой: Переяславль, Остеръ, Нѣжинъ, Черниговъ, Погаръ, Мглинъ, Козелецъ, Новгородъ-Сѣверскій и Стародубъ. Каждый изъ этихъ городовъ представлялъ какъ-бы отдѣльную общину. Граждане гордились своею вольностью. Они

([23]) «Кратк. истор. опис. о Мал. Росс.» 14.

носили общее названіе мѣщанъ, или *мѣйскаго посполъства,* и раздѣлялись на торговыхъ и ремесленниковъ. Всякое занятіе имѣло свою корпорацію, цехи — подъ управленіемъ выбранныхъ чиновниковъ, называемыхъ цехмистрами. Такимъ-образомъ были, напримѣръ, цехи: *кушнарскій, ткацкій, малярскій, ковальскій, рѣзницкій, бондарскій* и тому подобные; каждый цехъ имѣлъ свой гербъ, свою печать. Ежегодно, обыкновенно предъ новымъ годомъ, подъ звукъ городоваго колокола, сходились всѣ мѣщане на вѣче, повѣряли дѣла свои, избирали начальниковъ. Администрація сосредоточивалась въ ратушѣ, которая въ Кіевѣ и Нѣжинѣ называлась магистратомъ: въ ратушѣ, или магистратѣ, засѣдали выбранные *райцы,* подъ председательствомъ *бурмистра.* Не вездѣ было одинаково число *райцевъ* и *бурмистровъ,* смотря по величинѣ и многолюдству города; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ (особенно великаго княжества литовскаго) число райцевъ доходило до двадцати-четырехъ, въ иныхъ только до четырехъ; въ городахъ, вступившихъ въ черту казачины, ихъ было немного, и впослѣдствіи обыкновенно четыре. Бурмистровъ выбирали по два или по четыре, и каждый изъ нихъ предсѣдательствовалъ въ ратушѣ поочереди въ-теченіе нѣсколькихъ недѣль. Подъ вѣдѣніемъ ратуши были *дозорцы,* полицейскіе чиновники. Судебная часть была отдѣлена отъ администраціи. Въ городо-

вомъ судѣ сидѣли *лавники*, присяжные, выбранные народомъ изъ гражданъ, отличавшихся умомъ, опытностью, честностью. Число ихъ также не вездѣ было одинаково, смотря по потребностямъ. Въ собраніи *лавниковъ* предсѣдательствовалъ *войтъ*, называемый *адвокатомъ;* по-большей-части онъ выбирался ежегодно, а иногда и назначался отъ правительства. Это былъ важнѣйшій сановникъ города и, кромѣ суда, имѣлъ вліяніе и на администрацію. Какъ въ судѣ *лавниковъ*, такъ и въ совѣтѣ *райцъ*, были *мѣйскіе* писаря, также выбранные. Всѣ чиновники содержались изъ разныхъ доходовъ, предоставленныхъ имъ, и имѣли вблизи города земли, приписанныя къ ихъ уряду, Устройство мѣйское было вездѣ съ разными отличіями; но вообще города, пользовавшіеся магдебургскимъ правомъ, судились и управлялись безъ всякаго вмѣшательства пановъ, старостъ и всѣхъ чиновниковъ Речи Посполитой, были освобождены отъ воинскаго постоя, отъ службы въ арміи, отъ многихъ поборовъ и податей, отъ дачи подводъ, имѣли право вольной безпошлинной торговли, свое казначейство, которымъ добровольно распоряжались, и свою городовую гвардію, обыкновенно составленную изъ двухъ отрядовъ: коннаго и пѣшаго. Всякій, кто жилъ въ городѣ или занимался въ немъ, какого бы онъ званія ни былъ, подчинялся суду и управѣ города. Городъ имѣлъ свой гербъ, свою печать, свое знамя.

Хотя своевольные паны часто нарушали эти права, но горожане ими очень дорожили, какъ единственною опорою противъ произвола шляхетства, и Хмельницкій оказывалъ уваженіе къ этому устройству; мѣщане принимали его сторону именно потому, что съ ограниченіемъ произвола пановъ надѣялись большей неприкосновенности своихъ городовыхъ правъ. Король, чтобъ привязать къ себѣ городской классъ, подтвердилъ прежнія привиллегіи Сигизмунда и Владислава, и распространилъ ихъ свободу еще болѣе ([24]). Въ другихъ мѣстахъ, неимѣвшихъ магдебургскаго права, было, однако, въ устройствѣ много сходнаго съ нимъ. Вездѣ, даже въ селахъ, были войты и лавники, выбираемые народомъ, только объемъ ихъ дѣйствій былъ тѣсенъ и мѣщане были наравнѣ съ крестьянами отягощены повинностями и находились въ безусловномъ повиновеніи старостъ и пановъ. Теперь, съ ограниченіемъ власти дворянства, несвободные города могли бы возвыситься и стать на ряду съ муниципальными сами собою. Впослѣдствіи развитію мѣщанскаго класса препятствовало казачество. Въ 1650 году этого еще не чувствовали. Оставя городовой порядокъ, какъ онъ былъ, гетманъ съ генеральною старшиною обратилъ вниманіе на устройство военнаго класса: при составленіи реестра ка-

---

([24]) «Лѣтоп. повѣст. о Мал. Росс.» 137.

заковъ, опредѣляемы были границы полковъ, сотенъ, отводились земли казакамъ; гетманъ назначалъ начальниковъ, вмѣсто убитыхъ или смѣненныхъ, по согласію съ выборомъ.

Остальное народонаселеніе, подъ именемъ посполитыхъ, долженствовало снова обратиться въ крестьянство. Уже начинались вспышки недовольныхъ, которыхъ не помѣщали въ реестрѣ; уже Хмельницкій не одного изъ нихъ казнилъ смертью ([25]). Ясно можно было предвидѣть, что Украина снова поднимется, какъ только появятся паны, которые не смѣли еще показаться въ Украинѣ до утвержденія сеймомъ зборовскаго договора и приведенія въ порядокъ казацкаго реестра. Хмельницкій въ договорѣ позволилъ дворянамъ вступить снова въ прежнія права, но хотѣлъ воспользоваться короткимъ временемъ, пока они не пришли, чтобъ обезсилить панское сословіе еще болѣе и возвысить казацкое. Гетманъ приказалъ набирать въ реестръ преимущественно изъ имѣній Вишневецкаго и Конецпольскаго и вообще богатѣйшихъ пановъ; этого казалось мало: онъ отбиралъ у нихъ цѣлыя имѣнія, города, села, хутора съ полями, лѣсами, всѣми угодьями подъ тѣмъ предлогомъ, что паны захватывали коронныя помѣстья,

---

([25]) «Памятн. кіевск. комм.» II, 3. 15.

которыя должны служить жительствомъ казакамъ, королевскому войску. Гетманъ отдавалъ ихъ генеральнымъ старшинамъ, полковникамъ и полковымъ чиновникамъ. Съ-этихъ-поръ образовался въ Украинѣ классъ ранговыхъ помѣщичьихъ имѣній, которыми овладѣли казацкіе чины до-тѣхъ-поръ, пока носили чинъ свой. Этотъ порядокъ впослѣдствіи послужилъ основаніемъ введенію помѣщичьяго права въ Малороссіи ([26]). «У Конецпольскаго отнято было семьдесятъ селъ; а что̀ потерялъ Вишневецкій, то̀ и вспомнить жаль (говоритъ польскій историкъ). Хмельницкій воспользовался и насчетъ тѣхъ имѣній, которыя оставилъ панамъ, забиралъ господскій скотъ, пчелъ, табуны, не бралъ только недвижимаго», (говоритъ историкъ) ([27]).

Въ концѣ октября, 1649 года, король назначилъ къ Хмельницкому коммиссаровъ для окончательнаго устройства дѣлъ въ Украинѣ сообразно зборовскому договору, и для водворенія изгнанныхъ пановъ. Главнымъ коммиссаромъ, былъ, попрежнему, Адамъ Кисель, назначенный теперь воеводою кіевскимъ; онъ получилъ это мѣсто по зборовскому договору, обязывавшему, назначать въ русскія провинціи особъ греческой вѣры. Вмѣстѣ съ нимъ собрались на Волы-

([26]) «Annal. Polon. Clim.» I, 186.
([27]) «Histor. Jan. Kaz.» I, 198.

ни изгнанные паны, дожидаясь съ нетерпѣніемъ, когда ихъ пустятъ въ имѣнія. Хмельницкій выслалъ полковника съ почетнымъ отрядомъ для сопровожденія коммиссаровъ.

«Съ радостью буду ожидать я порогихъ гостей, «которые привезутъ мнѣ милость моего государя и «помогутъ привести чернь къ послушанію. Съ удо«вольствіемъ слышу, что дворянство украинское воз«вращается въ свои помѣстья; прошу, однако, дво«рянъ обождать немного, пока окончится реестрова«ніе казаковъ и отводъ имъ земель: дѣло покажетъ, «какія имѣнія королевскія и какія дворянскія, и тог«да благородные паны пріѣдутъ въ свои имѣнія». Такъ писалъ онъ.

Прибыли коммисары. Хмельницкій пріѣхалъ въ Кіевъ съ толпою полковниковъ, 7-го ноября, и обращался съ коммиссарани самымъ дружескимъ образомъ: не было ни тѣни похожаго на пріемъ въ февралѣ. Когда воевода подалъ ему свой креденціальный листъ, то-есть увѣрительную граммату въ томъ, что онъ дѣйствительно назначенъ коммиссаромъ, Хмельницкій поцаловалъ подпись королевскую и, отъ умиленія, заплакалъ.

«О, какъ милостивъ король! (восклицалъ Хмель«ницкій) о, еслибъ мы могли возблагодарить ему, «благодѣтелю нашему!»

Съ удовольствіемъ смотрѣли коммиссары на чув-

ствительнаго казацкаго вождя, Началась попойка, пиры, праздники; гетманъ, казалось, выбивался изъ силъ, чтобъ угодить гостямъ. Все носило видъ искренняго согласія. Съ обѣихъ сторонъ сыпались увѣренія въ неразрывной дружбѣ и вѣчномъ мирѣ. Кисель разсказывалъ, ка́къ король любитъ и уважаетъ гетмана, величалъ милосердіе своего монарха. Хмельницкій увѣрялъ, что ищетъ случая доказать свою преданность его величеству и готовъ, если нужно, пролить кровь за Речь Посполитую. Но гетманъ протягивалъ время и, подъ разными предлогами, долго отклонялся отъ требованій Киселя поскорѣе впустить дворянство ([28]). Не прежде какъ уже получивъ отъ короля универсалъ, отъ 16-го января, 1650 года ([29]), извѣщавшій объ окончательномъ утвержденіи сеймомъ зборовскимъ статей, онъ выдалъ позволеніе панамъ вступить въ ихъ украинскія имнѣнія.

Помѣщики и шляхтичи посыпали въ Украину ([30]). Прежде прибытія въ имѣнія, помѣщики приходили сами или присылали повѣренныхъ своихъ къ гетману, давали ему подарки, какъ хозяину, и поросили

([28]) «Annal. Polon. Clim.» I, 177. — «Histor. Jan. Kaz.» I, 107—108. — «Pamiętn. do pan. Żygm. III, Wł. IV i Jan. Kaz.» II, 120. — «Latop. Jerlicza.» III.

([29]) «Памятн. кіевск. комм.» II, 3: 1.

([30]) «Annal. Polon. Clim.» I, 177.

покровительства ([31]). Хмельницкій увѣрялъ ихъ, что все будетъ хорошо, что они будутъ жить счастливо и спокойно, и выдалъ универсалъ, которымъ приказывалъ всѣмъ, невошедшимъ въ реестръ, повиноваться господамъ своимъ, подъ опасеніемъ смертной казни ([32]).

Вмѣстѣ съ этимъ выдалъ универсалъ ко всѣмъ жителямъ Украины и король; онъ извѣщалъ, что, въ случаѣ бунтовъ хлоповъ противъ владѣльцевъ, коронное войско вмѣстѣ съ запорожскимъ будетъ отпоръ давать какъ-бы пограничному непріятелю ([33])

Какъ-только разошлись эти универсалы, какъ-только узнали невошедшіе въ реестръ, что они обязаны будутъ снова работать панщину, вдругъ вспыхнуло всеобщее волненіе.

«Какъ! (кричалъ народъ) гдѣ же обѣщанія гетмана? Развѣ мы не были казаками?»

Хлопы на отрѣзъ отказались служить панамъ. Большая часть пановъ едва только вступила въ свои имѣнія, какъ тотчасъ же должна была спасаться бѣгствомъ, а многіе заплатили жизнью за попытку управлять удалыми головами. Бѣглецы стекались въ

([31]) «Histor. Jan. Kaz.» I. 119.

([32]) «Annal. Polon. Clim.» I, 178. — «Памятн. кіевск. комм.» II, 3. 62.

([33]) «Памятн. кіевск. комм.» II, 3: 6.

Кіевъ подъ защиту воеводы, но жители самовольно не впускали ихъ въ средину города; шляхтичи скитались по предмѣстьямъ и пригороднымъ селамъ около Кіева, и рѣдкій, при ихъ бѣдности и тогдашней дороговизнѣ, могъ имѣть кусокъ бѣлаго хлѣба, или возъ сѣна. Голодъ день-ото-дня достигалъ ужасающихъ размѣровъ. По свидѣтельству современника, мѣра или *маца* ржи стоила 45 злотыхъ. Зажиточные покупали хлѣбъ отъ московскихъ купцовъ, которымъ царь дозволилъ вывозъ, а бѣдняки пухли и умирали по дорогамъ и улицамъ, напрасно стараясь травою и листьями поддержать существованіе. Это положеніе усиливало буйство и мятежъ ([34]).

Между-тѣмъ, богатые и знатные паны вступили въ свои имѣнія съ надеждою воротить прежнее положеніе дѣлъ. Князь Корецкій, какъ только пріѣхалъ въ свои имѣнія на Волыни, тотчасъ велѣлъ отыскать между подданными тѣхъ удальцовъ, что, во время всеобщаго возстанія, возбуждали свою братью къ мятежу. «Князь, говоритъ современный историкъ, бралъ примѣръ съ Тарквинія, который припоминая какъ онъ сбивалъ маковыя головки, и этимъ показывалъ, что для прочнаго господства надобно посбивать головы зачинщикамъ, и тогда нечего бояться народа, потому-что

([34]) «Annal. Polon. Clim.» I, 179. — «Latop. Jerlicza» 113.

народъ самъ по себѣ бездушное тѣло, если нѣтъ духа, который бы оживлялъ его и возбуждалъ къ дѣятельности. Притомъ же до князя доходило, что эти самые люди, недовольные исходомъ возстанія, не получившіе свободы и теперь слишкомъ громко роптали. Ихъ поймали, посадили въ тюрьму а потомъ, по приказанію Князя, посадили на колъ. «Надобно показать примѣръ строгости на страхъ прочимъ», говорилъ князь Корецкій. Примѣръ этотъ, дѣйствительно, не остался безъ послѣдствій и навелъ страхъ на весь околодокъ, особенно наподданныхъ князя. «Прежнія бѣды рушатся на наши головы; «паны ужь начинаютъ мстить намъ и мучить насъ!» роптали хлопы. Одни бѣжали, другіе же собрались въ толпу и волновались, незная что дѣлать. Въ эту толпу явился провославной священникъ и говорилъ имъ:

«Вотъ награда за наши терпѣнья; вотъ до чего до«вела насъ потеря нашей крови, пролитой на то, чтобъ «добыть свободы и скинуть съ себя невыносимое «польское ярмо! Вотъ образчикъ панской милости. «Вотъ вамъ клейноты польской славы — трупы нашей «братіи на кольяхъ, не одолѣли ляхи нашей крѣпо«сти силою, такъ одолѣваютъ лестію. Это, братія, «значитъ, свирѣпство поляковъ! Самъ Богъ теперь «открываетъ нашей простотѣ глаза, чтобъ мы не по«вѣряли панской злобѣ своихъ душъ. Много насъ паны

«обижали, много мы пострадали отъ панскаго тиран-
«ства, а теперь, по доброй воли, вложили свои головы
«въ тоже ярмо, чуть только скинули его съ шеи.
«Лисица звѣрь—и та не пойдетъ въ другой разъ въ
«капканъ, и птица не полетитъ въ другой разъ на
«приманку! А человѣку на то и разумъ данъ, чтобъ
«онъ разбиралъ и отъ бѣды уходилъ. Кто, братія
«мои, только захочетъ пановать, тотъ на все дурное
«пойдетъ, лишь бы самому усидѣть на панствѣ. Вотъ
«они нашего брата хитро засядутъ, а послѣ скажутъ,
«что это не вѣроломство, а благоразуміе. Такой по-
«четъ даютъ паны своимъ дѣламъ. Въ панскихъ дво-
«рахъ обманъ похваляется, и когда нельзя кого одо-
«лѣть силою, такъ паны одолѣваютъ обманомъ и еще
«тѣмъ величаются. Паны не смотрятъ на то, что пра-
«ведно: лишь бы имъ корыстно было. Давно ли вы-
«сохла кровь нашего доблестнаго Павлюка, какъ по-
«слѣ Кумеекъ паны заманили его, увѣрили клятвою,
«что ему ничего не будетъ, а потомъ казнили въ
«Варшавѣ на цѣломъ своемъ сеймѣ? Да что давнее
«вспоминать: посмотрите на вашихъ братьевъ они еще
«на кольяхъ; можетъ быть, еще дышатъ и призыва-
«ютъ васъ беречь себя самихъ и содѣлаться слугами
«божьими на праведное мщеніе за ихъ муки.»

Эта рѣчь была произнесена съ силою и вдохно-
веніемъ, личность и санъ оратора помогали впе-
чатлѣнію. Толпа заволновалась. Ожесточенные хлопы

кричали: «оружія! оружія! бить ихъ, бить всѣхъ и «большихъ и малыхъ! Кара имъ за ихъ злодѣйства!» Вѣсть разнеслась по всѣмъ окресностямъ, и въ разныхъ мѣстахъ составились партіи, соединялись между собою и побуждали другихъ поселянъ составлять такія же партіи. Нѣсколько дворянъ попались къ нимъ и были замучены. Услышавъ о волненіи, князь Корецкій отрядилъ противъ бунтовщиковъ три тысячи своей конницы. Этотъ отрядъ легко бы, казалось, могъ расправиться, по одиначкѣ, съ шайками крестьянъ, которыя, какъ доносили князю, дѣйствовали одна отъ другой отдѣльно. Но вышло не такъ. Хлопы окружили его и обратали въ бѣгство, и еслибъ у хлоповъ были въ то время лошади, то, вѣрно бы, истребили всѣхъ. Событіе это, какъ слѣдовало ожидать, способствовало къ распространенію мятежа; слухъ о немъ скоро дошелъ въ Варшаву и надѣлалъ тамъ большаго переполоха. Король былъ недоволенъ Корецкимъ, и поручилъ канцлеру написать къ нему письмо съ выговоромъ. «Въ настоящее время, было писано въ этомъ письмѣ, вовсе негодится возбуждать и раздражать хлоповъ. Еслибъ даже казненные вполнѣ были достойны этаго, и тогда нельзя похвалить такой строгости; благоразумный человѣкъ долженъ сообразоваться съ обстоятельствами и знать, что не всегда должно наказывать преступленіе, когда изъ этаго можетъ произойти соблазнъ. Ваша милость, требуя отъ своихъ

хлоповъ повиновенія, самъ вашими поступками возбуждаете и усиливаете въ нихъ строптивость и неуваженіе къ себѣ. Извольте же исправить сдѣланную вами ошибку; ибо по вашей винѣ не должна страдать вся Речь Посполитая» ([35]). Неизвѣстно, какъ поправилъ свои ошибки Корецкій. Мятежь то усиливался, то улегался, но не прекращался. Хмельницкій казнилъ непослушныхъ, вѣшалъ, сажалъ на колъ ([36]), и чрезъ то имя его, которое до того времени произносилось съ благоговѣніемъ русскими, стало у многихъ предметомъ омерзѣнія. Забужане и поднѣстране, самый бойкій и отважный народъ въ южной Руси, отличались предъ всѣми приверженностью къ буйству и неповиновенію. Начались попрежнему убійства и пожары; удалыя головы составляли загоны; начальникомъ мятежныхъ озвался Нечай, храбрый брацлавскій полковникъ.

Нечай не испугался гетмана, который мучилъ своихъ подданныхъ, заставляя повиноветься тѣмъ самымъ панамъ, противъ которыхъ самъ возстановилъ ихъ. Нечай послалъ къ нему толпу отчаянныхъ депутатовъ.

— Такъ-то ты насъ покидаешь, гетманъ (говорили они отъ имени полководца), покидаешь тѣхъ,

---

([35]) «Stor. delle guer. civ.» 202—204.
([36]) «Памятн. кіевск. комм.» II, 30—20.

кого обязанъ защищать и не давать въ обиды панству! Или ты слѣпъ и не видишь, что ляхи тебя обманываютъ своими ласками, чтобъ потомъ погубить коварно? Или не понимаешь, что они хотятъ тебя обезоружить, поссоривъ съ вѣрными воинами? Поступай же, какъ хочешь; если тебѣ нравится неволя, оставайся въ ней; а мы выберемъ себѣ другаго старшо́го, который лучше тебя постоитъ за насъ.

Гетманъ не осмѣлился пренебречь голосомъ брацлавскаго полковника, любимаго народомъ Нечая, котораго имя до-сихъ-поръ осталось въ народной поэзіи идеаломъ мужества и отваги. Гетманъ убоялся (говорятъ лѣтописцы), чтобъ его не свергли съ гетманства, и прибѣгнулъ къ изворотамъ.

— Въ реестръ принимать болѣе нельзя (сказалъ онъ); кто захочетъ быть охочимъ казакомъ пусть будетъ ([37]).

Въ то же время, не показывая вида, что онъ, какимъ-либо образомъ, потворствуетъ народнымъ волненіямъ, онъ отрубилъ еще нѣкоторымъ головы и, въ томъ числѣ какому-то, неизвѣстному по имени, который объявилъ себя гетманомъ и собиралъ подъ свои знамена запорожцевъ ([38]).

([37]) «Истор. о през. бр.» — «Annal. Polon. Clim.» I, 179. — «Histor. Jan. Kazim.» I, 110. — Pamiętn. do Pan. Żygm. III, Wład. IV i Jan. Kazim.» II, 123.

([38]) «Памятн. кіевск. комм.» II, 20.

Кисель узналъ, что Хмельницкій начинаетъ двоить, и не поѣхалъ къ нему самъ, потому-что зналъ его крутой и горячій нравъ, а послалъ митрополита.

Старикъ явился къ гетману.

— Ужь я старъ и дряхлъ, сказалъ архипастырь: — недолго буду трудиться для пользы вашей милости, панъ–гетманъ! Постарайся пріобрѣсти имени своему вѣчную благодарность отъ короля и Речи-Посполитой, а отъ Бога благословеніе надъ своими дѣтьми. Усмири кровопролитіе, осуши слезы изгнанниковъ: иначе онѣ потекутъ изъ очей ихъ на твою душу. Вспомни, что они наслаждались изобиліемъ, а теперь лишены куска хлѣба; вспомни, что многіе изъ собратій нашихъ, исповѣдующихъ православную вѣру, которую исповѣдую и я съ тобою, проводятъ дни въ слезахъ и поруганіяхъ; иные уже умерли съ голода, другихъ злодѣйски замучили хлопы. Богъ взираетъ на это и месть его не дремлетъ.

— Тебѣ извѣстно, почтенный архипастырь, отвѣчалъ гетманъ: — что я употреблялъ всѣ мѣры, какія только могъ; съ моей стороны нѣтъ никакой вины. Но что̀ жь мнѣ дѣлать съ народомъ? Пока изъ маленькаго деревца выростетъ большой дубъ, много лѣтъ надобно ждать!

Хмельницкій пріѣхалъ въ Кіевъ.

«Господа поляки (сказалъ онъ Киселю, почесы-«вая голову, по выраженію польской лѣтописи) под–

«дѣли меня; по ихъ просьбамъ я согласился на та-«кой договоръ, котораго исполнить нельзя никакимъ «образомъ. Сами посудите: сорокъ тысячъ казаковъ; «что я буду дѣлать съ остальнымъ народомъ? Они «убьютъ меня, а на поляковъ все-таки поднимутся.»

Кисель не находилъ, какой совѣтъ дать ему (39).

Тодда Хмельницкій назначилъ въ Переяславлѣ генеральную раду въ первыхъ числахъ марта (*). Ни-

---

(39) «Annal. Polon. Clim.» I. — «Histor. Jan. Kaz.» I. — «Pamiętn. do pan. Żyg. III, Wład. IV i Jan. Kaz. II.»

(*) Всѣхъ полковъ было въ 1650 году шестнадцать: 1) брацлавскій, подъ начальствомъ Данила Нечая, занималъ земли между Бугомъ и Днѣстромъ на югозападъ, до границъ Молдавіи, и на югъ до незаселенныхъ степей, гдѣ кочевали орды, по рѣкамъ Лядовой и Рову, въ нынѣшнихъ уѣздахъ могилевскомъ, ямпольскомъ, значительной части винницкаго и брацлавскаго. Брацлавъ, главный городъ воеводства брацлавскаго, былъ полковымъ городомъ этого полка. Въ немъ заключалась двадцать-одна сотня, и въ числѣ ихъ Могилевъ, Ямполь, значительный тогда по торговлѣ, мѣстечки: Мурахва, Браиловъ, Тульчинъ. 2) Уманьскій, подъ начальствомъ Іосифа Глуха, на правой сторонѣ Буга, надъ которымъ былъ послѣдняя его сотня Ладыжинъ, на границѣ брацлавскаго полка, по рѣкамъ Кобличу, Буичу, Горскому-Тикачу, Синюхѣ, отдѣлявшей его съ юга отъ степей, въ нынѣшнемъ уѣздѣ уманьскомъ, въ восточной части гайсинскаго, въ восточной части липовецкаго; онъ захватывалъ также западную часть звенигородскаго уѣзда.

когда еще не производилось въ Украинѣ такой рады; «она (говоритъ современникъ) была похожа на польскій сеймъ и была настоящимъ національнымъ собра-

---

Эта земля носила названіе Уманьщины. Въ немъ было тринадцать сотенъ. Умань былъ его полковой городъ. 3) Кальницкій, по начальствомъ Ивана Хведоренка, заключалъ лѣвый берегъ Буга отъ Винницы до Райгородка, послѣдней сотни брацлавскаго полка, на сѣверъ до береговъ Десны, гдѣ послѣдняя сотня кальницкаго полка была Прилуки; берега Соби до Погребыща, которые былы его послѣднею сотнею на границѣ полка бѣлоцерковскаго, въ нынѣшнемъ уѣздѣ липовецкомъ, въ сѣверной части брацлавскаго, въ сѣверовосточной винницкаго, занималъ западную часть таращанекаго и южную половину махновскаго. Всѣхъ сотенъ въ немъ было восьмнадцать. Между ними города Винница и Линовецъ и значительныя мѣстечки Немировъ и Животовъ. 4) Чигиринскій, подъ начальствомъ Ѳедора Якубовича, занималъ земли на лѣвомъ берегу Тясмина и его системы до Днѣпра, и на лѣвой сторонѣ Днѣпра, берегъ его, до впаденія Псёла, въ нынѣшнихъ уѣздахъ чигиринскомъ, звѣнигородскомъ и въ западной части кременчугскаго. Въ немъ было восьмнадцать сотенъ; въ числѣ ихъ: Кременчугъ и Омельникъ на лѣвой сторонѣ, на правой — мѣстечки Крыловъ, Медвѣдовка, Жаботинъ, Смила. 5) Корсунскій, подъ начальствомъ Лукьяна Мозыры, въ уѣздахъ нынѣшнихъ: таращанскомъ, коневскомъ, на берегахъ Роси, Гнилого-Тикача, Ольшанки. Корсунъ, возобновленный отъ пожара, нанесеннаго ему Потоцкимъ, былъ его главнымъ городомъ. Всѣхъ сотенъ было де-

ніемъ государства вольнаго и независимаго ([40]). Для поляковъ осталось тайнымъ то́, что́ происходило и что́ постановлено на этомъ собраніи. Несомнѣнно,

---

([40]) «Histor. ab. exc. Wład. IV.»

вятнадцать, въ числѣ ихъ Млійвъ и Лисянка. 6) Черкасскій, подъ начальствомъ Якова Ворончена, оканчивался на сѣверѣ Росью и простирался на лѣвую сторону Днѣпра до рѣки Золотоноши, въ нынѣшнемъ черкасскомъ уѣздѣ и западной части золотоношскаго. Въ немъ было девятнадцать сотенъ и, кромѣ полковаго города Черкасъ, городъ Золотоноша. 7) Коневскій, подъ начальствомъ Семена Павича, на сѣверъ отъ черкасскаго, занималъ правый берегъ Днѣпра до рѣки Ираны, уѣздъ коневскій и южную часть кіевскаго. Городъ Коневъ былъ его полковымъ городомъ; въ немъ было пятнадцать сотенъ и, въ числѣ ихъ, Теретеміровъ и Стайки, близь Днѣпра. 8) Кіевскій, подъ начальствомъ Антона Адамовича, отъ Ираны до Припети, по берегамъ Ирпеня, Здвижа, на востокъ до Тетерева, гдѣ Корыстышевъ (пограниченное мѣстечко гетманщины), занималъ также Полѣсье въ нынѣшнемъ уѣздѣ кіевскомъ, въ восточной части васильковскаго, въ радомысльскомъ, овручскомъ и западной части остерскаго. Въ Кіевѣ, главномъ полковомъ городѣ, была сотня того названія. Всѣхъ сотенъ было семнадцать и, въ томъ числѣ, города Овручъ, Васильковъ и мѣстечко Бровары́ на лѣвой сторонѣ Днѣпра. 9) Бѣлоцерковскій, подъ начальствомъ Михайла Громыки, занималъ берега Роси съ ея притоками, въ уѣздахъ: сквирскомъ, въ западной части васильковскаго,

что тамъ былъ окончательно прочитанъ и утвержденъ народомъ реестровый списокъ, который должно было послать къ королю. Историки разногласятъ въ числѣ

сѣверной таращанскаго. Мѣстечко Бѣлая–Церковь было его полковымъ городомъ. Въ числѣ сотенъ его были: Хвастовъ, Паволочь, Трилисы. 10) Кропивинскій, подъ начальствомъ Филона Джеджалыка, занималъ земли на востокъ отъ чигиринскаго полка до Сулы, между Оржицею и Удаемъ, вверхъ по Удаю до Журавки, которая была его послѣднею сотнею на границѣ съ прилуцкимъ полкомъ, въ восточной части золотоношскаго уѣзда, въ западной части лубенскаго, въ восточной пирятинскаго. Полковой городъ его былъ Кропивна, мѣстечко близь Золотоноши, на рѣкѣ Кропивнѣ. Всѣхъ сотенъ въ немъ было одинадцать, въ числѣ ихъ городъ Пирятинъ. 11) Переяславскій, подъ начальствомъ Ѳедора Лободы, на лѣвой сторонѣ вдоль Днѣпра, по рѣчкамъ: Трубежу, Недрѣ, Супою и полѣвому берегу Десны до Остра, въ нынѣшнихъ уѣздахъ: переяславскомъ, остерскомъ и южной половинѣ козелецкаго. Всѣхъ сотенъ въ немъ было восьмнадцать; полковой городъ былъ Переяславль. Въ числѣ его сотенъ былъ Остеръ. 12) Прилуцкій, подъ начальствомъ Тимоѳея Носача, повыше кропивинскаго, по Удаю и мелкимъ рѣчкамъ, впадающимъ въ Удай, въ нынѣшнемъ прилуцкомъ уѣздѣ, захватывалъ небольшую часть нѣжинскаго. Полковой городъ Прилуки. Въ полку было девятнадцать сотенъ 13) Миргородскій, подъ начальствомъ Матвѣя Гладкаго, на востокъ отъ кропивенскаго, по Сулѣ, Хоролу и ихъ притокамъ, въ нынѣшнихъ уѣздахъ: миргородскомъ, восточной части лубенскаго, въ лохвицкомъ, роменскомъ, хорольскомъ. Въ

казаковъ, вошедшихъ въ реестръ; извѣстно, однако, что ихъ было не ровно сорокъ тысячъ. Коховскій говоритъ, что ихъ было менѣе 37,549 ([41]), а украинскія лѣтописцы говорятъ, что число ихъ превышало

немъ было шестнадцать сотенъ и, въ числѣ ихъ, нынѣшніе города: Миргородъ, тогда главный полковой городъ, Лубны, Лохвица, Роменъ и Хоролъ. 14) Полтавскій, подъ начальствомъ Мартына Пушкаренка, занималъ земли по рѣкамъ Псёлу, Ворсклѣ, въ нынѣшнихъ уѣздахъ: полтавскомъ, гадячскомъ, зеньковскомъ и кобыляцкомъ. Полтава былъ его полковой городъ. Въ полку считалось семнадцать сотенъ и, въ числѣ ихъ нынѣшніе города: Полтава, Гадячъ, Зеньковъ, Кобыляки, мѣстечки Рашевка и Веприкъ. 15) Нѣжинскій, подъ начальствомъ Прокопа Шумейки, по рѣкѣ Острѣ, въ нынѣшнихъ уѣздахъ, нѣжинскомъ и козелецкомъ. Всѣхъ сотенъ было въ немъ девять и, въ томъ числѣ, въ полковомъ городѣ Нѣжинѣ три сотни. Козелецъ былъ его сотнею. 16) Черниговскій, подъ начальствомъ Мартына Небабы, по рѣкѣ Деснѣ до Сейма въ уѣздахъ: черниговскомъ, борзнянскомъ, сосницкомъ, конотопскомъ. Полковой городъ Черниговъ. Всѣхъ сотенъ было шесть; въ числѣ ихъ нынѣшніе города: Сосница, Борзна, Конотопъ. Выше, въ нынѣшней черниговской губерніи, въ уѣздахъ: стародубскомъ, мглинскомъ, городненскомъ, новгородсѣверскомъ, кролевецкомъ, глуховскомъ, суражскомъ казаковъ тогда не было. Эта часть южнорусской земли обращена въ козачество уже послѣ самимъ Хмельницкимъ.

([41]) «Annal. Polon. Clim.» I, 186.

опредѣленное по договору, одни изъ нихъ считаютъ до 47,350 казаковъ, другіе до 50,009 ([42]). Извѣстія украинцевъ заслуживаютъ въ этомъ случаѣ болѣе довѣрія, потому-что Хмельницкій въ письмѣ своемъ къ королю извиняется, что хотя, по зборовскому договору, слѣдовало бы уменьшить число реестровыхъ казаковъ, но онъ этого не могъ сдѣлать, потому-что уже и безъ того претерпѣвалъ большія затрудненія при реестрованіи ([43]). Каждый реестровый казакъ вступалъ въ казацкое званіе со всѣмъ семействомъ и имѣлъ по одному конному и пѣшему подпомощнику кромѣ работниковъ ([44]); сверхъ-того, Хмельницкій составилъ еще двадцать тысячъ казаковъ для резерва: этотъ корпусъ находился подъ особой командой сына его, Тимоѳея ([45]). Такимъ-образомъ, число вступившихъ въ непосредственное вѣдомство казацкаго начальства было довольно-значительно и доходило до трехсотъ тысячъ ([46]). Но тѣмъ неменѣе оставалось болѣе такихъ, которые не вошли въ реестръ, должны были разстаться съ блестящими надеждами быть вольнымъ сословіемъ и поступали сно-

---

([42]) «Кратк. опис. о мал. Рос.»
([43]) «Памятн. кіевск. комм.» II, 3: 14.
([44]) «Кратк. опис. о каз. мал. нар.» 14.
([45]) «Кратк. истин. опис. о мал. Рос.» 43.
([46]) «Повѣсть о томъ, что случ. въ Украинѣ.»

ва въ подданство панамъ. Надобно предполагать, что эта переяславская рада была шумная и бурная, по тому-что Хмельницкій жалуется на затрудненія, которыя онъ претерпѣвалъ при утвержденіи своего реестра ([47]). Кисель присутствовалъ на этомъ собраніи русскаго народа, какъ воевода важнѣйшей русской земли, и подавалъ чрезъ это католикамъ новый поводъ сомнѣваться въ его искренности ([48]). Но, въ-самомъ-дѣлѣ, Кисель, по своей старой привычкѣ держаться средины, въ одно и то же время дружески совѣтовался съ Хмельницкимъ и писалъ королю, что гораздо-лучше взяться за оружіе снова, чѣмъ имѣть хлоповъ и не владѣть ими, и просилъ только, чтобъ, когда начнется война, то дали бы ему тайно знать заранѣе, дабы онъ могъ безопасно убраться изъ Украины и вывести оттуда дворянство подъ благовиднымъ предлогомъ отъѣзда на сеймъ ([49]).

Хмельницкій, по утвержденіи на радѣ своего реестра, отправилъ его къ королю. Въ письмѣ своемъ къ Іоанну-Казимиру казацкій гетманъ изъявлялъ, отъ имени своего казачества, благодарность за утвержденіе зборовскаго договора, и замѣтилъ, что, какъ на сеймѣ не приняли митрополита, и поэтому не дали

([47]) «Памятн. кіевск. комм.» II, 3, 14.
([48]) «Histor. ab exc. Wład. IV.» 57.
([49]) «Памятн. кіевск. комм.» II, 3, 24 и 30.

возможности прекратить религіозныя недоумѣнія, то казачество просить, чтобъ, по договору зборовскому, унія была непремѣнно уничтожена, и всѣ церкви, и церковныя имѣнія, которыми владѣютъ уніаты по прежнимъ королевскимъ привиллегіямъ, были, по смерти ихъ, немедленно возвращены духовенству греческому, дабы не было отнюдь разъединенія въ русской вѣрѣ (50).

Гетманъ поручалъ своимъ депутатамъ просить короля, чтобъ онъ далъ приказаніе панамъ, приходящимъ въ украинскія помѣстья, являться безъ вооруженныхъ свитъ и обращаться кротко съ крестьянами (51). Король принялъ пословъ какъ-нельзя-лучше и написалъ къ воеводѣ, чтобъ онъ внушилъ шляхтичамъ и панамъ не раздражать простаго народа, обращаться съ подданными ласково, не подавать никакого повода къ безпорядкамъ (52).

Панство вообще было очень-недовольно этими требованіями Хмельницкаго.

«Видимое ли дѣло! (кричали они), Хмельницкій «смѣетъ требовать уничтоженія уніи, и отъ кого же? «отъ короля-католика! И король принимаетъ такія «посольства!»

---

(50) «Памятн. кіевск. комм.» II, 3.
(51) «Histor. Jan. Kaz.» I.
(52) «Памятн. кіевск. комм.» II, 3, 38.

Хмельницкій зналъ объ этихъ толкахъ. Въ маѣ, онъ прибылъ въ Кіевъ съ полковниками, сотниками и двумя тысячами казаковъ; казаки окружили за́мокъ, гдѣ былъ тогда Кисель, и гетманъ имѣлъ съ нимъ свиданіе. Бѣдные шляхтичи думали, что ихъ ограбятъ и перебьютъ вмѣстѣ съ воеводою. Но хотя гетманъ и воевода поговорили другъ съ другомъ крупно за свое первенство, однако разстались друзьями, и вслѣдъ затѣмъ въ Кіевѣ казнено нѣсколькихъ бунтовщиковъ ([53]). Но это не успокоило народа. Болѣе вела къ спокойствію уступчивость самого дворянства.

Нѣкоторые паны, видя, что «плетью обуха не перебьешь», какъ гласитъ пословица, стали приходить въ свои деревни одни и соглашались жить и управлять на такихъ условіяхъ, какія имъ предложатъ. Мужики, услыша это, покидали оружіе и возвращались. Они сходились на сходки и разсуждали, ка́къ имъ принимать пановъ.

Въ Немировѣ была подобная сходка изъ сосѣднихъ селъ; мужики выбрали себѣ атаманомъ какого-то Куйку и совѣтовались, ка́къ жить съ панами и служить имъ. «А що, говорилъ Куйка, дамо́ ему «плугъ воливъ, та чотыри марки солоду; буде зъ «ёго; а бы не вмеръ зъ голоду».

([53]) «Latopis. Jerlicza» 112.

Въ другихъ мѣстахъ хлопы уговаривались отдавать панамъ поклоны по большимъ праздникамъ, то-есть приносить имъ отъ своего желанія что-нибудь, и отказывалась отъ всякой панщины. Дворяне принуждены были принимать такія условія, надѣясь поправиться современемъ. «Но какого исправленія можно было ожидать отъ такихъ своевольныхъ и необузданныхъ подданныхъ? (говоритъ современный панъ) Наше перемиріе съ ними пахло рабствомъ для насъ самихъ» ([54]). Самые богатые прежде паны не получали ни гроша изъ огромныхъ маетностей, которыя только по имени слыли собственностью ихъ. «Тѣ же, которые были попроще и побѣднѣе (говоритъ лѣтописецъ) ([55]), принялись сами пахать и косить, и жены ихъ, прежде боявшіяся выйти на солнце, чтобъ не загорѣть, вязали снопы въ іюльскій полдень». «Не было деревни, не было дома, гдѣ бы бѣдный шляхтичъ могъ и зѣвнуть свободно (говоритъ современникъ); чуть мало кто-нибудь погорячился, тотчасъ бунтъ, а сорокъ тысячъ реестровыхъ, словно горохъ изъ мѣшка, разсыпавшись по цѣлой Украинѣ, производили страшный для насъ шорохъ» ([56]).

Хмельницкій не переставалъ наказывать строптивыхъ

([54]) «Памятн. кіевск. комм.» II, 3, 29 и 24.
([55]) «Истор. о през. бр.»
([56]) «Woyn. dom.» Ч. 2, 4.

ныхъ. Эта потачка окураживала владѣльцевъ; они заключали между собою договоры усмирять непокорныхъ оружіемъ ([57]); богатые паны убѣгали въ Польшу и возвращались въ Украину съ командами, врывались въ мятежныя села и наказывали зачинщиковъ, отрѣзывали уши, пороли носы, выкалывали глаза ([58]). Начали появляться въ Украинѣ снова уніатскіе попы, ксендзы и даже іезуиты ([59]).

Хлопы, не хотя рѣшительно служить владѣльцамъ, убѣгали за Днѣпръ въ степи и селились въ московскихъ земляхъ; другіе составляли загоны, подъ названіемъ левенцевъ, то-есть молодцовъ, и бились съ польскими партіями. Во всѣхъ трехъ воеводствахъ Украины происходили всѣ ужасы безначалія и безпорядка, и недоставало ни чьихъ силъ прекратить такое состояніе. Въ-особенности же Подоль представляла жалкое зрѣлище. Гетманъ Потоцкій, освободившись изъ крымской неволи, собиралъ вновь войско и ставилъ около Каменца. Тогда жолнерскія партіи врывались за черту, подъ видомъ усмиренія хлоповъ; хлопы нападали на военныя квартиры. Эта партизанская война сопровождалась самыми отвратитель-

---

([57]) «Памятн. кіевск. комм.» II, 53.
([58]) «Истор. о през. бр.»
([59]) «Повѣсть о томъ, что случ. въ Украинѣ.»

ными варварствами съ обѣихъ сторонъ ([60]). Хмельницкій ясно видѣлъ невозможность удержаться въ мирѣ съ поляками на основаніи зборовскаго договора, заключеннаго съ ними на́-скоро.

Изъ тогдашняго внутренняго положенія Украины истекала причина новой неизбѣжной войны. Хмельницкій заранѣе хотѣлъ обезопасить себя отъ сосѣдей и преклонить ихъ на свою сторону.

([60]) «Annal. Polon. Clim.» I.

ГЛАВА II.

Сношенія гетмана съ Московіею. — Московское посольство въ Польшѣ. — Сношенія съ Турціею. — Чаушъ въ Чигиринѣ. — Молдавскія дѣла. — Сватовство Хмельницкаго. — Союзъ съ татарами. — Истязанія поляковъ надъ мятежниками. — Походъ въ Молдавію. — Вынужденное согласіе на бракъ. — Посольство Кравченка къ Потоцкому. — Письмо короля къ Хмельницкому. — Универсалъ короля. — Сеймъ. — Посольство Хмельницкаго въ Варшаву. — Требованія Киселя — Раздраженіе поляковъ. — Объявленіе войны. — Посольство поляковъ къ Хмельницкому. — Сношенія Хмельницкаго съ Турціею, Крымомъ и Ракочіемъ.

Мы видѣли, что Московія и Турція обратили съ самаго начала возстанія Хмельницкаго вниманіе на Украину. Хмельницкій обращался разомъ къ царю и султану.

Гетманъ составилъ планъ затянуть Московію въ войну съ Польшею. Весною, 1650 года, зная, что въ Польшѣ изъискиваютъ средства уничтожить зборовскій договоръ, онъ отправилъ тайное посольство къ царю Алексѣю Михайловичу. Хмельницкій послалъ царю нѣсколько сочиненій, печатанныхъ въ Польшѣ, и въ–особенности одно извѣстнаго поэта польскаго, Твардовскаго, гдѣ поэтъ позволилъ себѣ сатиритическія выходки противъ отца Алексѣя Ми-

хайловича, царя Михаила Θеодоровича (1). Это представлялось доказательствомъ, что поляки оскорбляютъ царскую особу. Хмельницкій извѣщалъ, что латинскіе проповѣдники поносятъ православіе, а король замышляетъ съ татарами напасть на Московію. Извѣщенія его были кстати: между московскимъ и варшавскимъ дворами уже начались неудовольствія. Царь жаловался, что поляки пишутъ неполно его титулъ; такое обвиненіе относилось, между прочимъ, и къ Іереміи Вишневецкому (2). Хмельницкій раздувалъ начавшееся несогласіе.

Въ іюнѣ, царь послалъ въ Варшаву посломъ боярина, Григорія Пушкина, съ товарищами, Польскіе лѣтописцы разсказываютъ, что когда король выслалъ на встрѣчу царскимъ посламъ пановъ, то цѣлый день прошелъ въ толкахъ о церемоніяхъ; бояре долго не хотѣли садиться въ карету, домогаясь узнать, дѣйствительно ли это королевская карета (3).

На третій день по пріѣздѣ въ Варшаву, въ частной бесѣдѣ съ нѣкоторыми послами во дворцѣ, бояре вспоминали о прежнихъ войнахъ московитянъ съ поляками, вздыхали о своихъ неудачахъ, приписы-

---

(1) «Histor. Jan. Kazim.» I.

(2) «Histor. ab. exc. Wład. IV» 12.

(3) «Annal. Polon. Clim.» I, 181. — «Histor. Jan. Kaz.» I, 112.

вая ихъ наказанію Божію за грѣхи, но прибавляли, что и русскихъ Господь изберетъ орудіемъ мщенія за преступленія поляковъ. «Если (говорили они) по-«ляки не отдадутъ намъ Смоленска и княжествъ сѣ-«верскаго и черниговскаго, отторженныхъ отъ Россіи «при Владиславѣ, то едва-ли можно надѣяться по-«коя» ([4]).

Распространился въ городѣ слухъ, что послы пріѣхали съ объявленіемъ разрыва ([5]). Хотя сказанное послами было ихъ частное мнѣніе, однако польское правительство такъ испугалось грозящей войны, что немедленно послало въ Москву посломъ Бартлинскаго для успокоенія царя и узнанія, что́ за причина такой перемѣны ([6]). Между-тѣмъ, король поручилъ Радзивиллу и нѣсколькимъ другимъ сенаторамъ вступить въ переговоры съ послами.

Послы не упоминали оффиціальнымъ образомъ о Черниговѣ и Смоленскѣ, но, тѣмъ неменѣе, Пушкинъ съ перваго раза началъ говорить *и досадно и доткливо* ([7]).

— Великій государь изволитъ гнѣваться на васъ, поляковъ, за нарушеніе крестнаго цалованія. При

([4]) «Histor. ab. exc. Wład. IV» 58.
([5]) «Annal. Polon. Clim.» I, 182.
([6]) «Histor. ab. exc. Wład. IV» 58.
([7]) «Полн. собр. зак.» I, 240.

вѣчныхъ и доконченныхъ грамматахъ мирныхъ постановлено было, чтобъ титулъ царскаго величества писался съ большимъ страхомъ и безъ малѣйшаго пропуска, а вы этого не соблюдаете. Его царское величество требуетъ, чтобъ всѣ, которые написаны въ этой росписи, которую мы предлагаемъ вамъ, были подвергнуты за большія вины казни, а за малыя — наказанію.

Паны, послѣ многихъ отговорокъ, отвѣчали, что виновные будутъ наказаны на первомъ сеймѣ, по конституціи 1637 года, при тѣхъ послахъ, которыхъ царь пришлетъ съ прописными грамматами.

Разумѣется, такое обѣщаніе не было искреннимъ; власть короля и сената не столь была сильна, чтобъ имѣть возможность наказать Іеремію Вишневецкаго, которому шляхтичи оказывали уваженіе болѣе, чѣмъ самому королю. Поляки хотѣли отдѣлаться какъ-нибудь отъ войны, пока Речь-Посполитая соберется съ силами; но они не предвидѣли, что, давая обѣщанія, которыхъ не могли исполнить, сами подавали впередъ на себя поводъ къ нападенію.

Послѣ этого притязанія, Пушкинъ объявилъ другое. Дѣло шло объ оскорбительныхъ сочиненіяхъ.

— Его царское величество, говорилъ онъ: — требуетъ, чтобъ всѣ *безчестныя* книги были собраны и сожжены въ присутствіи пословъ, чтобъ нетолько слагатели ихъ, но и содержатели типографій,

гдѣ онѣ были печатаны, наборщики и печатальщики, а также и владѣльцы маетностей, гдѣ находились типографіи, были казнены смертью.

Замѣчательно, что въ числѣ этихъ виновныхъ противъ царской чести оказывался и Іеремія Вишневецкіи.

— Изъ вашихъ требованій, отвѣчали огорченные сенаторы: — видимъ, что его царское величество ищетъ предлога къ войнѣ. Нѣсколько строкъ, въ которыхъ погрѣшили литераторы, еще не даютъ повода къ разрыву мира. Въ такомъ случаѣ и мы можемъ жаловаться на московскихъ лѣтописцевъ, которые въ своихъ писаніяхъ умаляютъ честь польскаго народа. Стоитъ ли какое-нибудь оскорбительное слово, написанное по легкомысленности, или ошибка въ титулѣ, происшедшая, быть-можетъ, отъ случайнаго недостатка чернилъ, стоитъ ли все это того, чтобъ, проливать человѣческую кровь?

— Ка́къ? возражалъ разгоряченный бояринъ: — возможно ли, чтобъ царь терпѣлъ уменьшеніе своей чести, когда Господь Богъ возвеличилъ его предъ всѣми владыками и монархами земными? Такія укоризны не только помазаннику Божію, но даже и простому человѣку терпѣть не пристало, а у васъ за то́, по конституціи 1637 года, положена казнь, латинскимъ языкомъ называемая пенамъ пердуелліонисъ, почему государь-царь и требуетъ, чтобъ оскорби-

тели его были наказаны. Это оскорбленіе дѣлаетъ намъ «большую кручину», поэтому мы не хотимъ вступать съ вами въ дальнѣйшіе переговоры, пока король не удовлетворитъ насъ.

Паны оставили конференцію и отправились съ вопросомъ къ королю. «Болѣло (говоритъ лѣтописецъ польскій) сердце короля, но дѣлать было нѐчего. Речь-Посполитая не залечила еще корсунскихъ и зборовскихъ ранъ; Русь готова была отъ нея оторваться совершенно; финансы были истощены; войско въ безпорядкѣ: жолнеры не хотѣли служить, потому-что имъ платили, какъ выражались они, клочками бумагъ, вмѣсто наличной монеты и росписками на полученіе жалованья. Трудно было ввязаться въ войну съ Россіею. Король попробовалъ еще одно средство смягчить требованія пословъ.»

Съ кроткимъ видомъ Радзивиллъ явился къ русскимъ.

— Его величество, король, говорилъ онъ: — почитаетъ честь и достоинство царя столько же, сколько и свое собственное. Всякое оскорбленіе, нанесенное его царскому величеству, любезному его брату, онъ принимаетъ также и на себя. Разбирательство «безчестныхъ» книгъ и преслѣдованіе ихъ сочинителей не только не произведетъ уменьшенія, но прибавитъ оскорбленія его царскому величеству. Поэтому король, щадя и соболѣзнуя о чести любез-

наго брата своего, его царскаго величества, проситъ васъ, бояръ, пословъ царскихъ, оставить это дѣло.

— Ни за что́! съ жаромъ отвѣчали бояре: — если намъ не дадутъ удовлетворенія, то мы уѣдемъ, не окончивъ переговоровъ.

Паны снова отправились къ королю. Между–тѣмъ, возвратился изъ Москвы гонецъ Речи–Посполитой и принесъ извѣстіе, что царь вовсе не требуетъ возвращенія завоеванныхъ Польшею провинцій; напротивъ, желаетъ вѣчнаго мира между московитянами и поляками, въ надеждѣ обратить соединенныя силы обоихъ христіанскихъ народовъ на оттоманскую имперію; но требуетъ непремѣнно, чтобъ виновные въ оскорбленіи его царскаго величества посредствомъ книгъ были преданы казни, а также наказаны примѣрно и тѣ, которые писали царскій титулъ съ пропусками, и что только на этихъ условіяхъ можно надѣяться прочнаго мира.

Тогда Радзивиллъ далъ посламъ такой отвѣтъ:

— Его величество, король, обѣщаетъ выдать универсалъ, чтобъ впередъ никто не смѣлъ печатать оскорбительныхъ книгъ на его царское величество подъ опасеніемъ лишенія маетностей.

— Этого мало, говорили послы: — надобно воспретить подъ опасеніемъ смертной казни.

Паны обѣщали и это, отговариваясь будущимъ сеймомъ, равнымъ образомъ обѣщали наказать прежде-

виновныхъ. Нѣсколько книгъ и, въ томъ числѣ, сочиненія Твардовскаго были сожжены въ присутствіи пословъ.

Послѣ этого было еще нѣсколько притязаній со стороны пословъ; паны успокоивали ихъ соглашеніемъ на все. Наконецъ, послѣ великолѣпнаго пира, они уѣхали, повторивъ, что только наказаніе «слогателей безчестныхъ книгъ» и писавшихъ царскій титулъ съ пропусками можетъ отклонить войну Московіи съ Польшею ([8]).

Поляки видѣли, что начавшееся недоумѣніе съ московскимъ дворомъ доведетъ ихъ до неминуемой войны, а потому заранѣе начали искать себѣ союзниковъ. Они начали сходиться съ крымскимъ ханомъ. Во время пребыванія московскихъ пословъ въ Варшавѣ, пріѣхалъ отъ Исламъ-Гирея въ Польшу посолъ, Мустафа-Ага.

Онъ предлагалъ отъ своего государя соединенными силами напасть на Московію.

— Татары (говорилъ онъ) не могутъ сидѣть спо-

([8]) «Полн. собр. зак.» I, 237—242. — «Histor. ab. exc. Wład. IV», 62. — «Annal. Polon. Clim.» I, 181—185. — «Histor. Jan. Kaz.» I, 111—117. — «Pamiętn. do panow. Żygm. IV, Wład. IV i Jan. Kaz.» II, 124—127. — «Woyna domowa.» ч. 2, 7. — «Истор. о през. бр.»

койно дома: имъ надобно войны; нападемъ же вмѣстѣ на этихъ бородатыхъ козъ (такъ называлъ онъ московскихъ руссовъ); сто тысячъ крымцевъ будутъ готовы, хоть сейчасъ, къ услугамъ Речи-Посполитой (9).

— Москали, отвѣчали поляки: — наши общіе враги: не владѣютъ ли они достояніемъ татаръ? Не были ли они сами данниками татарскихъ хановъ? Если твое ханское величество соединишься съ королемъ на завоеваніе московскаго государства, то получишь снова въ удѣлъ себѣ астраханское царство (10).

Такимъ-образомъ предложено было дѣйствовать, въ случаѣ нужды, соединенными силами противъ московскаго государства.

Втайнѣ совѣщались, если война окончится счастливо, обратить взаимныя силы на казаковъ, которыхъ поляки изображали давними недругами татаръ (11). Ханъ побаивался казаковъ, которые взяли верхъ, по выраженію лѣтописца (12).

Хмельницкій узналъ объ этомъ: не даромъ дѣйствовалъ въ его пользу при дворѣ Верещака.

---

(9) «Annal. Polon. Clim.» I, 184. — «Histor. ab. exc. Wład. IV», 62.

(10) «Истор. о през. бр.»

(11) «Истор. о през. бр.»

(12) «Лѣтоп. самова.»

Но вотъ татары прислали и къ нему пословъ съ предложеніемъ соединиться съ поляками и съ ними идти на Москву ([13]). Кисель располагалъ гетмана къ этой войнѣ, въ случаѣ, если поляки вынуждены будутъ вести ее, и представлялъ, что это будетъ случай загладить прежнія огорченія, нанесенныя Польшѣ ([14]). Хмельницкій съ притворною радостью слушалъ эти предложенія, далъ приказаніе казакамъ сбираться, приводить въ порядокъ артиллерію, снаряжалъ войсковую амуницію, но, въ—самомъ—дѣлѣ, въ то же время, отправилъ гонца въ Москву съ предостереженіемъ, и послалъ царю реестръ своего войска, желая удостовѣрить въ своей силѣ.

«Пусть его царское величество не думаетъ ничего «дурнаго о насъ; мы не замышляемъ и замышлять «не будемъ никакого зла», говорилъ посолъ.

Хмельницкій тогда же просилъ покровительства (протекціи) царскаго надъ Украиною.

Поляки, узнавъ, что тайны ихъ открыты, думали поразить Хмельницкаго тѣмъ же оружіемъ, и король отправилъ въ Москву Альберта Прижиловскаго.

«По дружбѣ своей къ любезному брату (говорилъ «посолъ въ Москвѣ) король предупреждаетъ его, что «Хмельницкій, по наущенію турковъ, соединяется

([13]) «Annal. Polon.» I, 196.

([14]) «Истор. о през. бр.»

«съ татарами и думаетъ ворваться въ московское «государство. Онъ, вмѣстѣ съ крымскими послами, «присылалъ къ намъ просить вспомогательныхъ силъ «противъ Москвы; но его величество, король, не хо-«четъ нарушать мира съ своимъ братомъ и предупре-«ждаетъ его, чтобъ онъ, въ случаѣ, если казаки «нападутъ на Москву съ татарами, не подозрѣвалъ «въ участіи короля и Речь-Посполитую».

Бояре отвѣчали, что казаки — подданные короля, и ему слѣдуетъ унимать ихъ и не допускать до своевольства.

Таковы были въ этотъ годъ сношенія гетмана съ Московіею. Московское правительство дѣйствовало въ его пользу нерѣшительно, а между-тѣмъ, Хмельницкій видѣлъ со стороны поляковъ явное желаніе разорвать зборовскій договоръ; татары принуждали его воевать Московію и скрывали подъ этимъ предлогомъ другой планъ: напасть на Украину; имъ все-равно было гдѣ бы ни воевать, лишь бы грабить и наѣздничать; они могли служить Польшѣ удобнымъ орудіемъ къ порабощенію Украины, какъ недавно служили Украинѣ къ ея освобожденію. Они заранѣе показывали это, потому-что, скучая миромъ, нападали загонами на украинскія села. Въ такихъ обстоятельствахъ Хмельницкій рѣшился продолжать свои сношенія съ Турціею.

Гетманъ послалъ въ Константинополь какого-то

полковника съ предложеніемъ союза и съ просьбою воспретить татарамъ набѣги на Украину. Посланникъ ласкалъ турецкое правительство надеждою, что Украина будетъ находиться подъ покровительствомъ Турціи.

Обрадованный этимъ визирь послалъ въ Чигиринъ чауша, который привезъ Хмельницкому въ подарокъ турецкую саблю, съ рукояткою слоновой кости, знамя, съ изображеніемъ луны, гетманскую булаву, осыпанную каменьями, и граммату, въ которой Хмельницкій титуловался княземъ Украины. Чаушъ предлагалъ ему помощь противъ поляковъ и потомственное княжество въ Украинѣ, если только онъ вполнѣ признаетъ себя подъ покровительствомъ султана. Хмельницкій, съ своей стороны, уступалъ въ такомъ случаѣ въ полное владѣніе Турціи всю землю по Днѣстру и, въ томъ числѣ, Каменецъ ([15]). Предполагаемое покровительство, впрочемъ, не было данничествомъ Украины: казаки обязывались, въ-отношеніи Турціи, только помогать войною и преимущественно не допускать донскихъ и другихъ казаковъ пиратствовать на Черномъ морѣ. Визирь писалъ, что гетманъ съ казаками будетъ въ особенной чести предъ прочими подвластными Турціи на-

---

([15]) «Annal. Polon. Clim.» I, 188. — «Woyna domowa.» ч. 2, 5.

зарейской вѣры вельможами, и что татары не посмѣютъ болѣе дѣлать насилія Украинѣ ([16]).

Когда происходилъ пріемъ султанскаго посла въ Чигиринѣ, узналъ объ этомъ Кисель. Говорятъ, старикъ такъ испугался, что чуть-было не умеръ ([17]). Онъ не поѣхалъ къ Хмельницкому самъ, а послалъ брата своего, Юрія.

Встрѣчая пана, казацкій гетманъ былъ пьянъ и взбѣшонъ: ему только-что донесли, что Потоцкій сталъ съ войскомъ на границѣ Украины, и жолнеры врываются за черту въ казацкую землю подъ видомъ укрощенія непокорныхъ хлоповъ. Хмельницкій встрѣтилъ Киселя этими словами:

— Здравствуй! Я принялъ уже турецкую протекцію!

— Ваша вельможность, вскричалъ поблѣднѣвшій Кисель: — если для тебя ничего не значитъ погибель Речи-Посполитой и самого короля твоего, то ради православной вѣры, которую мы исповѣдуемъ, ради свободы... не-уже-ли думаешь, что турокъ будетъ хранить драгоцѣнный завѣтъ вѣры и свободы? Если ты хочешь вступить съ турками въ какое-нибудь сношеніе, то найди предлогъ удержать

([16]) »Малорос. переп., хранящ. въ оруж. пал.» 3.
([17]) «Histor. Jan. Kaz.» I, 118.

до времени посла, и спроси совѣта у короля, открывъ ему искренно предложенія турецкаго двора.

— А что̀ мнѣ дѣлать, сказалъ Хмельницкій: — когда ляхи ищутъ моей гибели! Ваши несправедливости, ваши тайныя козни вынуждаютъ меня искать защиты у турковъ.

Кисель хотѣлъ доказывать, но бѣшеный гетманъ прервалъ его и закричалъ:

— Не ті́льки Украйну, По̀льшу всю и Ри́мъ и па̀пе́жа завою́ю, та ту̀ркамъ отда̀мъ!

Кромѣ Киселя, здѣсь стояли депутаты отъ разныхъ украинскихъ владѣльцевъ: они приносили подарки Хмельницкому и просили у него укрощенія непокорныхъ хлоповъ. Хмельницкій замѣтилъ, что проговорился и пришелъ въ большую досаду, которую готовъ былъ излить на все окружающее.

— Это измѣнники, это шпіоны! кричалъ онъ: — они пришли подглядывать за мною.

Онъ обратился къ Выговскому и, указалъ на Киселя, сказалъ:

— Повѣсить его!

Потомъ обратился къ депутатамъ и прибавилъ:

— Утопить ихъ!

Гостей увели. Гетманъ пилъ еще съ досады, бѣсился, наконецъ упалъ и заснулъ. Проснувшись, онъ вспомнилъ о своей горячности и первый вопросъ его былъ:

— А що, живый Кисель? Позовите его!

Жена Хмельницкаго и Выговскій, зная, что вспыльчивый гетманъ часто, въ минуты гнѣва, давалъ приказанія, о которыхъ жалѣлъ послѣ, не исполнили его приказанія. Кисель вошелъ къ гетману; Хмельницкій просилъ у него прощенія. «Я вчера съ досады напился (сознавался онъ) и совсѣмъ обезумѣлъ!»

Кисель охотно простилъ ему вспышку и продолжалъ уговаривать не знаться съ невѣрными. Гетманъ разсыпался въ увѣреніяхъ, но тѣмъ неменѣе, въ глазахъ Киселя, отправилъ чауша съ особенными знаками признательности и расположенія къ султану (18).

Сблизившись съ турецкимъ дворомъ, Хмельницкій былъ тогда въ-состояніи дѣйствовать на подручника оттоманской порты, хана крымскаго, и разорвать союзъ крымцевъ съ Польшею. Онъ началъ съ того, что, вмѣсто Москвы, направилъ татаръ на Молдавію.

Молдавскій господарь, обязанный, въ 1648 году, спасеніемъ Хмельницкому, далъ обѣщаніе выдать за Тимоѳея Хмельницкаго дочь свою, Домну-Розанду,

---

(18) «Annal. Polon. Clim.» I, 188—189. — «Pamiętn. do panow. Żygm. III, Wład. IV i Jana Kaz.» II, 130. — «Histor Jana Kaz.» I, 118—119. — «Belli scyth. cosac.» 104—105. — «Кратк. опис. о коз. мал. нар.» 41. — «Лѣтоп. повѣств. о мал. Росс.» 147.

но это обѣщаніе было неискренно; сначала господарь отказывался подъ благовиднымъ предлогомъ, что не смѣетъ на это отважиться безъ позволенія Турціи; а когда Хмельницкій истребовалъ не только позволеніе, но и приказаніе турецкаго двора на этотъ бракъ, тогда Липула сблизился съ поляками и началъ тайно дѣйствовать ко вреду Хмельницкаго. Сама невѣста, если вѣрить украинскому источнику, любила Тимоѳея; а если вѣрить польскимъ лѣтописямъ, то предпочитала казака, Дмитрія Вишневецкаго, молодаго и ловкаго кавалера, который, слыша о ея красотѣ, явился въ Яссы, подъ чужимъ именемъ, и познакомился съ княжною очень-романически. Неизвѣстно дѣйствительно, понравился ли Домнѣ-Розандѣ князь Вишневецкій, но Липула находилъ выгоднымъ отдать ее за него. Уже старшая дочь его была за Радзивилломъ; отдавъ другую за Вишневецкаго, онъ вступалъ въ родство съ двумя знатнѣйшими фамиліями Речи-Посполитой и могъ надѣяться имѣть всегда сильную опору въ Польшѣ, которая, несмотря на временной упадокъ, все еще могла снова сдѣлаться могущественною державою. Хмельницкій, разгнѣванный нарушеніемъ обѣщанія, написалъ ему: «если ты не отдашь своей дочери за моего сына, то я пошлю къ тебѣ сто тысячъ сватовъ!» Хмельницкій жаловался турецкому двору на непослушаніе Лупулы; увѣрялъ, что господарь на-

дѣется на Радзивилла, хочетъ отложиться отъ Турціи и воевать противъ нея. Съ своей стороны, и турки сообщали Хмельницкому явныя доказательства зложелательства къ нему господаря. Невѣрнымъ хотѣлось, по мнѣнію современниковъ, стравливать между собою христіанскихъ сосѣдей, чтобъ потомъ порабощать ихъ ([19]). Липула обратился къ Потоцкому, который около Каменца укрощалъ гайдамаковъ.

Услыша это, и видя со стороны господаря рѣшительное нежеланіе отдать дочери, Хмельницкій обратился къ брату крымскаго хана, султану Нуреддину, и приглашалъ его помогать казакамъ воевать Молдавію.

Султанъ прислалъ къ нему своего посла потолковать о предложеніи.

Хмельницкій старался поселить недовѣрчивость къ полякамъ, и одно обстоятельство доставило ему удобный для этого случай. Посланникъ брата ханова, султана Нуреддина, прибылъ въ Чигиринъ продолжать убѣжденія къ войнѣ съ Московіею.

Когда гетманъ, сидя въ Чигиринѣ, разсуждалъ съ посломъ, вдругъ даютъ ему знать, что толпа подольскихъ мужиковъ хочетъ представиться своему повелителю. Онъ вышелъ на площадь вмѣстѣ съ татариномъ.

([19]) «Истор. о през. бр.» — «Histor. Jana Kaz.» I, 126. — «Лѣтоп. самов.» 16.

Толпились казаки; среди ихъ находились существа, въ которыхъ трудно было узнать человѣческій образъ: у однихъ не было рукъ, другіе ползали безъ рукъ и ногъ; третьи выказывали отвратительныя лица безъ ушей и носовъ, съ ямками вмѣсто глазъ. Казаки гремѣли саблями и кричали: «кара клятво-«преступникамъ!»

Эти несчастные были жертвы Потоцкаго и его жолнеровъ. Когда коронный гетманъ расположился на Днѣстрѣ съ войскомъ, левенцы начали набѣгать на жолнеровъ, уводить лошадей, похищать запасы. Они образовали изъ себя совершенную разбойничью шайку: грабили въ Молдавіи и переносили продавать въ Польшу, грабили въ Польшѣ и продавали въ Молдавіи. Потоцкій выслалъ противъ нихъ сильный отрядъ, подъ начальствомъ Кондрацкаго. Кондрацкій разбилъ левенцовъ въ лѣсу Недоборѣ и привелъ связаннаго главнаго предводителя, Мудренка, съ двадцатью другими предводителями. Потоцкій однихъ изъ нихъ посадилъ на колъ, другихъ перекалѣчилъ и распустилъ по Украинѣ, чтобъ видъ ихъ наводилъ страхъ на всякаго, кто захочетъ показать свою удаль и не станетъ повиноваться панамъ. Этихъ-то изуродованныхъ привели къ гетману.

«Боже праведный! восклицалъ Хмельницкій увидя «ихъ: — вотъ, что́ значитъ слово поляковъ. Во «время мира они такъ поступаютъ съ нами, и дѣ-

«лаютъ, подъ видомъ согласія, такія безчеловѣчія. Не «явное ли дѣло, что, не успѣвъ одолѣть насъ силою, «они вздумали обезоружить насъ посредствомъ зборовскихъ статей, чтобъ потомъ удобнѣе и легче «истребить»?

«Убѣдитесь же, сказалъ онъ татарамъ: — каковы ляхи, ваши союзники! Что жь будетъ далѣе, «когда они отправятъ насъ въ Московію? Тогда они «нападутъ на беззащитные домы наши, предадутъ «ихъ огню, истребятъ города и села, умертвятъ женъ «и дѣтей нашихъ. Скажите же султану Нуреддину, «что воевода кіевскій, подъ предлогомъ войны съ «москалями, предлагалъ мнѣ напасть на крымцевъ и «турокъ. Потоцкій ужь сталъ на турецкой границѣ— «не ясно ли? Вотъ, то же самое, что́ дѣлаютъ теперь «съ нами, начнутъ они дѣлать и съ вами, когда орда «и казаки отправятся противъ москалей. Но мы съ «татарами друзья и не скрываемъ отъ нихъ опасности (20)».

Послѣ этого Нуреддинъ сблизился съ Хмельницкимъ и отправился съ нимъ къ Молдавіи. Шестнадцать тысячъ казаковъ, подъ начальствомъ Тимоѳея Хмельницкаго, прилуцкаго полковника, Носача, полтавскаго полковника, Пушкаря, и арматнаго писаря,

(20) «Истор. о през. бр.» — «Annal. Polon. Clim.» I, 194—198.

Дорошенка, и двадцать тысячъ крымцевъ двинулись къ городу Сорокѣ и сожгли его ([21]). Потомъ свадебные поѣзжане, какъ называли они себя, разсѣялись отрядами по Молдавіи и обращали ее *въ нивецъ*, по выраженію современника, до самыхъ горъ ([22]). Дикія толпы татаръ забирали скотъ, хлѣбъ, врывались въ дворы бояръ, уводили въ плѣнъ людей, не щадили и церквей. Пылали города и села, удерживались только крѣпкіе зáмки. Главное войско приблизилось къ Яссамъ: напрасно Липула умолялъ Потоцкаго прибыть для спасенія его.

«О Потоцкій! Потоцкій! или у тебя разумъ жи-«ноцькій?» такія слова влагаетъ ему въ уста народная дума: «ты себѣ пируешь, а Хмельницкаго не останавливаешь! Вотъ ужь онъ началъ пахать конскими копытами молдавскую землю и поливать ее кровью ([23])?» — «Ты не знаешь Хмельницкаго, а «я знаю его (отвѣчалъ ему Потоцкій, по словамъ «украинской лѣтописи): онъ убилъ моего сына, а по-«томъ и меня побѣдилъ и, помучивъ недѣлю на пуш-

---

([21]) «Annal. Polon. Clim.» I, 198. — «Лѣтоп. пов. о мал. Росс.» — «Народ. дума», см. «Южнор. пѣсни», изд. Метлинскаго, 393.

([22]) «Лѣтоп. самов.» 16.

([23]) Максим. «Украин. нар. пѣсни» 41.

«кѣ, отдалъ татарамъ въ плѣнъ, отъ котораго я из-
«бавился съ большимъ трудомъ» ([24]).

Въ самомъ же дѣлѣ Потоцкій сильно былъ занятъ укрощеніемъ хлоповъ. «Ему, говоритъ польскій лѣтописецъ, хотѣлось-бы наказать и казаковъ, но король воспретилъ ему оборонять чужое просо, покинувъ свое», по выраженію лѣтописи ([25]).

Липула, не видя ни откуда помощи, убѣжалъ изъ Яссъ. «О Яссы мои, Яссы! (восклицалъ онъ, по
«словамъ народной думы) были вы когда-то красны,
«да ужь не будете такими, какъ посѣтятъ васъ ка-
«заки».

Господарь скрылся въ буковомъ лѣсу и сидѣлъ въ засѣкѣ съ семействомъ и приближенными боярами, откуда выглядывалъ на зарево пылавшихъ жилищъ своихъ подданныхъ. Люди его, взобравшись на высокіе буки, донесли ему, что ужь горятъ Яссы ([26]), какъ новая Троя для прекрасной Елены, по выраженію польскаго историка.

«Что дѣлать?» спрашивалъ господарь.

Было у него два поляка, Кутнарскій и Доброшевскій, которымъ онъ довѣрялъ по домашнимъ дѣламъ;

([24]) «Истор. о през. бр.»
([25]) «Histor. Jan. Kaz.» I, 127.
([26]) Ibid. 125.

они предложили единственное средство — согласиться на требованія Хмельницкаго.

Казацкій гетманъ тогда съ Нуреддиномъ стоялъ на границахъ Молдавіи, въ Ямполѣ. Пришло посольство отъ господаря; письмо Липулы было столько же унизительно, сколько прежнія высокомѣрны: онъ самъ предлагалъ теперь дочь въ замужество за Тимоѳея. Другіе послы явились къ татарамъ и отсчитали Нуреддину 300,000 талеровъ. Такимъ образомъ господарь удовлетворилъ всѣхъ. Хмельницкій былъ доволенъ обѣщаніемъ, турки видѣли покорность владѣтеля Молдавіи, который обязывался находиться въ повиновaніи у султана; казаки и татары удовольствовались добычею. Только Липула горько плакалъ надъ пепелищемъ столицы и роптaлъ на поляковъ, которые побуждали его враждовать противъ Хмельницкаго и въ бѣдѣ оставили на произволъ побѣдителя ([27]). «Онъ (говоритъ лѣтописецъ) имѣлъ привычку кланяться тому, кто сильнѣе — такова всегда

([27]) «Annal. Polon. Clim.» I, 199. — »Pamiętn. do pan. Żygm. III, Jan. Kaz.» II. 138. — «Histor. Jan. Kaz.» I, 125. — «Belli scyth. cosac.» 100—103. — «Woyna domowa» ч. 2, 25. — «Лѣтоп. самов.» 16.— «Pamiętn. o wojn. kozac. za Chmieln.» 74. — Кратк. опис. о каз. мал. нар.» 40. — «Лѣтоп. пов. о мал. Росс.» 149. — «Истор. о през. бр.»

судьба народа, живущаго посреди сильныхъ: съисподу дымъ выѣдаетъ глаза, а сверху каплетъ» ([28]).

«Вотъ была слава! (восклицаетъ народная дума) «тогда казачество не давало себя на смѣхъ никому, «а топтало ногами непріятеля; такъ-то Хмельниц-«кій хорошо сдѣлалъ: Польшу побѣдилъ, Волощину «засмутилъ, гетьманщину взвеселилъ» ([29]). «Неда-«ромъ (замѣчаетъ безпристрастный украинскій лѣ-«тописецъ) казаки побратались съ врагами христіан-«ской вѣры» ([30]).

Съ-тѣхъ-поръ рушился предполагаемый союзъ крымцевъ съ Польшею. Султанъ Нуреддинъ совершенно заключилъ «побратымство», какъ говорили тогда, съ Хмельницкимъ. Татары были довольны, что казаки скорѣе поляковъ дали имъ способъ обогащаться чужимъ; а ханъ, Исламъ-Гирей, хотя и побаивался, что Русь сдѣлалась сильна, но не смѣлъ дѣйствовать на перекоръ Хмельницкому, потому-что турецкій дворъ почиталъ Украину будущею данницею Турціи и повелѣвалъ хану крымскому находиться съ Хмельницкимъ въ дружескихъ сношеніяхъ, какъ съ союзникомъ и подручникомъ порты.

([28]) «Histor. Jan. Kaz.» I, 125. — «Annal. Polon. Clim.» I, 199.

([29]) «Собр. украин. пѣсней.», Максим. 73.

([30]) «Лѣтоп. самов.» 16,

Когда Потоцкій стоялъ у Каменца, а Хмельницкій у Ямполя, соперники не начинали никакого враждебнаго дѣла. Хмельницкій побаивался, что Потоцкій вмѣшается въ дѣло съ Липулою, однако обошлось безъ всякихъ непріязненныхъ выходокъ, и казацкій предводитель, возвратившить въ Украину, хотѣлъ показать, что, несмотря на войну съ союзникомъ Польши, онъ все-таки не думаетъ разрывать зборовскаго мира; онъ издалъ новый универсалъ, въ которомъ писалъ, что мятежи хлоповъ, усилившіеся въ послѣднее время, когда онъ находился въ походѣ, происходили противъ его воли, приказывалъ хлопамъ повиноваться шляхтѣ и грозилъ непослушнымъ казнью ([31]).

Но, въ то же время, онъ отправилъ къ Потоцкому Кравченка, какого-то казацкаго чиновника. Вмѣстѣ съ нимъ поѣхалъ и посланецъ отъ Нуреддина.

Гордый казакъ, явившись къ гетману, не поклонился и не сдѣлалъ ему должнаго привѣтстяія, а тотчасъ заговорилъ грубымъ голосомъ:

— Или ты еще не напился крови нашей, панъ гетманъ! Зачѣмъ нарушаешь зборовскій договоръ?

Панъ замѣтилъ, чтобъ онъ обращался вѣжливѣе. Кравченко продолжалъ:

([31]) «Памятн. кіевск комм.» II, 3: 58—63.

— Гетманъ Хмельницкій удивляется, для чего войско польское стоитъ на границѣ, когда нигдѣ не слышно о непріятелѣ?

— Не знаю, чему удивляется Хмельнниций, сказалъ коронный гетманъ: — развѣ ему неизвѣстно, что, по старинному обычаю, войско польское должно стоять на границѣ королевства даже и въ мирное время до самой зимы?

— Речь-Посполитая, сказалъ Кравченко: — можетъ положиться на казаковъ: они служатъ пограничною стражею и защищаютъ отечество.

— Какіе это защитники, возразилъ Потоцкій: — когда они дѣлаютъ насилія дворянству и принуждаютъ бѣжать владѣльцевъ, когда въ моемъ нѣжинскомъ старостве вооруженною рукою выгнали подстаросту?

— Хмельницкій и казаки, отвѣчалъ Кравченко: — не дѣлаютъ насилія дворянству; а если панскіе подданные такъ поступаютъ, то зачѣмъ паны мучатъ и утѣсняютъ народъ? Владѣльцы должны ласково и кротко обращаться съ поселянами, потому-что они хотя и подданные ихъ, а въ ярмо шеи класть не станутъ.

Потоцкій не хотѣлъ вступать въ разсужденія съ казаками объ этомъ предметѣ и сказалъ:

— Прежде я спрошу тебя: съ чего это Хмельницкій, который хвастаетъ своею вѣрностью, соби-

раетъ полки... составляются партіи, вся Украина вооружается? По какому праву казацкій гетманъ ходилъ въ Молдавію? Если онъ что-нибудь предпринималъ, то долженъ былъ посовѣтоватся со мною, какъ съ главнокомандующимъ войскъ. Пусть онъ не надѣется меня одурачить. Я понимаю, къ чему это клонится.

Послѣ того подошелъ татарскій посланецъ.

— Султанъ оскорбился обидами, которыя вы наносили казакамъ, и принимаетъ ихъ такъ, какъ бы дѣлали тоже татарамъ, сказалъ онъ.

— А для чего это султанъ Нуреддинъ вступилъ въ украинскія степи съ тридцатью тысячами татаръ? спросилъ Потоцкій.

— Они, съ позволенія казаковъ, пасутъ лошадей, отвѣчалъ татаринъ.

— Но теперь миръ между ханомъ и королемъ, возразилъ Потоцкій: — вы не должны занимать нашихъ пастбищъ, а мы вашихъ.

— Земля казацкая есть также земля татарская: казаки ни въ чемъ не отказываютъ татарамъ, своимъ союзникамъ, сказалъ Кравченко: — напротивъ, по зборовскому договору, войска не должны стоять за линіею, а ваши жолнеры переходятъ черту: это противно договору.

— Земля никогда не была казацкою, съ гнѣвомъ сказалъ Потоцкій: — земля принадлежитъ Речи-

Посполитой. Имѣю право стоять на линіи и за линіею. Не я самъ собралъ здѣсь войско, а король мнѣ это приказалъ; не сойду отсюда, пока не получу отъ его величества иного приказанія!

Въ спорѣ съ казакомъ, коронный гетманъ чуть было не схватился за саблю, но удержался: онъ разсудилъ, что, быть-можетъ, Хмельницкій нарочно прислалъ такого молодца, чтобъ раздражить его ([32]).

Отправивъ Кравченка, коронный гетманъ доносилъ королю о новыхъ притязаніяхъ Хмельницкаго, извѣщалъ, что вся Украина волнуется, что Хмельницкій дѣйствуетъ самовольно, и что хлопы вовсе не думаютъ о повиновеніи. Дворяне безпрестанно жаловались на гоненія отъ подданныхъ. Вишневецкій, богатѣйшій изъ всѣхъ магнатовъ, представлялъ, что онъ не получаетъ вовсе никакихъ доходовъ.

Всѣ въ Польшѣ сознавали необходимость войны. Іоаннъ Казимиръ хотѣлъ еще продлить время, потому-что финансы и войско не были въ порядкѣ; жолнеры не хотѣли служить безъ чистыхъ денегъ и

([32]) «Belli scyth. cosac.» 108—110. — ««Кратк. опис. о каз. мал. нар.» 41. — «Крат. опис. о бунт. Хмельн.» 29. — «Woyna domowa», ч. 2, 6. — «Annal. Polon. Clim.» 198. — «Pamiętn. do panow. Żygm. III i Jan. Kaz.» II, 137. — «Histor. Jan. Kaz.» I, 124. — «Истор. о през. бр.»

не вѣрили ассигнаціямъ и роспискамъ, такъ-что Потоцкій, прежде удерживавшій ихъ, потомъ самъ вынужденъ былъ сказать: «вижу, что голодный жол-«неръ не слушается команды» ([33]). Въ этихъ обстоятельствахъ, король рѣшился собрать сеймъ для разсужденія о дѣлахъ отечества, а между-тѣмъ хотѣлъ, до поры до времени, усыпить Хмельницкаго и послалъ къ казацкому гетману собственноручное письмо такого содержанія:

«Я не ожидалъ отъ тебя, благородный гетманъ, «чтобъ ты нарушилъ столь недавно-поставленный «миръ. Въ Украинѣ изъ едва-потухшаго пепла опять «появляются искры; дворянство терпитъ оскорбленіе «отъ подданныхъ; казаки самовольно воюютъ. Безъ «моего позволенія ты принялъ въ Украину татаръ и «послалъ ихъ съ казаками въ Молдавію опустошать «огнемъ и мечомъ владѣнія союзника Речи-Поспо-«литой. Напоминаю тебѣ, гетманъ, твою обязан-«ность: распусти казачество, потуши начатки мятежа «и накажи бунтовщиковъ, поднявшихъ оружіе на «владѣльцевъ» ([34]).

Хмельницкій принялъ это письмо съ обычнымъ почтеніемъ; но ужь прошло нѣсколько мѣсяцевъ послѣ новаго универсала къ народу: этотъ универ-

---

([33]) «Histor Jan. Kaz.» I, 127.
([34]) «Belli scyth. cos.» 111.

салъ только больше раздражилъ непокорныхъ хлоповъ. Хмельницкій ясно увидѣлъ невозможность удержаться въ мирѣ съ Польшею на основаніи зборовскаго договора, отдававшаго бо́льшую часть народонаселенія Украины подъ власть пановъ. Онъ твердо рѣшился тогда на предстоящемъ сеймѣ требовать совершеннаго уничтоженія владѣльческаго права, а потому пересталъ наказывать за непослушаніе панамъ. Съ самаго перваго объявленія крестьянамъ о возвращеніи въ прежнее подданство, онъ нѣсколько разъ издавалъ универсалы о покорности владѣльцамъ, безпрестанно наказывалъ непослушныхъ — все было напрасно. Виновныхъ было столь много, что власть Хмельницкаго не могла съ ними сладить. Гетманъ началъ явно потакать освобожденію народа отъ пановъ. Онъ примирился съ Нечаемъ посредствомъ кіевскаго митрополита. Буйство усилилось. Дворяне бѣжали изъ Украины и самъ Кисель, услыша о потачкѣ Хмельницкаго, ушелъ изъ Кіева въ свое волынское помѣстье, Гущу ([35]).

Между-тѣмъ Хмельницкій, зная, что поляки не согласяться на его требованія, продолжалъ приготовляться къ войнѣ и обезопасилъ Украину дипломати-

---

([35]) «Annal. Polon. Clim.» I, 202. — «Pamiętn. do pan. Żygm. III, Wład. IV i Jan. Kaz.» II. 141. — «Stor. delle guer. civ.» 229.

ческими сношеніями. Полковникъ Джеджалыкъ поѣхалъ въ Константинополь, и турецкій дворъ обѣщалъ, въ случаѣ войны съ поляками, помощь и приказаніе господарямъ валахскому и молдавскому содѣйствовать Хмельницкому ([36]). Хмельницкій вступилъ въ новыя сношенія и съ Ракочіемъ, возбуждалъ въ немъ неудовольствіе противъ Польши за предпочтеніе Іоанна Казимира при избраніи короля, и представлялъ ему возможность напасть на Краковъ ([37]). Наконецъ, онъ завелъ сношенія съ Швеціею: по его настроенію отправлены были въ Стокгольмъ послы отъ татаръ ([38]): это было начало тѣхъ сношеній Хмельницкаго съ шведами, которыя впослѣдствіи были столь пагубны для Польши.

Всѣ эти тайныя сношенія были извѣстны полякамъ тотчасъ же. Потоцкій получалъ чрезъ своихъ агентовъ вѣрныя извѣстія о дипломатическихъ дѣйствіяхъ украинскаго гетмана и сообщалъ ихъ королю. «Ясное дѣло (писалъ онъ въ заключеніи своего донесенія), что Хмельницкій хитритъ, какъ лисица, и обманываетъ поляковъ до-тѣхъ-поръ, пока увидитъ удобный случай довести до конца свои намѣренія.

([36]) «Лѣтоп. повѣт. о мал. Росс.» 174.

([37]) «Woyna domowa.» Ч. 2, 5.

([38]) «Histor. ab exc. Wład. IV.» 65. — «Annal. Polon. Clim.» I, 206.

Если только у поляковъ есть еще разумъ и силы, то слѣдуетъ напасть на Хмельницкаго и уничтожить казачество. Если мы будемъ медлить и не дѣлать того, что̀ надобно, то насъ ожидаютъ печальныя послѣдствія коварства Хмельницкаго» ([39]).

Король оповѣстилъ собраніе чрезвычайнаго сейма. Онъ издалъ тогда универсалъ, изъ котораго поляки на предварительныхъ сеймикахъ могли видѣть положеніе отечества и приготовиться къ важному дѣлу. Смыслъ этого универсала былъ таковъ:

«Каждый день приходятъ къ намъ вѣсти о коз-«няхъ враговъ, замышляющихъ вредъ и конечную «гибель нашего отечества, а потому я считаю дол-«гомъ объявить всѣмъ объ опасности, грозящей «Речи-Посполитой. Хмельницкій, недовольный преж-«нимъ союзомъ съ невѣрными, пролитіемъ польской «крови, разореніемъ русскихъ провинцій, свергнулъ «съ себя совершенно долгъ вѣрности и уваженія къ «намъ и Речи-Посполитой, соединяется съ варва-«рами, воюетъ противъ союзниковъ Польши, посы-«лаетъ сосѣдямъ произвольно помощь и, поправъ «законную власть, отдается въ распоряженіе крым-«скому хану. Доказательства его крайняго вѣролом-«ства несомнѣнны. Подъ видомъ приготовленій на

([39]) «Histor. ab. exc. Wład. IV», 66.

«войну противъ Москвы вмѣстѣ съ татарами, онъ «хитрымъ образомъ вдругъ обратилъ оружіе на Молдавію, изгналъ доброжелательнаго Речи-Посполитой «господаря, предалъ самому варварскому опустошенію страну, поступая такимъ образомъ для того, «чтобъ подвинуть на Польшу оттомановъ, которые «всегда желаютъ войны съ христіанами и ищутъ «предлоговъ къ ней. Наконецъ, онъ предательски «отдался въ покровительство турокъ, принялъ отъ «порты оттоманской инвеституру на княжество русское, въ присутствіи иностранныхъ пословъ, для «бóльшаго оскорбленія нашего величества. Мятежный «гетманъ держитъ въ Константинополѣ пословъ, обольщаетъ варваровъ надеждами, оказываетъ имъ покорность вассала, чтó ужь есть очевидно измѣна «законной власти. Недовольный этимъ, онъ ищетъ «намъ враговъ и зá-моремъ, и отправляетъ отъ хана «пословъ въ Швецію; но это посольство есть ничто «иное, какъ посольство отъ казаковъ, котораго вѣроломная цѣль прикрывается личиною, будто-бы «оно отправлено отъ татаръ. Возбужденная имъ русская чернь, привыкшая къ злодѣяніямъ, начала «оскорблять владѣльцевъ, едва только они, полагаясь «на миръ, возвратились къ домамъ своимъ, и наконецъ обратила кровавыя на нихъ варварскія убійства. При такомъ положеніи дѣлъ по всему надобно ожидать весною неизбѣжной войны. По своей

«королевской власти, я призываю дворянство Речи-«Посполитой на сеймъ помочь мнѣ совѣтами въ «важномъ дѣлѣ спасенія погибающаго отечества» ([40]).

Въ декабрѣ открылся сеймъ. Собраніе было огромное. Каждый спѣшилъ въ Варшаву подать свой голосъ въ важномъ дѣлѣ: о цѣлости Речи-Посполитой.

Всѣ равно были раздражены противъ Хмельницкаго, но не всѣ равно горячо принимались за мысль о войнѣ съ нимъ.

Пока время проходило въ совѣщаніяхъ, донесли, что казацкіе послы прибыли съ прошеніемъ. Это были старшины Маркевичъ, Гурскій и Дорошенко. Нѣкоторые сенаторы до-того воспламенились мыслью о необходимой во всякомъ случаѣ войнѣ, что не совѣтовали принимать ихъ. «Это шпіоны (говорили «они): они пріѣхали сюда съ цѣлью вывѣдать чтó дѣ-«лается на сеймѣ и какое будетъ его рѣшеніе». Но король представлялъ, что ихъ слѣдуетъ выслушать.

«Казаки (говоритъ польскій лѣтописецъ) явились съ видомъ покорности и почтенія, проговорили рѣчь, превозносили въ ней великодушіе и благодѣянія къ себѣ короля, а потомъ, потупя глаза въ землю, поднесли съ благоговѣніемъ прошеніе отъ

([40]) «Pamiętn. do pan. Żygm. III, Wład. IV i Jan. Kaz.» 2, 143. — «Histor. pan. Jan. Kaz.» I, 130.

лица Хмельницкаго и всего казачества ([41]). Оно заключало въ себѣ такой смыслъ:

Для совершеннаго успокоенія Украины необходимы слѣдующія условія:

1) Чтобъ во всѣхъ трехъ воеводствахъ: кіевскомъ, брацлавскомъ и черниговскомъ, ни одинъ панъ и шляхтичъ, владѣющій землями, не имѣлъ власти надъ крестьянами; а если пожелаетъ тамъ жить, онъ долженъ пользоваться правами, равными съ прочими жителями, и находиться въ повиновеніи у казацкаго гетмана.

2) Чтобъ унія, причина несчастій, была совершенно уничтожена не только въ Украинѣ, но и во всѣхъ земляхъ короны и великаго княжества литовскаго, а греческая религія пользовалась полною свободою, и духовные грекорусской вѣры имѣли во всемъ права и почести, одинакія съ римскимъ духовенствомъ.

3) Эти статьи, вмѣстѣ съ прочими, находящимися въ зборовскомъ договорѣ, должны быть утверждены присягою знатнѣйшихъ сенаторовъ Речи-Посполитой: примаса, архіепископа львовскаго, епископа краковскаго, обоихъ гетмановъ: короннаго и литовскаго, и канцлера.

4) Для вѣрности въ соблюденіи этого договора со

([41]) Ibid.

стороны поляковъ, дать въ залогъ четырехъ знатнѣйшихъ пановъ: Іеремію Вишневецкаго, извѣстнаго доброжелателя казаковъ, Александра Конецпольскаго, Любомирскаго и Калиновскаго, которые должны быть въ Украинѣ въ своихъ имѣніяхъ, но безъ всякой стражи ([42])».

Эти статьи произвели въ сенатѣ величайшее волненіе.

— Вотъ, наконецъ, до чего дошли казаки (кричали сенаторы): имъ недостаточны зборовскія статьи— они хотятъ присяги, заложниковъ! Но что́ жь значитъ присяга пановъ, когда слово монарха, которое для подданныхъ должно быть высочайшимъ закономъ, они считаютъ нарушеннымъ? Эти требованія казаковъ напоминаютъ басню, въ которой волки заключаютъ миръ съ пастухами для того, чтобъ послѣдніе удалили собакъ. Такія требованія есть чисто плодъ безумной и наглой головы, которая посылаетъ ихъ въ насмѣшку надъ королемъ и представителями Речи-Посполитой?

([42]) «Annal. Polon. Clim.» I, 207. — «Histor. Jan. Kaz.» I, 132. — «Pamiętn. do pan. Żygm. III, Wład. IV i Jan. Kaz.» II, 145. — «Woyna domowa.» Ч. 2, 8.— «Истор. о през. бр.» — «Лѣтоп. пов. о мал. Росс.» 151. — «Belli scyth. cosac.» 117. — «Крат. истор. о казац. мал. нар.» 44. — «Кратк. ист. о бунт. Хмельниц.» 30.

Еще бо́льшее негодованіе возбудило это прошеніе въ избѣ посольской, куда отнесъ его маршалъ.

— Ка́къ? (говорили депутаты) такъ мы будемъ игрушками Хмельницкаго? такъ мы ему позволимъ это? простимъ ему измѣну и наглость? отдадимъ ему оплотъ нашъ отъ невѣрныхъ, Украину, которую онъ даритъ оттоманской портѣ? О, конечно, согрѣшили мы предъ Богомъ, терпимъ мы наказаніе его за наши преступленія. Покоримся, покаемся, братья: онъ не излилъ еще на насъ полный фіалъ своего гнѣва; онъ не отдалитъ отъ насъ своего милосердія ([43]).

Въ одно время съ казацкимъ прошеніемъ явилась депутація отъ Киселя съ мнѣніемъ воеводы относительно успокоенія отечества. «Тогда (говоритъ лѣтописецъ) паны увидѣли, что Кисель ка́къ былъ схизматикъ, то и выказывалъ всегда свой схизматическій духъ».

Кисель подтверждалъ требованія Хмельницкаго объ уничтоженіи уніи.

«Церковь восточная и западная всегда есть едина (писалъ онъ): и той и другой глава — Іисусъ Христосъ; одно преемничество отъ апостоловъ, одни святые вселенскіе учители, одно ученіе; одна безъ сущности другой существовать не можетъ. Если же есть различіе, то единственно въ обрядахъ и

([43]) «Woyn. dom.» Ч. 2, 9.

церемоніяхъ; это незначительно, когда начала и основанія едины. Къ-чему раздирать нешвенный хитонъ Христа? къ-чему эти униты и дезуниты? къ-чему раздѣлять церковь, которую самъ Богъ соединяетъ? Заприте этотъ источникъ зла — не будетъ словопренія, не будетъ и кровавыхъ раздоровъ, которые отъ того проистекаютъ. Да будетъ такъ! Ссылаюсь на тѣхъ, которые со много трудились надъ заключеніемъ зборовскаго мира; мы включили въ существенныя условія договора уничтоженіе уніи, но оставили это втайнѣ и не писали въ публичномъ актѣ для того, чтобъ русскій народъ получилъ этотъ даръ какъ добровольное благодѣяніе Речи-Посполитой, а не какъ вынужденное необходимостью. Стóютъ ли какихъ-нибудь тридцать уніатскихъ часовень того, чтобъ для нихъ тысячи церквей православныхъ оставались безъ святыни, въ мерзости запустѣнія? Если эта унія, эта малая лѣторасль, отщепленная отъ греческой церкви и неприставшая къ римской, причиною такихъ кровопролитныхъ бурь, то не лучше ли ее уничтожить вовсе, предпочитая спокойствіе и безопасность отечества?» ([44])

([44]) «Annal. Polon. Clim.» I, 210. — «Histor. Jan. Kaz.» I, 133. — «Pamiętn. do pan. Żygm. III, Wład‑ IV i Jan. Kaz.» II, 147.

Это письмо взволновало посольскую избу.

Въ сенаторской избѣ требованія уничтоженія уніи возбудили также сильное негодованіе.

— Требуютъ уничтожить унію, источникъ и начало зла (разсуждали они). Не можетъ быть проченъ миръ гражданскій, гдѣ нарушается религіозный. Въ угодность заклятому врагу мы должны насиловать совѣсть, распространять заблужденіе, нарушать основаніе закона: чего себѣ не хочешь, того другому не дѣлай. Но еслибъ мы этого и хотѣли, то въ правѣ ли такъ поступать? Унія русскихъ съ римскою церковью установлена въ національномъ сvнодѣ и утверждена св. отцомъ. Пусть такимъ образомъ и уничтожается! ([45])

Домогательства русскихъ уничтожить унію тронули щекотливую струну польскаго сердца, столь фанатически-приверженнаго въ тотъ вѣкъ къ католической религіи. Всѣ единодушно были проникнуты негодованіемъ. Въ то время были открыты хитрости Верещаки; перехвачена переписка. Его заточили въ маріенбургскую крѣпость.

— Вотъ что́ дѣлаютъ эти защикники раскола (говорили тогда паны): они всѣ злодѣи, всѣ измѣнники!

— О, не потерпи король, монархъ нашъ, такого гнусн̂аго униженія! (кричали въ посольской избѣ)

([45]) «Annal. Polon. Clim.» I, 211.

ты принялъ на себя долгъ охранять свободный народъ; ты долженъ быть полнымъ королемъ нашей націи и не раздѣлять своей короны съ кѣмъ бы то ни было, тѣмъ болѣе съ холопомъ. Препоясуй мечъ свой: мы идемъ за тобою: насъ много у тебя; пойдемъ всѣ поголовно, и юноши, и мужи, и старцы, за вольность нашу, накажемъ эту наглую сволочь! Пусть не брыкаетъ Хмельницкій; въ горло ему заткнемъ его дерзкое требованіе!

Мысль о защитѣ римско-католической церкви и шляхетской свободы, которой крайнимъ оскорбленіемъ почитали требованіе Хмельницкаго уничтожить въ Украинѣ владѣльческое право, породила рѣдкое между поляками единодушіе.

24-го декабря, въ послѣднее засѣданіе сейма, война была объявлена всѣми голосами. Сеймъ положилъ созвать посполитое рушенье и собирать временныя подати для платы регулярному войску. Такъ-какъ это было противно обыкновенію, то нѣкоторые сначала стали представлять несообразность двухъ повинностей разомъ, приводя обыкновенную пословицу: «съ одного быка драть двѣ кожи». Но король, въ примѣръ прочимъ, пожертвовалъ значительную сумму на содержаніе войска изъ собственныхъ доходовъ; вслѣдъ за нимъ сенаторы дали обѣщаніе принести пожертвованіе съ своей стороны. Эти примѣры подѣйствовали на депутатовъ. Изъ любви къ

отечеству и для спасенія его (какъ говорили они) прекратились споры и недоумѣнія. Установили мѣры собиранія податей посредствомъ провинціальныхъ сеймиковъ, опредѣлили строгое наказаніе всѣмъ, кто сталъ бы противиться, или медлить взносомъ, а равнымъ образомъ и неисправнымъ сборщикамъ. Король и сенаторы предложили отъ себя еще, кромѣ дарованныхъ пожертвованій, плату иностраннымъ отрядамъ, которыхъ предположили пригласить изъ Германіи. Послѣ тридцатилѣтней войны скитались по Европѣ толпы наемныхъ войскъ, готовыхъ пристать къ тому, кто даетъ имъ жалованье, и служить со всею честностью, какъ-бы за собственное отечество. Это были остатки тѣхъ войскъ, которыми предводительствовали въ кровавую эпоху Германіи то католическіе, то протестантскіе полководцы. Этихъ-то храбрыхъ, закаленныхъ въ бояхъ рубакъ, вызывали теперь король и паны противъ казаковъ. Наконецъ, положили отправить посольство въ Римъ и просить у папы денежнаго вспоможенія для такого дѣла, которое касалось, по мнѣнію поляковъ, не только спасенія христіанской державы, но вообще цѣлости и чести римско-католической церкви. Другое такое же посольство, съ просьбою о денежномъ пособіи, было послано къ императору Фердинанду III.

Поляки разсуждали, что новонабранное войско требуетъ нѣкотораго времени для обученія; вообще на-

добно было помедлить, пока финансовыя и военно-административныя дѣла ихъ прійдутъ въ надлежащій порядокъ; а потому, по предложенію короля, сеймъ рѣшился еще разъ попробовать, нельзя ли, посредствомъ мирныхъ сношеній, заставить Хмельницкаго отказаться отъ своихъ требованій, или, по-крайней-мѣрѣ, задержать военныя дѣйствія казаковъ. Казацкимъ посламъ вручили такой отвѣтъ на присланное прошеніе:

«Если казаки не хотятъ довольствоваться зборов-«скими статьями, то король и Речь Посполитая не «имѣютъ средствъ удовлетворить ихъ. Что жь касает-«ся новыхъ, неслыханныхъ предложеній Хмельниц-«каго и требованій подтвержденія существующаго до-«говора, то королевству даже принимать ихъ унизи-«тельно. Если казаки не оставятъ духа мятежа и не «приведутъ въ исполненіе зборовскихъ статей при «коммиссарахъ, назначенныхъ отъ Речи Посполитой, «то Речь Посполитая принуждена будетъ, для усмире-«нія ихъ, употребить силу.»

Казацкіе послы получили дворянское достоинство. Поляки желали расположить къ себѣ этихъ старшинъ. По отъѣздѣ ихъ, отправились въ Украину и коммиссары, которыхъ начальникомъ былъ опять Кисель; но они еще не успѣли прибыть въ казацкую землю, какъ Хмельницкій уже узналъ, что сеймъ постановилъ воевать противъ него и не хочетъ прини-

мать присланныхъ статей. Гетманъ, съ своей стороны, не хотѣлъ и не видѣлъ никакой возможности отрекаться отъ нихъ, а потому, не дожидаясь коммиссаровъ, созвалъ генеральную раду и объявилъ на ней, какъ водилось по казацкому обычаю, объ опасностяхъ Украины.

«Вотъ, наконецъ, говорилъ онъ: панове-братцы, «намъ объявляется война; давно уже грозятъ намъ ею «поляки, тая замыселъ отнять у насъ свободу, доблестно купленную нашею кровью. Уже ляхи перестали вести совѣты между собою, да пріискивать «мѣры, чѣмъ и какъ уплатить войску, не спорятъ «и о томъ, какъ нападать на нашу землю. Все «порѣшили на послѣднемъ своемъ сеймѣ въ Варшавѣ, во всемъ согласились: и деньги платить, и помочь давать; продаютъ свои сокровища, вывозятъ «дорогую утварь изъ краковскаго за́мка, чтобъ уплатить чужеземному войску и собрать своихъ подъ знамена; послали за пѣхотою въ нѣмецкую землю; набираютъ жолнеровъ въ коронѣ и Литвѣ; все шляхетство идетъ въ посполитое рушенье съ оружіемъ и «запасами. Какъ только соберутъ людей, тотчасъ нападутъ на насъ: думаютъ, чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше; хотятъ начать войну зимою, чтобъ мы не могли «вести земляныхъ работъ, и чтобъ наши союзники-«татары, по недостатку подножнаго корма, не могли «поспѣть къ намъ на помощь. Гроза большая насту-

«паетъ на насъ и ужь близко; надобно скорѣе браться за умъ! Что дѣлать? спрашиваю, братья, вашего «совѣта. Ожидать ли намъ враговъ въ нашемъ отече«ствѣ, или опередить ихъ и самимъ на нихъ напасть?»

Одни говорили :

«Лучше намъ оставаться въ своей землѣ ; укрѣ«пить границы и ждать ляховъ, тутъ они отъ холо«да и голода будутъ проподать пуще, чѣмъ отъ ору«жія. Поляки привыкли спать на печкѣ, жить въ «довольствѣ, не вынесутъ они зимней стужи и голода, «и разбѣгутся сами.»

Другіе возражали :

«Не приходится намъ сидѣть спокойно, ожидая не«пріятеля и смотрѣть, какъ онъ безъ всякаго отпора «начнетъ лить кровь нашихъ земляковъ. Это нане«сетъ большой вредъ и людямъ, и имуществамъ, и «убьетъ въ насъ бодрость духа, съ какою мы одолѣ«вали всякія трудности и добыли себѣ свободу. Го«раздо лучше будетъ, когда мы сами пойдемъ въ «непріятельскую землю: одно — то, что войско наше «будетъ продовольствоваться добычею; другое–умно«жится слава наша, а съ нею и храбрость наша, «а врагамъ нанесетъ страхъ и смятеніе. Если мы «успѣемъ на первый разъ одолѣть ляховъ, то ужь «трудно будетъ возвратить жолнерамъ бодрость, а «шляхтѣ надежду; одна дума о своей слабости дастъ «противной сторонѣ средства къ побѣдѣ.»

Послѣ всѣхъ разсужденій, рѣшили держаться линіи между кіевскимъ и брацлавскимъ воеводствами по Бугу, и укрѣпить эту сторону, сколько можно ([46]).

Вслѣдъ за тѣмъ, Хмельницкій издалъ универсалъ, въ которомъ объвилъ русскимъ о новой войнѣ, запрещалъ жить панамъ въ Украинѣ, исключая тѣхъ, которые отрекутся отъ своихъ правъ надъ крестьянами и станутъ заодно съ казаками, и призывалъ весь народъ къ ополченію. Паны, которые не успѣли еще оставить, въ числѣ прочихъ, Украины, заранѣе бѣжали опрометью; нѣкоторые были убиты; со всѣхъ сторонъ стекались хлопы въ сборное мѣсто, назначенное у Ставищъ; девять тысячъ татаръ, передовой отрядъ крымской вспомогательной силы, былъ уже въ распоряженіи предводителя русскаго народа. Коммиссары увидѣли, что уже поздно переговариваться, побоялись ѣхать къ гетману и послали одного изъ нихъ, Маховскаго, къ митрополиту Коссову.

«Король, говорилъ онъ: — опуская на-время «поднятое оружіе, обращается къ тебѣ, достойный «архипастырь: останови своими пастырскими совѣта«ми пролитіе христіанской крови и опустошеніе земли «русской.

Ка́къ ни должно было, повидимому, огорчать православнаго владыку пренебреженіе къ греческой вѣрѣ,

---

([46]) «Stor. delle guer. civ.»

но онъ и здѣсь не измѣнилъ своей кротости. Онъ умолялъ Хмельницкаго отложить всякую месть, а положиться на волю Божію. Хмельницкій, прочитавъ убѣжденіе митрополита, заплакалъ, какъ говоритъ польскій историкъ, и клялся, что долженъ воевать, единственно защищая отечество.

Маховскій уѣхалъ прочь. Знакомый Богдану чаушъ опять явился въ Чигиринѣ и привелъ съ собою въ подорокъ Хмельницкому арабскихъ жеребцовъ отличной породы.

Извѣщая о султанскомъ приказаніи хану крымскому и валахскимъ господарямъ помогать казакамъ, онъ изъявлялъ готовность своего правительства прислать турецкую армію; но Хмельницкій боялся наводнить Украину турками такъ скоро: собственные его подчиненные начали бы роптать на появленіе мусульманскихъ полчищъ; притомъ это бы устрашило не только Польшу, но и сосѣдей. Казацкій чиновникъ, Колодницкій, поѣхалъ съ чаушемъ благодарить за предложеніе, но сказалъ, что казакамъ достаточна будетъ помощь, оказываемая крымцами. Исламъ-Гирей показывалъ неохоту идти на поляковъ; но визирь приказывалъ ему, и онъ далъ невольное обѣщаніе явиться со всею ордою, и послалъ вызовъ къ полякамъ, подъ предлогомъ, что идетъ воевать за оскорбленіе казаковъ, своихъ союзниковъ. Хмельницкій не хотѣлъ принимать помощи отъ валахскаго

господаря Радула, зная вообще непостоянство валаховъ, а еще менѣе отъ Липулы, который самъ набивался помогать казакамъ, но съ коварною цѣлью вредить имъ. Довѣрчивѣе онъ сошелся съ Ракочіемъ: по договору, заключенному съ нимъ, седмиградскій князь долженъ былъ напасть на Краковъ въ то время, когда казаки будутъ громить Польшу съ востока.

ГЛАВА III.

Начало непріязненныхъ дѣйствій.—Пораженіе и смерть Нечая.— Разореніе Ямполя. — Приступъ поляковъ къ Сцянамъ.

Первыя непріязненныя дѣйствія съ обѣихъ сторонъ открылись въ февралѣ, 1651 года, въ Подоліи, землѣ, гдѣ отважный народъ не хотѣлъ признать зборовскаго договора и первый увлекъ своимъ примѣромъ всю Украину къ новой брани съ поляками. Правительство польское намѣревалось начать войну ранѣе весны, чтобъ не допустить къ Хмельницкому турокъ и крымцевъ, которые не привыкли къ зимнему холоду и не могли обойтись безъ подножнаго корма для лошадей. Потоцкій и Калиновскій, съ тридцатью тысячами кварцяныхъ жолнеровъ, отправились къ Каменцу и раздѣлили войско на двѣ части: Потоцкій сталъ подъ Каменцомъ, а Калиновскій пошелъ въ Баръ и выдалъ универсалъ къ русскимъ жителямъ; онъ извѣщалъ ихъ, что войско польское вступитъ въ Украину, но единственно съ тѣмъ, чтобъ укрощать загоны и не будетъ оказывать непріязненныхъ дѣйствій, если простой народъ станетъ

повиноваться владѣльцамъ, а казаки будутъ оставаться въ покоѣ на основанiи зборовскаго договора ([1]).

Услышавъ объ этомъ, брацлавскiй полковникъ, Нечай хотѣлъ предупредить вторженiе; онъ двинулся съ своимъ полкомъ на Баръ и посылалъ воззванiя къ жителямъ тѣхъ мѣстъ, которыя не вошли въ границы украинскiя по зборовскому миру. Хлопы стекались къ предводителю.

Брацлавскiй воевода, Ляндскоронскiй, находившiйся съ Калиновскимъ, послалъ, какъ начальникъ земли, къ казацкому вождю депутатовъ.

— Чтó это значитъ? говорили они: — Хмельницкiй еще не давалъ вызова на брань, а ты уже вооружился съ полкомъ своимъ!

— Обманщики! отвѣчалъ Нечай: — не вы ли сами думаете напасть на насъ, а показываете видъ, будто ничего не знаете? Вы хотите уловить насъ коварною дружбою.

Депутаты не возвратились: Нечай приказалъ ихъ повѣсить въ присутствiи турецкаго коммиссара ([2]).

Калиновскiй, не допуская Нечая до Бара, пошелъ къ нему на встрѣчу ([3]).

([1]) «Annal. Polon. Clim.» I, 223. — «Woyna dom.» Ч. 2, 11.

([2]) «Belli scyth. cos.» 122. — «Истор. о през. бр.»

([3]) «Annal. Polon. Clim.» I. 223.

Нечай, съ тремя тысячами, стоялъ въ мѣстечкѣ Красномъ и каждый день увеличивалъ свои силы. Наступила масляница. Казаки, по русскому обычаю, начали гулять. Полковникъ поставилъ передовую стражу въ мѣстечкѣ Ворошиловкѣ, подъ начальствомъ сотника Шпаченка: онъ долженъ былъ наблюдать приближеніе непріятеля и извѣстить полковника. Поляки стояли въ Станиславчикѣ.

Гетманъ Калиновскій созвалъ военный совѣтъ и говорилъ: «Дошла до насъ вѣсть, что хлопы собра-«лись въ Красномъ, пьянствуютъ и празднуютъ масля-«ницу, а насъ не боятся и не ожидаютъ, чтобъ мы «на нихъ напали. Нападемъ на нихъ сонныхъ и «пьяныхъ; побѣда достанется легко, а военнымъ она «придастъ духа на передъ!»

Въ прощальное воскресенье, Нечай отправился на крестины. Казаки, съ часу на часъ, дожидались нападенія и уговаривали своего начальника не предаваться безпечности.

— Эй, пане Нечаю, говорили они: — держи ко́ника въ сидли́, а саблю пидъ опанче́ю.

— У меня, отвѣчалъ Нечай: — есть Шпакъ, добрый хлопецъ: онъ мнѣ дастъ знать о тревогѣ.

Казаки послѣдовали примѣру начальника и начали пьянствовать.

Тѣмъ временемъ Калиновскій отобралъ два отряда драгунъ, которые почти всѣ были нѣмцы, и поль-

ской конницы. По однимъ извѣстіямъ, каждой отрядъ имѣлъ двѣ тысячи человѣкъ, по другимъ, всего отобраннаго польскимъ гетманомъ войска было семь тысячъ; узнавъ, что Шпаченко стоитъ въ Ворошиловкѣ съ малымъ отрядомъ, Калиновскій стремительно бросился на него и поразилъ этотъ передовой отрядъ такъ, что не осталось ни одного человѣка принести въ Красное вѣсть о несчастіи. Была ночь. Въ Красномъ никто не думалъ объ опасности, какъ уже передовые жолнеры овладѣли городскими воротами и изрубили безъ сопротивленія пьяную безъ чувствъ стражу. Драгуны были раставлены кругомъ города, а конные полки вступали въ городъ. Это было въ третьемъ часу по полуночи. Когда поляки вошли въ городъ, то вдругъ залаяли и завыли собаки; пробудившіеся жители стали прислушиваться и явственно различали стукъ конскихъ копытъ и звукъ удилъ.

Ударили въ набатъ. Пьяные казаки схватились за оружіе. Предводитель сидѣлъ за ужиномъ «съ любезною кумою», по выраженію пѣсни.

— Гей, утикáймо, Нечаю, кричали казаки: — ляхú въ мисти.

Бѣгство тогда еще имъ было возможно; но разгоряченный виномъ полковникъ, вскочивъ изъ-за стола, закричалъ:

— Утикáти! Що бъ то казáкъ Нечáй утикáвъ! Якъ мóжно слáву свою козáцькую пидъ нóги топтá-

ти? Дава́й швидче коня́, джу́ро! Вы́рижимъ всихъ ляхи́въ, таки́ всихъ до о́дного!

Онъ вскочилъ на своего буланаго, котораго не успѣли даже осѣдлать, и выѣхалъ на улицу, гдѣ казаки уже рѣзались съ жолнерами въ темнотѣ.

— О, та до-сы́на вра́жихъ сыни́въ! кричалъ Нечай. — А ну́ лышь, хло́пци, біймо ихъ, якъ куре́й!

Онъ полетѣлъ впередъ на враговъ, собственноручно выбилъ изъ рукъ хорунжаго знамя, повалилъ его на землю; казаки, которымъ было море по колѣно, принялись «сикты на капусту ляхи́въ», какъ выражается пѣсня, а между-тѣмъ жители палили на враговъ съ крышъ, изъ оконъ, съ заборовъ. Жолнеры попятились назадъ и пришли въ безпорядокъ; вся улица уложена была трупами; кровь журчала ручьями. Поляки бѣжали, казаки преслѣдовали ихъ за городскую браму, какъ вдругъ позади ихъ въ городѣ сверкнуло пламя и раздалось множество выстрѣловъ.

Это былъ многочисленный польскій отрядъ изъ разогнанныхъ подольскихъ шляхтичей, подъ начальствомъ Коссаковскаго; въ то время, когда казаки и жители мѣстечка расправлялись съ жолнерами, они ворвались въ мѣстечко со всѣхъ сторонъ и зажгли его въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Казаки воротились въ городъ, спотыкаясь на груды труповъ, а вытиснутое войско снова пришло въ порядокъ и обратилось на нихъ въ тылъ. Въ мѣстечкѣ сдѣлалось страшное

смятеніе. Среди пылавшихъ строеній, казаки рѣзались отчаянно, отбиваясь отъ враговъ, наступившихъ на нихъ со всѣхъ сторонъ; наконецъ стали уходить въ за̀мокъ. Братъ Нечая палъ въ глазахъ его; полковникъ, изстрѣленный, изрубленный, еще отмахивался саблею; поляки силились взять его живьемъ и не взяли: умиравшій, онъ былъ отнесенъ въ за̀мокъ и скончался, заповѣдавъ казакамъ предать послѣдній поклонъ осиротѣвшей матери.

Начальство надъ казацкимъ отрядомъ послѣ Нечая приняли сотники Гавратынскій и Кривенко. Три дня они мужественно защищались: враги напрасно предлагали имъ помилованіе; на четвертыя сутки, не видя ни откуда спасенія, казаки ночью вырвались изъ за̀мка, но утромъ поляки догнали ихъ на озерѣ, покрытомъ тогда льдомъ. Русскіе всѣ погибли въ сѣчѣ; только сотники Гавратынскій и Тышко̀ были схвачены и тотчасъ повѣшены.

Занявъ за̀мокъ, поляки вошли въ церковь и нашли въ ней мертвое тѣло Нечая; попы, въ черныхъ ризахъ, отпѣвали казацкаго рыцаря. Поляки перебили этихъ священниковъ и потомъ ругались надъ ихъ трупами и надъ трупомъ Нечая, дѣлая съ нимъ то, что воображали съ нимъ сдѣлать, еслибъ онъ попался къ нимъ живой. Народная пѣсня говоритъ, что русскіе предлагали полякамъ окупъ за тѣло Нечая, дабы похоронить его съ честью; но «*вражи ляхи*»

(выражается украинская пѣсня) не взяли ни серебра, ни золота, искрошили рыцаря на мелкія части и пустили ихъ по водѣ; только голова Нечая спаслась отъ посрамленія: русскіе какъ-то унесли ее и предали погребенію гдѣ-то въ церкви великомученицы Варвары, и произнесли надъ нею завѣтное прощаніе: «Прощай, казаче! Слава твоя не вмре, не поляже!» Все мѣстечко сгорѣло; враги истребили безъ разбора жителей; ихъ имущество, какое спаслось отъ огня, досталось побѣдителямъ (4).

Это положеніе показалось для русскихъ дурнымъ предзнаменованіемъ. Казаки, подобно татарамъ и полякамъ, вѣрили, что первый успѣхъ служитъ предзнаменованіемъ счастливаго, или несчастнаго окончанія войны. Убивавшее духъ предчувствіе распространилось въ народѣ съ вѣстью о погибели брацлавскаго полковника. Говорили, что въ Кіевѣ передъ тѣмъ появилась кровь на главныхъ воротахъ (5)...

Хмельницкій былъ сильно встревоженъ плачевнымъ концомъ лучшаго изъ вождей, но скрывалъ отъ подчиненныхъ боязнь и спѣшилъ излить свою досаду на враговъ. Желая возвратить къ себѣ прежне до-

---

(4) «Annal. Polon. Clim.» I, 223—225. — «Woyna dom.» Ч. 2, 11.—«Histor. belli cosac. polon.» 127—128.— «Histor. delle guer. civ.» 237—242.—Народныя пѣсни.

(5) «Histor. ab. exc. Wład. IV.» 72.

вѣріе народа, онъ выдалъ универсалъ, въ которомъ приказывалъ всѣмъ вооружиться поголовно за свободу русской земли и позволилъ истреблять всякіе остатки панскаго и католическаго въ земляхъ русскихъ ([6]). Онъ разослалъ своихъ агентовъ и въ Польшу волновать простолюдиновъ, увѣряя ихъ, будто казаки воюютъ не за одну Русь, а вообще за весь простой народъ Речи Посполитой ([7]).

Въ то же время онъ послалъ къ хану, убѣждая его прибыть съ ордою, сколько возможно скорѣе.

«Польскаго войска не болѣе тридцати тысячъ (писалъ онъ); оно состоитъ изъ новобранцевъ и находится подъ командою Потоцкаго и Калиновскаго, которые недавно испытали татарскій плѣнъ и теперь не осмѣлятся показать лица передъ ордою; тѣ же, которые выдержали збарашскую осаду, уже погибли отъ трудовъ и нищеты. Теперь самое благопріятное время для войны. Король объявляетъ сборъ посполитаго рушенья; но вашему ханскому величеству извѣстно, ка́къ медленно и трусливо поляки собираются на войну. Если орда успѣетъ придти до прибытія посполитаго рушенья, то наше взаим-

---

([6]) «Histor. belli cosac. polon.» 129.
([7]) «Histor. ab. exc. Wład. IV» 73.

ное войско будетъ столь велико, что десяти человѣкамъ придется бить одного, а если они одинъ разъ проиграютъ, то уже больше не поправятся. Все королевство польское, отъ Днѣстра до отдаленныхъ сѣверныхъ предѣловъ, отдадимъ подъ власть повелителя оттомановъ» (8).

Зная тайное недоброжелательство къ себѣ хана, Хмельницкій еще разъ отправилъ въ Константинополь просьбу, чтобъ турецкое правительство принудило своего данника выступить поскорѣе на поляковъ, не теряя драгоцѣннаго времени.

Сколько пораженіе Нечая опечалило русскихъ, столько же обрадовало поляковъ. «Вотъ несомнѣнные «признаки дальнѣйшихъ побѣдъ и успѣховъ!» говорили въ Польшѣ. Калиновскій доносилъ, что онъ намѣренъ очистить отъ мятежниковъ подольскую землю, а потомъ пойдти въ средину Украины (9). Письмо его произвело восторгъ въ Варшавѣ. Служили благодарственные молебны, при дворѣ отправлялись балы и праздники (10), носились между шляхтичами утѣшительныя извѣстія; когда послѣ того не приходило

---

(8) «Histor. belli cosac. polon.» 129. — «Woyna dom.», ч. 2, 12—13.

(9) «Pamiętn. o wojn. kozac. za Chmieln.» 78.

(10) «Histor. belli cosac. polon.» 133.

долго вѣсти отъ войска — это приписывалось быстрымъ его успѣхамъ. «Теперь (говорили поляки) они, «конечно, уже подлѣ Чигирина, а, можетъ-быть, и «далѣе, гонятъ врага въ степи къ Дону.» Другіе даже начинали роптать за собираніе податей и объявленіе посполитаго рушенья. «Насъ только пугаютъ «(говорили они) для того, чтобъ выманить деньги. «Мы пойдемъ въ посполитое рушенье, да проходимся «до Вислы или Сана, а оттуда назадъ разойдемся, «ничего не сдѣлавъ, потому-что войско и безъ насъ «размечетъ въ прахъ хлоповъ» ([11]). Самъ король, такъ неотступно-спѣшившій на войну, дожидался несомнѣнной вѣсти о новыхъ побѣдахъ и отправился на богомолье въ Журавицу, на границу Литвы, гдѣ была икона Божіей Матери, которой приписывали чудодѣйственную силу ([12]).

Калиновскій, послѣ побѣды надъ Нечаемъ, усилилъ свое войско новыми отрядами, прибывшими изъ главнаго лагеря подъ Каменцомъ, и началъ опустошать страну между Бугомъ и Днѣстромъ ([13]). Богатое мѣстечко Мурахва сдалось безъ сопротивленія; жолнеры не убивали жителей, но ограбили ихъ. Такую же участь имѣли многолюдный городъ Шарго-

([11]) «Woyna dom.», ч. 2, 15.
([12]) «Bel. scyth. cos.» 125.
([13]) «Истор. о през. бр.»

родъ и мѣстечко Черняховцы ([14]). Оттуда войско обратилось на Ямполь, на Днѣстрѣ. Услышавъ, что тамъ собиралась ярмарка, поляки разсчитали, что тамъ будетъ-чѣмъ поживиться. Калиновскій распустилъ слухъ, что идетъ къ Винницѣ, и послалъ на Ямполь передовой отрядъ подъ начальствомъ Ляндскоронскаго. Жители Ямполя не ожидали нападенія, вѣря ложнымъ слухамъ объ удаленіи войска въ противную сторону. Вдругъ утромъ, на самомъ разсвѣтѣ, когда большая часть спала и только лавочники раскладывали свои товары, явились неожиданно новые гости, приносившіе, по выраженію современника, вмѣсто товаровъ, раны и убійства. Зазвонили въ колокола, схватились за оружіе, но уже было поздно: бо́льшее войско вторглось въ городъ вслѣдъ за передовыми. Пріѣзжіе бросились бѣжать, покинувъ свои товары, и столпились на мосту; мостъ обломился, и всѣ попадали въ рѣку. Поляки окружили городъ, ограбили его совершенно, наполнивъ множество возовъ разными произведеніями и, въ томъ числѣ, венгерскими винами: купцы привозили ихъ въ предположеніи распродать на свадьбѣ Тимоша, которая, какъ думали, будетъ здѣсь справляться. Когда уже болѣе нѣчего было брать, поляки зажгли городъ

([14]) «Annal. Polon. Clim.» I, 225. — «Histor. belli cosac. polon.» 130. — «Woyna dom.», ч. 2, 13.

и начали умерщвлять всѣхъ жителей безъ разбора, не щадя ни стариковъ, ни женщинъ, ни младенцевъ. Тогда погибло болѣе десяти тысячъ народа всякихъ націй — русскихъ, волоховъ, венгерцевъ, и ни одной живой души не оставили жолнеры ([15]).

Покинувъ дымящіяся развалины Ямполя, заваленнаго трупами, поляки приступили къ городу Сцянамъ. Этотъ городокъ раздѣлялся на двѣ части: одна находилась на неприступной горѣ, другая лежала у подошвы горы. На горѣ засѣлъ храбрый казацкій сотникъ, котораго одни историки называютъ Калюшемъ ([16]), а другіе — Александренкомъ ([17]). Калиновскій послалъ къ нему предложеніе сдаться и заплатить окупъ.

— У меня нѣтъ денегъ, отвѣчалъ казакъ: — есть люди и оружіе: будемъ сражаться до послѣднихъ силъ!

Калиновскій ударилъ на низменный городъ. Послѣ перваго сопротивленія, жители убѣжали на гору; поляки хотѣли взятъ верхній городъ — казаки храбро отразили ихъ; три дня приступали враги на утесистую

([15]) «Annal. Polon. Clim.» I, 226. — «Pamiętn. do panow. Żygm. III, Wład. IV i Jan. Kaz.» II, 156.
([16]) «Annal. Polon. Clim.» I.
([17]) «Histor. belli cosac. polon.» 130.

скалу и три дня напрасно теряли людей ([18]). Наконецъ, генералы оставили упорный городокъ и отправились подъ Винницу, которая только-что изъ сотни кальницкаго полка сдѣлана была полковымъ городомъ ([19]). Винницкимъ полковникомъ былъ Иванъ Богунъ. Онъ «упремудрилъ» ляховъ, говоритъ украинская лѣтопись. Прежде всего онъ отправилъ къ Хмельницкому просить помощи, а самъ составилъ планъ задержать поляковъ подъ Винницею, пока подойдетъ войско отъ Хмельницкаго. Какъ только поляки подходили къ Винницѣ, Богунъ оставилъ въ винницкомъ зáмкѣ гарнизонъ, а самъ вышелъ на встрѣчу врагамъ и послѣ первой стычки обратился въ бѣгство, перешелъ рѣку и заперся въ монастырѣ, который находился вблизи Винницы и омывался со всѣхъ сторонъ водою. Поляки замѣтили, что у непріятеля войско несильное, и думали, что на казаковъ нашелъ страхъ; они обратились прямо на монастырь, и никому не вошло въ голову, зачѣмъ по льду раскидана солома. Богунъ приказалъ заранѣе прорубить на Бугѣ ледъ, и когда утреній морозъ подернулъ воду тонкою корою, набросать соломы. Густые ряды польскаго войска ступили на эти мѣста и стремглавъ пошли на дно. Въ числѣ нѣсколькихъ сотъ

([18]) «Annal. Polon. Clim.» I, 225.
([19]) «Histor. belli cosac. polon.» 11.

утонувшихъ былъ Юрій, братъ Киселя, едва-спасшійся прошлый годъ отъ висѣлицы въ домѣ Хмельницкаго. Отважнаго Ляндскоронскаго чуть успѣли вытащить изъ воды ([20]).

Взбѣшенный этою хитростью, Калиновскій рѣшился, во что бы ни стало, взять Богуна. Онъ отправилъ Ляндскоронскаго за Бугъ наблюдать, чтобъ не явилось неожиданно свѣжее казацкое войско, и разузнать, гдѣ находится казацкій гетманъ ([21]), а самъ приказалъ брать Винницу. Богуну не нужно было упорно охранять городъ: онъ старался только задержать поляковъ отъ похода далѣе въ Украину. Жители Винницы дали сильный отпоръ, стоившій полякамъ много людей, а потомъ ушли въ за́мокъ.

Всѣ усилія поляковъ взять приступомъ за́мокъ были напрасны ([22]). Богунъ съ изумительною для враговъ дѣятельностью и быстротою командовалъ разомъ и монастыремъ и за́мкомъ, и не только отражалъ удачно приступы жолнеровъ, но и безпокоилъ ихъ отважными выходками. Современникъ разсказываетъ,

---

([20]) «Annal. Polon. Clim.» I, 228. — «Pamiętn. do panow. Żygm. III, Wład. IV i Jan. Kaz.» II, 157. — «Истор. о през. бр.» — «Histor. belli cosac. polon.» 131.

([21]) «Histor. belli cosac. polon.» 132.

([22]) «Woyna domowa», ч. 2, 14.

что въ одну ночь казацкій полковникъ сдѣлалъ вылазку съ тремя-стами казаковъ на другую сторону Буга для узнанія, нейдетъ ли къ нему вспомогательное войско; этотъ отрядъ вступилъ въ битву съ поляками; послѣдніе узнали Богуна, потому-что лучи мѣсяца ярко играли на его блестящемъ панцырѣ. Враги устремились на него. Уже хорунжій Рогальскій ударилъ его рукояткою своего знамени, а другіе жолнеры хватали его за руки, но Богунъ, необычайно-сильный, однимъ встряхомъ повалилъ на землю своихъ преслѣдователей и поскакалъ во весь духъ, отмахиваясь саблею отъ толпы гонителей, какъ-вдругъ, въ жару битвы, попалъ въ одну изъ тѣхъ продушинъ, въ которую прежде такъ хитро спровадилъ враговъ. Но борзый конь его счастливо выкарабкался изъ воды на ледъ и донесъ своего мокраго и обмерзлаго сѣдока въ монастырь. Поляки думали, что это приключеніе отобьетъ у него охоту къ такимъ смѣлымъ выходкамъ, но, къ удивленію ихъ, на другой же день Богунъ снова показался на своемъ буланомъ конѣ.

— Каково здоровье? кричали ему насмѣшливо поляки.

— Вчера поляки отмстили мнѣ такою же банею, какою я ихъ угостилъ, отвѣчалъ Богунъ.

«Такъ-то (замѣчаетъ современникъ) храбрые, въ

одно и то же время, и сражаются и весело разговаривають между собою» (23).

Такъ проходили дни, какъ-вдругъ прибѣгаетъ Ляндскоронскій съ страшною вѣстью, что приближается уманскій полковникъ, Глухъ, съ сильнымъ ополченіемъ. Ляндскоронскій встрѣтился съ нимъ подлѣ Липовца и убѣжалъ опрометью; Глухъ гнался за нимъ по слѣдамъ и долженъ былъ явиться подъ Винницею чрезъ нѣсколько часовъ (24). Это извѣстіе навело паническій страхъ, подобный, по замѣчанію лѣтописцевъ, тому, который овладѣлъ поляками подъ Пилявою.

«Бѣжать! бѣжать! кричали предводители: — «насъ застигнетъ мартовская распутица, переправы «будутъ невозможны; притомъ наше войско будетъ «во всемъ нуждаться въ непріятельской землѣ.»

Въ ту же минуту дано приказаніе, какъ-можно-скорѣе, уходить и побросать даже всѣ возы, которые были полны со времени разоренія Ямполя. Но нѣкоторыя хоругви до того прониклись страхомъ, что побѣжали не слушая команды, сами не зная куда (25).

Гетманы и начальники, желая ихъ удержать, по-

(23) «Annal. Polon. Clim.» 229. — «Pamiętn. do panow. Żygm. III, Wład. IV i Jan. Kaz.» II, 155.

(24) «Histor. belli cosac. polon.» 152.

(25) «Pamiętn. do pan. Jan. Kaz.» II, 159.

**

спѣшили за ними и покинули лагерь и большую часть войска безъ дисциплины. Тогда служители, пользуясь сумятицею, бросились на возы и начали самовольно выбирать изъ нихъ, что́ кому хотѣлось; хозяева вступались за свою добычу; началась драка... въ то же время иные жолнеры спали мертвецки пьяны, а другіе начали тревожно будить ихъ; проснувшимся представилось, что на нихъ наступаютъ казаки: они схватились за ружья и начали палить по своимъ.

Такъ прошла ночь. На разсвѣтѣ Богунъ сдѣлалъ вылазку, и поляки бросились въ-разсыпную, кидая не только возы, но даже пушки и оружіе... ([26]) «словно (говоритъ современникъ) ([17]), боязливый человѣкъ увидитъ въ лѣсу нѣсколько волковъ и ему представляется огромная стая, между-тѣмъ, какъ число ихъ невелико: такъ точно бѣжали и мы; и нашимъ глазамъ представлялись ужасныя химеры; въ самомъ же дѣлѣ не было большой опасности. Возвращавшійся изъ подъѣзда Димитрій Вишневецкій привелъ въ порядокъ нѣсколько отрядовъ и спасъ по-крайней-мѣрѣ часть артиллеріи» ([28]). Впрочемъ, они не ушли

([26]) «Истор. о през. бр,» — «Woyn. dom.», ч. 2, 14—15. — «Annal. Polon. Clim.» I, 230. — «Лѣтоп. пов. о Мал. Росс.» 77.

([27]) «Woyna domowa», ч. 2, 15.

([28]) Ibid.

бы отъ совершенной гибели, еслибъ казаки не бросились на оставленные возы и тѣмъ не дали возможности переднимъ уйти далеко. Заднiе не избѣжали такъ легко погибели. Казаки преслѣдовали ихъ по пятамъ, и пока жолнеры добѣжали до Бара, то оставили болѣе четырехъ тысячъ съ половиною своихъ собратiй ([29]). Такимъ-образомъ, чрезъ это событiе поляки потеряли не только все награбленное ими у подолянъ, но и всѣ собственные пожитки: пришедши на мѣсто, они не имѣли ни бѣлья, ни платья. Изъ Бара они поспѣшили въ Каменецъ, гдѣ соединились съ другою частью войска, бывшаго подъ начальствомъ Потоцкаго ([30]).

Съ-тѣхъ-поръ войско стояло подъ Каменцемъ и уже не осмѣливалось выступать изъ лагеря. Оно находилось въ бѣдномъ положенiи. Наступила Пасха, а для жолнеровъ, говоритъ современникъ, была она настоящею iудейскою пасхою въ пустынѣ. За неимѣнiемъ хлѣба, они, по-неволѣ, ѣли хлѣбы въ родѣ опрѣсноковъ, безъ соли и съ горечью, потому-что эти хлѣбы печены были изъ лебеды ([31]). Угрожав-

---

([29]) «Кратк. опис. о каз. малор. народ.» 45.

([30]) «Кратк. опис. о каз. малор. народ.» 45. — «Woyna dom.», ч. 2, 15. — «Истор. о през. бр.» — «Hist. ab. exc. Wład. IV.» 72.

([31]) «Histor. belli cosac. polon.» 132.

шія вѣсти тревожили ихъ : господарь Липула писалъ, что Хмельницкій намѣревается грянуть на нихъ съ сильнымъ войскомъ, чтобъ не допустить до соединенія съ королемъ ([32]). Предводители посылали къ королю извѣстія, вовсе непохожія на прежнія, описывали свое бѣдствіе и умоляли о скорѣйшей помощи ([33]). И вотъ, въ Варшавѣ внезапно разочаровались поляки въ своихъ блестящихъ надеждахъ насчетъ удивительныхъ побѣдъ кварцянаго войска ! «Тѣ, которые сочиняли небывалыя событія», говоритъ лѣтописецъ, — «теперь первые опустили руки ([34]); а охотники до таинственнаго со вздохомъ разносили вѣсти, что изъ Руси появилось въ пѣхотѣ множество волковъ, а въ Варшавѣ, на кладбищѣ казненыхъ преступниковъ, у мертвеца изъ уха пролилось много крови, а другой мертвецъ изъ могилы просунулъ руку». «Это пророчитъ большія бѣды Польшѣ», говорили тогда ([35]).

([32]) «Woyna domowa», ч. 2, 16.
([33]) «Histor. belli cosac. polon.» 133.
([34]) «Woyna dom.» 15—16.
([35]) «Stor. delle guer. civ.» 244.

ГЛАВА IV.

Битвы подъ Винницею. — Ополченіе въ Польшѣ. — Папскій легатъ. — Коринѳскій митрополитъ Іосифъ въ Украинѣ. — Выступленіе короля изъ Люблина къ Сокалу. — Планы Хмельницкаго. — Неудачная осада Каменца. — Битва подъ Купчинцами. — Положеніе лагерей казацкаго и польскаго. — Татарскій мурза. — Поляки идутъ къ Берестечку. — Прибытіе хана къ Хмельницкому. — Планы Хмельницкаго. — Поляки идутъ къ Дубну. — Вишневецкій предупреждаетъ опасность. — Возвращеніе поляковъ. — Переправа польскаго лагеря черезъ Стырь. — Появленіе татарско-казацкаго войска. — Первыя стычки. — Гнѣвъ хана. — Ночь предъ битвою.

Король получилъ въ Журавцѣ донесеніе изъ Каменца и, какъ-будто пробудившись отъ сна, по выраженію недоброжелательнаго къ нему историка [1], побѣжалъ въ Варшаву. Онъ недолго оставался въ столицѣ и, въ половинѣ апрѣля, выѣхалъ въ Люблинъ, съ королевою, сенаторами, окруженный всѣмъ дворомъ и многими знатными особами обоего пола, съ десятью тысячами новоприбывшаго изъ Германіи войска. По пріѣздѣ въ Люблинъ, двадцатаго апрѣля, онъ выдалъ *третьи вици* на посполитое рушенье такого содержанія:

«Для отеческой заботливости и попеченія монарха «нѣтъ ничего желаннѣе, какъ то, чтобъ, по укро-

---

([1]) «Histor. belli cosac. polon.» 133.

«щеніи внутренней вражды, обитатели государства «наслаждались миромъ и дворянство не находилось «въ необходимости вооружаться. Но какъ вѣролом-«ный врагъ, неоднократно убѣждаемый именемъ мо-«наршимъ, отвергъ средства къ миру, предложенныя «коммиссарами Речи-Посполитой и пренебрегъ ми-«лосердіемъ нашимъ, то, видя наступающую опас-«ность, мы принуждены несправедливое насиліе от-«ражать оружіемъ, а потому, призвавъ имя божіе, «прибѣгаетъ къ послѣднему средству спасенія — «посполитому рушенью, которымъ издревле предки «наши защищали отечество, свободу и права дво-«рянскаго сословія. И такъ, повелѣваемъ сими треть-«ими вицями всѣмъ, кто только почитается шляхти-«чемъ и пользуется правами благороднаго проис-«хожденія, поднять оружіе за святую католическую «вѣру, отечество, свободу, женъ и дѣтей нашихъ и «поспѣшить въ генеральный обозъ къ 5 іюня не-«премѣнно; тогда и будетъ назначенъ генеральный «смотръ. Мѣсто обоза предназначается подъ старымъ «Константиновымъ» (2).

Дорогой, гость посѣтилъ короля въ Люблинѣ. Это былъ снова Іоаннъ де-Торресъ, епископъ адріано-польскій, легатъ папы Иннокентія X. Папа не прислалъ денегъ, которыхъ просили поляки; онъ отго-

(2) «Annal. Polon. Clim.» I, 239.

варивался тѣмъ, что римская казна истощена; за-то онъ прислалъ всѣмъ полякамъ, идущимъ на брань, свое первосвященническое благословеніе и совершенное отпущеніе всѣхъ грѣховъ, королю въ подарокъ мантію и освященный мечъ, украшенный жемчугомъ и драгоцѣнными камнями, а королевѣ золотую розу. Во время утренняго богослуженія легатъ вручилъ Іоанну-Казимиру и его супругѣ эти дары и, отъ имени св. отца, торжественно провозгласилъ польскаго короля защитникомъ св. вѣры. Вниманіе папы обрадовало поляковъ. Нѣсколько дней прошло въ религіозныхъ церемоніяхъ, напоминавшихъ бывалыя времена крестовыхъ походовъ. Король обнародовалъ, что самъ святой отецъ благословляетъ ополчающихся на брань и повелѣвалъ творить въ храмахъ торжественныя моленія о ниспосланіи счастливаго окончанія войнѣ, предпринятой за честь римско-католической религіи. Релизіозный характеръ войны возрождалъ въ полякахъ отвагу и мужество; шляхтичн выходили съ увѣренностью въ побѣдѣ, потому-что въ Римѣ будутъ молиться за нихъ; шли на смерть съ надеждою очиститься отъ грѣховъ участіемъ въ такомъ святомъ дѣлѣ и пріобрѣсть мученическій вѣнецъ на небѣ ([3]).

([3]) «Histor. ad. exc. Wład. IV.» 72. — «Annal. Polon. Clim.» I, 240.

Польша возстала. Шляхтичи не только выходили сами, но выбирали изъ своихъ подданныхъ крѣпкихъ и рослыхъ, вооружали и брали съ собою на войну ([1]).

И у казаковъ также было религіозное побужденіе. Въ Польшѣ — легатъ; здѣсь такое же лицо — былъ митрополитъ коринѳскій. Онъ препоясалъ Хмельницкаго мечомъ, освященнымъ патріархомъ на самомъ гробѣ Господнемъ, вручилъ ему частицы мощей изъ Греціи, кропилъ войско святою водою, ободрялъ надеждами на помощь божію и рѣшился самъ съ духовенствомъ идти на брань за честь православной вѣры. Аѳонскіе монахи ходили изъ села въ село и призывали православныхъ къ оборонѣ своей святыни. Но войска у Хмельницкаго въ этотъ годъ было менѣе, чѣмъ прежде: значительная часть его была оставлена для охраненія Украины; притомъ, Хмельницкій не имѣлъ тогда той нравственной силы, какъ прошлый годъ. Хлопы, воины неискусные въ строю, хотя шли съ фанатизмомъ противъ пановъ, но питали недовѣрчивость къ своему гетману за потачку панамъ и казни мятежниковъ. Многіе реестровые казаки, пользуясь уже своими правами, охотнѣе хотѣли бы идти противъ турокъ, съ которыми сносился и дружился ихъ предводитель. Новый союзъ съ татарами не нравился имъ, потому-что эти союзники,

([1]) «Истор. о през. бр.»

вступая въ русскую землю подъ видомъ помощи, уводили въ плѣнъ женщинъ. Были такіе казаки, которые, при самомъ началѣ войны, предложили полякамъ свои услуги противъ того, кого за годъ боготворили (5).

Въ первыхъ числахъ мая, король выступилъ изъ Люблина и отряды посполитаго рушенья безпрестанно прибывали къ нему, одни за другими, изъ ближнихъ воеводствъ. Дворъ провожалъ короля до Красностова; королева хотѣла слѣдовать съ нимъ далѣе, изъявляя готовность раздѣлять съ нимъ труды и опасности для славы и чести. Поляки съ восхищеніемъ смотрѣли на такую отвагу. «Это была новая Томира (говоритъ современникъ); ея смѣлый духъ, ея мужественная осанка показывали въ ней не только женщину съ мужскимъ сердцемъ, но какъ-будто мужа, скрывшагося подъ женскою одеждою.» Однако король и сенаторы упросили ее воротиться; они представляли ей, что, вмѣсто того, чтобъ подвергать себя опасностямъ въ полѣ, она лучше будетъ заботиться о спокойствіи оставленнаго отечества вмѣстѣ съ примасомъ. Королева уступила съ нежеланіемъ; только тогда, когда настала минута прощанія, она измѣнила своей твердости и прослезилась и вмѣстѣ съ нею (говоритъ историкъ) заплакали прекрасныя

---

(5) «Histor. belli cosac. polon.» 138.

и любезныя придворныя дамы знатнѣйшихъ польскихъ фамилій, а между-тѣмъ, молодые придворные кавалеры утѣшали ихъ, говоря: «эти слезы со-«крушатъ дерзость мятежниковъ; съ Божіею по-«мощью, они заплатятъ кровью за слезы гороинь «польскихъ» (6).

Король прибылъ подъ Сокалъ и тамъ рѣшился стоять лагеремъ, пока кварцяное войско успѣетъ съ нимъ соединиться (7). Въ вицяхъ было назначено сборное мѣсто подъ Константиновымъ, но послѣ это мѣсто признали неудобнымъ для сбора войскъ, потому-что сторона, гдѣ находился Константиновъ, была уже въ рукахъ казаковъ и притомъ кварцяному войску надобно было идти чрезъ непріятельскую землю, между-тѣмъ, какъ теперь оно могло пройти чрезъ Червоную русь.

Хмельницкій все это время дожидался хана, но крымскій повелитель посылалъ къ нему только обѣщанія и отговаривался, что прежде надобио усмирить калмыковъ (8). Такимъ-образомъ терялось драгоцѣнное для казакомъ время. Хмельницкій не рѣ-

---

(6) «Annal. Polon. Clim.» I, 241 — «Histor. ab. exc. Wład. IV.» 72.

(7) «Histor. ab. exc. Wład. IV.» 73.

(8) «Histor. belli cosac. polon.» 137.

шался съ одними собственными силами ударить на кварцяное войско, стоявшее подъ Каменцомъ.

Но вотъ, донесли ему, что король ужь выступилъ въ походъ и посполитое рушенье собирается въ его лагерь. Не дожидаясь болѣе союзника, Хмельницкій составилъ планъ пресѣчь кварцяному войску соединеніе съ королемъ. Онъ отрядилъ сильный казацкій отрядъ, тысячъ въ сорокъ, подъ начальствомъ есаула Демка и полковниковъ Джеджалыка и Павича на Каменецъ, ударить на жолнеровъ сзади, когда они двинутся (9), а самъ, съ восьмнадцатью тысячами, долженъ былъ идти на Тарнополь и перерѣзать имъ дорогу (10). Но господарь молдавскій узналъ объ этомъ и сообщилъ Потоцкому во́-время; польское войско двинулось ранѣе, чѣмъ казаки могли стать въ положеніе, необходимое для ихъ плановъ (11). Посланное казацкое войско, прибывъ подъ Каменецъ, не застало тамъ непріятельскаго войска. Демко и Павичъ (12) отправились въ погоню, а Джеджалыкъ принялся штурмовать Каменецъ. Джеджалыкъ нѣ-

(9) «Pamiętn. do panow. Żygm. III, Wład. IV i Jan. Kaz.» II, 163.

(10) «Лѣтоп. повѣст. о мал. Росс.» — «Крат. пов. о каз. мал. нар.» 45.

(11) «Histor. belli cosac. polon.» 135.

(12) «Истор. о през. бр.» — «Histor. belli cosac. polon.» 536. — «Woyn. dom.», ч. 2, 17.

сколько дней пускалъ въ Каменецъ ядра, которыя, при неискусствѣ казацкихъ пушкарей, не нанесли полякамъ вреда, и, 19-го мая, оставилъ его. Казаки взяли только недалеко-лежавшую крѣпость Панёвцы: имъ отворилъ ворота какой-то Тршилатковскій, уговорившись, что за это онъ получитъ чинъ полковника въ казацкомъ войскѣ; но когда казаки вошли въ крѣпость, то, вмѣсто полковничьяго чина, дали ему петлю на шею, въ награду за измѣну своему долгу и отечеству ([13]). Между-тѣмъ, тотъ казацкій отрядъ, который пошелъ въ погоню за польскимъ войскимъ, догналъ поляковъ на переправѣ чрезъ рѣку Серетъ, при селеніи Купчинцы; но поляки узнали заранѣе о погонѣ и поставили за холмомъ и лѣсомъ по обѣимъ сторонамъ дороги скрытые отряды; а когда казаки явились, то побросали возы и пустились бѣжать. Казаки погнались за ними, прошли чрезъ рѣку, но едва достигли мѣста, гдѣ была скрыта засада, бѣгущее войско вдругъ оборотилось, скрытые отряды выскочили на казаковъ съ боковъ и притиснули ихъ къ рѣкѣ. Много ихъ потонуло и, въ томъ числѣ, одинъ изъ предводителей — Павичъ ([14]).

([13]) «Annal. Polon. Clim.» I, 236—237.

([14]) «Истор. о през. бр.» — «Histor. belli cosac. polon.» 184. — «Annal. Polon. Clim.» I, 238. — «Pamiętn do panow. Żygm. III, Wład. IV i Jan. Kaz.» II, 165.

Плѣнные казаки сказали полякамъ, что Хмельницкій заходитъ съ другой стороны прямо имъ на встрѣчу. Это извѣстіе снова породило въ войскѣ страхъ; поляки бѣжали днемъ и ночью и, недалеко отъ Сокала, доходя до Буга, увидѣли позади себя чернѣющіе ряды людей: имъ показалось, что они летѣли прямо на нихъ. «Бѣда! бѣда! (кричали поляки) это Хмель-«ницкій!» Въ безпорядкѣ и безпамятствѣ, они кидались въ Бугъ вплавь, и многіе утонули, «и много тогда погибло ляховъ отъ одной боязни», говоритъ лѣтописецъ ([15]). Хмельницкаго не было; чернѣвшая толпа была татарскій загонъ, уводившій невольниковъ. Увидя польское войско, татары бѣжали отъ него въ страхѣ, никакъ не предполагая, что ихъ появленіе надѣлало такого ужаса тѣмъ, которыхъ они боялись сами ([16]).

Избавившись отъ опасности, войско прибыло въ королевскій лагерь безъ запасовъ, пожитковъ и потерявъ значительную часть артиллеріи въ своихъ походахъ.

Хмельницкій доходилъ до Тарнополя; но услышалъ, что планы его разрушены и что войско уже соединилось съ королемъ. Досадуя на Джеджалыка за тó,

---

([15]) «Истор. о през. бр.»
([16]) «Histor. belli cosac. polon.» 135.

что провелъ попустому время подъ Каменцомъ ([17]), гетманъ возвратился назадъ, сталъ подъ Збаражемъ и тамъ рѣшился дожидаться хана ([18]).

Такъ находились непріязненныя войска въ своихъ лагеряхъ около трехъ недѣль; оба теряли удобное время къ нападенію одно на другое. Хмельницкій не отваживался напасть на короля, потому-что польскія силы увеличивались съ каждымъ часомъ, между-тѣмъ, какъ положеніе казаковъ подъ Збаражемъ было невыгодно: распространились въ лагерѣ повальныя болѣзни, столь пагубныя, что въ короткое время казаки вывезли двѣсти-шестьдесятъ возовъ съ мертвыми и больными ([19]). Кромѣ того, край этотъ былъ опустошенъ прежде войною и послѣдній годъ саранчею ([20]). Армія начала терпѣть голодъ. Хмельницкій посылалъ отряды въ Полѣсье и на Волынь для фуража ([21]).

Королевское войско, безпрестанно увеличиваясь, подвергалось тоже тѣмъ неудобствамъ, отъ которыхъ терпѣло казацкое: и тамъ распространились повальныя болѣзни, отъ которыхъ многіе умирали, не уви-

---

([17]) «Истор. повѣст. о мал. Росс.». 78.
([18]) «Woyna dom.» ч. 2, 19. — «Histor. belli cosac. polon.» 142. — «Stor. delle guer. civ.» 252.
([19]) «Woyna dom.» ч. 2, 21.
([20]) «Истор. о през. бр.»
([21]) «Histor. belli cosac. polon.» 138.

дѣвъ непріятеля. Многочисленное стеченіе народа произвело дороговизну, которая скоро возвысилась до-того, что шляхтичи, говоритъ современникъ, нерѣдко дрались между собою за кусокъ бѣлаго хлѣба, а овесъ былъ по 20 злотыхъ за кóрецъ, тогда какъ, въ обыкновенное время, цѣна его была 2 злотыхъ ([22]). Сверхъ того, безпокоили короля обычныя несогласія пановъ и духъ неповиновенія, никогда-неоставлявшій поляковъ. Король употреблялъ всѣ мѣры, чтобъ усмирить волненія, и въ-особенности дѣйствовалъ посредствомъ религіи. Онъ самъ часто ѣздилъ въ бернардинскій монастырь, показывалъ всѣмъ примѣръ, что въ такое время мысли должны быть обращены къ Богу. Наступилъ праздникъ Тѣла Господня. Въ этотъ день все войско было собрано; канцлеръ, епископъ Лещинскій, совершилъ литургію и, по окончаніи ея, вынесъ св. Дары съ торжествомъ, какъ слѣдовало по обряду праздника. За нимъ шелъ король съ горящею свѣчою, послѣ него слѣдовали сенаторы и воеводы. Все войско было выстроено и, по данному знаку, каждая хоругвь должна была подходить къ духовенству, стоявшему около канцлера, который держалъ безкровную жертву. Впереди хоругви шелъ хорунжій съ своимъ знаменемъ и, по-

([22]) «Stor. delle guer. civ.» 246. — «Woyna dom.», ч. 2, 20.

дошедъ къ первосвященнику, клалъ съ благоговѣніемъ знамя у ногъ его; всѣ за нимъ становились на колѣни, и хорунжій, отъ имени своихъ подчиненныхъ, произносилъ клятву пребывать въ согласіи и единствѣ, какъ прилично воинамъ креста. Примѣръ тому показала хоругвь королевская, за нею слѣдовали прочія хоругви; обрядъ этотъ, кромѣ того, что поддерживалъ въ воинахъ духъ, послужилъ и для обозрѣнія всего войска ([23]). Это войско было тогда еще неполно; изъ нѣкоторыхъ воеводствъ еще не успѣли прійти посполитаки, чтó очень не нравилось королю. Въ станѣ подъ Сокаломъ онъ былъ также дѣятеленъ какъ и подъ Зборовымъ, производилъ маневры, училъ неопытныхъ, отправлялъ подъѣзды и безпрестанно возбуждалъ и поддерживалъ въ подчиненныхъ духъ воодушевленія и порядка ([24]).

Простоявъ нѣсколько недѣль подъ Сокаломъ, паны сочли неудобнымъ для встрѣчи съ непріятелемъ мѣсто, которое до-того времени считали выгоднымъ. Случилось обстоятельство, которое заставило ихъ перенести лагерь изъ-подъ Сокала въ другое мѣсто.

Ханъ шелъ уже съ ордами своими на соединеніе съ Хмельницкимъ и послалъ пословъ къ королю. Эти

([23]) «Bell. scyth. cosac.» 134.
([24]) «Woyna dom.», ч. 2, 20,

послы имѣли тайное свиданіе съ королемъ, потомъ испросили позволеніе повидаться съ Ничахомъ, плѣннымъ мурзою, взятымъ Калиновскимъ подъ Купчинцами. Этотъ богатырь, черный какъ негръ, исполинскимъ ростомъ приводившій въ изумленіе, пользовался благосклонностью пановъ, какъ знатокъ военнаго дѣла; онъ совѣтовалъ имъ не покидать мѣста подъ Сокаломъ. Когда татары сошлись съ нимъ, тогда два поляка, знавшіе по-татарки, нарядились въ платье нѣмецкихъ солдатъ и, стоя на караулѣ подъ видомъ часовыхъ, услышали, что этотъ мурза описывалъ посполитаковъ трусами и плохими воинами и передавалъ хану совѣтъ поскорѣе напасть на поляковъ подъ Сокаломъ, гдѣ онъ, между-тѣмъ, будетъ ихъ задерживать своими совѣтами, потому-что мѣсто для нихъ неудобно и тѣсно. Хитраго мурзу, послѣ того отправили въ Варшаву, а ханскихъ пословъ отпустили съ честью ([25]).

Польскіе историки не говорятъ, что̀ за цѣль была этого посольства и какое послѣдствіе оно имѣло; но лѣтописцы украинскіе повѣствуютъ, будто король, замѣтивъ, что ханъ нерасположенъ къ казацкому гетману, предлагалъ ему южную часть Украины, гдѣ находилось Запорожье — пріютъ недовольныхъ, колы-

([25]) «Histor. ad exc. Wład. IV.» 74.

бель возстаній, если только онъ отступитъ отъ казаковъ ([26]).

Во всякомъ случаѣ, поляки разсчитывали, что если ханъ и недоволенъ своимъ союзникомъ Хмельницкимъ, а все-таки не упуститъ случая, когда можно, повредить полякамъ. Послы съ тайными предложеніями могли быть также и шпіоны, присланные для того, чтобъ узнать, ка̀къ велико польское войско и есть ли возможность съ нимъ сладить ([27]). Паны не смѣли оставаться на томъ мѣстѣ, которое непріятель почиталъ для себя выгоднымъ; рѣшили перенести лагерь на Волынь ([28]). «Лучше (говорили они) воевать въ «землѣ враждебнаго народа, чѣмъ отягощать собствен«ный народъ войною» ([29]). Конецпольскій былъ посланъ впередъ, съ двумя тысячами-пятьюстами человѣкъ, осмотрѣлъ переправы и доносилъ, что самое удобное мѣсто стать лагеремъ подъ мѣстечкомъ Берестечкомъ, на рѣкѣ Стырѣ; «тамъ (извѣщалъ онъ) просторное поле, обильное пастбище, хорошая вода» ([30]). И такъ, 5-го іюля, (15-го н. с.) войско, усиленное новыми ополченіями посполитаго рушенья,

---

([26]) «Кратк. истор. опис. о Мал. Росс.», 16.
([27]) «Histor. ab. exc. Wład. IV.» 74.
([28]) «Woyn. dom.» ч. 2, 20.
([29]) «Histor. bel. cosac. polon.» 139.
([30]) «Pam. o Koniecpols.»

двинулось въ походъ. Впередъ, по направленію на югъ, гдѣ былъ Хмельницкій, высланъ былъ Вишневецкій, съ тремя тысячами, для наблюденія за непріятелемъ ([31]).

Какъ только поляки замыслили идти на Волынь, Хмельницкій узналъ объ этомъ и задумывалъ напасть на нихъ въ то время, когда они будутъ проходить по болотистымъ мѣстамъ между Сокаломъ и Берестечкомъ, и запереть ихъ въ непроходимомъ мѣстѣ. Но онъ, съ-часу-на-часъ, дожидался хана и не рѣшился выступить до его прибытія цѣлымъ войскомъ, а послалъ только впередъ отрядъ, готовясь броситься сэмъ за нимъ, когда придетъ ханъ ([32]).

Первый день польское войско проходило по болотистому, вязкому лугу; лошади забивались въ тину, ломались по кочкамъ колеса, солдаты сбивались съ дороги. Вечеромъ войско должно было переправляться по узкому сухому пути, окруженному топями; оно растянулось на большое пространство и находилось въ такомъ положеніи, что еслибъ непріятель напалъ на него, то поляки, при всей многочисленности, не въ силахъ были дѣйствовать взаимными силами и были бы разбиты ([33]). На другой день, шесть часовъ

([31]) «Histor. belli cosac. polon.» 142.
([32]) Ibid. 143.
([33]) «Woyna dom.» Ч. 2, 21.

сряду, король раздѣлялъ свое войско на отдѣлы, для удобнѣйшаго перехода ([34]). Поляки шли медленно. Но Вишневецкій прислалъ королю пойманныхъ казаковъ. Принужденные пытками, плѣнники разсказали о намѣреніи гетмана и король приказалъ спѣшить день и ночь, и, на пятый день пути они достигли Берестечка ([35]). Хмельницкій пропустилъ удобное время напасть на поляковъ во время перехода.

Польское войско остановилось на лѣвой сторонѣ Стыри; король призналъ лучшимъ перевести его на правый берегъ, потому-что тамъ была огромная равнина.

Началась переправа. Польское войско было столь огромно и столь своевольно, что переправа не окончилась въ нѣсколько дней. «Мы были до-того безразсудны (говоритъ современникъ) ([36]), что въ то время, когда ужь непріятель, угрожавшій погибелью нашей свободѣ, готовъ былъ, не сегодня,—завтра, появиться предъ глазами нашими, въ войскѣ возникли волненія. Шляхтичи негодовали на короля за предпочтеніе нѣмцамъ. Иные, поссорившись съ товари-

---

([34]) «Bel. scyth. cosac.» 142. — «Лѣтоп. пов. о мал. Росс.» 79.

([35]) «Histor. belli cosac. polon.» 143. — «Woyna domowa.» Ч. 2, 21. — Мѣстечко дубенскаго уѣзда, въ трехъ верстахъ отъ австрійской границы.

([36]) «Woyna dom.» Ч. 2, 21.

щами, требовали отъ начальства наказанія своимъ соперникамъ и кричали, что если имъ не окажутъ удовлетворенія, то они не пойдутъ на переправу ([37]). Шумъ, смятеніе, даже драка въ самыя опасныя минуты»... Еще разъ былъ благопріятный случай для Хмельницкаго, но Хмельницкій не являлся, а между тѣмъ силы польскія увеличились еще нѣсколькими десятками тысячъ: подъ Берестечкомъ прибыли ополченія посполитаго рушенья воеводствъ краковскаго, сандомирскаго, волынскаго, бельзскаго и русскаго ([38]).

Хмельницкій въ то самое время былъ занятъ пріемомъ хана. Радостныя восклицанія и привѣтственый громъ орудій возвѣщали на далекое пространство о соединеніи казацкаго гетмана съ повелителемъ крымцевъ ([39]). Но уже первое свиданіе союзниковъ предвѣщало мало добраго. Исламъ-Гирей намекалъ на предполагаемую войну съ москвитянами, которой такъ искусно помѣшалъ Хмельницкій, и слушалъ холодно увѣренія гетмана въ благодарности. Исламъ-Гирей, по-неволѣ, долженъ былъ нарушить зборовскій договоръ, выгодный для него и представлявшій ему случай обогатиться еще и насчетъ Московіи. Исламъ-Гирей оскорблялся тѣмъ, что Хмельницкій, дѣйствуя

([37]) «Woyna dom.» Ч. 2, 22.
([38]) «Woyna z kazak. i tat.» I, 273.
([39]) «Histor. belli cosac. polon.» 142.

посредствомъ турецкаго двора, насильно принудилъ крымскаго хана идти противъ поляковъ.

Не успѣвъ исполнить своего плана и преградить врагамъ путь къ Берестечку, Хмельницкій затѣялъ другой: онъ послалъ казаковъ, которые попались въ плѣнъ и сказали, что ихъ гетманъ направляетъ всѣ свои силы къ Дубну. Это сдѣлано съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобъ раздѣлить польское войско и атаковать его на двухъ переправахъ: оставшихся на Стырѣ, а тѣхъ, которые двинутся къ Дубну, на рѣкѣ Иквѣ — среди болотъ и яровъ.

Сначала планъ-было удался. Тогда еще обозъ на Стырѣ не успѣлъ переправиться и множество возовъ и пѣхоты было на другомъ берегу, а, по настоянію короля, вопреки возраженіямъ Потоцкаго, на военномъ совѣтѣ рѣшили — идти съ конницею подъ Дубно ([40]).

На другой день, едва только стало разсвѣтать, раздались трубы и передовые полки двинулись по дорогѣ къ Дубно. Самъ король, собравшись въ путь, слушалъ обѣдню. Въ это время приводятъ къ Потоцкому какого-то шляхтича.

«Я шелъ изъ Подкаменя (сказалъ онъ), и одинъ «Промыслъ спасъ меня. Когда я проходилъ чрезъ

([40]) «Лѣтоп. пов. о Мал. Росс.» 79.

«лѣсъ, то видѣлъ изломанные кустарники и свѣжіе «слѣды конскихъ копытъ — несомнѣнный признакъ, «что непріятельское войско недалеко.»

Потоцкій побѣжалъ къ королю и прервалъ его благочестивыя занятія. Онъ разсказалъ ему о вѣсти и заклиналъ, именемъ булавы, которую государь вручилъ ему, не идти впередъ.

«Умоляю, ваше величество, сказалъ онъ: — не «выступать по-крайней-мѣрѣ сегодня; если ваше «величество столь-горячо побуждаетъ желаніе без-«сметрной славы и побѣды, то повременимъ до утра: «быть-можетъ, тѣмъ временемъ, мы получимъ навѣр-«ное извѣстіе о непріятелѣ.»

Король приказалъ помедлить, но все-таки собирался въ походъ, и передовые полки были за четыре версты отъ стана ([41]). Вдругъ прибѣгаетъ гонецъ Вишневецкаго.

Іеремія уже успѣлъ подъ Радзивилловымъ войти въ новую битву съ казаками и узналъ намѣреніе непріятеля.

«Воротитесь (извѣщалъ онъ) и не покидайте сво-«его поста. Хмельницкій идетъ къ Дубно, чтобъ «остановить войско наше во время переправы чрезъ «Икву, а ханъ хочетъ напасть на оставшійся обозъ

([41]) «Woyna dom.» Ч. 2, 23—24.

«на Стыри и уже сосредоточилъ свои силы около мѣ-«стечка Перепятина» ([42]).

Тогда король далъ приказаніе немедленно воротиться и началъ переправлять остальную пѣхоту и обозъ съ лѣвой стороны Стыри на правую. Эта работа продолжалась весь день и наконецъ цѣлую ночь, при зажженныхъ лучинахъ ([43]).

Король запретилъ, подъ страхомъ наказанія, выходить изъ обоза пасти лошадей, для того, чтобъ какой-нибудь нерасторопный слуга не попался подъ татарскій арканъ и не высказалъ непріятелю о положеніи войска. Но поляки, какъ обыкновенно у нихъ дѣлалось, не слушали приказаній, попадались въ плѣнъ и черезъ это Хмельницкій зналъ о всѣхъ движеніяхъ своихъ непріятелей. Такъ случилось и въ этотъ день ([44]). Попавшись въ плѣнъ, слуги сказали, что король уже нейдетъ къ Дубно. Хмельницкій узналъ, что другой планъ его разрушенъ Вишневецкимъ. Досадно стало гетману, что его кровный и непримиримый врагъ одинъ уничтожаетъ замыслы

([42]) «Histor. belli cosac. polon.» 143. — «Bel. scyth. cosac.» 144. — «Wojna z kaz. i tat.» I, 272. — «Stor. delle guer. civ.» 256.

([43]) «Histor. belli cosac. polon.» 145.

([44]) «Wojna z kasac. i tat.» I, 272. — «Histor. belli cosac. polon.» 144. — «Кратк. ист. о бунт. Хмельниц.» 33. — «Stor. delle guer. civ.» 256.

его и, какъ-будто насмѣхаясь надъ силою его, стоитъ въ отдаленіи отъ главнаго войска и спасаетъ всѣхъ своею храбростью и предусмотрительностью. Хмельницкій послалъ сильный отрядъ сломить и уничтожить храбреца.

Недалеко отъ Берестечка, напали казаки на Вишневецкаго; два раза онъ посылалъ просить подкрѣпленія и два раза не выдержали поляки. Приходилось Вишневецкому посрамить свою воинскую славу, какъ вдругъ, уже на закатѣ солнца, является Конецпольскій. Съ-тѣхъ-поръ, какъ онъ былъ высланъ для узнанія мѣстности, его не было въ лагерѣ; онъ воевалъ съ казацкими загонами, а теперь возвращался изъ Бродъ и, услышавъ шумъ сраженія, нечаянно поспѣшилъ на спасеніе Вишневецкаго и ударилъ на казаковъ сзади; они смѣшались и оставили сраженіе. Съ торжествующимъ видомъ прибылъ Іеремія въ обозъ съ новыми плѣнниками. Татарскіе плѣнники сказали, что ханъ хотя прибылъ, но вовсе не расположенъ сражаться и теперь хотѣлъ возобновить миръ ([45]).

Это было вечеромъ, 18-го іюня (28-го н. с.). Вдругъ на горизонтѣ зачернѣла толпа. Въ польскомъ лагерѣ раздался крикъ, началась бѣготня. Король приказалъ коннымъ полкамъ выходить въ поле. Но

([45]) «Histor. belli cosac. polon.» 144.

это были только передовые татарскіе наѣздники, открывавшіе сраженіе, по своему обыкновенію, герцами. Они вызывали поляковъ помѣриться силою и, чтобъ раздражить ихъ, называли трусами и показывали разные оскорбительные знаки. Нѣсколько отважныхъ выѣхало на герцы. Дѣло обошлось безъ большаго кровопролитія, но татары удалились съ тайнымъ предчувствіемъ неудачи. «У татаръ (говоритъ современникъ) былъ обычай замѣчать, въ какую сторону головою упадетъ первый татарскій трупъ: если къ непріятелю, то это счастливая примѣта, а если къ своимъ, тогда ожидали потери.» Случилось, что какой-то татаринъ, на пѣгомъ конѣ, разскочился на поляка, но тотъ ударилъ его копьемъ — и наѣздникъ упалъ навзничъ головою къ своимъ ([46]).

Король, ожидая, съ-минуты-на-минуту, появленія цѣлаго непріятельскаго войска, не велѣлъ конницѣ возвращаться въ лагерь. Жолнеры провели ночь сидя на коняхъ, жалуясь, по выраженію современника, на лѣнивую зарю, которая, какъ казалось имъ, слишкомъ медлила и оставляла ихъ въ непріятномъ положеніи ([47]).

19-го іюля (29-го н. ст.), когда взошло солнце,

([46]) «Annal. Polon. Clim.» I, 248. — «Pamiętn. do pan. Żygm. III, Wład. IV i Jan. Kaz.» II, 174.
([47]) «Woyna dom.» Ч. 2, 26.

поляки увидѣли издали на югѣ непріятеля «Казаки, въ своихъ коротенькихъ черныхъ свиткахъ, были подобны громовымъ тучамъ, волнуемымъ бурею (говоритъ современникъ)» ([48]). Они остановились таборомъ, верстъ за пять отъ польскаго лагеря, надъ рѣчкою Пляшовою, впадавшею въ Стырь. Вслѣдъ за ними начали, мало-по-малу, появляться татары. Пойманные вчера поляками, плѣнники говорили, что въ этотъ день союзники не будутъ начинать генеральной битвы по какимъ-то колдовскимъ примѣтамъ, а потому король выстроилъ только часть своего войска, остальнымъ же велѣлъ выходить изъ обоза, приказывая, однако, быть на готовѣ по первому вызову ([49]).

Вдругъ десять тысячъ татаръ летятъ вмѣстѣ съ казацкими отрядами, въ видѣ треугольника, на лѣвое крыло польской арміи. Король велѣлъ перемѣшать кварцяныхъ жолнеровъ съ посполитаками и двинуть на непріятеля. Непріятель нарочно пускалъ стрѣлы и пули въ посполитаковъ, замѣтя, что это народъ невоинственный. Оглушительный крикъ татаръ придавалъ имъ боязнь: они пришли въ безпорядокъ и побѣжали ([50]). Два раза король посылалъ имъ свѣжія силы, но изъ казацкаго табора прилетали на помощь сво-

([48]) «Histor. belli cosac. polon.» 148.
([49]) «Woyna dom.» Ч. 2, 26.
([50]) Ibid. 2: 2, 7.

имъ новыя толпы ([51]). Уныніе начало распространяться по рядамъ; мирный шляхтичъ не могъ смотрѣть безъ содроганія на потоки крови, слышать стоны умирающихъ, крики раненыхъ. Коронный гетманъ, ободряя ихъ, кричалъ:

«Никто не долженъ страшиться такого зрѣлища: «всякій знаетъ, что оно обыкновенное игралище «Марса!»

«Пріятно (замѣчаетъ современникъ) ([52]) было смотрѣть издали, ка̀къ бѣгущіе опять возвращаются на непріятеля, ка̀къ опрокидываютъ его, ка́къ перелетаютъ съ одной стороны на другую знамена, берутъ плѣнниковъ; и не даромъ одинъ почтенный мужъ при этомъ зрѣлищѣ воскликнулъ: «Господи Боже! «покажи на мнѣ милость свою, чтобъ въ то время, «когда другіе бьются, я могъ только смотрѣть и лю«боваться.»

Враги разошлись; и тѣ и другіе приписывали себѣ побѣду. Поляки говорили, что заставили казаковъ и татаръ оставить поле битвы ([53]); казаки хвалились, что тогда-то познали поляки казацкую силу ([54]). Убитыхъ, по свидѣтельству современнаго

([51]) «Histor. belli cosac. polon.» 149.
([52]) «Histor. delli cosac. polon.» 150.
([53]) «Woyna dom.» Ч. 2. 27.
([54]) «Пов. о томъ, что́ случ. въ Украинѣ.» 1.

дневника, было только двѣсти съ обѣихъ сторонъ ([55]), но безъ ранъ рѣдкій возвратился съ поля ([56]).

Истомленное безсонницею прошлой ночи и сраженіемъ, польское войско нуждалось въ успокоеніи, а потому король позволилъ конницѣ возвратиться въ обозъ, но приказалъ быть въ совершенной готовности, когда сдѣлается тревога ([57]); между-тѣмъ, на передовыхъ окопахъ поставлены были караулы для наблюденія за движеніемъ непріятеля ([58]).

Эта первая стычка мало удовольствія принесла и Хмельницкому. Впродолженіе сраженія, ханъ съ холма смотрѣлъ въ зрительную трубу и удивлялся многочисленности польскаго войска ([59]). По возвращеніи орды съ поля, онъ собралъ около себя мурзъ на военный совѣтъ и началъ совѣтоваться: нельзя ли отъискать предлога оставить Хмельницкаго и примириться съ поляками? Услышавъ объ этомъ, Хмельницкій прибѣжалъ къ Исламу.

— Ка̀къ-же это? сказалъ гнѣвный повелитель Крыма: — ты увѣрялъ, что у поляковъ войска тысячъ какихъ-нибудь тридцать, да и тѣ неопытная

([55]) «Wojn. z kosac. i tat.» 273.
([56]) «Histor. belli cosac. polon.» 151.
([57]) «Woyn. dom.» Ч. 2, 28.
([58]) «Histor. belli cosac. polon.» 151.
([59]) «Histor. ab. exc. Wład. IV.» 75.

молодёжь, а я вижу, что у короля войско огромное и есть воины храбрые.

— Они отважны на первыхъ порахъ, возразилъ Хмельницкій: — пусть-ка попробуютъ пуль, лагерныхъ неудобствъ, непогоды, солнечнаго зноя и безсонныхъ ночей, а наконецъ, голода; не станетъ вина и другихъ напитковъ: воды пить не привыкли; холоду и голоду не испытывали, — посмотрите, какъ они сами поднимутъ мятежъ и оставятъ своихъ начальниковъ. Надобно только истребить кварцяныхъ, а посполитое рушенье отъ одного страха пойдетъ въ-разсыпную. Назадъ тому три дня, ужь и такъ многіе, разсердившись на короля, ушли домой (60).

— Если ты мнѣ завтра не расправишься съ поляками, сказалъ ханъ: — то я тебя самого отведу на веревкѣ къ королю (61).

Украинскіе лѣтописи увѣряютъ, что въ эту ночь дѣйствительно было заключено новое и окончательное тайное условіе между ханомъ и королемъ. Поляки отдавали хану Запорожье, обѣщали подарки и союзъ, и ханъ далъ слово, что будетъ слѣдующій день сражаться только для вида (62). Польскіе историки не

---

(60) «Pamiętn. do panow. Żygm. III, Wład. IV i Jana Kaz.» II, 175.

(61) «Woyn. domowa.» Ч. 2, 28.

(62) «Лѣтоп. пов. о мал Росс.» 154.

упоминаютъ объ этомъ извѣстіи, но оно имѣетъ свою правдоподобную сторону. Турецкое правительство держало тогда при ханѣ своихъ агентовъ. Отряды турецкіе были между его татарами ([63]). Поэтому ханъ не смѣлъ явно заключить договора съ поляками. Съ другой стороны, и король могъ желать сохранить это въ глубочайшей тайнѣ, дабы представить глазамъ народа блистательную побѣду польскимъ ополченіямъ и тѣмъ возвысить свою славу и ободрить духъ польской націи. Впрочемъ, есть причины, заставляющія, съ другой стороны, и сомнѣваться въ этомъ, особенно, если вѣрить описаніямъ сраженія по историкамъ польскимъ.

Какъ бы то ни было, несомнѣнно только то, что ханъ показывалъ въ то время сильное нерасположеніе къ казацкому вождю. Хмельницкій не унывалъ. Удалившись изъ исламова шатра, онъ сталъ наблюдать въ сумеркахъ польскій лагерь; видѣлъ, ка́къ разставляли караулы, и замѣтилъ, что одинъ крайній редутъ, около рѣки Стыри, охранялся слабо. Казацкій гетманъ выбралъ шайку отважнѣйшихъ и приказалъ имъ напасть на нѣмцевъ, которымъ былъ ввѣренъ этотъ пунктъ. Въ полночь, казаки переплыли Стырь и тихо подкрались къ непріятелю. Нѣмцы спали,

---

([63]) «Histor. ab exc. Wład. IV.» 76.

утомленные битвою и трудами. Разсыпавшись между сонными, казаки начали ихъ колоть, и уже много погибло нѣмцевъ и ни одинъ не успѣлъ пикнуть. Но, послѣ долгаго труда, руки ослабѣли у казаковъ и умиравшіе, сквозь сонъ почувствовавъ мученіе, произносили глухіе стоны. Это пробудило одного артиллериста... онъ встаетъ, догадывается, подходитъ къ пушкѣ и выпаливаетъ. Громъ ея пробудилъ множество народа; раздалась тревога на трубахъ отъ одного редута до другаго и скоро затрубили по всему лагерю, и вся армія была уже на ногахъ. Воины летѣли туда, откуда послышалась тревога. Казаковъ уже не было: они бросились въ рѣку, переплыли ее, и когда жолнеры, съ зажженными лучинами, смотрѣли на зарѣзанныхъ нѣмцевъ, молодцы уже выбрались нàсухо, съ удивительною для враговъ скоростью ([64]).

Съ этой минуты все войско польское не спало. Проснулись и въ казацкомъ войскѣ. И тамъ, и у поляковъ начали готовиться къ рѣшительному бою. Какъ-только сталъ показываться на востокѣ свѣтъ и можно было отличить человѣка отъ человѣка, король началъ устроивать войска въ боевой порядокъ ([65]). Онъ раздѣлилъ его, какъ водится, на три части.

([64]) «Histor. belli cosac. polon.» 152.
([65]) «Histor. belli cosac. polon.» 153.

Правымъ крыломъ командовалъ Потоцкій; подъ его начальствомъ были, между прочими, Ляндскоронскій, Александръ Конецпольскій, Юрій Любомирскій и два брата Собѣскихъ; лѣвымъ крыломъ начальствовалъ Калиновскій; здѣсь былъ и герой этой эпохи — Іеремія. Ополченія посполитаго рушенья перемѣшаны были съ кварцяными: ополченія сандомирское, краковское, бельзкое, любельское, волынское, русское и сѣрадское — шляхтичи, большею частью потомки православныхъ предковъ, находились на лѣвой сторонѣ. Прочіе были на правой. Правое крыло примыкало къ лѣсу, лѣвое къ Стыри. Центромъ начальствовалъ самъ король. Впереди, въ центрѣ, стоялъ Пршіемскій съ артиллеріею, за нимъ ряды нѣмецкой пѣхоты, прикрытой по оконечностямъ отрядами конницы; далѣе, вдоль полукруглаго шара, гусары съ копьями, украшенными красными древками, а за ними король, окруженный пятьюстами конной дружины изъ знатнѣйшихъ дворянъ; за королемъ была пѣшая гвардія, полки нѣкоторыхъ воеводствъ, въ томъ числѣ драгуны, присланные курфирстомъ брандербургскимъ, по долгу ленной зависимости. Позади былъ лагерь, окруженный возами, скованными цѣпями, а за нимъ Берестечко и извилистая Стырь (66). Число

(66) «Bel. scyth. cos.» 158—161. — «Histor. belli cosac. polon.» 141—148. — «Annal. Polon. Clim.» I,

всего польскаго войска простиралось до трехсотъ тысячъ ([67]), но если прибавить къ тому слугъ, погонщиковъ, неучаствовавшихъ въ фрунтовой службѣ, то оно было гораздо-болѣе и могло дѣйствительно привесть въ страхъ не одного хана. «Въ то время (говоритъ современникъ) ([68]), только ксендзы, женщины, старики и дѣти оставались дома, въ Польшѣ; всѣ взрослые и сильные пошли на войну, освященную благословеніемъ римскаго первосвященника: всякому желательно было избавиться отъ грѣховъ и мученій послѣ смерти.»

Канцлеръ Лещинскій совѣтовалъ королю удалиться съ поля битвы для предохраненія отъ опасности.

— Народъ божій, говорилъ онъ: — удалялъ отъ опасности Давида, дабы не затмилось свѣтило Израиля; Владиславъ, Ягелло и Сигизмундъ III всегда издали смотрѣли на сражавшихся, да и самъ ханъ предъ глазами нашими, хотя и считается смѣльчакомъ, но только зритель битвы, а не боецъ.

— Собственная безопасность для меня не дороже безопасности отечества, сказалъ король: — король живетъ одною жизнью съ народомъ; едино тѣло долж-

---

253—255. — «Histor. ab exc. Wład. IV:» 77. — «Wojna za kaz. i tat.» I, 273.

([67]) «Woyna dom.» Ч. 2. — «Истор. о през. бр.»

([68]) «Woyna dom.» Ч. 2, 19.

но быть оживляемо единымъ духомъ. Другимъ королямъ угодно было удаляться отъ битвы, а я знаю, что побѣды зависятъ прежде всего отъ Бога, а потомъ отъ короля и вождей. Пусть дворяне видятъ своего короля и ободряются; пусть враги видятъ его и боятся насъ. Пуля найдетъ виновнаго (69).

Хмельницкій тоже устроивалъ свою армію: она раздѣлена была на двѣ половины по союзнымъ народамъ. По отлогости равнины, на лѣвой сторонѣ, расположились татары; ихъ длинный рядъ загибался назадъ, въ видѣ полумѣсяца, и соединялся съ казацкимъ войскомъ; казаки стояли прямо противъ лѣваго польскаго крыла; впереди находился знаменитый казацкій четвероугольникъ изъ возовъ въ три ряда, скованныхъ между собою цѣпями: пѣхота уставлена была рядами въ срединѣ этого подвижнаго укрѣпленія, которое, по сознанію поляковъ, могло выдержать самый сильный напоръ. Пѣхота была прикрыта по бокамъ отрядами конницы (70). Число ханскаго войска вообще историки простираютъ до ста тысячъ, а число казацкаго польскіе историки явно преувеличиваютъ, ибо одни простираютъ его до 350,000, дру-

(69) «Annal. Polon. Clim.» I, 251. — «Pamiętn. do pan. Żygm. III, Wład. IV i Jan. Kaz.» II, 18.

(70) «Histor. ab exc. Wład. IV.» 77.

гіе до 250,000 ([71]), иные до 200,000 ([72]), но, по всѣмъ вѣроятіямъ, у Хмельницкаго не было столько войска, потому-что тысячъ болѣе тридцати поставлено было на границѣ литовской; нѣкоторые украинскіе полки, напримѣръ, кіевскій, уманьскій, оставлены были въ срединѣ Украины и почти всѣ мѣстечки наполнены были казаками. Подъ Збаражемъ Хмельницкій не имѣлъ войска болѣе восьмидесяти тысячъ. Современные польскіе дневники также упоминаютъ только о восьмидесяти тысячахъ дѣйствующаго русскаго войска подъ Берестечкомъ ([73]). Если прибавить сюда толпу простонародья изъ Волыни, которая смотрѣла за возами и лошадьми и служила для исправленія всякихъ работъ, то, быть-можетъ, войско русское простиралось до ста тысячъ слишкомъ. Такимъ-образомъ, одинъ польскій историкъ, упоминая о числѣ всего войска, дѣйствовавшаго подъ Берестечкомъ, съ обѣихъ сторонъ, справедливо насчитываетъ только пятьсотъ тысячъ слишкомъ, но триста тысячъ изъ него было поляковъ. Опытные реестровые казаки, такъ-называемые ветераны, были въ войскѣ Хмельницкаго такая-же сильная надежда, какъ нѣмецкіе полки въ польскомъ войскѣ; но вообще у казаковъ тогда уже начало показываться качество, нѣ-

([71]) Ibid.
([72]) «Annal. Polon. Clim.» I, 246.
([37]) «Wojna z kaz. i tat» I, 319.

сколько-угаснувшее въ эпоху всеобщаго волненія — предательство.

Выстроенные къ битвѣ, враги долго не видѣли другъ друга за утреннимъ туманомъ, разстилавшимся по стырской равнинѣ. Въ польскомъ лагерѣ пѣли молитвословія; по рядамъ носили чудотворный образъ хелмской Божіей Матери, которой работу преданіе приписывало св. евангелисту Лукѣ ([74]). Онъ былъ подаренъ, какъ думали поляки, константинопольскимъ императоромъ кіевскому князю, и въ этомъ-то памятникѣ былой эпохи независимости южной Руси поляки искали помощи противъ казаковъ, ополчавшихся за возвращеніе русской землѣ независимости. Канцлеръ, съ духовенствомъ и клирошанами, отправлялъ торжественную процессію, и, возвышая крестъ, ободрялъ воиновъ благочестія и креста Христова, какъ называли поляки свое посполитое рушенье. Король, разъѣзжая по рядамъ, съ обнаженною саблею, въ блестящемъ собраніи польской знати, возбуждалъ мужество въ воинахъ:

«Друзья! (восклицалъ онъ) теперь пришелъ часъ «воздать справедливую месть мятежникамъ, соединен«нымъ съ невѣрными, за оскорбленіе святыни рим«ско-католической церкви, и спасти потоптанное боже«ственное право и честь польскаго королевства. Я

([74]) «Bel. scyth. cos.»

«съ вами неразлучно: или уничтожимъ холопа и воз-
«вратимся домой съ побѣдою, или всѣ ляжемъ здѣсь, «защищая отеческую свободу. Лучше смерть, чѣмъ «быть въ неволѣ у хлоповъ и въ посмѣяніи у всѣхъ «народовъ» (75).

Тоже дѣлалось и въ казацкомъ войскѣ, гордившемся именемъ ополченія за православіе, хотя въ немъ половина войска была изъ враговъ Іисусова креста. Митрополитъ Іоасафъ, въ архіерейскомъ одѣяніи, проѣзжалъ на конѣ между русскими; предъ нимъ несли церковныя хоругви и образа́, окованные въ золотыя ризы, по православному обычаю; дымъ кадильный возносился предвѣстникомъ дыма пушечнаго.

«Братія и воины Христовы», говорилъ архіерей: «постойте за церковь вашу, отродившую васъ ду-«ховнѣ» (76).

Хмельницкій, въ своей горностаевой мантіи, препоясанный освященнымъ мечомъ, съ булавой, осыпанной драгоцѣнными камнями, леталъ на безцѣнномъ аргамакѣ и напоминалъ казакамъ, что пришелъ день утвердить навсегда свободу вѣры и русскаго отечества; и голосъ его, приводившій враговъ въ трепетъ своею рѣзкостью, разносился на далекое пространство.

---

(75) «Woyna domowa.» Ч. 2, 31.
(76) «Истор. о през. бр.»

ГЛАВА V.

Сраженіе при Берестечкѣ. — Бѣгство хана. — Задержаніе Хмельницкаго. — Десять дней осады. — Переговоры. — Вылазки. — Бѣгство русскихъ. — Расхищеніе казацкаго лагеря. — Мужество казаковъ.

Среди такихъ церемоній взошло солнце: но безъ лучей было дневное свѣтило: туманъ еще съ часъ закрывалъ враговъ другъ отъ друга. «Наконецъ, словно занавѣсъ (говоритъ современникъ) (¹), поднялся его воздушный пологъ и лучи солнца отразились въ блестящихъ оружіяхъ и панцыряхъ, и утренній вѣтерокъ заигралъ желтыми значками, раздвоенными на острые клинышки, и гордо вдали на холмѣ въ татарскомъ лагерѣ высилось бѣлое знамя, поставленное близь шатра, гдѣ находился повелитель Крыма.» — «Былъ видъ величественный (говорятъ современники); на пространствѣ, сколько можно было окинуть взоромъ, разостлались несметные ряды трехъ враждебныхъ народовъ: каждый изъ нихъ готовился къ бою за то̀, что̀ было для нихъ всего драгоцѣн-

(¹) «Bel. scyth. cos.»

нѣе : поляки за отечество, татары за славу и добычу, казаки за независимость ([2]). Раздѣляло ихъ ровное поле, которому суждено было упиться кровью и устлаться трупами. Враги смотрѣли другъ на друга безмолвно, недвижно, какъ-бы любуясь огромностью силъ своихъ» ([3]). Хмельницкій не приказалъ начинать битвы до-тѣхъ-поръ, пока самъ непріятель не бросится на нихъ. Король далъ приказаніе не выходить изъ строя, подъ опасеніемъ смертной казни, и не отвѣчать на татарскіе вызовы ([4]). Въ такомъ торжественномъ безмолвіи стояли они до полудня и только рѣдкіе крики прерывали глубокую тишину, подобную той, какая бываетъ въ воздухѣ предъ наступленіемъ грозы. «Въ эти часы томительнаго ожиданія и неизвѣстности явился (говоритъ преданіе, сохраненное польскими лѣтописцами) въ воздушной синевѣ архангелъ Михаилъ и свѣтоноснымъ мечомъ грозилъ татарскому полчищу, и въ далекомъ небѣ блеснулъ образъ св. Дѣвы. Многіе видѣли это, говоритъ лѣтопись, и оживлялись мужествомъ сердцà ихъ и бездѣйствіе было тягостнѣе битвы ([5]).»

«Что́ бы это значило, что непріятель не трогает-

([2]) «Histor. ab exc. Wład. IV.» 78.
([3]) «Woyna domowa.» Ч. 2, 30.
([4]) «Лѣтоп. повѣств. о мал. Рос.» 82.
([5]) «Woyna domow.a» Ч. 2, 31.

«ся? (спрашивали другъ друга поляки): вѣрно онъ «боится нашей огромной силы и думаетъ бѣжать.»

Другіе подозрѣвали, не замышляетъ ли Хмельницкій какой-нибудь хитрости (6). Король приказалъ оглядываться назадъ и остерегаться нападенія съ тыла. Поглядывая на далекій холмъ, гдѣ бѣлѣлось ханское знамя, иные думали, что невѣрные собираютъ на нихъ силы ада и заклинаніями хотятъ поразить ихъ пуще оружія. Непонятное опасеніе стало распространяться между полководцами, такъ-что нѣкоторые хотѣли-было отложить битву до другаго дня. Тогда король, желая прекратить толки и не допустить войско до упадка духа, послалъ къ хану Отвиновскаго, знавшаго восточные языки, съ вызовомъ открыть поскорѣе битву, которая, по сказанію украинскихъ лѣтописцевъ, долженствовала быть только примѣрная для татаръ.

«А что, сказалъ ханъ окружавшимъ его: — «вытрезвился ли Хмельницкій, который мнѣ говорилъ «ложь о польскомъ войскѣ, будто оно ничтожно? Пусть «идетъ подбирать медъ у этихъ пчелъ, у которыхъ «такъ много жалъ (7).

Было два часа пополудни; облако начало находить

(6) «Кратк. истор. о бунт. Хмельн.» 34.

(7) «Pamiętn. do panow. Żygm. III, Wład. IV i Jan. Kaz.» II, 150.

на солнце и вѣтеръ подулъ съ запада; вдругъ въ польскомъ войскѣ заиграли на трубахъ и запѣли торжественную пѣснь въ честь Богородицы «O gospodzie uwielbiona», которую пѣли всегда предъ начатіемъ сраженія ([8]).

Пѣхота казацкая двинулась подъ прикрытіемъ своего укрѣпленія. Татары, съ дикимъ гикомъ, бросились къ центру польской арміи ([9]). Тогда Іеремія Вишневецкій съ двѣнадцатью полками кварцянаго войска и съ четырьмя ополченіями: краковскимъ, сендомирскимъ, ленгицкимъ и сѣрадскимъ, бросился стремительно на казаковъ ([10]). Безстрашный полководецъ самъ указывалъ всѣмъ дорогу и летѣлъ впередъ съ обнаженнымъ мечомъ. Непобѣдимый, по сознанію поляковъ, казацкій четвероугольникъ распался ([11]).

Въ войскѣ казацкомъ изъ полководцевъ было много такихъ, которые для «*паньства великаго, для лакомства несчастного*», какъ выражается старинная пѣсня, готовы были предать врагамъ свободу вѣры и отечества. Украинская лѣтопись обвиняетъ въ этомъ случаѣ особенно одного, Гурскаго, родомъ кіевлянина, котораго называетъ генеральнымъ есауломъ.

([8]) «Wojna z kas. i tat.» I, 274.
([9]) «Annal. Polon. Clim.» I, 225.
([10]) «Histor. ab exc. Wład. IV.» 78.
([11]) «Histor. belli cosac. polon.» 153. — «Woyna dom.» Ч. 2. 32.

Хмельницкій, наблюдая самъ за двумысленнымъ ханомъ, оставилъ Гурскому команду надъ пѣхотою, но Гурскій, недавно-пожалованный поляками въ дворяне и обласканный ими, во время нападенія Вишневецкаго, двинулъ казаковъ назадъ ([12]). Поляки проскочили среди казацкаго войска, разорвали его и князь Вишневецкій вдали показывалъ знамя съ гербомъ своего дома, посреди непріятельскаго лагеря, вдалекѣ отъ прочихъ знаменъ Речи Посполитой ([13]).

По слѣдамъ Іереміи, король приказалъ двинуть на казаковъ артиллерію и иностранную пѣхоту, а между-тѣмъ съ праваго крыла прибѣжалъ на помощь Вишневецкому Александръ Конецпольскій ([14]). «Тогда (говоритъ очевидецъ) грянуло разомъ нѣсколько десятковъ пушекъ, поднялась черная туча, разрываемая огненными фонтанами; раздался ужасный крикъ; ржаніе коней, ревъ испуганныхъ воловъ, вопли раненыхъ смѣшивались съ оглушающими пушечными выстрѣлами, и, сквозь поднявшійся дымъ, виднѣлись багровые потоки крови, груды труповъ въ панцыряхъ, съ обнаженными саблями и ружьями въ заледенѣлыхъ рукахъ, и бѣшенные кони, волочившіе по полю сво-

---

([12]) «Кратк. истор. опис. о Мал. Рос.» 16.
([13]) «Woyna domowa» Ч. 2, 32.
([14]) Ibid.

ихъ всадниковъ, неуспѣвшихъ вынуть ногъ изъ сѣдла и кончавшихъ жизнь подъ шипами подковъ.

Къ вечеру дѣло совершенно было кончено. Ханъ закричалъ, какъ говоритъ украинскій лѣтописецъ: «въ казацкомъ войскѣ измѣна!» и стремительно бросился въ бѣгство ([15]); за нимъ, пораженные паническимъ страхомъ, пустились въ безпорядкѣ татарскія полчища... Бѣгство ихъ государя и за нимъ всѣхъ мурзъ до-того поразило татаръ, что они, не будучи никѣмъ преслѣдуемы, бросали, въ безпамятствѣ, свои арбы съ женами и дѣтьми, свои сокровища, награбленныя на Руси, больныхъ и даже мертвыхъ, въ противность алкорану, запрещавщему оставлять правовѣрныхъ безъ погребенія ([16]). Хмельницкій, изумлявшій всегда враговъ твердостью и присутствіемъ духа, стоялъ, какъ ошеломленный; потомъ отдалъ начальство Джеджалыку, а самъ, съ Виговскимъ и нѣсколькими казаками, бросился за ханомъ, въ надеждѣ уговорить его и воротить на сраженіе ([17]).

Поляки заняли все поле, гдѣ прежде стояли татары, захватили ханскій шатеръ, взяли даже серебря-

---

([15]) «Истор. о през. бр.»

([16]) «Histor. belli cosac. polon.» 154. — «Woyna dom.» Ч. 2, 38. — «Лѣтоп. повѣт. о мал. Росс.» 83.

([17]) «Histor. ab exc. Wład. IV.» 78. — «Истор. о през. бран.»

ный барабанъ, которымъ скликали татаръ на битву ([18]), начали поражать казацкія силы съ трехъ сторонъ; въ-добавокъ, усилился вѣтеръ и дулъ прямо въ лицо казакамъ, и смятеніе до того распространилось между ними, что одна часть войска, желая подать помощь другой, наткнулась, въ дыму, на собственныя пушки, и пушкари, вмѣсто поляковъ, начали бить своихъ ([19]). Быть-можетъ, и это была заранѣе-устроенная хитрость измѣнниковъ. Тогда часть конницы, видя пораженіе, убѣжала изъ лагеря и пустилась вслѣдъ за татарами. Другая часть конницы и пѣхота сомкнулись снова. Мужественный Джеджалыкъ съ присутствіемъ духа привелъ все въ порядокъ, храбро отражалъ натиски и сталъ ретироваться къ рѣкѣ Пляшовой.

Вечерѣло. Облака, съ самого полудня мало-помалу заволакивавшія небо, распустились сильнымъ дождемъ; лошади и люди спотыкались, порохъ подмочился; поляки прекратили битву.

«Это всегда такъ бываетъ», говорили старые воины: «послѣ каждой кровавой битвы Богъ смываетъ «съ своей земли человѣческую кровь, пролитую человѣческими руками» ([20]).

([18]) «Histor. ab exc. Wład. IV.» 78.

([19]) «Истор. о през. бр.»

([20]) «Annal. Polon. Clim.» I. 57. — «Pamiętn. do panow. Żygm. III. Wład. IV i Jan. Kaz.» II, 182.

Торжественное «Te Deum» разносилось по полю битвы ([21]). Всю ночь послѣ того утомленные жолнеры спали, какъ убитые, гдѣ кто упалъ, и никто не боялся хитростей непріятелей, которые, еслибъ воспользовались такою увѣренностью, повернули бы дѣло иначе. Дождь лилъ, какъ изъ ведра, небо покрывали тучи, раздираемыя молніями; только неутомимый король былъ на воздухѣ, съ открытою головою; несмотря на то, что получилъ контузію въ ногу, онъ подавалъ собою примѣръ дѣятельности прочимъ полководцамъ ([22]).

Въ казацкомъ таборѣ воины тоже не спали. Они дожидались своего гетмана, который обѣщалъ къ нимъ воротиться. Тѣмъ временемъ, они снова сбили возы въ четвероугольникъ и начали окапывать обозъ съ трехъ сторонъ; съ четвертой не нужно было никакихъ окоповъ: тамъ простиралось болото, въ которомъ утонула бы нога и человѣческая, и лошадиная ([23]). Окопы окончились въ одну ночь и казаки утромъ готовы были на новую битву, къ удивленію поляковъ, которые говорили: «вотъ бойкій народъ!

([21]) «Annal. Polon. Clim.» I, 257. — «Woyna dom.» Ч. 2, 34.

([22]) «Bel. scyth. cosac.» 175. — «Woyna dom.» Ч. 2, 35.

([23]) Ibid. 177.

«Копать землю имъ ни почемъ; но вѣдь на то они «холопы!» ([24]).

Въ субботу, 21-го іюня (1-го іюля н. ст.), жолнеры собирали и считали тѣла, и нашли убитыми шесть тысячъ съ обѣихъ сторонъ. «Съ такимъ ма-«лымъ кровопролитіемъ мы пріобрѣли рѣшительную «побѣду!» воскликнули они ([25]). Тѣла поляковъ были отвозимы къ погребенію во Львовъ; этимъ завѣдовали кармелиты (*). Между-тѣмъ король и предводители начали совѣтъ.

«Что́ дѣлать? говорилъ Іоаннъ-Казимиръ: — до-«бывать ли казаковъ штурмомъ, или морить обложе-«ніемъ?»

Іеремія Вишневецкій совѣтовалъ дѣйствовать рѣши-

([24]) Ibid. 176. — «Stor. delle guer. civ.» 259.
([25]) «Annal. Polon. Clim.» 258.

(*) Впрочемъ, вѣроятно хоронили и на мѣстѣ. Близь Берестечка, на лѣвомъ берегу Стыри, есть курганъ, на которомъ построена каменная каплица съ статуею св. Теклы первомученицы. Народное преданіе говоритъ, будто въ этомъ холмѣ погребены триста (а по другимъ три тысячи) дѣвицъ, прибѣжавшихъ искать спасенія въ польскомъ лагерѣ отъ татаръ. Въ то самое время, когда на правой сторонѣ Стыри сраженіе было въ самомъ разгарѣ, толпа татаръ забралась на лѣвую, позади польскаго лагеря, и перебила этихъ дѣвицъ.

тельно: истребить все непріятельское войско, не щадить ни силъ, ни средствъ, чтобъ затушить совершенно возстаніе. Приверженцы его совѣтовали послать войско за рѣку, подѣлать плотины и палить въ казаковъ со всѣхъ сторонъ; другіе предлагали спустить воду и затопить казацкій обозъ.

«Стоитъ ли терять благородную кровь, чтобъ получить какія-нибудь попоны или отрепья? (говорили «другіе) лучше стѣснимъ ихъ, пока они преклонятся «предъ королевскимъ величествомъ» ([26]).

Король прибавилъ при этомъ:

«Намъ не должно быть суровѣе самихъ казаковъ, «которые не уничтожали войска, разбѣжавшагося подъ «Пилявою, не шли изъ-подъ Замостья на Польшу и «не употребили всѣхъ правъ побѣды подъ Зборовымъ. Для чего же и намъ взаимно не заплатить «имъ великодушіемъ, если они согласятся на справедливыя условія? Умѣримъ милосердіемъ нашу по«бѣду. Эти неблагородные члены государства нужны, «однако, для благородныхъ; лучше мы излечимъ ихъ «кроткими средствами» ([27]).

Наконецъ рѣшили осадить казаковъ и палить въ

([26]) «Woyna dom.» Ч. 2, 36. — «Истор. о през. бр.»

([27]) «Histor. belli cosac. polon.» 151. — «Woyn. dom.»

казацкій лагерь до-тѣхъ-поръ, пока они будутъ просить мира, а тѣмъ временемъ послать за пушками въ Гродно и Львовъ, потому-что въ польскомъ лагерѣ орудій было недостаточно для такого большаго пространства ([28]).

Въ воскресенье, поляки подвинулись къ непріятельскому лагерю и растянулись около него въ видѣ полумѣсяца. Нѣмцамъ было приказано подѣлать на другой сторонѣ шанцы и палить на непріятеля съ востока. Такимъ-образомъ казаки отовсюду были осыпаемы пулями.

Казаки ждали Хмельницкаго цѣлую субботу и не дождались; ждали его до полудня въ воскресенье, съ безпокойствомъ поглядывая на окопы, которые насыпáли для пушекъ польскіе жолнеры. Гетманъ не являлся. Между-тѣмъ, многіе изъ чиновниковъ, а особенно шляхтичи по происхожденію, вѣроятно, бывшіе въ заговорѣ облегчить полякамъ побѣду, переѣзжали въ польскій лагерь, коль скоро увидѣли, что будетъ штурмъ. Наконецъ, со всѣхъ сторонъ, заревѣли пушки, градомъ посыпались картечи въ казацкій лагерь. Казачество заволновалось. Довбиши ударили въ котлы и толпа повалила на раду.

«Поляки хотятъ насъ добывать (говорили они): а

([28]) «Wojna z. kaz. i tat.»

«кто жь теперь насъ поведетъ? Нельзя быть безъ го-«ловы! Надобно выбрать старшаго» ([29]).

Хмельницкій, уходя изъ табора, оставилъ вмѣсто себя команду Джеджалыку: ему предоставляли и теперь начальство вольные голоса.

Кропивенскій полковникъ долго отказывался отъ этой чести. Того требовали запорожскіе обычаи, къ тому же онъ зналъ, что Хмельницкій не любилъ, если кто-нибудь беретъ на себя принадлежащее ему начальство: за нѣсколько дней первенства онъ могъ поплатиться головою ([30]). Наконецъ, послѣ усильныхъ просьбъ и даже угрозъ, и брани, безъ чего не обходилось въ казацкомъ обществѣ, онъ принялъ команду только на одинъ день.

Первое дѣло этого новоизбраннаго атамана было послать къ полякамъ просить мира. Это сдѣлано было не для того, чтобъ казаки хотѣли въ-самомъ-дѣлѣ помириться, но для того, чтобъ поляки на-время пріостановили штурмъ и дали имъ, въ свою очередь, сдѣлать удачныя нападенія. Поляки перестали палить и тогда русскіе быстрымъ полетомъ пустились въ двѣ стороны: одни на польскіе шанцы, другіе, через рѣку, на нѣмцевъ. Много въ тотъ день пало польскихъ воиновъ, много было взято въ плѣнъ, но

([29]) «Истор. о през. бр.»
([30]) «Wojna z kaz. i tat.» I, 32.

главное зло — нѣмцы остались: не сломила ихъ жаднокровая горячая казацкая удаль.

Ночью, Богунъ съ отважными переправился черезъ рѣку; они подползли по берегу до нѣмецкихъ шанцевъ. Караульные заснули. Казаки отняли нѣсколько пушекъ, перетащили черезъ рѣку и убили до ста человѣкъ, но тутъ подоспѣли къ нѣмцамъ на помощь и казаки принуждены были обратиться назадъ ([31]).

«Вотъ, чтó значитъ спускать непріятелю!» говорили тогда поляки, и рѣшились не давать казакамъ отдыха ни на минуту.

Весь понедѣльникъ происходила битва: казаки опрокинули нѣсколько хоругвей и набрали много плѣнниковъ.

Во вторникъ, съ утра до вечера, гремѣли съ обѣихъ сторонъ пушки. Казаки огромною тóлпою выскочили изъ окоповъ, бросились на средину польской арміи, и тяжелъ былъ этотъ день для поляковъ.

Ночью, со вторника на середу, казаки бросились

([31]) «Wojna z kaz. i tat.» I, 320. — «Woyna domowa.» Ч. 2, 36. — «Bel. scyth. cosac.» 179. — «Крат. опис. о каз. мал. нар.» 32. — «Лѣтоп. пов. о мал. Рос.» 34.

неожиданно на польскій лагерь, но лунная ночь помѣшала ихъ намѣренію сломить непріятеля внезапнымъ напоромъ ([32]).

Въ середу, русскіе до-того были ужасны, что полководцы польскіе не находили охотниковъ идти на штурмъ. «Только-что шляхтичъ высунетъ голову изъ лагеря, пуля казацкая тотчасъ и подцѣпить его» ([33]), говорили очевидцы.

Ночью, съ середы на четвертокъ, почти все казацкое войско бросилось на разные пункты польской арміи, но помѣшала, говоритъ современникъ, хлопамъ гроза и проливной дождь.

Храбры и отчаянны были ихъ выходки, хитры замыслы, которые обыкновенно выдумывалъ и исполнялъ Богунъ; но страшная безладица не допускала ихъ приводить къ концу никакого дѣла. Одни избирали начальникомъ Джеджалыка, другіе Богуна, третьи еще какого-нибудь вождя. Каждая партія исполняла только то, что́ приказывалъ ея вождь, и не хотѣла дѣйствовать такъ, какъ хотѣлъ избранный другою партіею; а начальники эти поступали нарочно одинъ наперекоръ другому ([34]). Паны узнали о

([32]) »Woyna z kaz. i tat.» I, 321.
([33]) Ibid. 319.
([34]) «Истор. о през. бр.» — «Woyna dom.» Ч. 2, 38.

такомъ безпорядкѣ и ободряли этимъ жолнеровъ: «гдѣ нѣтъ старшаго, тамъ ничего не сдѣлаетъ солдатъ, хотя бы у него была чертовская отвага.»

6 іюля, въ четверкъ, полякамъ привезли пушки; началась такая пальба, что казаки, какъ они сами сознавались, думали, что земля подъ ними провалится. Они храбро отстрѣливались, но польскія пушки были больше казацкихъ и наносили имъ больше вреда. Тогда, подобно осажденнымъ полякамъ подъ Збаражемъ, русскіе окапывали себя и лошадей; но такая война была не въ казацкомъ духѣ. Казаки готовы были пойти въ огонь, въ воду, но сидѣть неподвижно и бояться выглянуть на свѣтъ — было несходно съ ихъ размашистою натурою. Джеджалыкъ, принявшій въ третій или въ четвертый разъ начальство, увидѣлъ, что, вмѣсто поляковъ, они скоро начнутъ съ досады бить другъ друга, и опять послалъ къ панамъ предложеніе прекратить пальбу для начатія мирныхъ переговоровъ. Король принялъ его, но приказалъ держать въ-готовѣ артиллерію. «Уже разъ (говорили поляки) они насъ обманули; «съ ними надобно дружиться, а камень за пазухой «держать» ([35]).

([35]) «Wojna z kaz. i tat.» I, 325. — «Pamiętn. do panow. Żygm. III, Wład. IV i Jan. Kaz.» II. 185. — «Annal. Polon. Clim.» I, 261.

И вотъ, въ русскомъ лагерѣ собралась рада шумная, безпокойная, какая бывала только въ крайнихъ случаяхъ угрожавшей гибели.

«Старшина насъ покинулъ (говорили русскіе), «Хмельницкій всему виною! Онъ злодѣй, измѣнникъ, «погубилъ насъ! Мы выбились изъ ляшской неволи, «а онъ насъ опять предалъ панамъ! Мы возстали, «вотъ онъ намъ за это и надѣлалъ бѣды! Онъ нарочно покинулъ войско! Онъ подружился съ бусурманомъ и самъ ушелъ съ нимъ, а насъ оставилъ на «зарѣзъ. Будемъ просить милости у короля; пусть «только онъ сохранитъ наши зборовскія статьи; а его, «злодѣя, поймаемъ и выдадимъ. У насъ будетъ лучше его гетманъ.»

Тутъ, среди разъяренной толпы, явился митрополитъ Іоасафъ съ духовными и успокоивалъ волненіе.

Послѣ разныхъ споровъ и несогласій, рѣшили, наконецъ, отправить къ королю посольство съ предложеніемъ заключить миръ ([36]). Посланы были три чиновника: сотникъ чигиринскаго полка, Крыса, миргородскій полковникъ, Гладкій, и сотникъ переяславскаго полка Петрашенко ([37]).

Въ блестящихъ кармазинныхъ кунтушахъ, какъ-

([36]) «Истор. о през. бр.»
([37]) Ibid. — «Wojna z kaz. i tat.» I, 322.

будто для показанія богатства казацкаго, явились казацкіе послы къ Потоцкому.

— Мы пришли просить милосердія и пощады! сказали они по-латыни, (всѣ трое были люди образованные) и поклонились почтительно.

Потоцкій воскликнулъ также полатини:

— Ахъ, вы, измѣнники! ахъ, вы, злодѣи, какихъ на свѣтѣ еще не было! И вы смѣете толковать о вѣрѣ, представляете, будто воюете за церковь? Христіане ли вы, когда побратались съ невѣрными татарами и турками? Нѣтъ, вы недостойны видѣть короля (38).

— Милостивый пане, отвѣчали казаки: — мы пришли просить прощенія; не мы сами зачинщики зла; насъ обманули лихіе люди, привели насъ насильно на войну, а потомъ оставили (39).

Потоцкій продолжалъ имъ читать нравоученія, а казаки просили прощенія. Наконецъ, Потоцкій сказалъ имъ ласковѣе:

— Хорошо, дожидайтесь! Если его величеству будетъ угодно, васъ позовутъ.

Чрезъ нѣсколько часовъ ихъ позвали въ королев-

---

(38) «Wojna z kaz. i tat.» I, 322. — «Histor. belli cosac. polon.» 158.

(39) «Annal. Polon. Clim.» I, 263. — «Pamiętn. do panow. Wład. IV i Jan. Kaz.» II, 186—187.

скій шатеръ, который тогда находился на томъ мѣстѣ, гдѣ былъ ханскій. Король сидѣлъ посреди сенаторовъ и воеводъ. Казаки вошли, потупя глаза, и тотчасъ пали на колѣни. Петрашенко началъ говорить рѣчь:

«Казаки, побѣжденные тобою, великій король, и «уцѣлѣвшіе отъ смерти на кровавомъ полѣ, умоляютъ тебя о милосердіи. Мы преисполнили мѣру «человѣческихъ преступленій, но думаемъ, что еще «не превысили врожденнаго милосердія твоего. Пощади кающихся, или скорѣе умертви виновныхъ. «Сто тысячъ повергаютъ предъ тобою головы, готовыя къ отсѣченію, если тяжесть нашихъ пре«ступленій можетъ быть смыта столь обильною кровью. «Но къ-чему, государь, употреблять оружіе противъ «тѣхъ, которыхъ мучитъ совѣсть? Въ твоей волѣ «казнить насъ или помиловать; мы въ своемъ лагерѣ, «какъ въ темницѣ, будемъ ожидать казни. Но если «ты во власти умертвить насъ за оскорбленіе твоего «величества, то пріобрѣтешь болѣе славы, если про«стишь наши заблужденія и тѣмъ заставишь насъ «умирать ежедневно отъ раскаянія въ своихъ пре«грѣшеніяхъ. Ты умножишь побѣду свою нашею «погибелью, но уменьшишь царство свое, потому«что принесешь многихъ въ даръ мщенію» ([40]).

([40]) «Annal. Polon. Clim.» I, 263. — «Pamiętn. do panow. Żygm. III, Wład. IV i Jan. Kaz.» II, 186—187.

— Для чего вы подняли оружіе? развѣ вамъ худо было? Не сдѣлалъ ли король по вашему желанію? не простилъ ли вамъ прежнихъ проступковъ? обращались къ нимъ паны съ укоризненными вопросами.

Казаки продолжали просить прощенія, взваливали всю вину на Хмельницкаго и, заливаясь слезами, цаловали, по тогдашнему обыкновенію польскому, руки и полы одеждъ сенаторовъ и пановъ ([41]).

— Видимъ въ васъ добрые знаки покорности, сказали паны: — хорошо, если только они не притворные ([42]).

Казаки увѣряли, что они хотятъ оставаться въ повиновеніи короля и Речи Посполитой ([43]).

Казакамъ приказано было выйти, и король началъ совѣтъ. Въ просьбѣ казацкой, которая тутъ же была прочитана, не было ничего, кромѣ покорности и охоты предаться на волю короля. Послѣ продолжительнаго совѣщанія, казаки снова были позваны.

— Хотя подобныхъ вамъ злодѣевъ и свѣтъ не производилъ, сказалъ канцлеръ отъ имени присутствовшаго здѣсь же короля: — хотя ваши преступленія исключаютъ всякую надежду на прощеніе, но

([41]) «Wojna z kaz. i tat.» I, 322. — «Кратк. опис. каз. малор. народ.» 53. — «Bel. scyth. cos.» 184.

([42]) «Wojna z kaz. i tat.» I, 222.

удивительное милосердіе королевскаго величества подобно безконечному милосердію Господа, небеснаго Творца, который ниспосылаетъ и грѣшникамъ щедроты своей благости; его величество, король, не желаетъ вамъ окончательной гибели, если только ваше раскаяніе непритворное и невынужденное вашимъ положеніемъ, и вы покажете знаки послушанія. Завтрашній день вы получите приказанія; двое изъ васъ могутъ итти въ войско и объявить королевскую милость, а одинъ пусть остается здѣсь, чтобъ мы видѣли первый примѣръ покорности вашей.

Казаки недовѣрчиво поглядывали другъ на друга; но Крыса вызвался остаться безъ принужденія. Онъ не думалъ уже возвращаться и остался у поляковъ въ службѣ. «Видно, что у тебя не черная душа!» говорили ему паны (44). Вѣроятно, онъ принадлежалъ къ числу доброжелателей поляковъ еще прежде.

На другой день, въ пятницу, явились казаки за обѣщанными условіями и были допущены къ гетману и канцлеру, которые находились тогда вмѣстѣ.

— Его величество обѣщаетъ вамъ пощаду, говорилъ канцлеръ: — если вы намъ выдадите Хмель-

---

(44) «Wojna z kaz. i tat.» I, 323. — «Bel. scyth. cosac» 184. — «Histor. belli cosac. polon.» 158. — «Annal. Polon. Clim.» I. 264.

ницкаго и разорвете союзъ съ татарами. Одни изъ васъ пойдутъ спокойно за плугъ, а другихъ король пошлетъ въ погоню за Хмельницкимъ и татарами. Вы должны выдать намъ старшинъ, для испрошенія королевской милости, и всѣ пушки, и оставаться въ совершенной зависимости у короля.

— Хмельницкаго у насъ нѣтъ и не знаемъ, гдѣ онъ; пановъ будемъ слушать; татаръ бить будемъ, а старшинъ и пушекъ отдать, не знаемъ, какъ присудитъ рада; *нехай до завтра, бо тепе́рь військо пьяне* ([45]).

— Ступайте! сказали имъ. Послы пошли, потупивъ головы.

Снова грянули поляки изо всѣхъ орудій и нѣсколько часовъ палили такъ, что въ польскомъ обозѣ слышно было, ка̀къ картечи ломали возы. Казаки отстрѣливались, но слабо ([46]), потому-что тогда у нихъ происходила рада.

Недовольное неудачею посольства, казачество смѣнило съ начальства Джеджалыка. Избранъ былъ снова Богунъ. Духовные попрежнему старались увѣрить ихъ, что Хмельницкій ушелъ для ихъ же пользы и скоро воротится, но уже тогда мало вѣрили этому.

«Мы согласны (говорили казаки) помириться съ

([45]) «Wojna z kaz. i tat.» I, 320, 325.
([46]) Ibid.

«королемъ; пусть только онъ намъ подтвердитъ зборовскія статьи; мы выдадимъ ему Хмельницкаго и «Выговскаго, и всѣхъ подобныхъ имъ; мы пойдемъ «за татарами и вѣрно будетъ служить Речи-Посполитой.»

Эти требованія были написаны и отправлены съ депутаціею къ королю ([47]).

Потоцкій, вѣроятно, думалъ, что польскія картечи укротили русскихъ, когда увидѣлъ новую депутацію; но удивился вспыльчивый гетманъ, когда прочиталъ совсѣмъ другое, нежели ожидалъ.

«Ахъ вы, хлопы! закричалъ онъ: — что̀ это «такое? Не изъ чего жь и война идетъ, какъ черезъ «то, что Речь-Посполитая нехочетъ связываться этимъ «договоромъ ни въ какомъ случаѣ. Если хотите ка«кой-нибудь милости его величества, то забудьте о «зборовскомъ договорѣ; съ этимъ предложеніемъ нель«зя являться къ королю, иначе вы разгнѣваете его «еще больше. Москвитяне не хуже васъ, а выдали «Владиславу пушки и знамена подъ Смоленскомъ, и «король оказалъ имъ милосердіе. Повинуйтесь, а не «то всѣ пропадете, холопы ([48]). Вотъ вамъ пункты: «два часа срока, не болѣе.»

([47]) «Истор. о през. бр.» — «Wojna z kaz. i tat.» I, 320.

([48]) «Histor. belli cosac. polon.» 160.

Въ пунктахъ, поданныхъ казакамъ, было сказано: «Такъ-какъ Хмельницкаго и Выговскаго нѣтъ въ лагерѣ, то казаки обязаны дать въ заложники полковниковъ до-тѣхъ-поръ, пока не представятъ Хмельницкаго и Выговскаго, отдать всѣ пушки: и тѣ, какія въ лагерѣ, и какія есть въ Украинѣ; возвратить знамена, полученныя Хмельницкимъ отъ королей Владислава и Іоанна-Казимира, выдать бунчукъ, булаву и всѣ гетманскія принадлежности. Король назначитъ имъ гетмана и впередъ будетъ самъ производить въ гетманы, а число войска казацкаго опредѣлитъ будущій сеймъ. Зборовскія статьи уничтожаются, а вмѣсто нихъ казаки будутъ довольствоваться ожеговскими, заключенными гетманомъ Конецпольскимъ» ([49]).

Эти ожеговскія статьи отнимали у казаковъ всякую свободу выбирать чиновниковъ, лишали ихъ возможности почитать себя вольнымъ народомъ.

Вмѣстѣ съ послами отправился въ казацкій лагерь сандомирскій хорунжій.

«Никогда! никогда!» кричала рада: — «король «забылъ, что обязанъ намъ свободою и жизнью подъ «Зборовымъ. Подпишите зборовскія условія, которыя «мы вамъ написали саблею, иначе мы не хотимъ

([49]) «Wojna z kaz. i tat.» I, 323. — «Wojna dom.» Ч. 2, 40.

«мириться и лучше всѣ до одного положимъ свои «головы» ([50]).

Съ такимъ отвѣтомъ воротился хорунжій.

Паны, надменные побѣдою, далеки были отъ того, чтобъ согласиться на требованіе казаковъ. Только подканцлеръ, Радзіевскій, доказывалъ съ жаромъ, что въ-самомъ-дѣлѣ Іоаннъ-Казимиръ долженъ по всѣмъ правамъ подписать зборовскій договоръ, и навлекъ на себя негодованіе короля и шляхты.

Между-тѣмъ, болѣе-и-болѣе находилось такихъ, которые переходили въ польскій лагерь. За Крысою вслѣдъ пришелъ Липинскій, родомъ шляхтичъ, потомъ также шляхтичъ Головацкій ([51]). Немало послѣ нихъ было такихъ *вѣрныхъ*, какъ назывались они въ польскомъ ополченіи. Ихъ принимали ласково, чтобъ обнадежить другихъ, и позволяли служить въ польскомъ войскѣ. Только одинъ изъ такихъ *змієвъ, которымъ жити не треба*, какъ выражается украинская лѣтопись, получилъ иной пріемъ. Это былъ Лисенко, атаманъ кровожаднаго загона вовгуревцевъ. Онъ явился безъ оружія въ ставку князя Вишневецкаго, избравъ самого злѣйшаго врага казачества, чтобъ тѣмъ сильнѣе доказать свое обращеніе. «При-

---

([50]) «Истор. о през. бр.» — «Wojna z kaz. i tat.» I, 320—324. — «Woyna dom.» Ч. 2, 41.

([51]) Wojna z kaz. i tat.» I, 325.

«нимаю унію (говорилъ онъ), признаю св. отца и «клянусь польскимъ *крыжемъ* не дѣлать зла католи- «камъ.» Князь съ отвращеніемъ смотрѣлъ на гайдамака и, не сказавъ ему ни слова, обратился къ своимъ мечникамъ, далъ знакъ, а самъ ушелъ прочь. Лисенка разорвали на двухъ доскахъ, соединенныхъ посрединѣ гвоздями и расходившихся въ разныя стороны ([52]).

Въ субботу, 28-го іюня (8-го іюля н. с.), началась снова пальба. Казаки, изъ мести и ожесточенія, начали умерщвлять плѣнниковъ въ виду польскаго войска: одному свернули голову, другому забили подъ колѣна гвозди ([53]). Богунъ рѣшился не сдаваться до послѣдней капли крови и дѣйствовалъ противъ поляковъ какъ оружіемъ, такъ и своею хитростью. Онъ распространилъ въ польскомъ лагерѣ слухъ, будто ханъ съ Хмельницкимъ воротились и ночью нападутъ на польское войско. Немедленно отправили за рѣку большой корпусъ. Чтобъ увѣрить поляковъ въ истинѣ этого, казаки затрубили въ трубы, забарабанили въ литавры, заиграли на инструментахъ ([54]). Тѣмъ-временемъ, Богунъ напалъ на усѣвшихся на близкихъ окопахъ и удержалъ надъ ними верхъ ([55]).

([52]) «Повѣст. о томъ, что случ. въ Украинѣ.» II.
([53]) «Bel. scyth. cosac.» 185.
([54]) «Wojna z kaz. i tat.» I, 325—326.
([55]) «Истор. о през. бр.»

Ни искусство Богуна, ни отвага казаковъ не могли спасти ихъ. Волненіе въ лагерѣ дошло до крайности, Толпы новобраныхъ хлоповъ, исправлявшихъ разныя работы и вооруженныя только косами, сходились на сходки.

«Что, братцы (говорили на этихъ сходкахъ ора-«торы), король хочетъ, чтобъ полковники и вся стар-«шина шли въ заставу, а они не хотятъ: оттого не «мирятся; а тѣмъ временемъ татары разоряютъ край «нашъ, побрали нашихъ женъ и дѣтей. Выдадимъ «старшину ляхамъ и будемъ свободны.»

Богунъ узналъ о такомъ замыслѣ и, собравъ на совѣщаніе старшинъ, говорилъ: «Глупая чернь от-«даетъ насъ на убой и сами всѣ пропадутъ. Остает-«ся выйти отсюда и спасти какъ самихъ себя, такъ «и ихъ.»

Старшины рѣшили ретироваться; но, чтобъ этотъ замыселъ могъ быть исполненъ какъ слѣдуетъ, Богунъ не приказывалъ объявлять о немъ, а велѣлъ переводить казаковъ, мало-по-малу, на другой бокъ рѣки, и между-тѣмъ безпрестанно сражаться съ непріятелемъ, чтобъ отвлечь его вниманіе. Такъ, подъ распоряженіемъ Богуна, начали дѣлать мосты черезъ Пляшовую и плотину черезъ болото ([56]).

([56]) Ibid.

Народу говорили, что это дѣлается для того, чтобъ имѣть пастьбища на другой сторонѣ рѣки.

Но поляки немедленно узнали объ этомъ. Одинъ изъ многочисленныхъ тогда казаковъ, переходившихъ къ полякамъ, неизвѣстный по имени, казакъ *гожій*, какъ выражается о немъ современникъ, явился въ польскій лагерь и объявилъ, что казаки думаютъ уйти ([57]).

«Надобно прижать этихъ ужей, чтобъ больше не «кусались!» говорили тогда поляки ([58]). По совѣту Потоцкаго, отправленъ былъ Ляндскоронскій съ нѣсколькими тысячами за рѣку ([59]); хотѣли было послать туда Вишневецкаго, но подвиги его возбудили зависть: не желали, чтобъ отъ него зависѣло окончаніе битвы, потому-что и безъ того приверженцы провозгласили его побѣдителемъ на генеральномъ сраженіи ([60]).

Весь день, въ воскресенье, шелъ проливной дождь и казаки готовились уходить, какъ вдругъ увидѣли, что за Пляшовой стоитъ польскій отрядъ. Послана была еще одна депутація въ польскій лагерь и явилась въ обѣдъ къ Потоцкому ([61]).

([57]) «Wojna z kaz. i tat.» I, 326.

([58]) Ibid. 327.

([59]) «Истор. о през. бр.»

([60]) «Pamiętn. do pan. Żygm. III, Wład. VI i Jan. Kaz.» II, 189.

([61]) «Wojna z kaz. i tat.» I, 326.

«Что еще? зачѣмъ?» вскрикнулъ гетманъ. Казаки попрежнему просили утвердилъ зборовскій договоръ.

«Было время (писали они), когда подъ Зборовымъ король находился въ такой же бѣдѣ, какъ и мы теперь, но казаки пустили его въ добромъ здоровьѣ, истребовавъ только права свои. Зачѣмъ же, поляки, не помните этого и наступаете на насъ силою и хотите истребить? У насъ одна свободная дорога, а вы и ту хотите отнять» (62).

Потоцкій вспыхнулъ, затопалъ, закричалъ и прогналъ пословъ съ ругательствами. Вслѣдъ за тѣмъ прискакалъ къ нему король, услышавъ о новыхъ послахъ изъ русскаго лагеря.

— Чтó это значитъ? панъ, коронный гетманъ!... сказалъ съ сердцемъ Іоаннъ-Казимиръ: — вы распоряжаетесь самовольно и не даете знать королю.

— Ваше величество! отвѣчалъ Потоцкій: — эти измѣнники не стóятъ того, чтобъ ихъ допускать къ высокой особѣ. Еслибъ я зналъ, чтó у нихъ написано въ прошеніи, то приказалъ бы вытолкать, не допуская къ себѣ (63).

Нечего было дѣлать. Богунъ рѣшился вести войско на проломъ. Въ воскресенье, вечеромъ, онъ прика-

(62) «Истор. о през. бр.»
(63) «Wojna z kaz. i tat.» I, 326.

залъ начать сраженіе для-того, чтобъ занять хлоповъ битвою съ поляками въ то время, когда другіе будутъ заниматься приготовленіемъ плотины. Богунъ выкатилъ имъ горѣлки, и отчаянные мужики полетѣли изъ окоповъ. Они сражались въ тотъ вечеръ храбро, увели много плѣнниковъ, которыхъ обрекали на мучительныя казни на слѣдующій день. Вечеромъ ударили отбой, и поляки говорили тогда:

«Чортъ возьми! у нихъ люди храбры, да и по-
«роху много, а у насъ вѣтеръ лошадьми колышетъ!
«Богъ вѣсть, что́ дальше будетъ» ([64]).

Утомленные хлопы не подозрѣвали, что́ будутъ дѣлать казаки съ предводителями, напились горѣлки и скоро весь таборъ заснулъ. Казаки тѣмъ временемъ свозили на болото возы, кожухи, шатры, кунтуши, свитки, мѣшки, сѣдла, попоны — все, что́ имѣли и безъ чего, при нуждѣ, могли обойтись, бросали въ болото, и такимъ образомъ устроили три плотины ([65]). Ляндскоронскій увидѣлъ это и поспѣшилъ имъ на встрѣчу, чтобъ не дать переправиться. Богунъ выстроилъ на трехъ плотинахъ войско, выставилъ впереди двѣ пушки, а сзади поставилъ часть конницы, а потомъ должны были слѣдовать артилле-

([64]) «Wojna z kaz. i tat.» I, 327.

([65]) «Истор. о през. бр.» — «Wojna z kaz. i tat.» I, 326.

рія и казаки отрядами; Богунъ шелъ впереди и командовалъ, какому отряду слѣдовало когда переправиться ([66]). Передніе крикнули рѣзкимъ голосомъ. Этотъ крикъ испугалъ Ляндскоронскаго; онъ подумалъ, что на него наступаетъ цѣлый таборъ; и такъ-какъ у него было немного войска, то уступилъ дорогу непріятелю и убѣжалъ ([67]). Казаки начали свободно переходить, но, не смотря на увѣщанія полковниковъ не спѣшить, такъ столпились, что многіе, при ночной темнотѣ, положили головы во время этой переправы.

Занялась заря. Хлопы проснулись, а ужь половины войска и всей конницы не было въ лагерѣ ([68]). Взошло солнце; они все еще ни о чемъ не знали, потому-что таборъ былъ очень великъ, да притомъ утренній туманъ закрывалъ видъ. Только тѣ, которые ночевали ближе къ переправѣ, продолжали переходить толпами. Между-тѣмъ хлопы стали завтракать ([69]). Это былъ день св. апостоловъ Петра и Павла ([70]), надобно было разговляться.

Со стороны поляковъ не было ни малѣйшаго на-

([66]) «Annal. Polon. Clim.» I, 265.

([67]) «Истор. о през. бр.» — «Annal. Polon. Clim.» I, 265, — «Wojna dom.» Ч, 2, 42.

([68]) «Annal. Polon. Clim.» I, 266.

([69]) «Wojna z kaz. i tat.» I, 328.

([70]) «Истор. о през. бр.»

паденія ([71]). Вдругъ кто-то посреди толпы крикнулъ рѣзкимъ голосомъ: «*Братци! уже ни одного полко́вника немае въ табори, поутикалы уси!*»

По всей массѣ пробѣжалъ внезапный страхъ, раздался крикъ нѣсколькихъ тысячъ голосовъ, перепугавшій поляковъ и, въ минуту, весь оставшійся таборъ пришелъ въ крайнее смятеніе ([72]). Кто держалъ ложку съ горячимъ кулѣшомъ, кто наливалъ чарку горѣлки для бодрости, другой заряжалъ ружье, иные держали плѣнныхъ шляхтичей, готовясь, можетъ-быть, живьемъ зарывать ихъ въ землю: — все было покинуто. «Словно воробьи (говоритъ поэтъ-очевидецъ) ([73]), когда вырвутся изъ сѣти и мечутся, во всѣ стороны, и бросаются толпами на блестящія окна: такъ всѣ бросились въ-разсыпную съ отчаянными криками: «пропали мы!» ища перехода. «Сюда! «сюда!» кричали передніе казаки и вели ихъ на плотины, но хлопы въ такомъ множествѣ натолпились, что плотины разгрузли и они начали тонуть ([74]). Напрасно Богунъ, съ другаго берега подъѣхавши къ

([71]) «Wojna z kaz. i tat.» I, 328.

([72]) «Bel. scyth. cosac.» 188. — «Wojna z kaz. i tat.» I. 328. — «Лѣтоп. самов.» 17. — «Stor. delle guer. civ.» 263.

([73]) «Odmiana sfery niest. kozac.»

([74]) «Bel. scyth. cosac.» 189. — «Wojna z kaz. i tat.» I, 328.

нимъ, увѣрялъ, что онъ никогда въ мысляхъ не имѣлъ бросать ихъ на произволъ судьбы ([75]), и уговаривалъ переходить въ порядкѣ; напрасно казаки кричали имъ «стойте! стойте! тише!» хлопы, не поспѣвъ на плотину, бросились въ разныя стороны, толкались, стучали лбами другъ о друга, по выраженію очевидцевъ, и, въ испугѣ, стремглавъ летѣли въ воду ([76]). Поляки нѣскотько времени смотрѣли на своихъ непріятелей и не могли понять, что́ это значитъ. Нѣкоторые думали, что непріятель задумалъ хитрость, что казаки притворнымъ бѣгствомъ хотятъ завлечь поляковъ въ таборъ ([77]). Они разувѣрились только тогда, какъ въ польскій лагерь прибѣжали плѣнные шляхтичи, чудесно-спасшіеся отъ мучительной смерти. «Непостижимо! (говорили тогда «поляки) мы на нихъ вовсе не нападали; вдругъ не«пріятель съ крикомъ бросается, ни съ того ни съ «сего. Больше ничему нельзя приписать, какъ осо«бенному промыслу Божію» ([78]).

Со всѣхъ сторонъ повалили поляки въ казацкій таборъ и сь жадностью подбирали все, что́ имъ по-

---

([75]) «Лѣтоп. пов. о мал. Росс.» 88.

([76]) «Wojna z kaz. i tat.» I, 328. — «Bel. scyth. cosac.» 189. — «Odm. niest. sf. cozac.»

([77]) «Wojna dom.» Ч. 2, 42. — «Pamiętn. o wojn. cozac. za Chm.» 90.

([78]) «Wojna z kaz. i tat.» I, 328.

падалось на глаза: на рожнахъ жарились большіе куски говядины, на треногахъ стояли горшки съ борщемъ, киселемъ, или казацкою саламахою ([79]). «О, Господи Боже! (восклицали жолнеры) какъ Ты «милосердъ! мы уже страдали голодомъ, а Ты намъ, «ни оттуда, ни отсюда, послалъ столько хлѣба, муки, «каши, мяса!» Въ таборѣ было много овецъ и быковъ, и много стояло лошадей, совсѣмъ осѣдланныхъ, такъ-что жолнерамъ стоило сѣсть на нихъ и гнаться за казаками. Двадцать-восемь пушекъ досталось побѣдителямъ; ружей и пороха было столько, по замѣчанію современниковъ, что ими можно было снабдить все польское войско. Казачество потеряло и тѣ знаки, которые служили для нихъ залогомъ уваженія къ ихъ мужеству и доблестямъ. Это было два знамени: одно, пожалованное Владиславомъ, когда онъ предпринималъ войну противъ невѣрныхъ и втайнѣ думалъ возстановить значеніе короля посредствомъ русскаго народа; другое, присланное Хмельницкому въ Переяславль Іоанномъ-Казиміромъ ([80]). Митрополитъ Іоасафъ — загадочное лицо въ этой кровавой эпохѣ, проповѣдникъ крестоваго похода пра-

---

([79]) «Wojna dom.» Ч. 2, 42.—«Bel. scyth. cosac.» 129.

([80]) «Bel. scyth. cosac.» 195. — »Wojna z kaz. i tat.» I, 327—329. — «Pamiętn. o wojn. kozac. za Chmieln.»

вославныхъ противъ католичества и вмѣстѣ орудіе властолюбія отоманскаго, пропагаторъ и религіи греческой и могущества поработителей Греціи, главная, по замѣчанію поляковъ, причина упорства осажденныхъ русскихъ, — не достался врагамъ на жестокія мученія, которыя ожидали бы его, по сознанію самихъ поляковъ ([81]). Послѣдній разъ онъ выдержалъ себя и, представъ въ архіерейской мантіи, предъ растерянныя толпы, хотѣлъ остановить ихъ и палъ съ освященнымъ мечомъ въ рукѣ, освятивъ его, по замѣчанію историковъ, своею кровію ([82]): какой-то шляхтичъ закололъ его ([83]). Поляки принесли къ королю его митру, омофоръ драгоцѣнной работы, жезлъ, литый изъ серебра, и освященный мечъ. Іоаннъ Казиміръ приказалъ похоронить архіерея въ близкой русской церкви со всѣмъ его облаченіемъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ привезли къ королю и турецкаго посла, неразлучно-находившагося при казакахъ. Его вытащили изъ болота. Жолнеры разграбили шатеръ Хмельницкаго и взяли его шкатулку, въ которой было множество писемъ и тридцать тысячъ талеровъ. Деньги

([81]) «Bel. scyth. cos.» 194.

([82]) «Pamiętn. o wojn. kazac. za Chm.» 91. — «Истор. о през. бр.»

([83]) «Кратк. опис. о каз. малор. нар.» 50. — «Bel. scyth. cosac.» 144.

достались полякамъ, кто успѣлъ подхватить ихъ, а письма и печать войска запорожскаго принесли къ королю ([84]). Поглядывая на кипы бумагъ, заключавшихъ переписку съ турецкимъ правительствомъ, молдавкимъ господаремъ, трансильванскимъ княземъ и агентами въ Польшѣ, паны говорили въ шутку: «теперь будетъ что читать!» ([85]). Однако, нѣкоторыя письма были написаны условною азбукою.

Среди раненныхъ и убитыхъ, поляки отъискали нѣсколько своихъ несчастныхъ собраній: одни были облуплены, какъ скотины, у иныхъ были отсѣчены руки и ноги, другіе еще дышали въ страшныхъ мученіяхъ; по трупамъ нѣкоторыхъ поляки видѣли, что казаки употребляли всякія варварства, какія придумывало ожесточеніе ([86]). Это возбудило свирѣпство воиновъ; они гонялись за русскими, хватали и терзали ихъ. Въ таборѣ было много женщинъ, которыя пришли въ лагерь раздѣлять труды и опасности съ своими мужьями и братьями. Никому не было пощады, и даже раненымъ и чуть-живымъ. «Наши (говоритъ современникъ) были похожи на разъярен-

---

([84]) «Annal. Polon. Clim.» I, 266. — «Крат. опис. о каз. малор. нар.» 66. — «Истор. о през. бр.» — «Wojna dom.» Ч. 2, 42. — «Лѣтоп. пов. о каз. мал. нар.» I, 88—89.

([85]) «Wojna z kaz. i tat.» I, 329.

([86]) «Annal. Polon. Clim.» I, 266.

ныхъ охотничьихъ собакъ, которыя, преслѣдуя звѣря, пронюхаютъ его во всякой ямѣ, во всякомъ кустѣ» ([87]). Напрасно хлопы кричали: «*мылостивіи* «*панове ляхи, на Бога гляньте, будемъ вирни: мы не* «*козаки, а мужики зъ черни!*»—«Нѣтъ пощады тѣмъ, «которые пили шляхетскую кровь и грабили костё-«лы!» ([88]) кричали поляки. Жолнеры вытаскивали безсильныхъ враговъ изъ-подъ возовъ, изъ болотъ, и мучили безъ состраданія, отплачивая за своихъ. Русскіе толпами сами бросались въ воду и скорою смертью избавлялись отъ мученій.

Три тысячи храбрыхъ не посрамили тогда казацкой славы, какъ говорилось въ тотъ вѣкъ въ Украинѣ. Занявъ небольшой холмъ, они дорого продали жизнь свою, защищались мужественно, перебили множество враговъ; а когда увидѣли, что на нихъ со всѣхъ сторонъ наступаетъ сильное войско, тогда бросились въ рѣку, предпочитая смерть рабству. Осталось изъ нихъ триста человѣкъ; они засѣли на небольшомъ островѣ, на рѣкѣ Стыри, и оборонялись цѣлый день; сколько ни подходили къ нимъ шляхтичи, казаки ловко палили по нихъ и мѣтко задѣвали ихъ косами, коль скоро какой-нибудь отважный бросался черезъ воду. Послѣ неудачныхъ попытокъ надъ храбрецами,

---

([87]) «Wojna domowa.» Ч. 2, 42.
([88]) «Odmiana sfery niestat. kozack.»

долго начальники не могли вызвать на нихъ охотниковъ. Потоцкій послалъ депутата къ этимъ отчаяннымъ, для которыхъ не существовалъ страхъ смерти ([89]).

— Панъ Краковскій, говорилъ депутатъ: — удивляется вашей храбрости и, жалѣя такихъ мужественныхъ воиновъ, даруетъ вамъ жизнь, если вы сдадитесь.

— Скажите пану Краковскому, отвѣчали казаки:— чтобъ онъ такъ не думалъ о казакахъ. Нѣтъ, ляхи, не проведете насъ обѣщаніями: намъ жизнь недорога, а милостями враговъ гнушаемся мы!

Они показали множество серебра и золота, которое унесли съ собою изъ лагеря.

— Смотрите, продолжали они: — ка́къ мало значитъ для насъ добро мірское. Драгоцѣнности полетѣли въ воду въ глазахъ изумленныхъ поляковъ.

— Знайте, прибавили казаки: — что свобода для казака всего дороже.

Потоцкій послалъ на нихъ двѣ хоругви. Самъ король прибѣжалъ смотрѣть на это рѣдкое зрѣлище. Они обняли другъ друга, прочитали молитву и бросились на поляковъ; каждый изъ нихъ не прежде разставался съ жизнью, какъ убивъ врага и сказавъ

([89]) «Bel. scyth. cosac.» 191.

ободрительное слово товарищу. Цѣлая сотня полка радзивилова погибла прежде, чѣмъ перебили неустрашимыхъ русскихъ. Оставался только одинъ изъ храбрыхъ; онъ вскочилъ въ лодку и началъ отмахиваться косою. Четырнадцать пуль запустили въ него: — онъ былъ еще живъ и держался! Одинъ жолнеръ бросился на него также съ косою и попятился назадъ. Король приказалъ сказать казаку, что удивляется его храбрости и даруетъ ему жизнь.

«Я гнушаюсь жизнью (отвѣчалъ воинъ), хочу «умереть, какъ истинный казакъ!»

Нѣсколько нѣмцевъ вошли по шею въ воду и закололи его копьями ([90]).

«Каждый можетъ видѣть (говорили тогда поляки), «что Богъ лелѣетъ счастіе и благосостояніе польскаго «народа. Кто можетъ сказать: мы побѣдители не- «пріятеля? Самъ Богъ низложилъ ихъ!»

([90]) «Лѣтоп. пов. о мал. Росс.» 58 — «Bel. scyth. cosac.» 193. — «Крат. ист. опис. о каз. мал. нар.» 55.

ГЛАВА VI.

Напирскій. — Поляки преслѣдуютъ казаковъ. — Король уѣзжаетъ въ Варшаву. — Польское войско идетъ въ Украину. — Дѣла въ Украинѣ. — Пораженіе Небабы. — Занятіе Чернигова. — Радзивилъ вступаетъ въ Кіевъ. — Хмельницкій у хана. — Хмельницкій въ Паволочи. — Свиданіе съ полковниками. — Казнь жены Хмельницкаго. — Третья женитьба Хмельницкаго. — Казацкій лагерь на Масловомъ-Бродѣ. — Повсемѣстное возстаніе русскихъ. — Смерть Вишневецкаго. — Разореніе Трилисъ. — Кіевскій пожаръ. — Неудача казаковъ подъ Кіевомъ. — Письмо Хмельницкаго къ Потоцкому.

Почти въ это время всеобщей радости пришли въ войско вѣсти, довершившія побѣдоносное торжество польскаго короля. Хмельницкій, объявляя войну, разбудилъ и поселянъ Червоной Руси. Въ этой части русской земли, присоединенной къ Польшѣ еще въ XIV вѣкѣ, болѣе угасала національность, изглаживались воспоминанія о временахъ князя Ярослава и короля Данила. Посѣщеніе Хмельницкимъ Львова, въ 1648 году, а въ-особенности воззванія Нечая, который въ своемъ полку считалъ множество хлоповъ изъ воеводства русскаго, сдѣлали червоноруссовъ участниками борьбы русскаго народа съ Польшею. Хмельницкій разослалъ туда свои универса-

лы и обнадеживалъ помощью Ракочія. На челѣ возстанія явился тогда Напирскій, пройдоха, сорвиголова, промотавшійся шляхтичъ, думавшій поправить свое положеніе среди всеобщаго замѣшательства: — такъ описываютъ его современники ([1]). Возмущеніе показалось сперва въ ущельяхъ Бескидовъ, гдѣ жили горные гуцулы, люди православные, русскіе по языку, удальцы, смѣлые, здоровые, какъ вода горныхъ ключей, по выраженію ихъ пѣсенъ. Гуцулы для Червоной Руси, казалось, должны были быть тѣмъ, чѣмъ были для Украины казаки. По голосу Хмельницкаго, они стали подъ начальство Напирскаго ([2]). Съ нимъ вмѣстѣ дѣйствовалъ нѣкто Чепецъ, который, съ передовымъ отрядомъ, первый спустился въ долины, и приглашалъ поселянъ къ возстанію ([3]). «Мы пришли освободить васъ отъ зло-«дѣйствъ пановъ и жидовъ», говорилъ онъ. Не только хлопы, но и нѣкоторые дворяне, особенно тѣ, которые не исповѣдывали католической вѣры, становились въ это ополченіе, въ надеждѣ возвратить себѣ права. Каждый изъ этого ополченія носилъ зеленый снурокъ, и пламя угрожало тому селу, гдѣ не хо-

---

([1]) «Bel. scyth. cos.» 207. — «Annal. Polon. Clim.» I, 244.

([2]) Ibid.

([3]) «Annal. Polon. Clim.» I, 244. — «Pamiętn. do panow. Żygm. III, Władysław. IV i Jan. Kaz.» II, 171.

тѣли видѣть этого знака ([4]). Напирскій надѣялся на Хмельницкаго: тогда еще никто не предполагалъ берестечскаго пораженія, надѣялся и на трансильванскаго князя. Напирскій думалъ воспользоваться повсемѣстнымъ отсутствіемъ дворянства, ушедшаго въ посполитое рушенье. Предводитель хотѣлъ завладѣть всѣми укрѣпленными мѣстами, потомъ взять Краковъ и предать столицу въ руки Хмельницкаго въ то время, когда шляхтичи будутъ отстаивать права свои на Волыни. Для удобнѣйшаго исполненія замысла, и притомъ, чтобъ не тратить понапрасну людей, Напирскій назвалъ себя Косткою (такъ называлась одна изъ знатныхъ фамилій польскихъ) и распустилъ слухъ, будто присланъ отъ Іоанна-Казиміра съ повелѣніемъ занять крѣпости, оставленныя безъ обороны. Первая крѣпость, съ которой онъ началъ дѣло, была Чорстынъ, лежащая на неприступной горѣ, на берегу рѣки Дунайца. Тамъ, вмѣсто старосты, оставался подстароста, жидъ. Напирскій требовалъ, чтобъ его впустили. Самозванецъ показывалъ граммату съ подписью короля, съ большою висячею печатью. Жидъ сначала-было воспротивился, но вскорѣ почувствовалъ, говоритъ современникъ, что у него не достало духу. Мятежники заняли Чорстынъ.

Дошла вѣсть до краковскаго епископа, которому

([4]) «Bel. scyth. cos.» 209.

король предоставилъ тогда надзоръ за этимъ краемъ. Къ Напирскому явились посланники отъ епископа.

«По какому праву и по чьему приказанію занятъ Чорстынъ и что̀ за войско появилось въ Польшѣ?» писалъ епископъ.

«Я Костка, природный дворянинъ Речи Посполи-«той (отвѣчалъ самозванецъ): я присланъ отъ короля «для охраненія границы отъ непріятельскихъ нападе-«ній. Его величество безпокоится, что всѣ дворяне «вышли изъ отечества и потому прислалъ меня.»

Посланцы увѣряли епископа, что сами видѣли королевскую граммату, и разсказали ему примѣты новаго чорстынскаго коменданта.

«Не можетъ быть (сказалъ епископъ): я знаю «всѣхъ Костокъ, сколько ихъ есть въ Польшѣ. Это «не Костка.»

Подозрѣніе его оправдалось: въ Краковъ привели изъ отряда Напирскаго покупщиковъ пороха и олова; они сознались подъ пытками, что за̀мокъ занятъ приверженцемъ Хмельницкаго.

Епископъ тотчасъ послалъ отрядъ своей надворной команды и еще хоругвь староства Допунцкаго, всего около тысячи человѣкъ, подъ начальствомъ шляхтича Яроцкаго, а между-тѣмъ написалъ къ королю, который немедленно отправилъ противъ мятежниковъ три тысячи войска.

Пришедши подъ Чорстынъ, послали впередъ часть

жолнеровъ, которые должны были показывать видъ, что хотятъ соединиться съ мятежниками, и потомъ, при удобномъ случаѣ, отворить ворота и выдать предводителей. Напирскій впустилъ ихъ. Тогда они тайно дали знать своимъ, что въ Чорстынѣ недостатокъ воды, потому-что на горѣ, на которой лежалъ за́мокъ, невозможно было дорыться до воды; а единственный колодецъ, служившій для продовольствія за́мка, находится за стѣною. Поляки окружили Чорстынъ, отняли воду и начали палить. Пальба ничего не повредила осажденнымъ; изъ пяти тысячъ запертыхъ въ за́мкѣ, былъ убитъ одинъ поваръ, удалые гуцулы могли перетерпѣть нѣсколько дней безъ воды; а между-тѣмъ прибывала къ нимъ сильная помощь изъ горъ, отъ своихъ братій, но пришедшіе шпіоны схватили нечаянно Напирскаго и Ченца, называвшаго себя маршаломъ Комаровскимъ, и выдали полякамъ.

На третій день послѣ того, они ѣхали, по краковской дорогѣ, въ цѣпяхъ, и толпы народа съ любопытствомъ бѣжали смотрѣть на сподвижниковъ Хмельницкаго. Гуцуловъ выпустили изъ за́мка и не преслѣдовали. Напирскій, привезенный въ Краковъ, былъ подвергнутъ допросу.

«Я родомъ Мазуръ (сказалъ онъ), я помогалъ «Хмельницкому. Еслибъ вы не провѣдали о моей «хитрости, у меня было бы тридцать тысячъ: я

«взялъ бы Краковъ и освободилъ бы всѣхъ крестьянъ «въ Польшѣ отъ власти пановъ и жидовъ».

Его посадили на колъ за оградою Кракова, а Чепца четвертовали ([5]).

Подобное возмущеніе сдѣлалось около Познани, въ великой Польшѣ. Туда явилось шесть русскихъ шляхтичей, православной вѣры, посланныхъ Хмельницкимъ. Сначала они прикидывались передъ дворянами будто бы убѣжали изъ родины, спасаясь отъ народнаго возстанія, а потомъ, когда по случаю отхода шляхетства въ посполитое рушеніе, число шляхетскаго сословія стало рѣдѣть въ краю, они стали возмущать простой народъ, распускали слухи о побѣдахъ казаковъ, о пораженіи короля, толковали, что Хмельницкій возсталъ за свободу не только русскихъ, но вообще всего простаго народа въ Польшѣ, призывали свергнуть иго владѣльцевъ, и такимъ образомъ набрали толпу, которая начала возмущеніе. Но князь Чарторижскій, управлявшій тогда Познанскимъ епископствомъ, погасилъ мятежъ въ самомъ началѣ. Отрядъ изъ пяти сотъ всадниковъ, посланныхъ имъ

([5]) «Bel. scyth. cos.» 211—214. — «Pamiętn. do panow. Żygm. III, Wład. IV i Jan. Kaz.» II, 193—194. — «Annal. Polon. Clim.» I, 244—270—272. — «Histor. ab exc. Wład. IV.» 75. — «Stor. delle guer. civ.» 254—255. — «Wojna domowa.» Ч. 2, 50.

противъ мятежниковъ, напалъ на нихъ: хлопы не знали ни военнаго строя, ни дисциплины, и съ перваго натиска разбѣжались. Четверо изъ эмиссаровъ были схвачены и посажены на колъ; другіе скрылись въ лѣсахъ. Это пораженіе отняло отвагу у другихъ хлоповъ, которые, по примѣру этихъ, уже были готовы подняться. Вѣсть о пораженіи Хмельницкаго подъ Берестечкомъ погасило всякую попытку на новыя движенія; иначе Польшу ожидали бы большіе перевороты ([6]).

Послѣ расхищенія казацкаго табора, самъ король намѣревался идти въ Украину со всѣми силами, и обѣщалъ не оставлять войска до-тѣхъ-поръ, пока не прибудетъ въ Кіевъ центръ непріятельской земли.

Вишневецкій и Калиновскій были посланы впередъ съ семью хоругвями, для преслѣдованія бѣжавшихъ казаковъ. Первый отправился къ Дубно, а другой, на югъ, къ Кременцу ([7]). Король, посылая эту погоню, обнародовалъ по Волыни универсалъ, который должно было оповѣстить по приходскимъ церквамъ городовъ и селъ.

«Желаемъ смягчить правосудіе милосердіемъ (было

([6]) «Histor. ab exc. Wład. IV.» 75.

([7]) «Pamiętn. o Koniecp.» — «Wojna z kaz. i tat.» I, 328. — «Bel. scyth. cos.» 190.

«сказано въ этомъ универсалѣ) и объявляемъ милость «свою русскому народу: мѣщанамъ и поселянамъ, «если они не будутъ имѣть ничего общаго съ мятеж-«никами, будутъ ловить хлоповъ, разбѣжавшися изъ-«подъ Берестечка и готовить королевскому войску «мосты, а для содержанія его — жизненные при-«пасы» (8).

Король отправился по дорогѣ въ Кременецъ, и повсюду встрѣчали поляки несчастные остатки сокрушенной русской силы. Во время бѣгства потонуло и было побито врагами двадцать-двѣ тысячи русскихъ. Страна вокругъ была разорена и опустѣла; тѣ, которые успѣли пробиться изъ табора, умирали отъ голода, особенно пѣшіе. Поля были усѣяны ихъ трупами. Когда поляки ѣхали лѣсами, лѣсной гулъ доносилъ до нихъ со всѣхъ сторонъ крики умиравшихъ, которые напрасно пытались поддержать жизнь кореньями и травами. Слыша топотъ коней и польскую рѣчь, русскіе силились бѣжать, но подламывались ихъ ноги и, спасаясь отъ враговъ, они заползали въ кусты, какъ подстрѣленныя птицы, желая, по-крайней-мѣрѣ, умереть не въ рукахъ непріятелей. Король приказалъ подбирать ихъ и кормить, изъ состраданія, потому-что, какъ замѣчаетъ современ-

(8) «Wojna z kaz. i tat.» I, 330. — «Bel. scyth. cos.» 198.

никъ, они были хотя не дворяне, а все-таки подданные, годные для того, чтобъ служить дворянству ([9]). Но русскіе съ омерзеніемъ отворачивались отъ собственнаго хлѣба, который теперь предлагали имъ побѣдители, и разбивали головы о пни и камни ([10]). Такое зрѣлище представлялось полякамъ до самой рѣки Иквы. Тамъ стекались отряды, посланные въ погоню. Калиновскій привелъ въ лагерь толпу плѣнниковъ, уроженцевъ лѣвой стороны Днѣпра; привязанные за шею къ сѣдламъ, они бѣжали какъ собаки на сворѣ за охотниками. Поляки стали ихъ обыскивать и нашли только нѣсколько папушъ табаку; съѣстнаго не было ничего; за-то пороха и пуль у нѣкоторыхъ было довольно.

— Много васъ здѣсь? спрашивали ихъ.

— Нѣсколько тысячъ скитаются по этому лѣсу, сказали казаки: — на бѣду нашу, нѣтъ здѣсь и птицъ, да притомъ рѣдкій въ силахъ зарядить ружье.

— Что жь вы ѣдите? спросили ихъ.

— Катранъ, холодецъ (спаржа) и другія зелья, да и того негдѣ достать. Скоро всѣ пропадемъ съ голода ([11]).

Іеремія не привозилъ плѣнныхъ; заставъ подъ

([9]) «Bel. scyth. cosac.» 199.
([10]) Ibid. 324.
([11]) «Wojna z kaz. i tat.» I, 331. — «Ист. Руси.» III.

Дубно три тысячи хворыхъ и усталыхъ, онъ приказалъ ихъ добить, не трогаясь жалкою участью враговъ ([12]).

Посполитые подняли ропотъ и требовали у коронного гетмана отпуска. «Какъ? (кричали шляхтичи), «мы оставили наши семейства, наши домы въ нужное; «хозяйственное время, мы давали деньги и сами слу-«жили, — и этимъ недовольны! Хотятъ насъ разорить, «повести въ непріятельскую землю и выморить голо-«домъ. А между-тѣмъ въ Польшѣ неспокойно. Кто «знаетъ, что́ теперь дѣлается съ нашими женами и «дѣтьми?»

Коронный гетманъ вспылилъ и началъ имъ выговаривать бранными словами. Тогда мазовецкій подкоморій замѣтилъ ему:

— Панъ гетманъ! извольте обходиться осторожнѣе съ дворянствомъ: вы знаете, вѣдь это omnes.

— Что? какъ? насъ? закричалъ Потоцкій. — Барабаньщикъ! бей въ литавры! Будемъ бить этихъ omnes-измѣнниковъ!

Іеремія Вишневецкій схватилъ его за руку и съ трудомъ успокоилъ. Эта сцена усилила волненіе шляхетства; оно начало расходиться самовольно ([13]). Кварцяное войско начало роптать на задержку жало-

---

([12]) «Bel. scyth. cos.» 200.
([13]) «Pamiętn. o Koniecp.»

ванья и требовало, чтобъ король принялъ мѣры къ сбору податей для заплаты воинамъ. Этого нельзя было сдѣлать иначе, какъ освободивъ шляхтичей отъ воинской служлы ([14]).

«Въ–самомъ–дѣлѣ (говорили нѣкоторые паны), дер-«жать посполитое рушенье не къ–чему: казаки совер-«шенно пали. Довольно небольшаго числа войска, «чтобъ уничтожить остатки мятежа. Нельзя, притомъ, «лишать средину королевства людей, способныхъ но-«сить оружіе, потому–что Ракочій можетъ напасть на «насъ» ([15]).

Король согласился. Потоцкій напрасно старался удержать его. Посполитое рушенье было распущено.

«Предоставляю славу окончанія войны вамъ, господа», сказалъ гетманамъ Іоаннъ–Казимиръ.

И послѣдній разъ осмотрѣлъ онъ свое войско подъ Орломъ. Всѣхъ силъ, отправляемыхъ въ Украину, было болѣе тридцати тысячъ: они преимущественно состояли изъ нѣмцевъ; посполитаго рушенья прикомандировано было семь тысячъ ([16]) изъ тѣхъ, которые пришли поздно и еще не были въ битвѣ. Остальное было распущено.

([14]) «Wojna z kaz. i tat.» I 332.

([15]) «Bel. scyth. cos.» I, 200. — «Лѣтоп. повѣст. о мал. Росс.» 92.

([18]) «Annal. Polon. Clim.» I, 239.

После торжественнаго прощанія, король уѣхалъ въ Варшаву черезъ Броды и Львовъ, а кварцяное войско двинулось въ Украину тремя большими отрядами ([17]).

Болѣе недѣли шли жолнеры по разоренной и опустѣлой Волыни.

Такъ-какъ это были пограничныя земли между Украиною и Польшею, по зборовскому договору, то жители разбѣжались изъ края, который всегда подвергался первымъ непріязненнымъ дѣйствіямъ. Цѣлыми толпами переселялись тогда въ московское государство. «Край этотъ былъ такъ безлюденъ (говоритъ очевидецъ), что о немъ можно было произнесть: земля была пуста и неустроена; мы не видѣли ни городовъ, ни селъ; только поле и пепелъ; не было ни людей, ни животныхъ, только птицы кружились въ воздухѣ ([18]). Бурьянъ подымалъ по полямъ высокія свои маковки, такъ-что лошади тонули въ немъ и едва виднѣлись всадники ([19]).

Затруднительно было положеніе польскаго войска. Только конница имѣла нѣсколько запасовъ, и притомъ могла дѣлать набѣги по окрестностямъ и до-

---

([17]) «Wojna z kaz. i tat.» I, 329.
([18]) «Памятн. кіевск. комм.» II, 3: 85.
([19]) «Wojna z kaz. i tat.» I, 335.

бывать, хотя очень-скудное, пропитаніе ([20]). Пѣхота пухла съ голода, по выраженію современника. Не въ-состояніи бывъ фуражировать, пѣхота принуждена была покупать; но жолнеръ въ то время все свое жалованье обыкновенно проѣдалъ, пропивалъ и проигрывалъ, а потомъ шелъ ободранный, босый и голодный ([21]). Въ добавокъ, если у кого и были деньги, то не у кого было купить чего-нибудь. Пѣхота принуждена была ѣсть конскую падаль, иногда такую, которая уже по три дня гнила въ болотѣ ([22]). Отъ этого сдѣлались въ войскѣ заразительныя болѣзни и болѣе полуторы тысячи пало, пока войско дошло до перваго украинскаго мѣстечка Любартова. Потоцкій спѣшилъ, какъ-можно-скорѣе, въ Украину, которую поляки называли тогда обѣтованною землею, надѣясь тамъ имѣть продовольствіе; но, на бѣду, шли проливные дожди: слякоть препятствовала идти и ѣхать, и не было строеній, гдѣ бы можно было укрыться отъ непогоды ([23]). Когда, наконецъ, войско достигло предѣловъ Украины, жолнеры съ радостью увидѣли хлѣбъ на поляхъ: но вскорѣ эта радость

([20]) «Pamiętn. do panow. Żygm. III, Wład. IV i Jan. Kaz.» II, 197.

([21]) «Annal. Polon. Clim.» I, 278. — «Pamiętn. do panow. Żygm. III, Wład. IV i Jan. Kaz.» II, 197.

([22]) «Памятн. кіевск. комм.» II, 3, 84.

([23]) «Wojna z kaz. i tat.» I, 275—336.

исчезла; люди убѣжали и сожгли мельницы; пѣхота принуждена была довольствоваться жареными зернами ([24]). Въ Любартовѣ Потоцкій получилъ такое посланіе отъ четырехъ казацкихъ полковниковъ: бѣлоцерковскаго, Громыки, миргородскаго, Гладкаго, Джеджалыка и Пушкаренка:

«Поляки! заключимъ искренній и братскій миръ; вы можете побѣдить насъ выгодными условіями, но завоевать никогда — знайте это! И если вы насъ теперь одолѣете, то казаки будутъ непреклоннѣе въ своемъ мщеніи, чѣмъ въ борьбѣ за свою свободу» ([25]).

«Потоцкій (говоритъ современникъ), по старости лѣтъ и по нездоровью, готовъ былъ на миръ, разумѣется, на выгодныхъ условіяхъ, но другіе паны, особенно Вишневецкій и Ляндскоронскій, твердили, что надобно истребить врага.»

Въ то время, когда, съ одной стороны, поляки вступили въ Украину, съ другой, иное войско одержало побѣду надъ русскими и завладѣло центромъ земли южно-русской. Когда Хмельницкій отправлялся на Волынь, онъ оставилъ полки черниговскій и нѣжинскій на сѣверной границѣ Украины для охраненія отъ литовскаго войска ([26]). Подъ начальствомъ

([24]) «Wojna z kaz. i tat.» I, 336.
([25]) «Histor. ab. exc. Wład. IV.» 73.
([26]) «Лѣтоп. самов.» 17.

Радзивилла литовское войско расположилось надъ Припетью для усмиренія хлоповъ Бѣлорусской Земли, которые всегда поднимались, коль-скоро на Украинѣ казаки брались за оружіе противъ поляковъ. На правой сторонѣ Днѣпра, въ Чернобылѣ, стоялъ кіевскій полковникъ, Антонъ Адамовичъ ([27]), а въ Полѣсьѣ Горкуша съ шестью, а по другимъ, съ пятнадцатью тысячами, и другіе предводители ([28]). Въ Кіевѣ находился двухтысячный гарнизонъ изъ корсунскаго полка, подъ начальствомъ Мокеры, (Мозыры?) зависѣвшій отъ Адамовича ([29]). На лѣвой сторонѣ было на-готовѣ двадцать тысячъ козаковъ. Главнымъ начальникомъ ихъ былъ Небаба. Онъ стоялъ въ Черниговѣ. Онъ, по замѣчанію современника, занимался пьянствомъ и ссорами съ другими предводителями ([30]).

Небольшая сторожа находилась подъ Лоевымъ, на переправѣ черезъ Днѣпръ.

Пока неизвѣстно было, чѣмъ кончится война на

([27]) «Histor. belli cosac. polon.» 187.

([28]) «Wojna z kaz. i tat.» I, 314. — «Latop. Jerlicza.» 123.

([29]) «Annal. Polon. Clim.» I, 282. Онъ названъ Макерою; но въ современномъ дневникѣ говорятъ, что отрядъ его былъ корсунскій полкъ, а корсунскимъ полковникомъ былъ тогда Лукьянъ Мозыря.

([30]) «Лѣтоп. самов.» 17.

Волыни. Радзивиллъ не трогался съ мѣста и стоялъ лагеремъ подъ Рѣчицею; только по Полѣсью происходили стычки. Но когда король извѣстилъ его о побѣдѣ подъ Берестечкомъ и поручилъ соединиться съ войскомъ, которое пойдетъ въ Украину ([31]), Радзивиллъ послалъ къ переправѣ отрядъ, подъ начальствомъ Мирскаго. Мирскій напалъ на стражу, состоявшую изъ трехсотъ человѣкъ. Казаки не ожидали нападенія и безпечно пьянствовали. Мирскій разбилъ ихъ такъ, что только нѣсколько человѣкъ успѣло прибѣжать въ Черниговъ и сказать Небабѣ: *«ляхй «прийшлы на тòе мисто де булà нàша залòга, алé «не много ляхивъ»* ([32]).

Небаба, *«порвавшись неисправно противъ исправнаго войска»*, по замѣчанію современника ([33]), почиталъ себя непобѣдимымъ и думалъ уничтожить незначительный отрядъ Мирскаго. Пятнадцать тысячъ казаковъ сцѣпились съ этимъ отрядомъ подъ Рѣпками; но князь Радзивиллъ зашелъ быстро и искусно въ тылъ казацкому войску и бросился на него въ то время, когда оно было занято сраженіемъ. Въ нѣсколько часовъ казаки полегли почти всѣ. Самъ Небаба, лишившись коня, побѣжалъ, но тяжелый

([31]) «Histor. belli cosac. polon.» 185.
([32]) «Wojna z kaz. i tat.» I, 317.
([33]) «Лѣтоп. самов.» 17.

панцырь помѣшалъ ему: два литвина напали на него; онъ оборонялся; ему отрубили правую руку — онъ защищался лѣвой и положилъ голову, какъ воинъ, вмѣстѣ съ своимъ братомъ ([34]). Остатки разбитыхъ убѣжали въ Черниговъ ([35]).

Радзивиллъ подвинулся къ Чернигову. Испуганные мѣщане прислали къ нему депутатовъ.

«Умоляемъ (писали они) сжалиться надъ нами и «нашими дѣтьми, и пощадить насъ. Мы выдадимъ всѣхъ «паробковъ, которые пришли для соединенія съ Не«бабою» ([36]).

Радзивиллъ остановился лагеремъ въ Любечѣ, а часть войска послалъ на Черниговъ. Неизвѣстно, выдали ли ему черниговцы казаковъ, только литовцы, по непріятельски, опустошили черниговскій край, грабили, убивали русскихъ безъ разбора, и истребили множество жителей въ самомъ городѣ ([37]). Другой отрядъ литовскаго войска, подъ начальствомъ Гонсѣвскаго, перешелъ Днѣпръ, и разбилъ Горкушу на рѣкѣ Ирпени; Адамовичъ отступилъ. Гонсѣвскій до-

---

([34]) «Wojna z kaz. i tat.». I, 318. — «Histor. belli cosac. polon.» 186.

([35]) Ibid.

([36]) Ibid.

([37]) «Памятн. кіевск. комм.» II, 399. — «Annal. Polon. Clim.» I, 281.

шелъ почти до Кіева и, воротившись, донесъ, что Украину обнялъ всеобщій страхъ, и что въ Кіевѣ войско незначительное ([38]). Тогда литовскій гетманъ подвинулся къ Кіеву.

Какъ только услышали кіевляне, что литовцы идутъ къ русской столицѣ, въ испугѣ, собрали, какіе успѣли, пожитки, сѣли на байдаки и поплыли внизъ, по Днѣпру, къ Каневу и Чиркассамъ ([39]). Казаки также оставили Кіевъ, предавъ огню предмѣстіе ([40]). Но Адамовичъ тогда же замыслилъ уступить непріятелю столицу, надѣясь удачнѣе поразить его въ ней. Митрополитъ, архимандритъ печерскаго монастыря, Іосифъ Тризна, духовенство и члены городоваго магистрата остались въ городѣ и предались на волю Божію, хотя, по замѣчанію украинскаго историка, жизнь ихъ была не въ безопасности ([41]). Они боялись попасть въ руки поляковъ и надѣялись болѣе на великодушіе литовцевъ ([42]). Не доходя до города, Радзивиллъ получилъ слѣдующее письмо:

«Сіятельнѣйшему, ясневельможному пану-гетману «войска, его королевской милости, литовскаго и всему «рыцарскому сословію нижайшій поклонъ.»

([38]) «Histor. belli cosac. polon.» 130.
([39]) «Лѣтоп. самов.»
([40]) «Latop. Jerlicza», 124.
([41]) «Лѣтоп. самов.» 17.
([42]) «Annal. Polon. Clim.» I, 281.

«Со слезами просимъ васъ, милостивые паны, «оказать состраданіе надъ нами и сжалиться надъ церк-«вами Божіими и всѣмъ вашимъ городомъ Кіевомъ: «не допускайте своихъ воиновъ до разоренія. Мы «никогда не поднимали рукъ противъ помазанника «Божія, но всегда молили всемогущаго Бога о счаст-«ливомъ ему царствованіи; а во время смутъ укры-«вали многихъ благородныхъ дворянъ и дворянокъ, «которые сами подтвердятъ это. Давно бы мы при-«несли покорность вашимъ милостямъ, панове, еслибъ «намъ былъ вольный проѣздъ. Просимъ вашихъ мило-«стей избавить насъ отъ военнаго разоренія. Іюля «29, у св. Софіи» (43).

Радзивиллъ отвѣчалъ:

«Вѣрные поданные могутъ спокойно сидѣть въ до-«махъ своихъ, не опасаясь никакихъ враждебныхъ «поступковъ» (44).

Литовское войско подвинулось къ Кіеву и обозъ сначала расположился на равнинѣ подъ Подоломъ. Самъ Радзивиллъ помѣстился въ покояхъ митрополита, близь св. Софіи (45), извѣстилъ объ этомъ Потоцкаго и приглашалъ идти скорѣе, чтобъ взаимными дѣйствіями уничтожить непріятеля.

---

(43) «Wojna z kaz. i tat.» I, 338.
(44) Ibid. 337.
(45) «Latop. Jerl.» 125.

Итакъ Украина была наводнена врагами съ двухъ сторонъ, и они готовились уничтожить въ ней всякій зародышъ русской независимости. Гдѣ жь былъ онъ, Хмельницкій, когда, по выраженію народной пѣсни, его кованные возы стояли въ лозахъ подъ Берестечкомъ, его кони достались польному гетману, его битые талеры расхватали ляхи?

Темные слухи носились о казацкомъ гетманѣ. Говорили, будто ханъ держитъ его въ цѣпяхъ и бьетъ нагайками; говорили также, что онъ собралъ противъ поляковъ новыя силы. Долго не знали о немъ ни поляки, ни казаки. Покинувъ свое несчастное войско, осудившее его на выдачу полякамъ, Хмельницкій думалъ воротить Исламъ Гирея и нашелъ себѣ дурной пріемъ. Разсерженный повелитель правовѣрныхъ приказалъ взять его подъ стражу.

«Чрезъ тебя, кричалъ онъ: — чрезъ тебя, про«клятый гяуръ ([46]), я понесъ постыдное пораженіе. «Ты мнѣ натолковалъ, что у нихъ войска немного, я «и повѣрилъ тебѣ, а на дѣлѣ вышло, что у нихъ «войска болѣе, чѣмъ у тебя и у меня. Ты меня откло«нилъ отъ похода на Московію. Знаю я всѣ твои про«дѣлки и сношенія съ московскимъ царемъ. Чѣмъ «теперь заплатишь мнѣ за потерю? Мнѣ нужно

([46]) «Ист. Русс.» III.

«выкупить мурзъ: вотъ я тебя и отдамъ поля-«камъ» ([47]).

Единовладѣцъ русскій кланялся и льстилъ хану, сколько умѣлъ.

«Слушай, сказалъ ханъ, успокоясь: — ты дол-«женъ мнѣ заплатить окупъ, а до-тѣхъ-поръ будешь «у меня въ плѣну. Если же окупа не заплатишь, «отдамъ ляхамъ: они будутъ благодарны.»

Хмельницкій послалъ Выговскаго въ Чигиринъ къ сыну своему, Тимоѳею, и ждалъ подъ стражею у хана, пока писарь привезъ ему восемьсотъ тысячъ талеровъ ([48]). Иногда, въ тѣ часы, когда деспотъ приходилъ въ милостивое расположеніе духа, Хмельницкій приходилъ къ нему и, съ позволенія его, писалъ универсалы въ Украину ([49]). «Но ненадежна (говоритъ современникъ) пріязнь волка съ бараномъ, а христіанина съ бусурманомъ» ([50]). Взявъ отъ Хмельницкаго деньги, ханъ пустилъ его только-что въ сорочкѣ да въ тулупѣ ([51]), но обѣщалъ немедленно прислать татаръ послѣ прибытія въ Крымъ. Хмель-

---

([47]) «Wojna z kaz. i tat.» I, 331.

([48]) «Annal. Polon. Clim.» I, 279. — «Pamiętn. do panow. Żygm. III, Wład. IV i Jan. Kaz.» II, 198.

([49]) «Wojna z kaz. i tat.» I, 338.

([50]) «Лѣтоп. самов.» 16.

([51]) «Wojna z kaz. i tat.» 273.

ницкій выѣхалъ изъ-подъ Вишневца въ концѣ іюля, въ сопровожденіи пяти мурзъ и около сотни казаковъ ([52]).

Гетманъ бросился тотчасъ въ Украину съ тою цѣлью, чтобъ поскорѣе собрать войско и поспѣшить на помощь осажденнымъ подъ Берестечкомъ. Ничего не зная о судьбѣ ихъ, онъ прискакалъ въ Паволочъ. Мѣщане тоже ничего не знали о пораженіи и изумились, увидя своего гетмана безъ полковниковъ и почетной гвардіи.

Толпа окружила его съ разспросами.

— Какимъ образомъ твоя милость идешь одинъ? Чтó это такое? съ участіемъ и безпокойствомъ спрашивали православные.

— Ничего! ничего! отвѣчалъ Хмельницкій: — все будетъ хорошо! Я оставилъ двадцат полковъ молодецкаго войска противъ короля: они будутъ обороняться хоть три мѣсяца: живности и пороха у нихъ много; а мы въ таборѣ обороняться умѣемъ, да и голодъ перенесть для казака нипочемъ!

— А литовскій гетманъ не прійдетъ въ Украину? спрашивали мѣщане.

— Нѣтъ! отвѣчалъ Хмельницкій: — Радзивиллъ далъ слово только оборонять границу.

([52]) «Wojna z kaz. i tat.» I, 337. — «Памятн. кіевск. комм. II, 3. 100.

Успокоивъ такимъ-образомъ мѣщанъ, Хмельницкій остался въ Паволочи дожидаться ханской помощи и два дня пилъ безъ просыпу. На третій день явился въ Паволочъ Хмелецкій, одинъ изъ старшинъ.

— Здѣсь гетманъ? спросилъ онъ.

— Здѣсь, отвѣчали ему: — а что́ такое?

— То, сказалъ Хмелецкій: — что я не знаю, какъ теперь явиться къ гетману: мы разбиты напропалую! Гетманъ убьетъ меня! Какъ-нибудь ужь хоть вы защитите!

Въ сопровожденіи мѣщанъ Хмелецкій вошелъ къ Хмельницкому.

— А таборъ де? вскричалъ гетманъ, увидя казака изъ-подъ Берестечка.

— Оже чорты́ узялы́ та́боръ. Утеклы́сьмо зъ та́бора, сказалъ Хмелецкій.

— Якъ?

— Молодци би́ться не зхоти́лы.

— А корогвы́ де?

— И корогвы́ пропа́лы.

— А гарма́ты?

— И гарма́ты!

— А шкату́ла зъ червóными?

— Про те́ не зна́ю.

Хмельницкій рвалъ на себѣ волосы, проклиналъ самъ себя и цѣлый міръ.

Въ такомъ меланхолическомъ расположеніи духа,

говоритъ современникъ, застали его новые гости: пріѣхалъ Джеджалыкъ и разсказалъ, что́ сдѣлалось въ казацкомъ таборѣ; пріѣхалъ Гладкій, а потомъ и другіе полковники съ остатками конницы: у кого было человѣкъ полтораста, у кого сто... только Пушкаренко привелъ шестьсотъ своихъ полтавцевъ.

— Би́льше ви́ська не ма́е? спрашивалъ гетманъ.

— Не ма́е, па́не гетма́не, отвѣчали полковники: — уси́ въ роспоро̀шку пишлы́.

Тогда начался плачъ и вопль; къ увеличенію горя, вдругъ приходитъ въ Паволочь вѣсть, что Радзиваллъ разбилъ Небабу и вступилъ въ Украину.

— Якже такъ? говорили мѣщане: — каза́въ еси́, па̀не гетма́не, що лыто́вци не бу́дутъ, а о́тъ уже́ йду́тъ!

— Отже, не здéржавъ слова Радзивиллъ! сказалъ Хмельницкій въ отчаяніи [53].

Хмельницкій пробылъ еще два дни въ Паволочи, какъ вотъ пришло нѣсколько татаръ: они принесли универсалъ отъ хана ко всѣмъ украинцамъ.

«Если я отступилъ отъ Берестечка (писалъ ханъ), «то это я сдѣлалъ не изъ боязни, а разсудилъ такъ «поступить по причинѣ болотъ и лѣсовъ; но я не «отстану отъ запорожскаго войска, и когда явится

([53]) «Wojna z kaz. i tat.» I, 276.

«вамъ опасность отъ поляковъ, снова приду со всѣ-
«ми ордами.»

Хмельницкій приказалъ читать всенародно этотъ универсалъ для ободренія мѣщанъ и казаковъ.

Но, на слѣдующее утро, Хмельницкій получилъ другое посланіе отъ своего союзника: Исламъ-Гирей отказывался отъ всякой помощи казаковъ, да еще грозилъ казакамъ ([54]). Полковникъ уманскій, Глухъ, услышавъ, что въ его полку татары, разбѣжавшись изъ-подъ Берестечка, начали грабить, догналъ ихъ на Синихъ Водахъ и жестоко поразилъ десять тысячъ этихъ союзниковъ.

Хмельницкій, въ досадѣ, уѣхалъ изъ Паволочи.

«Пойду на Запорожье, говорилъ онъ: — и не
«хочу больше воевать съ панами» ([55]).

Онъ отправился въ Чигиринъ, гдѣ хотѣлъ собрать еще денегъ для найма своевольныхъ ордъ, но Чигиринъ взбунтовался противъ Хмельницкаго: его не пустили въ городъ ([56]). На Масловомъ-Бродѣ, на рѣкѣ Русавѣ, собиралась такъ-называемая *черная рада*. Казаки обвиняли Хмельницкаго за то, что покинулъ войско подъ Берестечкомъ ([57]). Въ разныхъ

([54]) Ibid. 277.
([55]) Ibid. 335.
([56]) Ibid. 336.
([57]) «Памятн. кіевск. комм.» II, 3, 88.

мѣстахъ Украины собирались мятежныя сходки, на которыхъ осуждали Хмельницкаго, какъ измѣнника.

Но тутъ-то Богданъ показалъ все присутствіе духа. «Онъ (говоритъ современникъ) не измѣнялся предъ подчиненными ни въ лицѣ, ни въ духѣ: съ веселымъ видомъ, съ смѣлою рѣчью показывалъ видъ, что счастіе его не потеряно ([58]). Онъ прибылъ самъ на Масловъ-Бродъ и вскорѣ недовольные имъ казаки снова готовы были идти на смерть по его мановенію. Къ удивленію всѣхъ, Хмельницкій, въ самомъ критическомъ положеніи, женился: прежней его жены, которая, между-прочимъ, была не послѣднимъ поводомъ къ возстанію, уже не было. Она навлекла на себя гнѣвъ мужа въ то время, когда онъ былъ въ походѣ, неизвѣстно чѣмъ, а сынъ Хмельницкаго, Тимоѳей, повѣсилъ свою мачиху ([59]) на воротахъ, какъ говоритъ одна лѣтопись ([60]), вмѣстѣ съ семью другими лицами, вѣроятно, соучастниками ея въ томъ, за что она пострадала. Это сдѣлано было, какъ говоритъ одинъ изъ современниковъ, по приказанію гетмана ([61]). Новая жена Хмельницкаго была сестра

([58]) «Histor ab. exc. Wład. IV» 80.

([59]) «Wojna z kaz. i tat.» I, 353. — «Histor. belli cosac. polon.» 248. — «Histor. ab exc. Wład. IV.» 80.

([60]) «Лѣтоп. Величка», I, 14.

([61]) «Latop. Jerl.» 120.

Золотаренка, котораго онъ сдѣлалъ корсунскимъ полковникомъ, по имени Анна ([62]). Поляки, неизвѣстно почему, называютъ ее казачкой Филиппихой ([63]).

Стоя на Масловомъ-Бродѣ, Хмельницкій послалъ опять къ хану съ извиненіемъ, что несогласіе казаковъ съ татарами произошло противъ его воли.

«Мы не имѣемъ (говорилъ онъ) другой надежды, «кромѣ твоей ханской милости и татарской орды. Те«перь время самое удобное отомстить полякамъ и на«пасть на нихъ. Король и все посполитое рушенье «пошли назадъ въ Польшу. Только паны съ коман«дами идутъ забирать свои украинскія помѣстья ([64]).

Чиновникъ казацкій Котаржный поѣхалъ въ Константинополь.

«Если (писалъ Хмельницкій) турки не подадутъ «пособія погибающему казачеству, то мы по-неволѣ «должны будемъ поддаться полякамъ и поступать какъ «имъ угодно, а слѣдовательно воевать противъ ту«рокъ» ([65]).

Ни то, ни другое не удалось гетману. Потоцкій послалъ въ Крымъ посломъ Гебултовскаго, припоми-

---

([62]) «Histor. belli cosac. polon.» 248.

([63]) «Histor. ab exc. Wład. IV.» 80. — «Wojna z kaz. i tat.» I, 278.

([64]) «Bel. scyth. cos.» 221.

([65]) «Annal. Polon. Clim.» I, 279.

налъ трактатъ, заключенный съ королемъ и обѣщалъ хану новыя выгоды отъ соединенія съ Речью Посполитой (66). Лупула, съ своей стороны, убѣждалъ хана отказаться отъ союза съ казаками (67). Прикидываясь другомъ турокъ, господарь чернилъ предъ ними Хмельницкаго и столько успѣлъ предъ визиремъ, что внезапно были остановлены турецкимъ правительствомъ отправленные уже къ Хмельницкому подарки (68). Такимъ образомъ оба союзника, визирь и ханъ, если не объявили себя врагами казаковъ, то оставались въ бездѣйствіи, предоставляя Потоцкому выигрывать время и ослаблять мятежную и несогласную Украину. Ханъ писалъ Хмельницкому, что онъ не оставляетъ вовсе казаковъ, но отказывался выходить въ походъ ранѣе весны. Только двѣ тысячи отборныхъ татаръ служили у Хмельницкаго (69); кромѣ того, у него было на границѣ четыре тысячи татаръ нагайской вольной орды, подъ начальствомъ Карачь-Мурзы (70).

Оставалось положиться на своихъ. Хмельницкій

---

(66) Ibid. — «Pamiętn. do panow. Żygm. III, Wład. IV i Jan. Kaz.» II, 199.

(67) «Wojna z kaz. i tat.» I, 334.

(68) Ibid. 332.

(69) Ibib. 282.

(70) Ibid. — «Histor. belli cosac. polon.» 201.

распустилъ по Украинѣ универсалъ, призывая русскій народъ защищать отечество.

«Судьба непостоянна (писалъ онъ): она обыкно-«венно поднимаетъ вверхъ того, кого потоптала; те-«перь она покровительствуетъ полякамъ, но скоро «обратится къ казакамъ. Стоитъ только начать войну «и мы возвратимъ потерянное съ лихвою. Король «съ войскомъ ушелъ уже въ Польшу, гдѣ Ракочій «взялъ Краковъ. Противъ насъ идетъ слабое войско «подъ начальствомъ пановъ, которые считаютъ насъ «рабами и думаютъ теперь властвовать надъ побѣжден-«ными, ка́къ угодно. Ими предводительствуетъ на-«пыщенный Потоцкій, дряхлый старичишка, который «когда-то былъ у насъ въ рукахъ и проданъ Тугай-«Бею. Со всѣхъ сторонъ сбираются татары и бу-«дутъ теперь сражаться охотнѣе, чтобъ стереть без-«славіе недавняго пораженія» ([71]).

«Плодовитая матка казацкая, Украина (говоритъ русскій лѣтописецъ) ([72]) возродила казачество, какъ-будто не было берестечскаго пораженія.» Повсюду собирались толпы русскаго народа и клялись умереть, а не поддаться врагамъ. Но не было ни порядка, ни единодушія въ этихъ разсѣянныхъ ополче-

---

([71]) «Bel. scyth. cosac.» 220.
([72]) «Истор. о през. бр.»

ніяхъ ([73]). Одни утѣшали себя тѣмъ, что, быть-можетъ прійдутъ турки и Украинѣ будетъ легче подъ властью султана ([74]); другіе называли Хмельницкаго измѣнникомъ за сношенія съ бусурманами. По разнымъ мѣстамъ буйныя головы выбирали себѣ предводителей и не хотѣли признавать власти Хмельницкаго. Въ самой радѣ Хмельницкаго происходили разногласія: Выговскій и другіе шляхтичи, спасенные казаками и вступившіе въ казацкое званіе, думали помириться съ поляками; другіе не соглашались ни за что́, готовы были лучше отдаться Турціи, или Московіи. Что касается народа, въ немъ была непримиримая ненависть противъ поляковъ и вся масса народонаселенія русскаго готова была лучше погибнуть до послѣдняго, чѣмъ снова признать власть пановъ.

Подоляне, упорнѣйшіе изъ всѣхъ южноруссовъ, поднялись съ прежнею заклятою враждою къ панскому сословію. Помѣщики думали, что теперь, послѣ побѣды надъ хлопскимъ ополченіемъ, можно, наконецъ, безопасно въѣхать въ свои имѣнія, и прибыли на Подоль съ командами; но поднѣстранскіе жители привѣтствовали гостей рогатинами и косами. Потоцкій думалъ, что это дѣлается изъ отчаянія, отъ без-

([73]) «Памятн. кіевск. комм.» II, 3, 88.
([74]) «Bel. scyth. cosac.» 221.

надежности получить прощеніе за прежнія своеволія, а потому отправилъ къ нимъ милостивые универсалы и обѣщалъ всеобщее забвеніе прошлаго, если они перестанутъ мятежничать. Подоляне собрались на черную раду въ Деремчинѣ, перебили посланныхъ Потоцкаго и выбирали себѣ предводителей: упорные во враждѣ къ панамъ, они не думали повиноваться и Хмельницкому (75).

Бужане стекались въ Прилуки подъ начальство винницкаго полковника, Богуна, который съ каждаго жителя бралъ по талеру для приглашенія татаръ (76). Составилось ополченіе и въ Бѣлой-Церкви, но бѣлоцерковскій полковникъ, Громыка, пришелъ въ подозрѣніе у подчиненныхъ за склонность къ миру (77). Богунъ, услыша, что войско коронное идетъ на Кіевъ, поспѣшилъ соединить свое ополченіе съ бѣлоцерковскимъ, и, въ то время, когда Хмельницкій собиралъ войско на Масловомъ-Ставѣ, укрѣпилъ Бѣлую Церковь, поставилъ казацкіе гарнизоны въ Хвастовѣ и Трилисахъ, лежавшихъ на дорогѣ (78). Дѣятельность и воззванія винницкаго полковника въ-

---

(75) «Wojna z kaz. i tat. I, 278, 337. — «Памят. кіевск. комм.» II, 3, 101.

(76) «Wojna z kaz. i tat.» I, 339.

(77) Ibid. 280.

(78) Ibid. 284—289.

особенности пробуждали и поддерживали въ жителяхъ упорство. Они съ ожесточеніемъ жгли на поляхъ собственный хлѣбъ, разоряли свои хаты, загоняли въ за́мки скотину, увозили припасы, чтобъ не дать врагамъ ни пристанища, ни пропитанія ([79]).

Поляки скоро почувствовали это ожесточеніе народа. Сначала-было они обрадовались, когда вышли изъ Любара и потянулись по обѣтованной землѣ, какъ называли они Украину; чрезъ нѣсколько дней все измѣнилось; паны за большія деньги могли достать себѣ живности, «а меду, пива, или вина (говоритъ современникъ) могъ отвѣдать развѣ Потоцкій, да и то заплативъ вчетверо за дурное пиво, какого и слуга его не сталъ бы пить въ другое время» ([80]). Во время похода безпрестанно нападали на нихъ вооруженныя партіи; въ виду ихъ отнимали возы, лошадей, останавливали на переправахъ, ломали мосты и кричали:

«Колы́ здýмаете побигти, той̈ ногá вáша не вте-«чé» ([81]).

3-го августа, (13-го н. с.) въ воскресенье, польское войско прибыло въ Паволочь. Нѣкоторые полководцы хотѣли ударить прямо на Хмельницкаго, но

([79]) Ibid. 278.
([80]) Ibid. 280.
([81]) Ibid. 279.

Вишневецкій подалъ совѣтъ идти по дорогѣ въ Кіевъ и соединиться съ Радзивилломъ, а потомъ ужь, съ большими силами, задавить казацкаго предводителя. Потоцкій принялъ совѣтъ и приказалъ отдохнуть войску нѣсколько дней въ Паволочи. Наступилъ праздникъ Успенія. Поляки считали обязанностью провести его на мѣстѣ, а не въ дорогѣ (82). Можетъ-быть, живое воспоминаніе зборовской битвы оставило такое впечатлѣніе и несчастную примѣту объ этомъ днѣ.

Во время стоянки въ Поволочи поразила поляковъ неожиданная скорбь. 3-го августа, (13-го н. с.) былъ совѣтъ, гдѣ принято мнѣніе Вишневецкаго; совѣтъ происходилъ въ шатрѣ князя. Во все продолженіе дня паны оставались у него въ гостяхъ. Іеремія былъ веселъ, шутилъ, подчивалъ гостей и самъ пилъ противъ обыкновенной своей трезвости. На другой день онъ съѣлъ арбузовъ и напился меду; это испортило у него желудокъ; оказались признаки горячки. 9-го августа, его отнесли въ зàмокъ и, чрезъ двадцать-два часа скончался храбрый полководецъ, въ цвѣтущихъ лѣтахъ, среди блестящихъ подвиговъ, счастливый любовью соотечественниковъ. Войско было поражено горестью до изступленія; смерть его

---

(82) Ibid. 284—342.

казалась подозрительною; поговаривали, что его отравили ядомъ.

12-го августа, (22-го н. с.) тѣло Іереміи отправили въ Вишневецъ къ роднымъ могиламъ. Вѣрная дружина покойника провожала его и хорунжій, въ знакъ послѣдней почести, держалъ опущенное внизъ знамя, а предводители шли за нимъ съ открытыми головами. Звукъ трубъ и бубенъ, и залпы изъ пушекъ и ружьевъ были прощальною данью всего войска воинственному князю. «Рѣдкій тогда не плакалъ (говоритъ очевидецъ), потому-что всѣ простые жолнеры любили его, какъ только можетъ солдатъ любить своего генерала.» — «Не скоро явится въ Польшѣ подобный герой», говорили они единогласно» ([83]). «За-то Хмельницкій (говоритъ польскій лѣтописецъ) обрадовался, какъ услышалъ, что нѣтъ болѣе того, кто всегда стоялъ ему костью въ горлѣ.» — «Наконецъ, Богъ услышалъ наши моленія (говорилъ онъ казакамъ): десница Божія оказала справедливость: князь Вишневецкій, хотѣвшій нѣкогда обладать цѣлою Русью, теперь занимаетъ четыре локтя земли. Оружіе наше не сразило его;

([83]) «Wojna z kaz. i tat.» I, 286. — «Памятн. кіевск. комм.» II, 3: 105—107. — «Histor. belli cosac. polon.» 193. — «Histor. ab. exc. Wład. IV.» 80. — «Pamiętn. o wojn. kaz. za Chm.» 92. — «Истор. о през. бр.» — «Annal. Polon. Clim.» I, 285.

Богъ, мститель крови нашей, поразилъ беззаконную голову» ([84]).

На другой день послѣ похоронъ, войско вышло изъ Паволочи, по дорогѣ къ Трилисамъ, отстоящимъ отъ Паволочи на тридцать верстъ. «Мы очутились тогда (говоритъ современникъ) среди необозримыхъ жатвъ и всеобщаго изобилія. По обѣимъ сторонамъ дороги мелькали хутора, потонувшіе въ роскошныхъ садахъ и насѣкахъ, и голодное жолнерство бросилось жадно на грабежи. Въ пять часовъ вечера поляки подошли къ Трилисамъ. Потоцкій послалъ къ мѣстечку объявить жителямъ прощеніе и пощаду, если они впустятъ войско. Поляки, подошедши, увидѣли, что все мѣстечко окружено по валу дубовымъ толстымъ заборомъ; на заборѣ сидѣли вооруженные люди обоего пола съ разными орудіями, и военными и домашними.»

— Покори́тесь вы намъ, ляхи́, кричали они: — не мори́ть соби́ ко́ней, бо ни на чомъ бу́де до Кракo̒ва утика̀ты.

Вслѣдъ затѣмъ раздался залпъ и смѣхъ надъ падавшими врагами.

Потоцкій приказалъ войску подвинуться, чтобъ показать упорнымъ свою силу; «но ни одна живая душа не думала просить милосердія (говоритъ со-

([84]) «Histor. ab exc. Wład. IV.» 80.

временникъ) ([85]). Они сидѣли попрежнему и ругались надъ врагами, хотя видѣли ясно, ка́къ велико польское войско и ка́къ ничтожна ихъ сила.»

Потоцкій отрядилъ шесть-сотъ человѣкъ пѣхоты и четыреста драгуновъ и велѣлъ имъ идти на штурмъ, а между-тѣмъ еще разъ сдѣлалъ мирное убѣжденіе.

— Гетманъ, говорили посланные къ мѣстечку:— не желаетъ васъ губить и обращать въ пепелъ мѣстечко его королевской милости. Опомнитесь и покоритесь.

— Убира̀йтесь къ чо́рту, ляхи́, отвѣчали казаки:— коро́ль вашъ утикъ, и вы иди́ть соби́ у Польщу, бо се вже не ва́ша земля́.

Это удивительное упорство взбѣсило поляковъ.

— Нѣтъ (говорили они), не́чего жалѣть дрянной деревушки; хлопское упрямство скорѣе усмирится саблею и огнемъ, чѣмъ угрозами и поблажками.

Отрядъ, назначенный для штурма, вышелъ еще до свѣта, въ то время, когда сонъ особенно одолѣваетъ человѣка. Жители не спали. Въ мѣстечкѣ горѣли огни; дубовый частоколъ попрежнему былъ усаженъ людьми. Въ мѣстечкѣ, кромѣ всего вооруженнаго населенія, было только шесть-сотъ казаковъ; погибель ихъ была очевидна, но они рѣши-

---

([85]) «Wojna z kaz. i tat.» I, 344.

лись показать собою въ Украинѣ примѣръ, что только отчаяніемъ можно спасти ихъ дѣло. Начальникомъ въ Трилисахъ былъ Александренко, тотъ самый, который зимою отличался въ Сцянкахъ.

Пршіемскій ударилъ залпомъ изъ орудій; со стороны мѣстечка отвѣчали тѣмъ же.

Пршіемскій повторилъ кононаду; польскія ядра проломали тройной заборъ и жолнеры перескочили черезъ глубокій и узкій ровъ, и ворвались въ мѣстечко. Жители заперлись въ за́мкѣ.

Пѣхота полѣзла на валъ за́мка. Съ ожесточеніемъ оборонялись русскіе; женщины поражали нѣмцевъ рогачами и косами, и одна баба зарѣзала косою начальника отряда, полковника Страуса, и болѣе ста человѣкъ нѣмцевъ легло на валу. Но Трилисы были взяты; желѣзное упорство привело побѣдителей въ звѣрство; овладѣвъ мѣстечкомъ, они разбивали о стѣны младенцевъ, потому-что никто изъ взрослыхъ не дался живой. «Въ четыре часа утра Трилисъ не стало; все мѣстечко, за́мокъ, прекрасная церковь — все было принесено въ жертву Вулкану (какъ говоритъ современникъ) ([86]); сгорѣли даже вѣковые, толстые, какъ пивная бочка, дубы, окружавшіе мѣстечко.» Всѣхъ жителей въ мѣстечкѣ погибло болѣе

([56]) Ibid. 342.

двухъ тысячъ. Поляки, недовольные этимъ, бѣгали по околицѣ, по лѣсамъ и болотамъ и убивали безъ разбора всякаго русскаго, кто только встрѣчался. По обгорѣлымъ развалинамъ хатъ лежало множество разбросанныхъ труповъ мужскихъ, женскихъ и дѣтскихъ; вся окрестность усѣяна была тѣлами; храбрость украинскихъ женщинъ изумляла поляковъ, и они, въ ожесточеніи, убивали каждую женщину, думая, что это мужчина въ женскомъ платьѣ.»

«О, Господи Боже! ка́къ Ты милосердъ!» восклицали поляки, добывъ въ разоренныхъ хуторахъ скота, хлѣба, горѣлки.

Александренко былъ схваченъ живымъ и посаженъ на колъ ([87]).

Простоявъ два дня на пепелищѣ Трилисъ и окрестныхъ хуторовъ, поляки переправлялись цѣлый день по узкой плотинѣ и, 16 августа (26 н. ст.), пришли въ Хвастовъ. Тамъ не было живой души. Всѣ жители, испуганные разореніемъ Трилисъ, ожидали себѣ такой же участи, въ случаѣ упорства, а покориться не хотѣли, и потому разбѣжались, оставя жолнерамъ пустые домы. Митрополитъ кіевскій

([87]) «Памятн. кіевск. комм.» II, 3. 110. — «Wojna z kazak. i tat.» I, 287—288. 344—345. — «Annal. Polon. Clim.» I, 287. — «Histor. belli cosac. polon.» 194—195.

послалъ въ подарокъ къ Потоцкому напитковъ и просилъ пощады духовенству и православнымъ жителямъ. Простоявъ нѣсколько дней въ Хвастовѣ, войско двинулось къ Василькову.

За четыре дня до разоренія Трилисъ, Кіевъ испыталъ также горькую участь. Литовцы сначала подошли по-дружески, но, чрезъ нѣсколько дней, Радзивиллъ ввелъ всю свою армію въ Кіевъ, приказалъ отбирать у жителей оружіе и потомъ обвинялъ городъ въ измѣнѣ, потому-что горожане выпустили свободно отрядъ корсунскаго полка и своихъ собратій, убѣжавшихъ въ нижнія страны Украины. Литовскій гетманъ нарядилъ коммиссію для отъисканія виновныхъ. Эта коммиссія открыла, что тѣ, которые были виновны, ушли изъ города; тогда Радзивиллъ принялся за тѣхъ, которые имѣли какое-нибудь сношеніе съ людьми, признанными мятежниками, и многихъ мѣщанъ вѣшалъ и сажалъ на колъ. Жолнеры грабили и насиловали жителей, ругались даже надъ вѣрою. Памятникомъ посѣщенія ими Кіева осталась до-сихъ-поръ въ братскомъ монастырѣ изуродованная икона Богоматери, къ которой набожные богомольцы прибѣгаютъ съ мольбами.

Поступки войска ожесточили жителей. Междутѣмъ Адамовичъ, съ которымъ они были въ уговорѣ, составлялъ планъ погубить непріятельское войско въ Кіевѣ. Онъ отправилъ Мокиру (или Мозыру) съ дву-

мя тысячами къ Днѣпру, приказалъ ему тихонько подплыть подъ литовскіе байдаки и зажечь ихъ; другой же предводитель, Горкуша, также съ двумя тысячами, долженъ былъ идти по правому берегу и ударить неожиданно на Старый городъ. Самъ Адамовичъ, съ шестью тысячами казаковъ, плылъ по Днѣпру вверхъ, и готовился пристать къ берегу и напасть на литовцевъ въ то время, когда Горкуша нападетъ на нихъ съ другой стороны города. Тогда, по уговору съ нимъ, жители, ожесточенные грабительствомъ литовцевъ, рѣшились сами зажечь домы свои, истребить все достояніе, чтобъ оно не доставалось въ руки враговъ, и этимъ пожаромъ произвести смятеніе, которое помогло бы казакамъ.

6-го августа (16-го н. ст.), одинъ неустрашимый мѣщанинъ на Подолѣ первый зажегъ домъ свой и все строеніе, и самъ бросился въ огонь, вѣроятно, потому, что его подвигъ увидѣли враги: онъ хотѣлъ избавить себя отъ позорной кизни. Шестьдесятъ домовъ сравнялись съ землею. На другой день, въ полдень, увидѣли мѣщане издали казаковъ, и Кіевъ загорѣлся со всѣхъ сторонъ: поднялся страшный вихрь. Очевидецъ разсказываетъ, что онъ, стоя на горѣ, воображалъ себѣ Содомъ и Гоморъ. Горѣли лавки съ товарами, шляхетскіе и мѣщанскіе домы, училища, горѣли церкви; въ числѣ ихъ погибли двѣ древнія каменныя церкви, одна во имя св. Троицы,

другая во имя св. Василія, построенная Владиміромъ и стоявшая на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь церковь Трехъ Святителей, женскій Флоровскій монастырь, церковь Николая-добраго. Только католическій каѳедральный костёлъ и доминиканскій монастырь были охранены жолнерами. Болѣе двухъ тысячъ домовъ было истреблено пожаромъ. Литовцы бросились-было грабить остатки имуществъ, которые столь усердно повергали въ огонь собственные хозяева, но тутъ раздалась тревога: казаки нападали на нихъ.

Къ-несчастью русскихъ, предводитель корсунскихъ казаковъ испортилъ все дѣло. Вмѣсто-того, чтобъ исполнить приказаніе Адамовича и подплыть Днѣпромъ подъ байдаки, онъ пошелъ на правый берегъ, позади Горкуши, и началъ огнемъ давать сигналы плывшему Адамовичу, чтобъ тотъ спѣшилъ скорѣе. Это открыло Радзивиллу тайну. Сильный отрядъ, подъ начальствомъ Нольда, встрѣтилъ казаковъ за золотыми воротами, близь Лыбеди, а другая часть войска бросилась въ байдаки и поплыла быстро къ печерскому монастырю противъ Адамовича. Горкуша на Лыбеди не могъ ничего сдѣлать. Двѣ тысячи татаръ, бывшихъ съ нимъ, вмѣсто-того, чтобъ помогать ему, остались за Лыбедью. Сначала казаки на Лыбеди опрокинули-было непріятеля и погнались за Нольдомъ, но потомъ драгуны окружили ихъ со всѣхъ

сторонъ и оттиснули. Въ тоже время литовцы, плывшіе по Днѣпру, принудили Адамовича обратиться назадъ; вихрь былъ прямо въ глаза казакамъ; имъ надобно было плыть противъ воды, а враги ихъ плыли внизъ по теченію, и притомъ за вѣтромъ. Такимъ образомъ планъ Адамовича не удался отъ своеволія его подчиненныхъ. Русскіе выиграли только то, что имущества ихъ не достались грабителямъ.

Кіевскій пожаръ и трилисское кровопролитіе еще болѣе ожесточили русскій народъ. Русскіе, скрываясь по лѣсамъ, наскакивали изподтишка на враговъ и отомщали на плѣнникахъ кровь своихъ братьевъ и пепелъ ихъ жилищъ; они преслѣдовали съ особеннымъ ожесточеніемъ нѣмцевъ, потому-что нѣмцы выказали себя свирѣпыми при взятіи мѣстечка. Приводя плѣнниковъ въ уединенныя ущелья, они сажали ихъ за столъ, подчивали медомъ и виномъ, вели пріятельскіе разговоры, потомъ, поругавшись вдоволь, сажали на колъ, сдирали кожи и прокалывали рожнами ([88]). Летучіе казацкіе отряды безпрестанно нападали со всѣхъ сторонъ на литовское войско, отнимали возы, уводили плѣнниковъ на муки. Радзивиллъ послалъ къ Потоцкому предложеніе соединиться вмѣстѣ поскорѣе ([89]).

([88]) «Wojna z kaz. i tat.» I, 327.
([89]) Ibid. 341.

Хмельницкій тотчасъ узналъ объ этомъ. Власть его колебалась; полковники дѣйствовали отъ него отдѣльно; войска у гетмана было мало, на татаръ не было надежды; крымскіе отряды, которые пришли на помощь, занимались только грабежемъ самихъ союзниковъ (90). Хмельницкій боялся не только враговъ, но собственныхъ подчиненныхъ, которые не хотѣли ему повиноваться, дѣйствовали храбро, но своевольно, и потому ничего не успѣвали. Онъ счелъ за лучшее предупредить соединеніе войскъ и послалъ къ Потоцкому депутацію. Онъ просилъ Киселя быть за него ходатаемъ и написалъ къ коронному гетману письмо слѣдующаго содержанія:

«Столько миріадъ людей, погибшихъ во время «войны, должны удержать вашу ясновельможность «отъ дальнѣйшаго пролитія христіанской крови. Не «казаки преступны въ нарушеніи мира. Если по«всюду видимы опустошенія, пожары, грабежи, на«силія, если поля преданы запустѣнію, города въ «развалинахъ, храмы въ поруганіи, то это слѣдуетъ «приписать жестокости и свирѣпству поляковъ. Честь «женъ и дѣвицъ приносится въ жертву безумной «похоти воиновъ; святыня Божія попирается без«божными и святотатственными ногами — вотъ пло«ды этой ужасной войны! Божіе мщеніе да поразитъ

(90) Ibid. 296.

«виновныхъ, которые первые, безъ всякой причины, «начали терзать невинныхъ и спокойныхъ людей, «рабовъ своихъ и подданныхъ. На ихъ душахъ взы«щется погибель столькихъ душъ, исторгнутыхъ жесто«кою рукою свирѣпаго воина; они будутъ отвѣ«чать за всѣ злодѣйства, совершенныя окровавлен«ными мечами опустошительныхъ полчищъ. Наказа«ніе Божіе насъ постигло бы, еслибъ злодѣянія не«справедливыхъ людей оставались безъ наказанія; «тогда надобно было бы отрицать существованіе Бо«га и полагать, что все устройство вселенной об«ращается безъ Провидѣнія. Необузданность двухъ «пановъ, Вишневецскаго и Конецпольскаго, произ«вела то, что Польша, нарушивъ признанныя ею «наши права и потоптавъ предковскіе законы, вы«звала насъ на гибельную брань. Чего еще ждать «послѣ этого съ обѣихъ сторонъ? Вижу послѣднія «минуту погибающаго отечества, вижу, что гибель «должна постигнуть или Польшу, или Русь, но, что́ «хуже, вижу съ обѣихъ сторонъ ужаснѣйшее звѣр«ство и ожесточеніе, готовое на всякія крайности. «Мы, русскіе, готовы умирать за отечество. Поляки «упорно готовы сражаться за права свои и помѣстья. «Прими, ясновельможный гетманъ, мой послѣдній «совѣтъ. Обратись лучше къ искусству заключить «миръ, чѣмъ къ искусству вести войну; не надѣйся «на счастье въ этой упорной брани, не думай по-

«бѣдою своею усмирить казаковъ. Нерѣдко тотъ, кто «торжествуетъ въ этомъ году, другому доставляетъ «собою торжество въ слѣдующемъ; нерѣдко заходя«щее солнце смотритъ на побѣдителя, котораго ви«дѣло побѣжденнымъ при своемъ восходѣ. Мы, ка«заки, народъ упорный и крѣпкій волею; мы не «возносимся въ счастіи, не упадаемъ духомъ въ «бѣдствіи. Лучше и вѣрнѣе будетъ для васъ миръ «съ нами, нежели предполагаемая побѣда. Но если, «поляки, вы теперь пренебрежете нашимъ мирнымъ «предложеніемъ, то мы, поневолѣ, пойдемъ противъ «васъ въ союзъ съ сосѣдними народами» ([91]).

([91]) «Histor. ab exc. Wład. IV.» 82.

**

ГЛАВА VII.

Переговоры. — Маховскій у Хмельницкего. — Коммиссары въ Бѣлой-Церкви. — Раздоры въ народѣ. — Переговоры на Острой-Могилѣ. — Стычки подъ Бѣлою-Церковью. — Хмельницкій въ польскомъ лагерѣ. — Попытка отравить Хмельницкаго. — Бѣлоцерковскій трактатъ. — Смерть Потоцкаго. — Состояніе умовъ.

Не понравился Потоцкому неустрашимый тонь письма Хмельницкаго. Онъ видѣлъ впереди себя новыя побѣды, но русскій народъ въ самомъ несчастіи былъ страшенъ и грозенъ своимъ ожесточеніемъ. Потоцкій могъ бояться, что несогласія казацкія улягутся, гетманъ снова станетъ на челѣ народнаго возстанія, всеобщаго въ полномъ смыслѣ, когда самыя женщины выходили на непріятеля, и, наконецъ, можетъ явиться казакамъ помощь отъ турокъ, или москвитянъ; сверхъ-того, въ войскѣ появилась повальная смертная болѣзнь. Коронный гетманъ соглашался на выгодный миръ, но прежде хотѣлъ показать еще болѣе свою силу и торжество.

Письмо Хмельницкаго доставлено было 24-го августа (3-го сентября н. ст.). Посланныхъ казаковъ провели чрезъ весь лагерь, чтобъ они видѣли польское войско. Они пришли въ лагерь Киселя.

— Панъ краковскій, сказалъ воевода: — не хочетъ съ вами вести переговоровъ; я на-силу упросилъ его позволить вамъ явиться къ нему. Но скажу вамъ заранѣе, что вы получите пощаду не иначе, какъ такъ: перебейте татаръ, которые находятся у васъ, перевяжите мурзъ, выдайте Хмельницкаго и совершенно предайтесь на волю его величества и Речи-Посполитой [1].

На другой день, ихъ позвали къ Потоцкому. Когда они шли, все войско уже садилось на коней и готовилось выступать; военная музыка разливалась веселымъ и торжественнымъ отголоскомъ. Казаки почтительно поклонились.

— Пане краковскій, сказали они: — вы имѣете власть надъ войскомъ и въ сенатѣ, прекратите кровопролитіе и доставьте войску запорожскому прежнюю милость короля, которою мы пользовались по зборовскому договору [2].

— Разбойники! обманщики! крикнулъ Потоцкій:— вы думаете я не знаю, что́ у васъ на умѣ? Хмельницкій послалъ за ордою, а вы просите прощенія! Слушайте-же: я вашего Хмельницкаго знать не хочу: не считаю гетманомъ того, кто поднялъ руку на его величество, а обращаюсь къ вамъ, ко всѣмъ каза-

---

(1) «Wojna z kaz. i tat.» I, 291.
(2) «Bel. scyth. cos.» 243.

камъ, и скажу вотъ что́: его королевское величество повѣрилъ мнѣ въ одну руку мечъ, а въ другую милосердіе: выбирайте, что̀ хотите, а я не стану долго толковать съ вами, если вы не рѣшитесь на то, что́ сказалъ уже вамъ кіевскій воевода отъ моего имени. Вотъ вамъ срокъ до среды, а я тотчасъ соединяюсь съ литовскимъ гетманомъ, иду на васъ и разольется кровь христіанская. Бога-заступника призываю въ помощь; надѣемся на справедливость нашей стороны! Одинъ пусть идетъ, другой остается заложникомъ (3).

Потоцкаго обо всемъ увѣдомлялъ Липула.

«Если Хмельницкій пришлетъ къ вамъ для пере-«говоровъ, (писалъ онъ) не вѣрьте ему; измѣнникъ «обманываетъ васъ: онъ ищетъ помощи у турокъ» (4).

На другой день, 25-го августа (4-го сентября н. ст.), Потоцкій, сидя на богатоубранной лошади, встрѣчалъ въ полѣ литовскаго гетмана. Оставивъ пѣхоту въ Кіевѣ, Радзивиллъ съ конницею прибылъ для соединенія съ короннымъ войскомъ. «Съ обѣихъ сторонъ (говоритъ очевидецъ) воины сверкали серебромъ и золотомъ; блестящи были ихъ панцыри; красивы сѣдла и сбруи; статны кони. Послѣ взаимныхъ поздравленій, Потоцкій пригласилъ литовскаго гетма-

(3) «Wojna z kaz. i tat.» I, 291.
(4) Ibid. I, 346.

на въ свой шатеръ на жолнерское жаркое, какъ онъ выражался.

Но только-что паны успѣли усѣсться за походный столъ, какъ-вдругъ прибѣгаетъ гонецъ съ донесеніемъ, что три тысячи казаковъ идутъ по правому берегу Днѣпра, для нападенія на остальное подъ Кіевомъ литовское войско. Въ то же самое время казаки на челнахъ поплыли внизъ Десною и такимъ образомъ предполагали напасть на литовцевъ съ двухъ сторонъ.

Это новое покушеніе казаковъ на литовское войско не удалось. Поляки узнали о немъ заранѣе. Калиновскій пошелъ на встрѣчу шедшимъ по правому берегу, остановилъ ихъ между оврагами и кустарниками, и разбилъ нá-голову (5).

Въ тотъ же день, оставшаяся въ Кіевѣ пѣхота вступила въ кровопролитное сраженіе съ казаками подъ николаевскимъ монастыремъ. Казаки потеряли много членовъ своихъ, и, не видя подкрѣпленія съ другаго берега, удалились (6).

Литовская пѣхота тотчасъ оставила Кіевъ и свободно отправилась въ путь для соединенія съ короннымъ.

29-го августа (18-го сентября н. ст.), Хмельниц-

---

(5) Ibid. I, 293.
(6) Ibid. I, 294.

кій отправилъ новую депутацію къ Потоцкому. Посланы были казаки Андрей Кулька и Романъ Латошъ. Гетманы приняли ихъ въ великолѣпномъ шатрѣ среди множества пановъ. Кулька поклонился до земли и подалъ пукъ писемъ къ разнымъ панамъ.

— Старшина войсковая, сказалъ онъ: — прислали къ вашимъ милостямъ просить пощады.

«Много уже пролито крови (писалъ снова казац-«кій гетманъ), а все чрезъ наше упрямство. Видно «Богу такъ угодно. Клянусь Богомъ, ясновельмож-«ные паны, что хочу прекратить кровопролитіе и бу-«ду служить вѣрно королю. Соизвольте послать умнаго «пана, а я пошлю писаря Выговскаго: пусть они «переговорятъ, а потомъ постановимъ миръ» ([7]).

Несмотря на усиленіе арміи, гетманы охотнѣе желали окончить войну выгоднымъ для Речи-Посполитой миромъ, чѣмъ отваживаться на новую брань. Недостатокъ съѣстныхъ припасовъ становился слишкомъ ощутителенъ въ разоренной непріятельской странѣ; повальная болѣзнь каждый день отнимала лучшихъ солдатъ; приблизилась осень, съ нею непогоды и новыя неудобства, а между-тѣмъ русскій народъ не только не усмирялся, но, казалось, по мѣрѣ большей опасности, приходилъ въ сильнѣйшую отвагу. Паны съ безпокойствомъ слышали непріятныя

([7]) Ibid. I. 295.

вѣсти. Хмельницкій перенесъ свой лагерь въ Рокитню, на Рось, и войско его возрастало съ каждымъ днемъ: Богунъ привелъ къ нему десять тысячъ казаковъ; Бѣлая-Церковь заключала пять тысячъ человѣкъ, приставшихъ къ Хмельницкому ([8]).

Винница была въ рукахъ казаковъ и сдѣлалась сборнымъ мѣстомъ для ополченія ([9]). Паволочь взята была внезапно казаками и весь оставленный въ ней польскій гарнизонъ изрубленъ. Въ Хвастовѣ явилось тысяча-четыреста человѣкъ ([10]); въ то же время, отъ сѣвера и востока, на лѣвой сторонѣ Днѣпра готовились грянуть на поляковъ новыя полчища русскаго народа, а изъ степей пришло къ Хмельницкому четыре тысячи татаръ съ Карачъ-Мурзою. Поляки опасались, что если они протянутъ войну до глубокой осени, то будутъ окружены непріятелемъ со всѣхъ сторонъ и отрѣзаны отъ Польши.

Злѣйшіе враги казачества все-еще кричали: «не «должно входить въ переговоры съ казаками, не сдѣ«лаемъ имъ никакого сострраданія! истребимъ имя ихъ «съ лица земли» ([11]).

Но Потоцкій представлялъ невыгоды войска и наконецъ замѣтилъ:

([8]) Ibid. I, 342.
([9]) «Histor. ad exc. Wład. IV.» 83.
([10]) «Wojna z kaz. i tat.» I, 295.

— Русскій народъ тогда только можетъ быть побѣжденъ оружіемъ, когда погибнетъ, и когда цѣлый край сдѣлается безлюднымъ, и граница королевства останется открытою для невѣрныхъ ([12]).

Послѣ этого совѣта паны призвали пословъ. Потоцкій сказалъ имъ:

— Я люблю больше дѣло, чѣмъ слова, и могъ бы скорѣе и легче окончить споръ этотъ оружіемъ, чѣмъ разговорами, но я не жестокой души человѣкъ, и не хочу казнить казаковъ, когда они раскаяваются, а потому объявляю имъ милость и отправляю къ нимъ благороднаго пана Маховскаго коммиссаромъ. Видите, какъ мы вѣримъ вамъ?

— Принимаемъ его на души свои, сказали послы и поклялись, что Маховскому не будетъ ни малѣйшей обиды ([13]).

Въ доказательство своего уваженія къ греческой вѣрѣ, Потоцкій, въ присутствіи пословъ, казнилъ шесть жолнеровъ, ограбившихъ церковь въ Васильковѣ ([11]).

31-го августа (10-го сент. н. ст.), Маховскій былъ принятъ очень-ласково въ казацкомъ лагерѣ подъ

([11]) «Histor. belli cosac. polon.» 199.
([12]) «Wojna domowa.» Ч. 2, 54.
([13]) «Wojna z kaz. i tat.» I, 295.
([14]) «Annal. Polon. Clim.» I, 239.

Рокитной. Хмельницкій привѣтствовалъ его съ полковниками своими, и прежде, чѣмъ заговорилъ о дѣлѣ, началъ угощать гостя. Казаки шутя разсказывали о берестечскомъ пораженіи.

— Обманщикъ ханъ всему виною, говорили полковники: — а то бы мы разбили васъ, какъ и прежде.

— Дà, прибавилъ Хмельницкій: — бусурманъ поклялся Мухаммедомъ, что воротится, а потомъ и меня взялъ съ собою.

— Теперь вы узнали, чтó значитъ дружиться съ невѣрными, сказалъ Маховскій: — лучше было бы поражать невѣрныхъ.

— Имя его величества, сказалъ Хмельницкій: — содѣлалось страшнымъ послѣ берестечскаго сраженія. Присутствіе короля дало вамъ побѣду.

— Правды негдѣ дѣть, сказали полковники: — подъ Берестечкомъ одна пуля королевская стоила ста казацкихъ, а ужь какъ въ пятницу вы на насъ пріударили, такъ мы думали, вотъ такъ сквозь землю и провалимся!

— Ну, я бы еще могъ съ вами помѣряться, сказалъ Хмельницкій: — да не хочу: жалѣю крови христіанской. Повоевали — и довольно! Пора бѣдному народу дать отдыхъ; притомъ я недавно женился. Посовѣтуйте отъ меня пану краковскому жениться. Мы бы тогда скорѣе помирились, потому-

что захотѣлось бы къ женѣ: а пока будемъ вдовцами, такъ скучно сидѣть дома и будемъ воевать.

Послѣ обѣда, Маховскій подалъ гетману письмо съ условіями мира. Хмельницкій началъ читать его, поблѣднѣлъ и нахмурилъ брови.

— Скажите, пане Маховскій, сказалъ онъ: — почему милостивые паны-гетманы лишаютъ меня гетманскаго титула, который дарованъ мнѣ отъ его величества?

Джеджалыкъ, стоявшій подлѣ гетмана, сказалъ:

— Не дóбре такъ, панове, негодыться однимàты честь гéтьмáнску отъ нàшего добродія.

«Маховскій засыпалъ ихъ словами и доказательствами, такъ-что они слушали, развѣся уши», говоритъ современникъ.

— Будьте увѣрены, прибавилъ посолъ: — что король вознаградитъ вамъ все, чтó вы потеряли; но ясновельможные паны-гетманы ставятъ первымъ условіемъ возможности мира разлученіе съ ордою. Неприлично такому храброму вождю имѣть связь съ невѣрными, которые доказали свое непостоянство.

— Орда, отвѣчалъ гетманъ: — можетъ находиться въ моемъ распоряженіи и вамъ не будетъ дѣлать зла, напротивъ, я постараюсь самый этотъ союзъ обратить на пользу королевства; я поведу орду на турокъ и разовью знамена свои на стѣнахъ Константинополя.

— Разлученіе съ ордою — первое желаніе его величества, сказалъ Маховскій: — вы должны его исполнить, чтобъ доказать свою преданность королю.

Хмельницкій отговаривался, Маховскій настаивалъ; цѣлые три часа спорили, наконецъ, полякъ вышелъ изъ терпѣнья и сказалъ:

— Вы несогласны, такъ позвольте мнѣ уѣхать.

— Миръ легко состоится, сказалъ, въ свою очередь, разгоряченный Хмельницкій: — если поляки утвердятъ зборовскій договоръ.

Уже повозка была готова въ обратный путь, какъ вотъ Выговскій подбѣжалъ къ Маховскому и сказалъ:

— Не уѣзжайте, мы обдѣлаемъ дѣло; я постараюсь убѣдить гетмана.

— Знаю, отвѣчалъ Маховскій: — что вы обладаете умомъ и сердцемъ Хмельницкаго. Отъ васъ теперь зависитъ оказать услугу отечеству, а я обѣщаю вамъ особенную милость королевскую, если вы съумѣете отклонить Хмельницкаго отъ союза съ варварами.

Выговскій вошелъ къ Хмельницкому въ шатеръ, съ большимъ жаромъ говорилъ съ нимъ и вышелъ съ разсерженнымъ видомъ.

— Стало-быть, нѣтъ надежды? сказалъ Маховскій.

— Постойте, подождите, сказалъ Выговскій: — у насъ такъ дѣлается: сперва прогонитъ, потомъ самъ пришлетъ за мною и согласится.

Въ-самомъ-дѣлѣ, чрезъ нѣсколько времени, Выговскаго снова позвали; Маховскій дожидался отвѣта. Наконецъ Выговскій вышелъ и сказалъ:

— Оставимъ этотъ пунктъ до времени; Хмельницкій согласенъ съ своей стороны, но чернь взбунтуется, когда узнаетъ, да и татары не послушаются и начнутъ грабить насъ.

— А почему же, сказалъ Маховскій: — казакамъ не соединиться съ коронnымъ литовскимъ войскомъ и не прогнать невѣрныхъ?

— Нельзя, сказалъ Выговскій:—своевольная чернь мѣшаетъ. Мы уладимъ это послѣ и выпроводимъ орду.

Маховскій снова вошелъ къ Хмельницкому.

— Всего лучше будетъ, сказалъ онъ: — если вы пожалуете съ старшинами въ обозъ къ намъ, и тамъ сами потолкуете съ гетманами.

Выговскій хотѣлъ-было уже договариваться, какъ вдругъ одинъ изъ полковниковъ сказалъ:

— Этого не будетъ. Мы не пустимъ такъ гетмана. Чтобъ еще и онъ остался въ польскомъ лагерѣ, какъ Крыса! Ужь мы и то потерпѣли отъ черни подъ Берестечкомъ, когда гетманъ ушелъ съ ханомъ. Если старшины будутъ уговариваться въ польскомъ лагерѣ, а чернь не будетъ знать, что́ они постановляютъ, то поднимется бунтъ.

— Въ такомъ случаѣ мы будемъ совѣщаться въ полѣ при войскахъ, сказалъ Маховскій.

— Нѣтъ, отвѣчалъ Хмельницкій : — пусть лучше коммиссары, которыхъ назначатъ гетманы, прибудутъ для переговоровъ въ Бѣлую-Церковь.

— Гораздо-приличнѣе, прибавилъ Выговскій : — для достоинства его величества, дарующаго миръ, если коммиссары будутъ договариваться въ Бѣлой-Церкви, королевскомъ за́мкѣ : тамъ они будутъ безопасны.

Маховскій не соглашался, оскорблялся тѣмъ, что казаки, не довѣряя полякамъ, требовали къ себѣ столь много довѣренности.

Но Выговскій сталъ предъ нимъ на колѣни и говорилъ :

— Ради Бога умоляемъ васъ, чтобъ коммиссары пріѣхали въ Бѣлую-Церковь. Въ полѣ невозможно договариваться : чернь и своевольная орда не допустятъ. Богомъ и душами нашими клянемся, что паны будутъ безопасны.

Хмельницкій и полковники стали также на колѣни и поклялись хранить народныя права и святость гостепріимства.

3-го сентября (13-го н. ст.), Маховскій уѣхалъ съ двумя избранными казаками ([15]) въ лагерь, кото-

([15]) «Wojna z kaz. i tat.» I, 298. — «Annal. Polon. Clim.» I, 288—289. — «Лѣтоп. повѣст. о мал. Росс.»

рый во время его отсутствія перенесенъ изъ-подъ Василькова въ Германовку; въ тотъ самый день оба войска, коронное и литовское, соединились ([16]).

Хмельницкій, ожидая коммиссаровъ, двинулся съ своимъ войскомъ подъ Бѣлую-Церковь.

Кисель вызвался ѣхать къ Хмельницкому коммиссаромъ. Съ нимъ отправились смоленскій воевода, Глѣбовичъ, Гонсѣвскій — и брацлавскій подсудокъ, Коссаковскій. Они взяли съ собою двадцать-четыре мирныя предложенія, которыхъ смыслъ клонился къ уничтоженію казацкой силы. Изъ этихъ пунктовъ, которые почти всѣ вошли потомъ въ бѣлоцерковскій договоръ, были тогда главнѣйшими: уменьшеніе реестроваго войска до 15,000; ограниченіе жительства казаковъ однимъ кіевскимъ воеводствомъ; право стоять коронным войскамъ въ Украинѣ и разлученіе съ ордою. Два полка проводили коммиссаровъ до Бѣлой-Церкви и воротились назадъ, а они отправились далѣе съ пятьюстами драгуновъ. Пестрая толпа казаковъ и татаръ окружила за́мокъ. Экипажи коммиссарскіе ѣхали посреди казацкихъ возовъ и татарскихъ арбъ. Русскіе толпились около нихъ, кри-

---

96. — «Wojna domowa.» Ч. 2. 57. — «Histor. ab exc. Wład. IV.» 84.

(16) «Wojna z kaz. i tat.» I, 297. — «Histor. belli cosac. polon.» 198.

чали, свистали, грозили отнять у нихъ экипажи, проклинали ляховъ. Старикъ Кисель, выглядывая изъ экипажа, говорилъ имъ съ кротостью:

— Мы не ляхи, друзья мои; я русскій; мои кости такія же русскія, какъ и ваши.

— Твои русскія кости слишкомъ обросли польскимъ мясомъ, отвѣчали ему казаки.

Хмельницкій, Выговскій и полковники спѣшили къ нимъ на встрѣчу, унимали своевольную толпу и съ почтеніемъ ввели въ за́мокъ.

Толпа казаковъ и татаръ бѣжали за ними.

— Эй, пане гетмане! кричали казаки: — не добре такъ чи́нишь, що вже зъ ляха̀ми брата́ешься.

Въ это время везли въ за́мокъ съѣстные припасы.

— А що се? кричалъ одинъ казакъ: — ляха̀мъ ста́ціи будемъ даваты.

За это Богунъ разрубилъ его саблею.

Переговоры продолжались недолго. Предводитель соглашался на всѣ условія, но просилъ только прибавить число казаковъ до 20,000 и права для казацкихъ городовъ и мѣстечекъ быть свободными отъ постоя. Что касается орды, то онъ обѣщалъ не сноситься съ татарами, но отказывался обратить на нее оружіе, потому-что казаки его не послушаютъ и произойдетъ бунтъ.

По окончаніи договора, Хмельницкій съ полковниками вышли изъ за́мка. Наступило молчаніе; начали

читать договоръ. Но только-что хлопы замѣтили, что зборовскій договоръ нарушенъ и они опять будутъ служить панамъ, какъ вдругъ поднялся шумъ.

— Отъ-такъ-то ты, пáне гетмáне, зъ ляхáми трахтýешь, а насъ покидáешь и одъ орды́ одступá-ешься! Самъ себé та старшинý вызволяешь, а насъ знáты не хóчешь. Самъ есы́ привúвъ на всé, що мы пы́днялись на панúвъ, а тепéръ оддаéшь насъ, бúдныхъ, на муки пидъ кій та батогú, на пáли та на шы́баныци. Але нú, прежь нижъ до тогó дійдет-ся, и ты самъ налóжишь головóю и ни оды́нъ ляхъ живцéмъ видсилá не вы́иде.

Раздались выстрѣлы; Хмельницкій, полковники убѣжали въ зáмокъ. Толпа обступила зáмокъ со всѣхъ сторонъ и готовилась брать его штурмомъ.

— Отсе вже вы пошалúлы, пáнове, говорилъ Выговскій коммиссарамъ: — въ огонь такій прій-хали! Борòнячи васъ и мы пропадемó. Однáкже хи-бá по нàшому трýпу дóйдутъ до вáсъ!

Татары начали пускать стрѣлы, хлопы бросали каменья; окна разлетались и одна стрѣла чуть-было не попала въ голову воеводѣ. Хмельницкій, съ изумительною для пановъ неустрашимостью, вышелъ снова изъ зáмка со всѣми старшинами; чернь толпилась противъ него съ поднятыми саблями и дубинами. Хмельницкій бросился на нихъ, держа въ обѣихъ рукахъ булаву, и собственноручно началъ бить ихъ

со всего размаха; за нимъ полковники и казаки разгоняли хлоповъ саблями и перначами. Выговскій игралъ роль примирителя и говорилъ убѣдительную рѣчь:

— Чего вы хотите, злодѣи? за что́ вы обижаете пановъ, когда они ни въ чемъ не виноваты; это не ляхи. Притомъ они послы, а пословъ нельзя трогать: право народное запрещаетъ; ужь такъ вездѣ водится: послы вездѣ безопасны.

Нѣкоторые опамятовались.

— Правда, говорили они: — Кисель русскій, а прочіе литовцы, и никогда не дѣлали намъ обидъ; знали ляхи кого послать. Вотъ, еслибъ настоящіе ляхи пришли, такъ ужь бы не вышли отсюда!

Но смѣлость Хмельницкаго успокоила толпу только на малое время. Чрезъ нѣсколько часовъ начался снова шумъ. Хмельницкій, Выговскій и полковники провели ночь безъ сна, сами стояли на сторожѣ и оберегали ворота. На другое утро волненіе усилилось до-того, что бѣлоцерковскій полковникъ грозилъ по мятежникамъ палить изъ пушекъ, и предлагалъ коммиссарамъ свой оружейный запасъ къ услугамъ, а Гонсѣвскій послалъ тайно къ войску записку на жмудскомъ языкѣ: онъ извѣщалъ объ опасности и требовалъ вооруженнаго конвоя.

Коммиссары не дождались помощи; чрезъ день, 9 сентября (19 н. ст.), они выѣхали изъ за́мка. Хмельницкій и старшины провожали ихъ и обороняли

до-тѣхъ-поръ, пока они выѣхали изъ непріятельскаго табора. Хлопы снова бросались на нихъ, и Хмельницкій, въ глазахъ пановъ, опять положилъ нѣсколько удалыхъ на мѣстѣ. Но только-что они очутились въ чистомъ полѣ, какъ бѣшенная толпа хлоповъ и татаръ догнала ихъ, высадила изъ экипажей, побрала у нихъ золото, серебро, одежды и лошадей... сняли даже съ пальца у Гонсѣвскаго драгоцѣнный перстень; «словомъ, пустили ихъ въ одномъ платьѣ», говоритъ современникъ. Грабежъ дѣлался не изъ одного корыстолюбія, но изъ удали, чтобъ досадить панамъ. Иные, которымъ недоставало сокровищъ, срывали съ рыдвановъ обои, раздирали на части, дѣлились ими, потряхивая издали, кричали: «а щó? и у «нáсъ е ля́цька здóбычь?» Кисель продолжалъ напоминать русскимъ, что они ему братья. Тогда татары ломаннымъ славянскимъ нарѣчіемъ кричали: «ляшка братка, а лоша не братка, и сукманка не братка!»

Ограбленные коммиссары встрѣтили цѣлое войско уже на пути изъ Германовки въ Бѣлую-Церковь ([17]). Чрезъ два часа за ними явились казацкіе послы, Москаленко и Гладкій.

([17]) «Wojna z kaz. i tat.» I, 299—304. — «Histor. ab exc. Wład. IV.» 85. — «Annal. Polon. Clim.» I, 289—290. — «Wojna domowa» Ч. 2, 55—57. — «Histor. belli cosac. polon.» 201.—203. — «Истор. о през. бр.» — «Крат. истор. о бунт. Хмел.» 38—39.

Они изъявили согласіе на статьи, предложенныя коммиссарами въ Бѣлой-Церкви. «Пусть (говорили «они) паны пріѣзжаютъ къ нашему обозу для взаим-«ной присяги.»

Гладкій остался заложникомъ. Казакамъ дали также заложниками двухъ поляковъ. Отправляя Москаленка, Потоцкій сказалъ ему:

«Скажи благородному гетману войска запорожскаго, «Богдану Хмельницкому, что коронный гетманъ и каш-«телянъ краковскій идетъ къ Бѣлой-Церкви съ войскомъ «принимать присягу на вѣрность отъ подданныхъ его «королевскаго величества, запорожскихъ казаковъ.»

На другой день, 10 сентября (20 н. с.), все коронное и литовское войско двинулось къ Бѣлой-Церкви. «Огроменъ былъ корпусъ этого войска (говоритъ очевидецъ): однихъ возовъ шло сто-тринадцать рядовъ. Ночью приступили они къ Бѣлой-Церкви, и жолнеры не смыкали глазъ, страшась нападенія.»

На другой день, коммиссары разбили великолѣпный шатеръ на курганѣ, называемомъ Острая-Могила, и ждали Выговскаго и казаковъ для присяги; но, вмѣсто ожидаемыхъ, явились другіе, вовсе-неожиданные казаки. Двѣнадцать человѣкъ — на челѣ ихъ старшина Одынецъ — вступили въ шатеръ и сказали:

«Милостивые паны и коммиссары! войско запорож-«ское послало насъ къ вашимъ милостямъ просить, «чтобъ вы утвердили зборовскія статьи, чтобъ войско

«коронное вышло изъ Украины и не занимало въ на-
«шей землѣ квартиръ, и чтобъ намъ не мѣшали сно-
«ситься съ татарами, которые охраняютъ нашу сво-
«боду.»

Это требованіе раздражило коммиссаровъ: они, въ гнѣвѣ, даже хватались за сабли, говоря:

«Что же это? мы будемъ игрушками презрѣннаго
«холопства?»

Но войско ихъ стояло въ-отдаленіи, и потому они умѣрили вспыльчивость.

— Мы ожидали, сказалъ Кисель: — что вы явитесь присягать въ вѣрности, потому-что уже все кончено, а вы снова начинаете квестыи?

— Казаки не будутъ присягать и не покорятся, отвѣчали казаки: — пока вы намъ не подпишете зборовскій договоръ.

— Въ Бѣлой-Церкви сдѣлано было другое условіе, сказалъ Кисель: — опомнитесь, вѣдь тамъ дѣло было слажено.

Казаки отвѣчали: «мы розъйхалися съ пàномъ
«гетмáномъ, мы незнáемо, невйдаемо, щó тамъ у вáсъ
«у Бйлой-Цéркви було́, а нáсъ вйсько зъ тымъ по-
«слáло.»

— Вижу, сказалъ Кисель: — что васъ обманываетъ турецкій султанъ и хочетъ васъ обратить въ мусульманство. Вы на него надѣетесь. О проклятыя души! вамъ лучше нравится безначаліе, чѣмъ поря-

докъ: вы хотите лучше быть рабами тирана, чѣмъ свободными подданными христіанскаго государя! Богъ накажетъ васъ, и въ одно мгновеніе разрушитъ ваши безумные замыслы.

Казаки продолжали, какъ говоритъ современникъ, все одну и ту же пѣсню:

«Мы не знаемъ, не вѣдаемъ! Подпишите зборов-«скій договоръ и мы присягнемъ въ вѣрности.»

— Мы уѣзжаемъ, сказалъ Кисель: — и призываемъ Бога въ свидѣтели, что хотѣли поступить съ вами искренно, а вы платите намъ коварствомъ.

— Какъ угодно, сказали казаки: — мы пришлемъ вашихъ заложниковъ цѣлыхъ и невредимыхъ ([18]).

Польскіе заложники воротились и предводители начали устроивать войска въ боевой порядокъ. Русскіе требовали сраженія. Хмельницкій не довѣрялъ своимъ силамъ и потому не хотѣлъ вступать въ рѣшительную борьбу съ непріятелемъ, не сталъ предводительствовать казаками, но не сталъ имъ и препятствовать: въ случаѣ неудачи, онъ предоставлялъ себѣ право увѣрить пановъ, что сраженіе сдѣлалось безъ его позволенія; въ случаѣ удачи, онъ могъ вынудить у поляковъ болѣе-выгодныя условія. Онъ показывалъ видъ, будто ничего не знаетъ, что̀ замы-

---

([18]) «Wojna z kaz. i tat.» I, 306. — «Histor. ab exc. Wład. IV.» 87. — «Wojna domow.» Ч. 2, 59.

шляется въ русскомъ лагерѣ, а между-тѣмъ выкатилъ своимъ молодцамъ семь бочекъ горѣлки.

13 сентября (23 н. с.), на другой день послѣ неудачныхъ переговоровъ, поляки и русскіе стояли одни противъ другихъ, раздѣленные широкимъ полемъ, усѣяннымъ курганами, которыхъ такое множество въ этой странѣ. Татары первые вскочили на могилы и молодецкимъ посвистомъ вызывали на герцы. Казаки еще не начинали нападенія, но Радзивиллъ, командовавшій правымъ крыломъ войска, ударилъ на нихъ всею силою. Онъ приглашалъ Потоцкаго какъ-можно-скорѣе содѣйствовать ему съ другой стороны, но Потоцкій, какъ говоритъ современникъ, чувствовалъ себя нездоровымъ и не хотѣлъ въ тотъ день вступать въ битву. Напрасно Чарнецкій уговаривалъ его и представлялъ, что тогда была суббота, день, посвященный Божіей Матери, покровительницѣ поляковъ, день, счастливый для битвъ, особенно съ русскими, которые не соблюдаютъ поста въ субботу. Коронный гетманъ послалъ только свою артиллерію. Казаки отступили съ поля и непріятельское войско не преслѣдовало ихъ. Радзивиллъ очень досадовалъ на упрямство Потоцкаго и увѣрялъ, что еслибъ коронное войско помогло, ему, какъ слѣдуетъ, то казакамъ было бы здѣсь второе Берестечко.

«Хмельницкій увидѣлъ тогда (говоритъ польскій лѣтописецъ), что ему не удаются штуки, а потому

утромъ, на слѣдующій день, прислалъ въ польскій лагерь Райтаровскаго, поляка, оставленнаго въ Бѣлой-Церкви коммиссарами.»

«Удивляюсь (писалъ онъ), какъ это случилось несогласіе между поляками и русскими. Я ничего не «знаю; я запрещалъ своимъ выводить изъ табора «войско, а они вышли противъ своей воли. По-«крайней-мѣрѣ я радъ, что не произошло большаго «кровопролитія. Прошу скорѣе выслать пословъ для «окончанія договора, а я вышлю своихъ.»

По приказанію Потоцкаго, Кисель отвѣчалъ ему:

«Очевидно, что ваша милость думаетъ искусно и «хитро окружить насъ и довести до невыгоднаго поло-«женія. Къ чему это являлись вмѣсто чиновныхъ «казаковъ какіе-то презрѣнные хлопы требовать збо-«ровскаго договора? Вѣдь въ Бѣлой-Церкви о немъ «даже помина не было. Впрочемъ, если искренно «угодно мира, то пришли пословъ; для этого нужно «не болѣе двухъ часовъ времени» ([19]).

Поляки ждали отвѣта до полудня. Отвѣта не было. Вдругъ, со всѣхъ сторонъ, посыпали на нихъ русскіе и татары, и въ одно мгновеніе такъ окружили лагерь, что не было выхода. Поляки поражали ихъ огнестрѣльнымъ оружіемъ, но непріятели нападали

([19]) «Histor. ab. exc. Wład. IV.» 89. — «Wojna z kaz. i tat.» I, 309.

на нихъ быстро и уводили плѣнниковъ. Съ обѣихъ сторонъ потеря была значительная.

Вечеромъ прибылъ Райтаровскій съ новыми извиненіями отъ Хмельницкаго, и съ какими-то новыми требованіями относительно правъ греческой религіи. Потоцкій понуждалъ скорѣе прислать депутатовъ.

Прошелъ еще другой день. Татары и казаки все болѣе-и-болѣе стѣсняли обозъ польскій. Три дня уже шелъ проливной дождь, войску угрожалъ голодъ. Радзивиллъ жаловался, что ему надобно возвратиться въ Литву, которая остается столь долго безъ обороны; часть литовскаго войска была оставлена въ Любечѣ, и въ то время была осаждена казаками: надобно было освободить ее. Но всего болѣе побуждала поляковъ къ миру заразительная болѣзнь, которая усиливалась съ каждымъ днемъ и дошла уже до-того, что триста человѣкъ умерло въ одну ночь. Нѣкоторые изъ пановъ все-еще настаивали вести упорно войну и уничтожить казачество до основанія.

«Если подъ Берестечкомъ, возражалъ имъ Кисель: — въ чужой землѣ, окруженные войскомъ, «втрое ихъ многочисленнѣйшимъ, оставленные своимъ «вождемъ и татарами, находясь въ дурномъ мѣсто-«положеніи, казаки не только не сдались, но въ виду «нашемъ ушли и разрушили наши предположенія, то «какъ можно легко покорить этотъ народъ въ собствен-«ной землѣ его? Мы должны быть довольны и тѣмъ,

«что можемъ хоть на-время залечить эти раны и полу-
«чить потомъ средства укротить и пріучить къ пови-
«новенію простонародье ([20]).

Съ своей стороны, и Хмельницкій нуждался также въ мирѣ: войска у него на-лицо подъ Бѣлою-Церковью было не болѣе тысячъ сорока, и притомъ оно состояло бо́льшею частью изъ мужиковъ, неопытныхъ и, что́ еще хуже, своевольныхъ; напротивъ, польское войско, простиравшееся, какъ кажется, тысячъ до шестидесяти, состояло преимущественно изъ нѣмцевъ, воиновъ опытныхъ; артиллерія у нихъ была несравненно въ лучшемъ видѣ, чѣмъ у казаковъ. Моръ свирѣпствовалъ въ казацкомъ полчищѣ такъ же опустошительно, какъ и въ польскомъ. Украина была разорена; продолжать войну значило довести народъ русскій до послѣдней степени изнеможенія, го́лода и безпорядковъ; притомъ власть Хмельницкаго, а съ нею всякій порядокъ и подчиненность были сильно подорваны со дня несчастнаго пораженія берестечскаго; чернь была недовольна гетманомъ; объявивъ себя врагомъ поляковъ и лишаясь законнаго права на свое достоинство, онъ долженъ былъ зависѣть отъ воли пьяной толпы, которая за малѣйшее неудовольствіе готова была смѣнить его,

---

([20]) «Annal. Polon. Clim.» I, 293—294.

или даже отдать полякамъ. Унизительно было для Хмельницкаго, недавно еще повелѣвавшаго народомъ русскимъ, принять условія, которыя дѣлали его только начальникомъ нѣсколькихъ тысячъ войска, предавали русскую землю во власть поляковъ, но онъ долженъ былъ принять ихъ для спасенія себя; нельзя было сомнѣваться, что такой миръ прочнымъ быть не можетъ, когда и миръ зборовскій не обезпечивалъ правъ народа русскаго. Хмельницкій понималъ это. Но Хмельницкій смотрѣлъ на него не болѣе, какъ на перемиріе, которое онъ надѣялся легко прервать, когда будетъ нужно.

Предводитель казаковъ послѣдній разъ попробовалъ преклонить Потоцкаго на болѣе-выгодныя условія и послалъ къ нему, 16 (26 н. ст.) сентября, двухъ казаковъ. Онъ согласился на всѣ пункты, предложенные въ Бѣлой Церкви, но просилъ только, чтобъ казаковъ было двадцать тысячъ и чтобъ въ королевскихъ имѣніяхъ, брацлавскаго и черниговскаго воеводствъ, могли находиться казаки, и эти имѣнія были освобождены отъ постоя. Такимъ-образомъ Хмельницкій, помѣстивъ хотя незначительную часть войска въ этихъ русскихъ странахъ, надѣялся, что присутстіе вольныхъ воиновъ опять подниметъ народъ русскій, и онъ можетъ снова воспользоваться обстоятельствами, чтобъ достигнуть своей цѣли и доставить русскимъ свободу. Но Потоцкій согласился

на число двадцать тысячъ и рѣшительно отказалъ въ послѣднемъ требованіи.

Разсказываютъ, когда казацкихъ чиновниковъ пригласили на обѣдъ, то́ одинъ изъ нихъ, Романъ Катержанъ, во время стола обратился къ Потоцкому и сказалъ :

— Мылостывый па́не крако́вскій ! чому́ вы насъ не пускали на мо́ре на ту́рка, того́ бъ лыха не було въ на́шей земли́.

— Все, что́ мы терпимъ, отвѣчалъ Потоцкій : — то для пользы турецкаго цезаря ; мы охраняемъ его царство, а сами себя разоряемъ.

— Уже́ жь тепе́рь неха́й короле́вська мы́лость и и Ре́чь Посполы́та не боро́пыть на́мъ мо́ря, бо коза̀къ не обійдеться безъ войны́.

— Хоть бы сейчасъ захотѣли идти, отвѣчалъ Потоцкій : — идите ; мы вамъ не будемъ запрещать ([22]).

Въ слѣдующій день заключенъ былъ договоръ; чиновникъ казацкій — Сава отвезъ одинъ экземпляръ къ Хмельницкому. Казацкій гетманъ изъявилъ желаніе повидаться съ польскими военачальниками.

17 сентября, пріѣхали въ казацкій лагерь Гонсѣвскій и Марко Собѣскій : это были заложники, которые должны были оставаться тамъ въ то время, когда Хмельницкій посѣтитъ польскій лагерь.

([22]) «Wojna z kaz. i tat.» I, 311.

Казацкій гетманъ зналъ, что народъ не пуститъ его, а потому приказалъ выкатить казакамъ нѣсколько бочекъ горѣлки, и когда казаки перепились, тогда собрался въ путь. Полковники старались всѣми силами отклонить его.

— Ты былъ побѣдитель, говорили они: — а теперь идешь имъ кланяться!

— Нельзя, отвѣчалъ онъ: — мы теперь въ такомъ положеніи, что они намъ нужны, а не мы имъ.

Онъ пріѣхалъ въ лагерь и вошелъ въ шатеръ Потоцкаго, гдѣ собраны были всѣ знатнѣйшіе предводители. Онъ кланялся и просилъ прощенія.

— Я знаю, сказалъ онъ Потоцкому: — что виноватъ предъ вами болѣе, чѣмъ предъ кѣмъ-нибудь.

Казацкому гетману неловко было смотрѣть на магната, котораго онъ нѣкогда одѣвалъ въ свитку для посмѣшища, и у котораго теперь долженъ былъ испрашивать защиты и помощи даже противъ ожесточеннаго хлопства, которое, быть-можетъ, погубило бы его, еслибъ онъ не успѣлъ заключить мира.

Потоцкій отвѣчалъ:

— Оскорбленіе, которое я получилъ подъ Корсуномъ, я давно уже забылъ для Бога, вѣры и отечества, и не хочу болѣе вспоминать о немъ; Божію наказанію слѣдуетъ приписать и мои несчастія и бѣдствія цѣлаго отечества. Богъ дастъ, ты вознагра-

дишь все прежнею своею вѣрностью и подвигами для пользы Речи Посполитой.

Хмельницкій повидался съ Радзивилломъ и другими панами, соблюдая величайшее смиреніе. Потомъ былъ прочитанъ бѣлоцерковскій трактатъ (22). Хмель-

(22) «Памятн. кіевск. комм.» II, 3: 112—139.

БѢЛОЦЕРКОВСКІЙ ТРАКТАТЪ.

Отдавши, вопервыхъ, Господу Богу благодареніе за усмиреніе междоусобнаго кровопролитія, такъ-какъ войско запорожское съ гетманомъ и всею старшиною приноситъ его величеству и Речи-Посполитой должную покорность и подданническую вѣрность, мы позволяемъ пребывать ему въ числѣ двадцати тысячъ.

1) Это войско гетманъ и старшины должны набрать и записать въ реестръ, и оно должно находиться въ однихъ только имѣніяхъ его королевской милости, лежащихъ въ воеводствѣ кіевскомъ, нисколько не касаясь воеводствъ брацлавскаго и черниговскаго; а имѣнія шляхетскія должны оставаться свободными, и въ нихъ реестровые казаки нигдѣ не должны оставаться; но кто останется реестровымъ казакомъ въ числѣ двадцати тысячъ, тотъ изъ имѣній шляхетскихъ, находящихся въ воеводствахъ кіевскомъ, брацлавскомъ и черниговскомъ, также изъ имѣній его королевской милости долженъ переселиться въ имѣнія его королевской милости, находящіяся въ воеводствѣ кіевскомъ, туда, гдѣ будетъ расположено войско его королевской милости запорожское. А кто, будучи реестровымъ казакомъ, будетъ пересе-

ницкій, выслушавъ всѣ пункты, подписалъ ихъ; за нимъ подписали полковники. Казацкій гетманъ просилъ Потоцкаго подарить ему Черкасы и Боровицу, но коронный гетманъ отдѣлывался церемоніями, по выраженію поляковъ, зная напередъ, что этого не

ляться, такому каждому вольно будетъ продать свое имущество, безъ всякаго препятствія со стороны пановъ, также старостъ и подстаростъ.

2) Вышеупомянутое устройство двадцатитысячнаго реестроваго войска его королевской милости должно начаться въ-теченіе двухъ недѣль отъ настоящаго числа, а кончиться къ празднику Рождества Христова. Реестръ этого войска, за собственноручною подписью гетмана, долженъ быть отосланъ его королевской милости и вписанъ копіею въ книги градскія кіевскія. Въ этомъ реестрѣ ясно должны быть записаны реестровые казаки въ каждомъ городѣ, по именамъ и прозваніямъ, и общее число не должно быть болѣе двадцати тысячъ. А которые казаки будутъ включены въ реестры, тѣ должны оставаться при давнихъ своихъ правахъ; тѣ, напротивъ, которые не будутъ включены въ реестръ, должны оставаться попрежнему крестьянами, приписанными къ замкамъ его королевской милости.

3) Коронное войско не должно оставаться, ни стоять на квартирахъ въ воеводствѣ кіевскомъ въ мѣстечкахъ, въ которыхъ будутъ находиться реестровые казаки, но оно можетъ имѣть мѣстопребываніе въ воеводствахъ брацлавскомъ и черниговскомъ, въ которыхъ не будетъ уже казаковъ. Теперь, однакожь, для предотвращенія всякаго замѣшательства, которое могло бы возникнуть

будетъ. Вслѣдъ за подписаніемъ, съ обѣихъ сторонъ дана была присяга.

Окончивъ дѣла, Потоцкій пригласилъ Хмельницкаго на обѣдъ. Въ знакъ почести, во все продолженіе обѣда, оруженосецъ стоялъ за Хмельницкимъ съ

до собранія войскъ въ назначенномъ для нихъ мѣстѣ, въ воеводствѣ кіевскомъ, войска, назначенныя для записки въ реестръ, въ числѣ 20,000, должны оставаться въ имѣніяхъ его королевской милости до срока, назначеннаго для окончанія реестровъ, то-есть до праздника Рождества Христова; они не должны ходить далѣе Животова до окончательнаго составленія реестровъ.

4) Обыватели воеводствъ кіевскаго, брацлавскаго и черниговскаго, сами лично и чрезъ своихъ урядниковъ, должны вступать во владѣніе своими имѣніями и тотчасъ брать въ свою власть всѣ доходы, корчмы и мельницы и судопроизводство, однакожь, собраніе податей съ крестьянъ должны отложить до вышеупомянутаго срока, назначеннаго для окончанія реестровъ, такъ, чтобы избранныя въ реестровые казаки тѣмъ временемъ переселились, а остались только тѣ, которые принадлежатъ къ сословію крестьянъ. То же самое должно быть и въ имѣніяхъ его королевской милости, такъ-что уже будетъ извѣстно, кто остается на правахъ казацкихъ, а кто приписанъ къ замку и принадлежитъ крестьянскимъ повинностямъ

5) Чигиринъ, на основаніи привиллегіи его королевской милости, долженъ оставаться при гетманѣ. Какъ теперешній гетманъ, благородный Богданъ, такъ и на будущее время гетманы должны состоять подъ старшинствомъ и властью гетмановъ коронныхъ и должны быть

поднятой булавой. «Пока казацкій вождь еще невыпилъ (говоритъ современникъ), то соблюдалъ скромность, но съ винными парами начиналъ развязываться языкъ его.»

— Очень-странно, сказалъ онъ Радзивиллу: —

утверждаемы привиллегіями. Каждый изъ нихъ, дѣлаясь гетманомъ, долженъ дать присягу вѣрноподданства его королевской милости и республикѣ. Напротивъ, всѣ полковники и старшины должны быть опредѣляемы по представленію гетмана его королевской милости запорожскаго.

6) Религія греческая, которую исповѣдуетъ войско его королевской милости запорожское, также соборы, церкви, монастыри и коллегіумъ кіевскій должны оставаться при прежнихъ правахъ, согласно съ стародавними привиллегіями. Если кто, во время бывшихъ смутъ, выпросилъ въ собственность какое-нибудь имѣніе церковное, или приналлежащее духовенству, то такое право собственности никакой дѣйствительности имѣть не можетъ.

7) Шляхтичи римской и греческой религіи, которые въ смутное время находились при войскѣ его королевской милости запорожскомъ, также мѣщане кіевскіе, всѣ должны пользоваться амнистіею и сохранять неприкосновенными свою жизнь, честь, личныя права и имущество; а если имущество кого-нибудь изъ нихъ было выпрошено другимъ на основаніи конституціи, то такое пожалованіе должно быть уничтожено, чтобъ всѣ пользовались милостію короля и республики. Наоборотъ, казаки, находившіеся при войскѣ его королевской милости останутся неприкосновенными съ своими женами и имуществомъ.

что я вижу вашу милость въ польскомъ лагерѣ. Подъ Хотиномъ и въ другихъ опасныхъ случаяхъ литовское войско не выступало на войну.

— Ничего нѣтъ страннаго, отвѣчалъ Радзивиллъ: — я пришелъ для укрощенія мятежниковъ.

---

8) Жиды, какъ прежде были обывателями и арендаторами въ имѣніяхъ его королевской милости и въ имѣніяхъ шляхты, такъ и теперь должны быть.

9) Орда, находящаяся въ настоящее время въ землѣ, должна быть тотчасъ отправлена и должна оставить землю, не причиняя никаго вреда въ областяхъ его королевской милости; она не должна также кочевать на земляхъ, принадлежавшихъ республикѣ. Гетманъ запорожскій обѣщаетъ привести орду въ повиновеніе его королевской милости и республикѣ. Еслибъ это не состоялось, то гетманъ и войско его королевской милости запорожское до ближайшаго сейма не должны болѣе имѣть съ ордою никакой дружбы, никакого союза, но считать ее непріятелемъ его королевской милости и республики, защищать границы и противъ нея идти на войну вмѣстѣ съ войскомъ республики. Гетманъ обязывается также на будущее время не вступать ни въ какія сношенія и заговоры съ ордою и вообще съ иностранными государствами, но цѣло и ненарушимо долженъ оставаться въ вѣрноподданствѣ его королевской милости и республики; такъ же точно нынѣшній гетманъ, со всею старшиною и всѣмъ войскомъ, равно какъ и всѣ его преемники, на будущее время должны вѣрно и усердно отправлять всякую службу его королевской милости и республики.

— Однако, возразилъ Хмельницкій: — предки вашей княжеской милости не показывали вамъ примѣра воеватъ противъ войска запорожскаго.

Чѣмъ далѣе, тѣмъ смѣлѣе становился гетманъ. Зашла рѣчь о молдавскомъ господарѣ. Хмельницкій не могъ удержаться и закричалъ:

---

10) Какъ войско его королевской милости запорожское, при составленіи своего реестра, никогда не касалось границъ великаго княжества литовскаго, такъ и теперь не должно касаться; но, какъ выше сказано, должно ограничиваться воеводствомъ кіевскомъ.

11) Кіевъ есть городъ столичный и судебный; въ немъ должно быть записано въ реестрѣ какъ можно меньше казаковъ.

Всѣ вышеизложенныя статьи, для большей вѣрности и непремѣннаго исполненія, подтвердили присягою мы, коммиссары его королевской милости, также и гетманъ запорожскій. Присяга дана намъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ его королевской милости и республикѣ въ томъ смыслѣ, что всѣ статьи, по успокоеніи и исполненіи вышеозначенныхъ распоряженій, должны быть сохраняемы ненарушимо, въ мирѣ и согласіи. Войско коронное тотчасъ должно двинуться на мѣста, для него назначенныя, и ожидать составленія реестра, равно и орда тотчасъ должна выступить изъ земли, а войско запорожское тотчасъ должно быть также распущено по домамъ.

На будущій ближайшій сеймъ должны быть присланы послы отъ гетмана и войска его королевской милости запорожскаго, чтобъ покорнѣйше поблагодарить его милость короля и республику за любовь и милосердіе.

— Измѣнщикъ!

— Почему же вы такъ называете вѣрнаго слугу Речи Посполитой? спросили паны, изумленные такой выходкой въ присутствіи зятя самого господаря.

— Онъ обманулъ сына моего, Тимоѳея, не отдалъ

Ихъ милости паны и коммиссары:

Его милость, панъ Николай Потоцкій, гетманъ великій коронный. Его милость, панъ Мартынъ Калиновскій, гетманъ вольный коронный. Его милость, панъ Адамъ Кисель, воевода кіевскій. Его милость, панъ Станиславъ Лянцкоронскій, воевода брацлавскій. Его милость, панъ Казимиръ Косаковскій, подсудокъ брацлавскій.

Коммиссары великагѡ княжества литовскаго:

Его милость, панъ Янушъ Радзивилъ, гетманъ польный великаго княжества литовскаго. Его милость, панъ Георгій Карлъ Глѣбовичъ, воевода смоленскій. Его милость, панъ Викентій Гонсѣвскій, стольникъ великаго княжества литовскаго.

Коммиссары войска его королевской милости запорожскаго.

Богданъ Хмельницкій, гетманъ его королевской милости войска запорожскаго, именемъ всего войска. Матвѣй Гладкій, полковникъ миргородскій. Янъ Кучевицъ Минковскій, полковникъ паволочскій. Яковъ Пархоменко, полковникъ чигиринскій. Михайло Громыка, полковникъ бѣлоцерковскій. Яковъ Одынецъ, судья черкасскій. Баранъ Худый, полковникъ черкасскій. Янъ Выговскій, писарь войска, его королевской милости, запорожскаго.

за него обѣщанной дочери, сказалъ Хмельницкій: — да, ваша княжеская милость, хотя онъ и зять вамъ, а я скажу, что готовлюсь воевать съ нимъ; ма́еть ви́нъ мно́го гро́шей, а я мно́го люде́й; разграблю его сокровища, накажу вѣроломнаго!

Князь поблѣднѣлъ отъ гнѣва, но преодолѣлъ себя и сказалъ:

— Надѣюсь, что господарь этого не испугается.

Тогда, по сознанію поляка-современника ([23]), паны, тайно перешептываясь между собою, задумали отравить Хмельницкаго.

Послѣ обѣда загремѣла музыка, ударили изъ пушекъ, въ казацкомъ лагерѣ отвѣчали тѣмъ же; начали пить за здоровье короля. Хмельницкій догадался, что въ заздравномъ кубкѣ всыпанъ ядъ; онъ открылъ голову при имени короля и надѣлъ шапку снова, когда пили за благородное сословіе; съ судорожнымъ движеніемъ схватилъ онъ кубокъ, стукнулъ имъ по столу, вышелъ, извиняясь нездоровьемъ, и тотчасъ попрощался съ панами.

Ему подали турецкаго коня въ богатой збруѣ: это былъ подарокъ короннаго гетмана.

— Это щедроты вашего Потоцкаго, сказалъ онъ: —

([23]) «Histor. ab exc. Wład. IV.» 92.

благодарю его, какъ гетмана, побѣдителя, союзника, а за коня готовъ ему отдарить триста подобныхъ.

Въ сильномъ волненіи онъ вскочилъ на коня и полетѣлъ во всю прыть. Поляки съ изумленіемъ смотрѣли на эти странные поступки гетмана и ясно увидѣли изъ нихъ, что Хмельницкій догадался о намѣреніи отравить его. На половинѣ дороги, гетманъ соскочилъ съ коня, сѣлъ въ коляску и, въ задумчивости, полетѣлъ въ свой таборъ ([24]).

На другой день, Выговскій привелъ турецкаго коня въ подарокъ отъ Хмельницкаго сыну Потоцкаго, старостѣ каменецкому, котораго казацкій предводитель нѣкогда грозилъ посадить на колъ. Писарь кланялся панамъ, увѣрялъ въ своемъ расположеніи и обѣщалъ дѣйствовать въ пользу Польши, находясь при Хмельницкомъ. Онъ старался выставить полякамъ, что договоръ, столь выгодно для нихъ постановленный, есть плодъ его стараній. Подошедши къ Радзивиллу, онъ передалъ ему извиненіе отъ Хмельницкаго за вчерашнюю горячность.

— Я объ этомъ не думаю, отвѣчалъ Радзивиллъ:— если онъ говорилъ въ пьяномъ видѣ, то я повторю

([24]) Обст. бѣлоцерк. дог. см. «Histor. ad exc. Wład. IV.» 91—92. — «Wojna z kaz. i tat.» I, 312—313.— «Annal. Polon. Clim.» I, 297. — «Histor. belli. cosac. polon.» 213—215. — «Wojna domowa» Ч. 2, 64.

въ трезвомъ, что я и господарь не боимся угрозъ его. Меня всегда онъ найдетъ готовымъ, если ему угодно; я ожидаю его въ полѣ, ка́къ онъ хочетъ, хоть съ войскомъ, хоть одинъ-на-одинъ (25).

— Слава Богу, говорили тогда въ войскѣ: — мы возвратили отечеству честь его! Но печально было возвращеніе обоихъ войскъ изъ Украины, гдѣ, простоявъ двѣ недѣли по заключеніи мира, жолнеры стали-было забывать, что недавно терпѣли недостатокъ и радовались дешевизнѣ въ медовой землѣ, какъ они называли Украину. Зараза, появившаяся лѣтомъ, свирѣпствовала въ Подоліи всею силою. Выйдя изъ кіевскаго воеводства, поляки такъ умирали, что ихъ не успѣвали хоронить, и часто въ полѣ, далеко отъ селенія, вмѣсто колокольнаго звона, провожали въ могилу мертвыхъ воиновъ звуками трубъ (26). Потоцкій не прожилъ и мѣсяца послѣ заключенія мира; онъ скончался въ Летичевѣ 9 октября. Все лѣто старикъ чувствовалъ себя слабымъ и хотѣлъ только дожить до того, чтобъ загладить стыдъ корсунскаго пораженія (27).

---

(25) «Wojna z kaz. i tat.» I, 313. — «Histor. ab exc. Wład. IV.» 92.

(26) «Wojna z kaz. i tat.» I, 354.

(27) «Histor. belli cosac. polon.» 215—216. — «Annal. Polon. Clim.» I, 299. — «Histor. ab exc. Wład. IV.» 93.

Радовался король, радовалось дворянство, но грустное предчувствіе овладѣвало сердцами противъ воли: было какое–то непонятное безпокойство, заставлявшее, противъ всѣхъ убѣжденій думать, что Польшѣ грозитъ еще новая, бóльшая бѣда.

Къ усугубленію общаго волненія появилась комета, и астрологи возвѣщали, что эта комета та самая, которая бываетъ видима только тогда, когда предшествуетъ великому перелому, или несчастью. Носились въ Польшѣ разные слухи: то показывались странныя видѣнія, то появлялись умершіе и предсказывали общее горе. Одни высматривали опасности отъ Хмельницкаго, другіе отъ Турціи, отъ Московіи и Швеціи: Польша была окружена врагами. Другіе вздыхали, вспоминая законопреступный бракъ Іоанна Казимира. Люди разсудительные, хотя смѣялись надъ предразсудками, однако въ тайнѣ и сами ощущали непонятную грусть въ душѣ. Предчувствіе цѣлаго народа рѣдко бываетъ ложнымъ.

ГЛАВА VIII.

Безсиліе бѣлоцерковскаго трактата. — Положеніе Украины. — Переселенія въ Московію. — Посольство отъ Хмельницкаго въ Москву. — Возмущенія во Украинѣ. — Судная коммиссія надъ возмутителями. — Казни Мозыры, Гладкаго, Хмелецкаго, Гурскаго. — Сватовство. — Письмо Хмельницкаго къ молдавскому господарю. — Письмо Липулы къ польскому королю. — Польское войско подъ Батогомъ. — Предзнаменованія.

Бѣлоцерковскій трактатъ приводилъ Украину къ тому же положенію, въ какомъ она находилась до 1648 года: четырехлѣтніе труды, потеря народа, опустошеніе Руси не выкупались ничѣмъ. Снова паны возвращались въ свои владѣнія; жиды опять могли быть управителями и арендаторами; жолнерамъ предоставлялось попрежнему право собирать съ поселянъ стаціи и ходить толпами по городамъ и селамъ; положеніе русскаго народа могло даже стать хуже, чѣмъ было прежде, потому-что враги ихъ, выстоявъ кровопролитный споръ, готовились предать ихъ ужасамъ мести. Трактатъ бѣлоцерковскій не оградилъ также и восточнаго православія: хотя въ немъ сказано было, что религія греческая остается при давнихъ правахъ, но какъ эти права были уже попираемы, то, слѣдовательно, теперь могли еще менѣе

имѣть силы. Впрочемъ, каковы бы ни были права православной религіи, они всегда должны были оставаться только на бумагѣ, пока произволъ былъ сильнѣе всѣхъ письменныхъ постановленій. Миръ бѣлоцерковскій могъ стать только новымъ источникомъ раздоровъ. «Онъ (говоритъ одинъ лѣтописецъ) по-«становленъ былъ на льду», выражая тѣмъ, что это было слѣдствіе обоюдной необходимости прекратить войну по причинѣ наступающей зимы и распространившейся заразы. Поляки, заключая его, знали хорошо, что народъ русскій, столь упорно-показавшій себя въ послѣднюю войну, не удовольствуется имъ, и одинъ шляхтичъ, еще изъ-подъ Бѣлой-Церкви, писалъ въ Варшаву: «Надобно опасаться, чтобъ хлопы «не выбрали себѣ другаго гетмана, а на то похо-«дитъ» (¹). «Нельзя довѣрять Хмельницкому, кото-«рый дѣйствуетъ невсегда самъ-по-себѣ, но также «и по волѣ безразсудной толпы», говорилъ Кисель (²).

Польское войско удалилось отъ Бѣлой-Церкви къ Винницѣ и, по смерти Потоцкаго, Калиновскій принялъ надъ нимъ главное начальство. «Подъ покровительствомъ его, паны стали стекаться въ свои имѣнія и увидѣли (говоритъ лѣтописецъ) (³), что на-

(¹) «Wojna z kaz. i tat.» I, 354.
(²) «Памятн. кіевск. комм.»
(³) «Annal. Polon. Clim.» I, 317.

добно снова готовиться къ войнѣ.» Поднѣстране и бужане слышать не хотѣли ни о какихъ договорахъ, не давали стацій, не думали повиноваться старостамъ и владѣльцамъ и называли себя попрежнему казаками. Калиновскій вѣшалъ ихъ, четвертовалъ, жегъ медленнымъ огнемъ ([4]), не спускалъ и церквамъ Божіимъ, по замѣчанію современниковъ, приказывалъ снимать церковные колокола и переливать на пушки, изгонялъ православныхъ священниковъ ([5]). Жолнеры, получивъ потачку, начали обращаться съ хозяевами тѣхъ селъ, гдѣ стояли, какъ съ собственными рабами и распоряжались достояніемъ жителей. Владѣльцы, воротившись въ имѣнія, заставали свои усадьбы въ разореніи; голодъ и недостатокъ въ странѣ, гдѣ не пахали долго земли, лишалъ ихъ возможности извлекать какіе-нибудь доходы; они принялись мучить своихъ подданныхъ, чтобъ выпытать, гдѣ спрятаны сокровища, награбленныя въ господскихъ домахъ. «И были слышимы (говоритъ лѣтописецъ) ([6]) въ народѣ вопль и воздыханіе, и горе, и ропотъ на Хмельницкаго.»

«Вотъ къ чему привели насъ его побѣды!» гово-

([4]) «Истор. о през. бр.»

([5]) «Истор. о през. бр.» — «Лѣтоп. самов.» 19. — «Annal. Polon. Clim.» I, 350.

([6]) «Истор. о през. бр.»

рили хлопы: «мы ожидали себѣ свободы, а онъ опять «насъ закабалилъ въ рабство!»

И въ-самомъ-дѣлѣ, на Хмельницкаго, повидимому, не было надежды; онъ, казалось, былъ глухъ и нѣмъ къ стонамъ народа и самъ дѣйствовалъ заодно съ панами. Онъ оказывалъ явное недовѣріе къ русскимъ, отдалилъ отъ себя казаковъ, окружилъ себя татарами, «и не разъ (говоритъ лѣтописецъ) приходилось ему погибнуть отъ разъяреннаго хлопства» (7). Въ-добавокъ, народъ русскій терпѣлъ голодъ; въ-особенности Волынь представляла ужасное зрѣлище: еще во время прошлогодней войны четверикъ ржаной муки стоилъ сто-двадцать злотыхъ, и убогіе люди, неуспѣвшіе убѣжать, помирали толпами отъ голода. Современникъ разсказываетъ, что, близъ Луцка, въ одномъ селѣ женщина зарѣзала двухъ человѣкъ и кормилась ихъ тѣлами, удѣляя и другимъ такой пищи; въ другомъ мѣстѣ голодная мать умертвила и сжарила двухъ собственныхъ дѣтей (8).

Въ такомъ положеніи единственнымъ спасеніемъ для русскаго народа казалось «иттú свúтъ за очúма», по народной пословицѣ. Подольскіе и брацлавскіе поселяне устремились на лѣвый берегъ Днѣпра, перешли такъ-называемую Вишневеччину, земли, за-

(7) «Annal. Polon. Clim.» I, 315.
(8) «Latop. Jerlicza», 120.

нимаемыя прилуцкимъ и лубенскимъ полками, и поселились въ Полтавщинѣ и Ахтырщинѣ, гдѣ, по берегамъ Ворсклы, вдругъ возникали большія слободы. Но такъ-какъ и на этотъ отдаленный край поляки имѣли притязаніе, то южноруссы совершенно покидали свое отечество и уходили въ московское государство (9). Еще сначала XVII-го столѣтія завелся въ Украинѣ обычай переходить на слободы и селиться на привольныхъ степяхъ нынѣшней полтавской губерніи. Подвигаясь далѣе-и-далѣе, въ царствованіе царя Михаила, новопоселенцы захватили часть московскихъ владѣній: появились слободы около Путивля, Рыльска и Бѣлогорода (10). По слѣдамъ отцовъ своихъ и теперь пустились украинцы искать новаго отечества.

Первый примѣръ къ переселенію казаковъ, а не хлоповъ, въ Московію подали волынцы. Тотчасъ послѣ берестечскаго пораженія, тысяча казаковъ возникшаго тогда острожскаго полка, подъ начальствомъ какого-то Ивана Дзинковскаго, ожидая нашествія поляковъ, гнавшихся за разбитыми силами Хмельницкаго, убѣжали за границу и просили царя позволить поселиться имъ на московской землѣ. Въ то время правительство московское обращало особенное вни-

(9) «Лѣтоп. самов.» 19. — «Экстр. о слободск. полк.»
(10) «Экстр. о слободск. полк.»

маніе на южную границу государства и старалось заселить пустые берега Дона, Сосны, Оскола въ нынѣшнихъ губерніяхъ воронежской и курской. Это намѣреніе казалось тѣмъ необходимѣе, что Московія безпрерывно страдала отъ набѣговъ крымскихъ варваровъ. Алексѣй Михайловичъ построилъ тамъ уже нѣсколько укрѣпленныхъ городовъ. Тысячи казацкихъ семействъ изъ-за Днѣпра, людей военныхъ, закаленныхъ въ брани, былъ кладъ для государства. Царь не позволилъ имъ селиться около Путивля и Бѣлгорода, какъ они хотѣли, и приказалъ построить имъ городъ на берегу Тихой Сосны, названный Острогожскомъ. Украинцы явились на мѣсто жительства въ готовые домы, снабженные даже хлѣбнымъ зерномъ для перваго обзаведенія. Царь даровалъ имъ право удержать все прежнее устройство казачье: чины полковника, сотниковъ, есауловъ, всю организацію полка украинскаго. Это былъ первый слободскій полкъ (11). Такой благосклонный пріемъ ободрилъ и другихъ.

Поднѣстране и бужане складывали на воловьи возы, или сани, имущество, сожигали свои хаты и гумны, чтобъ не доставались остатки ихъ *худобы* врагамъ, и отправлялись цѣлыми селами искать другой Украины. Напрасно жолнеры заступали имъ до-

---

(11) «Памятн. острогож. слободск. полка.» (рук.)

роги и казнили, на страхъ прочимъ, тѣхъ, кто попадался имъ въ руки: украинцы выѣзжали съ пушками и ружьями, пробивались изъ стараго отечества, покупая кровью новое ([12]).

Менѣе чѣмъ въ полгода, на пространствѣ отъ Путивля до Острогожска, появились многія слободы, изъ которыхъ образовались города и богатыя мѣстечки: Сумы, Лебединъ, Ахтырка, Бѣлополье, Короча и пр. Иные подвигались къ югу, въ глубину степи, по рѣкамъ Донцу, Удамъ, Харькову, Коломаку. Въ числѣ слободъ былъ нынѣшній Харьковъ. Основанный среди болотъ и лѣсовъ въ безопасномъ мѣстѣ, онъ сдѣлался полковымъ городомъ съ украинскимъ устройствомъ, но неподвѣдомый гетману. Поселенія назывались вообще слободами, отчего эта земля, заселенная новоприбывшими южноруссами, получила названіе Слободской Украины, то-есть Украины свободной, въ противоположность старой Украинѣ, гдѣ жители терпѣли отъ поляковъ ([13]).

Отрекаясь отъ поляковъ, эти переселенцы отрекались и отъ своего гетмана. Хмельницкій страшился, чтобъ такимъ образомъ всѣ украинцы не перебрались на новоселье, оставя его съ малымъ

([12]) «Annal. Polon. Clim.» I, 318.—«Лѣтоп. самов.» 19.

([13]) «Экстр. о слободск. полк.» — «Кратк. опис. о каз. малор. нар.» 66.

числомъ на жертву. Въ то же время, боясь потерять совершенно и любовь народную, и благосклонность царя, гетманъ послалъ въ Москву посольство, весною 1652 года, съ предложеніемъ, въ которомъ была оригинальная мысль переселить всѣхъ казаковъ на царскую землю.

«Пожалѣй насъ, государь православный (писалъ «Хмельницкій), умилосердись надъ православными «Божіими церквами и нашею невинною кровію. Ни«чего не исполняютъ поляки, что̀ съ нами постано«вили: святыя Божіи церкви, какія обѣщали отдать «намъ изъ уніи, не отдали, да еще обращаютъ въ «уніятскія и тѣ, которыя оставались у насъ. Они «хотятъ искоренить православную вѣру въ народѣ «нашемъ, а для того собрали на насъ коронныя «войска свои; они ругаются надъ святынею, мучатъ «христіанъ православныхъ духовнаго и мірскаго чина «и дѣлаютъ такія жестокости, что вашему царскому «величеству и слушать будетъ жалко. Со слезами «просимъ твое царское величество, не дай, великій «государь, клятвопреступникамъ и мучителямъ разо«рить насъ до конца; прими насъ подъ свою крѣп«кую руку.»

Алексѣй Михайловичъ постоянно показывалъ видъ миролюбія и справедливости и не хотѣлъ нарушить мира съ королемъ; онъ оставлялъ исполненіе своихъ замысловъ до времени. Казацкій посланникъ, Искра,

получилъ позволеніе видѣть царскія очи, а дьяку Волошанинову препоручено было переговорить съ нимъ. Вотъ любопытный разговоръ дьяка съ казакомъ, переданный потомству.

— Его царское величество, говорилъ дьякъ: — будетъ всегда милостивъ къ гетману и станетъ васъ всѣхъ держать въ своемъ царскомъ жалованьи. Но великій государь не желаетъ нарушить спокойствія и совѣтуетъ гетману и всему войску запорожскому стоять на томъ, на чемъ помирились съ поляками.

— Но король и сенаторы, и вся Речь-Посполитая, возразилъ Искра: — никогда не хранятъ слова и всегда нарушаютъ то, въ чемъ клянутся. Поэтому гетману и всему войску запорожскому нѣтъ инаго прибѣжица, кромѣ царскаго величества. Просимъ великаго государя заступиться за насъ.

— Но у вашего гетмана, сказалъ дьякъ: — большая дружба съ ханомъ: не пойдете вы къ хану, если поляки станутъ васъ сильно притѣснять?

— У гетмана, отвѣчалъ Искра: — хоть и была съ ханомъ дружба, да по-неволѣ, потому-что поляки на насъ напали, а намъ, черкассамъ, никто не давалъ помощи. Поэтому мы призвали хана въ помощь. Но ханъ хотя и подалъ намъ помощь противъ поляковъ, однако татары послѣ того насъ же самихъ разорили. Вѣрить крымскому хану нельзя, потому-что онъ бусурманъ, и мы никогда не пойдемъ, къ

нему, а будемъ надѣяться на одного великаго государя. Если его царское величество не желаетъ нарушить міра съ поляками, то пусть пожалуетъ насъ: позволитъ перейти на порубежныя свои земли, около Путивля, и поселиться на границѣ литовской.

Въ этой просьбѣ видно было невысказанное намѣреніе Хмельницкаго: въ случаѣ царскаго согласія, онъ могъ сдѣлаться вдругъ страшнымъ для поляковъ, и между-тѣмъ не только не покинуть Украины, а еще распространить ея предѣлы.

Дьякъ съ-разу понялъ, чего домогаются казаки и отвѣчалъ:

— Хорошо дѣлаетъ гетманъ со всѣмъ войскомъ, что къ бусурману не пристаетъ, а ищетъ милости царскаго величества. Пусть переходитъ гетманъ со всѣми черкассами въ нашу сторону; есть у его царскаго величества земли большія, пространныя, привольныя; пусть селятся по Дону, Медвѣдицѣ, на удобныхъ мѣстахъ, а въ порубежныхъ городахъ, на границѣ Литвы, имъ *селиться не годится,* потому-что тогда будетъ у нихъ *съ поляками и литвою большая ссора, и что подаль отъ нихъ и то лучше, безо всякаго будетъ задора.* По вѣчному нашему договору съ королемъ положено тѣхъ не возвращать, кто перейдетъ изъ Литвы къ намъ, а отъ насъ въ Литву; поэтому гетманъ со всѣмъ войскомъ можетъ перейти на земли его царскаго величества; отдачи

не будетъ, и станутъ они жить въ милости и въ чести, и пожалуетъ ихъ государь большимъ жалованьемъ и пространными привольными землями ([14]).

Въ это время располагалъ гетмана и старшинъ на сторону царя Выговскій. Онъ сносился съ путивльскими воеводами, передавалъ имъ извѣстія и однажды, чуть было не поплатился за это жизнью, по случаю нескромности переносчика вѣстей, который расказалъ казакамъ то, что долженъ былъ говорить Выговскому отъ воеводы, или воеводѣ отъ Выговскаго. Когда къ гетману прибыли царскіе посланцы, Василій Унковскій и подъячій Адрабьевъ, Выговскій имѣлъ съ ними тайный разговоръ и передалъ снимки съ писемъ польскаго короля, крымскаго хана и волошскаго господаря. Онъ снималъ со стѣны образъ спасителя, цѣловалъ предъ гонцами, въ знакъ своей вѣрности, и говорилъ: «пока я здѣсь, то, съ «божьею помощью, надѣюсь удержать гетмана, и все «запорожское войско, и царя крымскаго, и всю крым-«скую орду отъ нападенія на украинные города его «царскаго величества, потому что и крымскій ханъ, «и Нуреддинъ, и мурзы, и кто у нихъ есть владѣтели— «всѣ меня слушаютъ. Знаютъ всѣ, что, при божьей «помощи, я въ войскѣ запорожскомъ владѣтель во-

---

([14]) «Полн. собр. закон. росс. импер.» I, 263—265.

«всякихъ дѣлахъ, и гетманъ, и полковники, и все запорожское войско меня слушаютъ и почитаютъ.» Вліяніе Выговскаго на дѣла извѣстно было сосѣдямъ, и потому всѣ обращались къ нему съ разными выгодными предположеніями. Ракочій приглашалъ его оставить гетмана и пріѣхать къ нему, обѣщая полторы тысячи червонцевъ въ годъ, начальство надъ своимъ войскомъ и нѣсколько городовъ во владѣніе. Выговскій показывалъ это письмо царскимъ гонцамъ и увѣрялъ, что предпочитаетъ всему царскую милость. Впрочемъ, предусмотрительный писарь заранѣе искалъ для себя лично пріюта и опоры у царя, еслибъ положеніе его измѣнилось въ Украинѣ. — «Есть здѣсь многіе, говорилъ онъ тѣмъ же гонцамъ: — «которые станутъ гетмана подговаривать, чтобъ онъ «былъ подъ началомъ у турецкаго царя и у крымскаго, а у меня того и на умѣ нѣтъ, чтобъ мнѣ «куда нибудь помыслить, кромѣ царскаго величества; «лишь бы великій государь пожаловалъ меня, — холопа своего, велѣлъ обнадежить своею государскою «милостью, велѣлъ бы ко мнѣ прислать свою государеву граммату за рукою думнаго дьяка, чтобъ ни «гетманъ и ни кто о томъ не вѣдали, и если его государева милость ко мнѣ будетъ, я съ отцомъ своимъ, и съ братьями, и съ иными пріятелями пріѣду къ великому государю, и многіе лучшіе люди «запорожской земли пойдутъ за мною къ нему, да и

«о гетманѣ не думаю, чтобъ онъ невѣрнымъ под-«дался» ([15]).

Но между-тѣмъ реестръ кончился; реестровые списки внесены въ градскія книги; всѣ, которые не вошли въ ограниченное число казаковъ, должны были снова работать панамъ и содержать польскихъ жолнеровъ. Войско литовское вошло въ Сѣверію. Часть короннаго войска перешла на лѣвый берегъ Днѣпра ([16]). Бѣгство въ Московію стало затруднительно; самъ Хмельницкій издалъ универсалъ, въ которомъ запретилъ переходить на слободы и приказывалъ служить панамъ. «Ужь теперь (писалъ онъ) не годится «дѣлать того, что̀ дѣлалось прежде: никому не бу-«детъ пощады, кто не хочетъ покориться!»

Но жители не думали о повиновнніи ни панамъ, ни жолнерамъ, и ни самому казацкому гетману. Онъ зарывали въ землю свое имущество, жгли хаты, загоняли скотъ и завозили хлѣбъ, овесъ и сѣно въ укрѣпленныя мѣстечки, куда и сами прятались съ семействами. «Бѣдный жолнеръ (говоритъ лѣтописецъ польскій) долженъ былъ кровью добывать насущный хлѣбъ. Весною, едва началъ сходить снѣгъ, уже вся Украина была въ огнѣ.

([15]) «Чтенія импер. м. общ.» 1858, I, 32.
([16]) «Памятн. кіевск. комм.» II, 3: 2.

На Заднѣпріи, по Бугу и Днѣстру, оставшіеся жители скрывались по лѣсамъ и оврагамъ, такъ-что полякъ не могъ ни пройти, ни проѣхать безъ вооруженной команды. Въ разныхъ мѣстахъ Украины появились народные предводители, которые или сами домогались гетманскаго достоинства, или хотѣли ввѣрить его кому-нибудь другому вмѣсто Хмельницкаго. Хмелецкій, дворянинъ, промѣнявшій свои шляхетскія грамматы на казацкую волю, на правой сторонѣ Днѣпра собиралъ недовольныхъ и готовился лишить Хмельницкаго гетманства ([17]). На лѣвой сторонѣ Днѣпра, около Лубенъ, мятежные хлопы избрали себѣ предводителемъ какого-то Бугая и дрались съ жолнерами ([18]). Около Нѣжина составилось сильное ополченіе, подъ начальствомъ Лукьяна Мозыры ([19]); Хмельницкій лишилъ его корсунскаго полка и назначилъ на его мѣсто своего шурина, Золотаренка. Подъ знамена Мозыры становились тѣ, которые равнымъ образомъ ненавидѣли и пановъ и своего гетмана, и вскорѣ это ополченіе стало такъ сильно, что два отряда, посланные противъ него Калиновскимъ изъ-за Днѣпра, были разбиты, и наконецъ Потоцкій, сынъ покойнаго гетмана, явившись на лѣвомъ

([17]) «Истор. о през. бр.»
([18]) «Annal. Polon. Clim.» I, 318.
([19]) «Истор. мал. росс. Бант. Кам.» I прим. 303.

берегу, не смѣлъ вступить съ Мозырою въ дѣло и поскорѣе убѣжалъ назадъ ([20]). Въ миргородскомъ полку, въ селеніяхъ Липовомъ и Рябухѣ, произошла ссора между жолнерами и жителями ([21]). Начальники польскіе разбирали это дѣло и, подъ видомъ наказанія, казнили многихъ жителей, истребили мятежныя селенія до основанія, не щадя ни пола, ни возраста ([22]). Тогда миргородскій полковникъ, Гладкій, не показывая полякамъ явнаго неудовольствія, составилъ съ казаками тайный заговоръ, чтобъ въ назначенный день, по данному сигналу, во всемъ миргородскомъ полку перебить всѣхъ жолнеровъ. Для этого избрано свѣтлое воскресенье. Поляки предались праздничнымъ забавамъ. Тогда жители бросились на враговъ и произвели страшное кровопролитіе ([23]). Примѣръ этотъ ободрилъ жителей и другіе полки. Около Мглина и Стародуба произошла подобная рѣзня надъ литовцами, послѣ чего жители, страшась мщенія, стали разбѣгаться по лѣсамъ и вести гайдамацкую войну ([24]).

Положеніе Хмельницкаго было часъ-отъ-часу опа-

([20]) «Annal. Polon. Clim.» I, 318.
([21]) «Лѣтоп. сам.», 19.
([22]) «Лѣтоп. Величка», I, 140.
([23]) «Лѣтоп. сам.», 19. — «Истор. о през. бр.»
([24]) «Лѣтоп. сам.», 20.

снѣе. Вооруженныя толпы готовились идти на Чигиринъ и растерзать предводителя. Среди всеобщаго возстанія, Хмельницкій принужденъ былъ успокоить хотя нѣсколько русскій народъ и позволилъ записываться въ реестръ, и такимъ образомъ въ то время, когда королю представленъ былъ списокъ съ двадцатью тысячами, въ Украинѣ существовалъ другой реестръ, въ которомъ казаковъ записано было болѣе сорока тысячъ, какъ было послѣ зборовскаго мира.

Вѣсть объ этомъ увеличеніи войска дошла до Калиновекаго. Коронный гетманъ счелъ такой поступокъ за явное несоблюденіе договора и написалъ Хмельницкому письмо съ укоризнами.

Хмельницкій принялъ смиренный видъ обиженной справедливости передъ депутатами Калиновскаго.

— Боже мой! говорилъ онъ: — коронному гетману такъ хочется нарушить миръ, что онъ радъ утопить меня въ ложкѣ воды.

«Точно, я позволилъ казакамъ записываться въ ре«естръ (писалъ онъ Калиновскому), но это сдѣлано «было по-необходимости, потому-что они бы меня «самого убили; сдѣлано для пользы самихъ поля«ковъ, чтобъ укротить и усыпить на-время необуздан«ное мужичьё. Повѣрьте, гетманъ, я всѣми сила«ми стараюсь о спокойствіи, но на все нужно вре«мя. Въ доказательство же моей готовности быть

«вѣрнымъ Речи Посполитой, я желаю самъ, чтобъ «виновные по суду были преданы казни» ([25]).

Послѣ этого гетманъ послалъ къ королю жалобу на притѣсненія простаго народа жолнерами, разсказывалъ объ убійствахъ и злодѣяніяхъ, совершаемыхъ надъ русскимъ народомъ, представлялъ, что поляки нарушаютъ миръ и подаютъ поводъ къ новымъ безпокойствамъ ([26]), но не оправдывалъ мятежей русскаго народа и просилъ разбирательства о виновныхъ.

Король и сенаторы были тогда снова раздражены противъ Хмельницкаго. Василій Липула приказалъ остановить посла его въ Константинополѣ и переслалъ въ Польшу письмо Хмельницкаго къ турецкому правительству. Въ этомъ письмѣ казацкій гетманъ попрежнему просилъ помощи и защиты у турокъ противъ поляковъ ([27]). «Поляки (говоритъ историкъ) ([28]) сочли за лучшее отвѣчать на коварство Хмельницкаго коварствомъ.»

Канцлеръ, отъ имени короля, написалъ къ нему вѣжливое письмо.

«Его величество и вся Речь-Посполитая прини-

([25]) «Annal. Polon. Clim.» I, 318—319.
([26]) «Histor. ab. exc. Wład. IV.» 103.
([27]) «Annal. Polon. Clim.» I, 302—319.
([28]) «Histor. ab exc. Wład. IV.» 101.

«маютъ съ большимъ сожалѣніемъ непріятное извѣ-«стіе, что, послѣ столь недавняго примиренія, опять «возникаютъ несогласія между обоими войсками, а «потому, для водворенія порядка и для открытія за-«чинщиковъ смутъ, назначена коммиссія, которой «членами избраны кіевскій воевода, Михаилъ Асгагъ, «Гіеронимъ Завиша и Маховскій. Съ своей стороны, «гетманъ Хмельницкій долженъ показать всю стро-«гость надъ нарушителями мира и врагами обществен-«наго спокойствія изъ казаковъ, если окажется, «что они первые подали поводъ, и напередъ упо-«треблять надъ ними суровыя мѣры, а равнымъ обра-«зомъ не позволять имъ оставлять счастливыхъ бере-«говъ Днѣпра, дѣйствовать для успокоенія казаковъ, «охранять права владѣльцевъ и войска вмѣстѣ съ «гетманомъ Калиновскимъ.»

Хмельницкій съ казацкой стороны назначилъ въ эту коммиссію кіевскаго полковника. Калиновскій прислалъ отъ войска Ляндскоронскаго ([29]).

Эта коммиссія обвинила и присудила къ смертной казни Хмелецкаго, Мозыру, Гладкаго, войсковаго судью, Гуляницкаго, и другихъ, которыхъ имена неизвѣстны. Хмельницкій безъ сопротивленія подписалъ смертный приговоръ ([30]), показывая видъ, какъ-буд-

---

([29]) «Annal. Polon. Clim.» I, 321.

([30]) «Истор. о през. бр.» — «Лѣтоп. мал.»

то онъ дѣлаетъ это по волѣ полковниковъ, а не по своему произволу ([31]).

Мозыра первый былъ схваченъ и повѣшенъ со множествомъ соучастниковъ ([32]). Гладкому отрубили голову. Современникъ говоритъ ([33]), что онъ казненъ не столько за возмущеніе, сколько за личную вражду съ Хмельницкимъ: возвращаясь изъ-подъ Берестечка, онъ не отказывался, подобно Джеджалыку и Богуну, отъ булавы, и имѣлъ намѣреніе сдѣлаться гетманомъ вмѣсто Хмельницкаго, котораго недовольное казачество готово было тогда выдать полякамъ. Извѣстно, что Гладкій и принесъ это согласіе народа въ польскій лагерь. Кромѣ-того, Гладкій былъ недоволенъ сношеніемъ Хмельницкаго съ турками и внушалъ казакамъ опасеніе попасться подъ иго невѣрныхъ. Хмелецкій былъ схваченъ въ расплохъ въ Паволочѣ и тутъ же, на базарѣ, ему отрубили голову ([34]). Судья Гуляницкій былъ счастливѣе: онъ скрылся въ монастырѣ, потомъ пробрался въ Молдавію ([35]). Кромѣ этихъ осужденныхъ, по разнымъ мѣстамъ Украины, частью по приговору коммиссіи и частью по волѣ гетмана, рубили головы,

---

([31]) «Памятн. кіевск. комм.» III, 3, 84.
([32]) «Annal. Polon. Clim.» I, 321.
([33]) «Лѣтоп. сам.» 19.
([34]) «Истор. о през. бр.»
([35]) «Истор. о през. бр.»

вѣшали, сажали на колъ. Около этого времени, по сказанію одной лѣтописи ([36]), былъ казненъ въ Кіевѣ, на площади, Гурскій, виновникъ берестечскаго пораженія. Хмельницкій постановилъ, чтобъ при каждой польской хоругви были казацкіе депутаты для отвода квартиръ, и издалъ универсалъ, въ которомъ запрещалъ народу помышлять, чтобъ казацкій гетманъ позволилъ имъ когда-либо сопротивляться воинскому постою, или не повиноваться владѣльцамъ ([37]).

Поляки были довольны этимъ явнымъ знакомъ покорности; но Хмельницкій, угождая врагамъ, угождалъ самому себѣ.

Не прошло и мѣсяца послѣ такихъ признаковъ покорности, какъ Хмельницкій былъ уже въ-состояніи сбросить съ себя личину и снова явиться врагомъ поляковъ и защитникомъ русскаго народа.

Бѣлоцерковскій договоръ остался неутвержденнымъ на сеймѣ, потому-что этотъ несчастный сеймъ открылъ собою рядъ гибельныхъ, разрушительныхъ національныхъ собраній въ Польшѣ. На немъ, между прочимъ, хотѣли судить и предать безславію нѣкоторыхъ богатыхъ и своевольныхъ пановъ; они подкупили одного литовскаго депутата, Сицинскаго; этотъ депу-

---

([36]) «Кратк. ист. опис. о Мал. Росс.» 25.
([37]) «Annal. Polon. Clim.» I, 321. — «Собственнор. универ. Хмельниц.» (рукоп.)

татъ *сорвалъ* сеймъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что засѣданіе его продолжалось долѣе опредѣленнаго времени. Хмельницкій тогда имѣлъ право считать этотъ договоръ недѣйствительнымъ; онъ и прежде предвидѣлъ, что поляки скоро подадутъ ему предлогъ разорвать унизительный миръ, а потому заранѣе заключилъ договоръ съ Нуреддиномъ, братомъ Ислама, и Карачь-Мурзою. Они стояли уже на границѣ Украины, съ двадцатью тысячами татаръ, и готовы были вступить, по мановенію Хмельницкаго. Какъ только гетманъ узналъ, что бѣло-церковскій трактатъ не утвержденъ польскою націею и, слѣдовательно, необязываетъ болѣе Украины, онъ пригласилъ татаръ и приказалъ казакамъ готовиться въ походъ налегкѣ, безъ возовъ и пожитокъ ([38]).

Молдавскій господарь, наказанный за нарушеніе даннаго слова, въ 1650 году, по совѣту поляка Кутнарскаго, снова обѣщалъ отдать Домну за Тимоѳея, но просилъ отсрочки на годъ, извиняясь молодостью невѣсты. Съ-тѣхъ-поръ, какъ мы видѣли, онъ старался всячески вредить Хмельницкому, и, можетъ-быть, Богданъ не окончилъ бы такъ несчастливо своей войны, еслибъ молдавскій господарь не передавалъ полякамъ перехваченныхъ его писемъ и не возбуждалъ противъ него хана, извѣщая послѣдняго о сно-

([38]) «Лѣтоп. Величка» I, 107—109.

щеніяхъ казацкаго гетмана съ московитянами. Послѣ бѣлоцерковскаго мира, Липула продолжалъ искусно вредить Хмельницкому и вооружилъ противъ себя хана: надѣясь на силу поляковъ, онъ не побоялся задержать крымскаго посла и отнять у него письма ([39]). Отъ этого ханъ съ большимъ радушіемъ предложилъ Хмельницкому помощь, и снова называлъ его любезнымъ другомъ и союзникомъ ([40]).

Приготовляясь заранѣе къ войнѣ, Хмельницкій еще разъ написалъ къ Липулѣ и напоминалъ ему, что давно пора исполнить обѣщаніе. Липула снова отвѣчалъ ему отказомъ, отдѣлываясь разными отговорками, изъ которыхъ Хмельницкій видѣлъ его явное нежеланіе ([41]).

Тогда, по увѣренію одной лѣтописи ([42]), Хмельницкій написалъ къ Липулѣ въ такомъ тонѣ: «Сосва-«тай, господарь, дщерь свою съ сыномъ моимъ, Тимо-«ѳеемъ, и тоби́ до́бре бу́де, а не вы́даси — изотру́, «изо́мну́ и оста́нку твоего́ не оста́нется, и ви́хремъ «прахъ твой размечу́ по возду́си.»

Липула чрезъ Кутнарскаго извѣстилъ Калиновскаго

([39]) «Annal. Polon. Clim.» I, 320.
([40]) Ibid. 335.
([41]) «Histor. ab. exc. Wład. IV.» 102.
([42]) «Повѣст. о томъ, что случ. въ Украинѣ.» 19.

объ угрожающей опасности и просилъ самого короля о заступленіи.

«Извѣстно вашему величеству (писалъ онъ), что «уже два года Хмельницкій, мятежникъ вашего вели-«чества, принуждаетъ меня къ тому, что унизитель-«но для моего достоинства. Снова, надменный успѣ-«хами, требуетъ онъ сыну своему, Тимоѳею, обѣщан-«ную невѣсту, дочь мою, единственное утѣшеніе моей «старости, и грозитъ оружіемъ, если я не удовле-«творю его: уже слышу звукъ непріязненнаго вой-«ска, которое готовитъ на меня Тимоѳей съ Карачь-«Мурзою. Онъ рѣшился овладѣть моею дочерью, «хотябъ умертвивъ отца ея, и называетъ ее своимъ «достояніемъ, ссылаясь на обѣщаніе мое, два года «назадъ, вынужденное оружіемъ. Ради вѣрности мо-«ей къ Речи Посполитой, ради моего владѣтельнаго «достоинства, ради обѣта, даннаго поляками, умо-«ляю, чтобъ Калиновскій не допустилъ свободно прой-«ти въ Молдавію казакамъ и татарамъ, ихъ союзни-«камъ. Предстоитъ удобный случай уничтожить ихъ, «безпечныхъ, непомышляющихъ о нападеніи. Казаки «такъ много преступили противъ поляковъ, что Поль-«ша должна защищать меня отъ несправедливаго наси-«лія, меня, живущаго подъ крыломъ польскаго орла.»

Король въ то время готовился идти въ Пруссію и утѣшалъ господаря тѣмъ, что Хмельницкій, быть-можетъ, только стращаетъ своимъ походомъ. Онъ

обѣщалъ ему помощь. Хмельницкому попалась въ руки эта корреспонденція ([43]).

Между-тѣмъ Калиновскій, по просьбѣ Липулы, сталъ лагеремъ на берегу Буга, близь горы Батога, или Батова, неподалеку отъ Ладыжина, и готовился преградить путь Тимоѳею. Польское войско состояло, по сказанію украинскаго лѣтописца, изъ пятидесяти тысячъ ([44]), а по извѣстію польскихъ современныхъ историковъ — ([45]) изъ двадцати тысячъ слишкомъ. Изъ нихъ двѣнадцать тысячъ было конницы, а восемь пѣхоты, раздѣленной на восемь полковъ, въ каждомъ по тысячѣ человѣкъ. Это разногласіе, однако, легко разрѣшается: вѣроятно, польскій писатель считаетъ однихъ фронтовыхъ, а украинскій — всѣхъ годныхъ къ бою, которые были въ обозѣ. Войско польское не любило главнокомандующаго; полководцы были съ нимъ во всемъ несогласны, а Калиновскій, упрямый и строптивый, хотѣлъ всегда поставить на своемъ, хотя бы чужія мнѣнія очевидно были справедливы. Паны совѣтовали ему стать близь Брацлава или Райгорода, но Калиновскій выбралъ вовсе неудобное мѣсто; впереди лагеря была рѣка Бугъ; съ дру-

---

([13]) «Histor. ab exc. Wład. IV.» 102.
([14]) «Лѣтоп. Велички.» I, 108.
([15]) «Histor. ab exc. Wład. IV». 104. — «Latop. Jarl.»

гихъ сторонъ окружали поляковъ лѣса и болота; гора Батогъ, съ обрывами, возвышалась позади избраннаго мѣста ([46]). Калиновскій напоминалъ всѣмъ, что онъ главнокомандующій и дѣлалъ такъ, какъ не хотѣлось другимъ.

Для Хмельницкаго ничего не могло быть желаннѣе этого повода къ начатію войны, который сами поляки подавали ему. Онъ могъ одолѣть непріятеля, разрушить унизительный договоръ и ясно доказать предъ цѣлымъ свѣтомъ, что виною разрыва непріятели. И вотъ, казацкій гетманъ собралъ двадцать тысячъ казаковъ, да пять тысячъ крымцевъ, подъ начальствомъ Нурредина и двинулся къ Ладыжину ([47]). Четырнадцать тысячъ ногайцевъ, подъ предводительствомъ Карачь-Мурзы, пошли другою дорогою; они должны были переправиться чрезъ Бугъ, ниже урочища Батога, и ударить на поляковъ въ назначенное время: гетманъ заранѣе разсчиталъ день, въ который казаки и татары могли съ разныхъ сторонъ сойтиться и напасть на непріятеля. Не доходя за нѣсколько десятковъ верстъ до Ладжина, Хмельницкій послалъ къ Калиновскому слѣдующее письмо:

«Хмельницкій Калиновскому, русскій гетманъ поль-«скому, желаетъ здравія. Не хочу скрывать предъ

([46]) «Wojna dom.» Ч. 2, 70—71.
([47]) «Лѣтоп. Величк.» I, 110.

«вашею вельможностью, что своевольный сынъ мой, «Тимоѳей, съ нѣсколькими тысячами войска, идетъ «жениться на дочери молдавскаго господаря. Конеч«но, до этого нѣтъ никому дѣла, но я удивляюсь, «что многочисленное польское войско, неизвѣстно для «чего, стало при Батогѣ, какъ-будто съ намѣреніемъ «заступить дорогу моему сыну. Я прошу вашу вель«можность, для спокойствія отечества, отступить съ «своимъ войскомъ, тѣмъ болѣе, что польское войско «стоитъ на мѣстѣ, вовсе неудобномъ для обороны. Я «опасаюсь, чтобъ свадебные бояре, по легкомыслію, «не завели ссоры съ войскомъ и сынъ мой, по сво«ей юности, не вздумалъ искать первой удачи воен«наго поприща» ([48]).

Отправляя это письмо, Хмельницкій написалъ въ немъ: *изъ Чигирина*, и поставилъ заднее число. Письмо это произвело различныя мнѣнія и догадки между поляками.

— Хмельницкій, говорили одни: — теперь уже сталъ не тотъ, что́ былъ: онъ поступаетъ искренно, иначе, для чего бы ему указывать намъ неудобства нашего положенія? скорѣе бы онъ имъ воспользовался.

— Нѣтъ, говорили другіе: — онъ все тотъ же

([48]) «Histor. ab exc. Wład. IV.» 102.

измѣнникъ, какъ и былъ; онъ хочетъ заранѣе оправдаться, и выдумалъ, что сынъ его идетъ безъ его позволенія. Онъ хочетъ опустошить Молдавію; намъ нельзя оставить безъ обороны вѣрнаго союзника Речи Посполитой.

Другіе командиры не вѣрили Хмельницкому, однако совѣтовали гетману отойти съ дороги и не мѣшать пройти Тимоѳею, а между-тѣмъ собрать войско изъ-за Днѣпра. Особенно уговаривалъ Калиновскаго Пршіемскій, начальникъ артиллеріи, старый воинъ, посѣдѣвшій въ битвахъ во Франціи и Швеціи, гордившійся тѣмъ, что выдержалъ славную осаду подъ Бриссакомъ.

— Послушайте меня, старика, говорилъ онъ: — я съ-молоду красно говорить не учился, да дѣло смыслю; но вѣдь словами татарской сабли отъ шеи не отобьешь. Будетъ бѣда, если мы ихъ остановимъ; запьетъ казакъ нашею кровью свадебную пирушку; побьютъ у насъ лошадей, а потомъ загонятъ, какъ волковъ, въ яму и кончится тѣмъ, что, или постыдно сдадимся, или напрасно погибнемъ. Уйди лучше, панъ-гетманъ, съ конницею, а я съ нѣмецкою пѣхотою останусь здѣсь; мы спасемся; и если непріятель нападетъ на насъ, то станемъ обороняться, а ты между-тѣмъ соберешь войско изъ-за Днѣпра. Я тебѣ два мѣсяца обѣщаюсь биться противъ нихъ.

Многимъ показался этотъ совѣтъ благоразумнымъ, но Калиновскій, по обыкновенію, не принялъ его.

«Хмельницкій боится насъ (говорилъ онъ) и болѣе ничего! сынъ его идетъ съ немногочисленнымъ «войскомъ; теперь-то и случай нанести ударъ врагу отечества. Смѣшно было бы, еслибъ я повѣрилъ «коварному письму и не спасъ чести господаря въ «такомъ трудномъ положеніи.»

На пущую бѣду полякамъ, посланный подъѣздъ привезъ вѣсти, нарочно-распущенныя Хмельницкимъ, будто Тимоѳей идетъ только съ пятью тысячами. Тогда ничто не могло остановить Калиновскаго: онъ заранѣе восхищался, что лишитъ Хмельницкаго сына и отомститъ вполнѣ за стыдъ корсунскаго пораженія и постыдный плѣнъ свой. Для предотвращеніи нападка въ тылъ, онъ отправилъ значительный отрядъ по направленію къ Ладыжину.

Войско, и безъ того неоживляемое ни любовію къ полководцу, ни надеждою на побѣду, пугалось тогда разными предзнаменованіями. Въ полночь увидѣли на ясномъ небѣ двѣ сверкающія метлы: онѣ стали вытягиваться и образовали мечъ, обращенный рукоятью къ востоку, а остріемъ на польскій обозъ. На другую ночь представились жолнерамъ въ воздухѣ изображенія вооруженныхъ войскъ, которыя какъ-будто сражались между собою.

«И не только небеса и земля (говоритъ лѣтопи-

сецъ украинскій) предсказывали ляхамъ грозящую бѣду. Была подлѣ Ладыжина большая скала, нависшая надъ Бугомъ; тамъ было ущелье; съ недавняго времени сталъ отзываться оттуда голосъ на подобіе человѣческаго; онъ предсказывалъ будущее и отвѣчалъ на всѣхъ языкахъ, на какомъ бы къ нему ни обратились.» Никто не видѣлъ этого существа. Разно говорили о немъ. Одни почитали его безтѣлеснымъ духомъ, существующимъ въ одномъ голосѣ; другіе говорили, что это душа умершаго человѣка, заклятая въ камнѣ. Когда спрашивали имя его, онъ отвѣчалъ, что его зовутъ Спасовскимъ. Одинъ офицеръ, французъ, бывшій въ польскомъ войскѣ, отправился къ этой скалѣ и чудное существо сказало ему по-французски:

«Идите и скажите вашему гетману, чтобъ онъ «поскорѣе ушелъ отсюда: прійдетъ сюда свирѣпый «пьяница, который думаетъ ему остричь бороду; бритва у него острая: опасно, чтобъ съ бородой онъ «не отрѣзалъ ему головы.»

Въ добавокъ къ этимъ предзнаменованіямъ, во время смотра, хорунжій упалъ съ лошади и знамя гетманское разостлалось по землѣ.

«Явный признакъ несчастія!» кричали тогда жолнеры; Калиновскій не вѣрилъ знаменіямъ, не слушалъ совѣтовъ и готовился къ нападенію.

Окопы сдѣланы были чрезвычайно-широко; поль-

ское войско занимало почти цѣлую милю. Напрасно Пршіемскій увѣрялъ, что это повредитъ и представлялъ въ примѣръ Збаражъ: Калиновскій не измѣнилъ своей настойчивости и отговаривался, что придутъ скоро войска изъ-за Днѣпра.

Въ то время, Хмельницкій приказалъ пяти тысячамъ татаръ идти впередъ, мимо польскаго лагеря, а Тимошъ съ частью казаковъ отправился заранѣе другимъ путемъ и перешелъ Бугъ, выше Ладыжина; старикъ Хмельницкій оставался назади, показывая видъ, будто не думаетъ нападать и только наблюдаетъ за сыномъ.

ГЛАВА IX.

Батогская битва. — Истребленіе поляковъ. — Хмельницкій прибываетъ на поле битвы. — Письмо Хмельницкаго въ Польшу. — Осада Каменца. — Тимоѳей отправляется въ Молдавію. — Изгнаніе жолнеровъ изъ Украины. — Свирѣпства народа. — Сосновскіе. — Универсалъ Хмельницкаго. — Прибытіе Тимоѳея въ Яссы. — Свадьба Тимоѳея. — Возобновленіе осады Каменца.— Сеймъ въ Польшѣ. — Казацкіе послы на сеймѣ. — Польскіе коммиссары въ Чигиринѣ. — Народныя бѣдствія.

29-го мая (по другимъ 1-го іюня н. с., слѣдственно 22-го мая с. ст.), передовой отрядъ появился въ виду польскаго лагеря : онъ состоялъ большею частью изъ татаръ. Они не показывали никакого враждебнаго вида, какъ вдругъ поляки, по приказанію Калиновскаго, привѣтствовали ихъ залпомъ. Татары и казаки обращаются въ бѣгство.

— Они бѣгутъ, закричалъ Калиновскій : — бейте невѣрныхъ! Сегодня суббота, день Божіей Матери! Впередъ !

Конница понеслась изъ обоза, и тысяча голосовъ огласили воздухъ именемъ Божіей Матери.

Союзники бѣгутъ все далѣе-и-далѣе, нарочно, чтобъ раздвоить войско ; поляки ихъ преслѣдуютъ, какъ

вдругъ позади ихъ поднялась пыль: летитъ съ малымъ отрядомъ ротмистръ Зелинскій.

— Назадъ! назадъ! кричитъ онъ: — казаки въ тылу обоза! Казаки нападаютъ на обозъ!

Конница стремительно поворотила назадъ, растерянная и испуганная внезапностью, а бѣгущіе, въ свою очередь, обратились вслѣдъ за ними, пуская стрѣлы и пули. Поляки добѣжали до обоза, союзники стали отъ поляковъ немного далѣе разстоянія пушечнаго выстрѣла.

Тимоѳей Хмельницкій напалъ на поставленный вдали отъ войска отрядъ и почти совершенно истребилъ его. Оставшіеся прибѣжали безъ памяти въ обозъ и извѣщали, что казаки чрезъ нѣсколько часовъ явятся за ними; отъ страха увѣряли они, что у непріятеля тысячъ сто.

Наступила короткая лѣтняя ночь. Смятеніе и паническій страхъ распространились въ конницѣ. Поляки столпились и начали разсуждать о своемъ положеніи.

— Гетманъ губитъ войско, кричали они: — черезъ него мы всѣ должны погибать! Зачѣмъ онъ завелъ насъ сюда? Зачѣмъ не послушался умныхъ людей, которые совѣтовали ему отступить? Зачѣмъ онъ не узналъ настоящимъ образомъ о силахъ непріятеля? развѣ для генерала существуетъ слово: «не ожидалъ?»

Ропотъ и неудовольствіе скоро перешли въ явное возмущеніе.

— Безумецъ! сумасбродъ! кричала толпа: — его не научилъ татарскій плѣнъ! Ему опять хочется въ Крымъ. Такъ пусть же идетъ самъ, когда ему нравится: отдадимъ его татарамъ!

— Отдать его, отдать! кричали голоса: — этимъ мы спасемъ себя! Зачѣмъ пропадать всѣмъ чрезъ одного глупца?

— Нѣтъ, не татарамъ, кричали другіе: — отдадимъ его Хмельницкому: онъ за это пощадитъ все войско и еще наградитъ насъ.

Эти ужасныя слова пересказали Калиновскому. Онъ прибѣгаетъ къ мятежникамъ съ обыкновенною своею запальчивостью:

— Измѣнники! трусы! кричалъ онъ: — съ ума сошли вы отъ малодушія! Куда вы убѣжите? Въ рѣку топиться, что ли? Впередъ! Я приказываю! впередъ изъ обоза!

Жолнеры отвѣчали ругательствами. «Кровь Калиновскаго, пощаженная татарами, чуть-было не пролилась отъ мечей польскихъ», говоритъ современникъ. Предводитель перемѣнилъ тонъ.

— Братья! соотечественники любезные! сослуживцы мои! говорилъ онъ: — опомнитесь! Что̀ за безуміе ослѣпило васъ? Прежде сраженія вы хотите погубить меня, вождя вашего и товарища. Но знай-

те, братья, я готовъ принесть въ жертву мои сѣдины, если только кровь моя искупитъ ваше малодушіе. Я предъ вами: убивайте меня; пусть я паду, но вы побѣдите!

Эта германиковская выходка не обратила къ раскаянію воиновъ; они все-таки сыпали проклятіе на своего командира и готовились бѣжать или отдаться врагамъ. Калиновскій оставилъ ихъ и побѣжалъ къ Пршіемскому совѣтоваться.

Но, чрезъ нѣсколько времени, на разсвѣтѣ, прибѣгаетъ къ нему сынъ его, Самуилъ.

— Они бѣгутъ! извѣщаетъ онъ.

— Нѣтъ, они не побѣгутъ! закричалъ бѣшеный гетманъ. — Пушки впередъ! Пѣхота впередъ! Палите по нимъ! Бейте трусовъ. Я ихъ передѣлаю въ храбрыхъ! Лишить ихъ всякой надежды уйдти, такъ они у меня перестанутъ подличать и, по-неволѣ, пойдутъ на непріятеля, когда смерть у нихъ будетъ и спереди и сзади.

Артиллерія понеслась на бѣглецовъ; пѣхота побѣжала скорымъ маршемъ. Грянулъ залпъ, туча картечи и пуль повалила ряды поляковъ. Одни стоятъ, какъ мертвые, не въ-силахъ произнести слова, другіе бѣгутъ безъ памяти, третьи, въ бѣшенствѣ, отвѣчаютъ пулями и бросаются на нѣмцевъ. Калиновскій приказываетъ повторить залпъ; начинается междоусобное сраженіе... но вдругъ въ обозѣ пожаръ...

**

слуги, вѣроятно русскіе, можетъ-быть и поляки, желавшіе прислужиться казакамъ, зажгли сѣно въ нѣсколькихъ мѣстахъ; въ минуту загорѣлись шатры и въ то же время, изъ-за холма, съ страшнымъ крикомъ, появились казаки, которымъ дано было знать о смятеніи.

Нѣсколько минутъ казаки стояли какъ вкопанные, пораженные неожиданнымъ зрѣлищемъ. «Не хитрость «ли это?» говорили они сначала, но скоро поняли въ чемъ дѣло. Золотаренко, большой непріятель поляковъ, по выраженію польскаго лѣтописца, увидя пожаръ и междоусобіе закричалъ:

«Эй бра́тци! дыви́ться, щó ляхы́ рóблють! Не мор«ду́йтесь же, дурно сичухи́ ляхи́въ: гóлыми рука́ми «ихъ заберéмъ, въ и́хній огóнь ихъ зажене́мъ: самы́ «подóхнуть. Оттепе́ръ то бра̀тци, помсти́мося за кри́в«ду на́шу берестéцьку, спа́лымъ, згубымъ нашихъ «злóдіивъ!» Казаки стремительно бросились на враговъ съ разныхъ сторонъ.

Конница, непришедшая еще въ память отъ многихъ пуль и картечей, растерянная внезапнымъ и свирѣпымъ натискомъ казаковъ, бросилась въ-разсыпную. Но отовсюду поражали ихъ враги, и густыя толпы поляковъ, словно робкое стадо, по выраженію современника, летѣли въ Бугъ. Нѣсколько тысячъ утонуло въ одно мгновеніе. Испуганные участью товарищей, другіе бросились въ обозъ, но казаки по-

гнались за ними и вогнали въ огонь. Другіе бѣжали въ поле, въ лѣсъ, въ болото; казаки гонялись за ними, перерѣзывали дорогу, заходили съ боковъ, стрѣляли, рубили, кололи со всѣхъ сторонъ. Храбрѣйшіе, видя, что смерть неизбѣжна, столпились около гетмана и, въ-отчаяніи, рѣшились дать отпоръ непріятелю, но всеобщее смятеніе лишило ихъ возможности прійдти въ порядокъ; дымъ горящаго лагеря закрывалъ имъ глаза.

«Я не хочу болѣе жить! (кричалъ Калиновскій) «мнѣ стыдно смотрѣть на это восходящее солнце!»

Онъ бросился въ толпу непріятеля, искалъ смерти, получилъ нѣсколько ранъ, загнанный между деревьевъ: тамъ татарская стрѣла нанесла ему окончательный ударъ.

Враги отрубили мертвому гетману голову и доставили Нуреддину. Султанъ приказалъ нести ее предъ собою и торжественно показывалъ казакамъ. Подлѣ него ѣхалъ Золотаренко.

— Здóхла собáка (кричалъ онъ), тепéръ ужé не вкýсыть.

— Не доплатилъ намъ окупу (говорилъ Нуреддинъ), обѣщалъ прислать въ Крымъ и не сдержалъ слова.

— Дáйте его гóлову нáмъ (сказалъ Золотаренко): мы́ ии пошлемó до нáшого бáтька Хмельни́цкаго.

И казаки отнесли эту голову въ подарокъ своему гетману, въ доказательство своей побѣды.

Нѣмецкая пѣхота, состоявшая изъ восьми полковъ, стала въ углу, образуемомъ рѣкою Бугомъ, и рѣшилась не погибнуть безъ отпора. Начальство принялъ Марко Собѣскій, братъ Яна; мужественно отбили они нападавшихъ казаковъ.

Но вдругъ, будто сильный дождь изъ облака, или вихорь пустынный, по выраженію украинскаго лѣтописца, Карачъ-Мурза, съ четырнадцатью тысячами ногайцевъ, бросился на нихъ въ тылъ изъ-за другой стороны горы Батога. Ужасный крикъ огласилъ воздухъ. Окруженная со всѣхъ сторонъ, разрѣзываемая насквозь, пѣхота смѣшалась и, противъ воли, положила оружіе; татары и казаки рубили ее по всѣмъ направленіямъ.

Собѣскій былъ схваченъ и убитъ.

«Многаго лишилось въ немъ отечество (говоритъ современникъ), а еще болѣе родная мать, но никто не умѣетъ выразить печали, кромѣ того, кто ее чувствуетъ.»

На протяженіи нѣсколькихъ миль, казаки, въ-разсыпную, гонялись за бѣгущими воинами, поражая ихъ копьями и выстрѣлами, вытаскивали изъ болота и кустовъ и умерщвляли. Напрасно поляки бросали оружіе и молили о пощадѣ: «Нѣтъ вамъ пощады!» кричали разсвирѣпѣвшіе русскіе: «вы не щадили насъ!» Нѣкоторые удачно переплыли чрезъ Бугъ, но не избавились отъ гибели: изъ окрестныхъ селъ

и хуторовъ сбѣжались русскіе хлопы, обрадованные вѣстью освобожденія, и добивали бѣглецовъ косами и дубинами. Двадцать тысячъ поляковъ погибло въ этой несчастной битвѣ; половина изъ нихъ пала подъ картечами и пулями собственной артиллеріи и пѣхоты, и утонула въ Бугѣ, прочіе были истреблены казаками по полю.

Осталось еще пять тысячъ, большею частью пѣхоты. Они, полумертвые отъ страха и хладнокровные къ жизни отъ стыда, изнеможенные отъ ранъ, въ отчаяніи, бродили и лежали между трупами: исхода не было.

Тогда Золотаренко и какой-то старшина казацкій, Высочáнъ, приступили къ Нурредину.

— Дáйте намъ, султàне, потѝшытыся: побы́ты ляхѝвъ, щó остáлись.

— Какъ можно! возражалъ Нуреддинъ: — они намъ заплатятъ окупъ; да притомъ жалко убивать безоружныхъ.

— Они насъ не жалѣли, отвѣчали казаки: — Калиновскій разъ попался въ неволю, мы его пощадили, а онъ потомъ умерщвлялъ и мучилъ неповинныхъ людей. Кàкъ они съ нами дѣлали, такъ и мы будемъ съ ними дѣлать! Куда теперь дѣть такъ много плѣнниковъ, на походѣ въ Молдавію? Выбьемъ всѣхъ, такъ меньше будетъ войска въ Польшѣ. А

чтобъ ваша добыча не пропала, такъ мы заплатимъ вамъ за голову каждаго поляка.

Сторговались и отсчитали татарамъ требуемую сумму.

Посреди обгорѣлаго польскаго лагеря казаки устроили майданъ, загремѣла дикая запорожская музыка, полилась горѣлка, запѣли казаки пѣсни, называя себя свадебными боярами, и, среди гулянки, веселыхъ окликовъ и плясокъ, выводили поляковъ и на майданѣ рубили имъ головы приговаривая:

«Отсé вамъ за Берестéчко! Отсé вамъ за Трилисы! «Отсé за ýнію! Отсé вамъ стáціи!»

Такимъ образомъ, припоминая всѣ несправедливости и оскорбленія, какія терпѣла Украина отъ поляковъ, казаки убивали беззащитныхъ и безоруженныхъ враговъ. Пршіемскій, когда до него дошла очередь, началъ укорять Хмельницкаго въ злодѣяніи: за это Тимошъ приказалъ его казнить медленными ударами и отнимать членъ за членами.

Уже порядочный костеръ труповъ лежалъ на майданѣ и убійцы ходили по колѣна въ крови, какъ вотъ прибѣжали къ Нуреддину двое мурзъ, изъ которыхъ одинъ былъ Хамамбетъ, родственникъ князя Корецкаго, котораго онъ спряталъ тогда въ обозѣ:

— Султанъ! что ты это дѣлаешь? сказалъ онъ: — или ты хочешь обезславить на-вѣки свое имя и татарскій народъ? Такого варварства у насъ не было!

Нуреддинъ опомнился и требовалъ, чтобъ казаки прекратили рѣзню. Но казаки тотчасъ отсыпали этимъ мурзамъ червонцевъ, чтобъ они не мѣшались, и пригласили ногайцевъ, необузданный и своевольный народъ, перебить поляковъ поскорѣе. Мурзы, которымъ хотѣлось-было спасти плѣнниковъ, боялись казачества и своевольныхъ нагайцевъ, и отступились отъ несчастныхъ. Ногайцы бросились вмѣстѣ съ казаками и начали истреблять поспѣшно поляковъ, чтобъ не дать времени возбудить новое состраданіе. Умирающіе громкимъ голосомъ кричали: «Jesus!» но казаки припоминали опозоренныя свои церкви, голодныхъ братьевъ подъ Берестечкомъ, истребленныя мѣстечки, замученныхъ русскихъ женъ и дѣтей, и мстили врагамъ безъ состраданія. Толпа замѣтила, что татары спрятали у себя много поляковъ; казаки искали ихъ въ обозѣ, вытаскивали несчастныхъ изъ-подъ повозокъ.

— На чо́ртъ вамъ и́хъ? говорилъ Тимошъ:—лышня вага̀ буде; оддáйте ихъ, лéгше буде въ Волощину йти́!

Нѣкоторые поляки избавились отъ смерти тѣмъ, что одѣвались въ женское платье и садились въ арбы вмѣстѣ съ татарками; другимъ татары вымазывали порохомъ лицо, третьи прятались по шею въ тинѣ... Немногіе успѣли перейти Бугъ, но и тѣ погибли отъ хлоповъ. Въ числѣ послѣднихъ былъ Самуилъ, сынъ

Калиновскаго; въ деревнѣ Бубновкѣ обломился подъ нимъ мостъ, прискочили мужики и не дали ему выкарабкаться изъ воды. Разказываютъ, что молодая жена этого пана, не дождавшись своего мужа изъ-подъ Батога и не сомнѣваясь, что онъ не былъ счастливѣе цѣлаго войска, отъ горести ничего не ѣла и не пила, и думала уморить себя. Лекаря́ уговорили окружавшихъ увѣрить ее, что Самуилъ живъ и находится въ татарской неволѣ. Бѣдная вдова продавала свои драгоцѣнности и раздавала на выкупъ супруга, а добрые люди нарочно поддерживали въ ней пустую надежду, чтобъ попользоваться ея богатствомъ.

Старый Хмельницкій, получивъ въ подарокъ отъ сына голову Калиновскаго, отправилъ извѣстіе брату его, вмѣстѣ съ Потоцкимъ стоявшему съ войскомъ за Днѣпромъ, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ знакъ поруганія, послалъ ему остриженнаго коня въ веревкою вокругъ шеи, свитою изъ гривы и хвоста. Подождавъ, пока казаки безъ него окончатъ пораженіе войска, Хмельницкій, на третій день сраженія, явился въ обозъ, показывалъ видъ неудовольстія, гнѣвался на сына и на казаковъ за кровопролитіе, обласкалъ тридцать поляковъ, которыхъ еще не успѣли зарѣзать каззки, увѣрялъ ихъ, что вся эта бойня сдѣлана своевольными противъ его желанія, и, въ доказательство своей невинности, приказалъ отъискать

трупъ Калиновскаго: въ карманѣ его одежды нашли предостерегательную записку Хмельницкаго. Онъ одарилъ шляхтичей и позволилъ имъ свободно отправиться въ Польшу. Разспросивши татаръ, гетманъ узналъ, что они спасли отъ разъяренной толпы еще двѣсти пятьдесятъ-шесть человѣкъ; онъ благодарилъ ихъ за это человѣколюбіе, выкупилъ плѣнниковъ, отправилъ ихъ въ Чигиринъ, приказывалъ казакамъ обращаться съ ними съ почтеніемъ и обѣщалъ немедленно выкупить, коль скоро получитъ заплаченныя за нихъ деньги. Какъ побѣдитель, онъ взялъ себѣ всю артиллерію изъ пятидесяти-семи орудій, а прочее предоставилъ союзникамъ; но татары были этимъ очень-недовольны, потому-что не взяли ничего; весь лагерь сдѣлался добычею пламени ([1]).

Хмельницкій надѣялся тогда, что господарь, узнавъ о побѣдѣ его, согласится на бракъ, и потому не пустилъ болѣе татаръ въ Молдавію. Задержавъ своего сына при себѣ, онъ написалъ Липулѣ письмо, въ которомъ, по сказанію современника, выражался такъ:

([1]) «Histor. ab. exc. Wład. IV.» 103—104. — «Woyna dom.» Ч. 3, 69—74. — «Annal. Polon. Clim.» I, 321—330. — «Histor. belli. cosac. polon.» 218—221. — «Лѣтоп. Велички.» I, 106—114. — «Кратк. истор. о бунт. Хмельниц.» 42. — «Кратк. истор. опис. о каз. мал. нар.» 66. — «Latop. Jerl.» 136—138. — «Histor. Jan. Kaz.» I, 144—150.

«Не изволь, вельможный господарь, пренебрегать «союзомъ со мною и отказывать въ своей дочери. «Самъ услышишь, какое незагладимое пораженіе на-«несъ я ляхамъ и убилъ въ нихъ воинственный духъ «такъ, что они теперь не осмѣлятся воевать и не «только примутъ такой миръ, какой я самъ дамъ «имъ, но униженно будутъ испрашивать зборовскаго «договора, столько разъ ими нарушеннаго. Не хва-«лись своимъ происхожденіемъ и предками: боль-«ше чести сдѣлаться великимъ своимъ искусствомъ, «чѣмъ быть обязаннымъ величіемъ только рожденію и «титуламъ. Притомъ, если ты не согласишься по «доброй волѣ, то исполнишь мое желаніе по-не-«волѣ.»

Война была начата и Хмельницкій хотѣлъ воспользоваться временемъ, пока не собралось польское войско, чтобъ отнять снова Подоль, и потому тотчасъ изъ-подъ Ладыжина вступилъ съ войсками въ подольскую землю и заналъ Винницу. Въ то же время, показывая видъ, будто не имѣетъ никакого намѣренія дѣлать Польшѣ вредъ, онъ послалъ къ королю письмо и оправдывалъ себя за разбитіе войска.

«Сынъ мой (писалъ онъ) шелъ на свадьбу, какъ «вдругъ Калиновскій остановилъ его на дорогѣ, въ «противность правамъ мира, когда и Богъ не отни-«маетъ земли и воды ни у добрыхъ, ни у злыхъ. Я

«предостерегалъ гетмана и совѣтовалъ уступить съ «дороги. Простите, ваше величество, моихъ казаковъ, «если они, какъ веселымъ людямъ свойственно, про-«стерли слишкомъ далеко свою шалость.»

Чтобъ не допустить народъ до волненія, гетманъ послалъ по сосѣднимъ городамъ Украины и Подоліи универсалъ, въ которомъ описывалъ, какъ случилось пораженіе Калиновскаго и выражался такъ:

«Исполняя данный мною обѣтъ Речи–Посполитой, «я предостерегалъ свирѣпаго Калиновскаго, но онъ «посмѣялся моимъ убѣжденіямъ, и завязалъ сраже-«ніе, которое, при Божіей помощи, окончилось со-«вершеннымъ пораженіемъ поляковъ, какъ обыкно-«венно бываетъ съ грабителями и разбойниками, на-«падающими скрытно на путешественниковъ въ до-«рогѣ» (²).

Хмельницкій, въ–заключеніе приказывалъ народу не поднимать мятежа, но быть готовымъ на случай нападенія со стороны поляковъ (³).

Татары требовали, чтобъ Хмельницкій позволилъ имъ ворваться въ Польшу загонами; казаки также совѣтовали идти на Львовъ, но Хмельницкій не хотѣлъ опустошать русской земли, уже и безъ того слишкомъ пострадавшей; а чтобъ отвлечь ихъ отъ

(²) «Истор. о през. бр.»
(³) «Histor. ad exc. Wład. IV.» 83.

этого предпріятія, обѣщалъ имъ добычу въ Каменцѣ и рѣшился обратить всѣ силы на эту важную крѣпость. Еслибъ она была завоевана, онъ былъ бы увѣренъ, что Подоль остается въ рукахъ его. Онъ полагалъ, что свѣжій страхъ батогскаго пораженія не дастъ полякамъ скоро опомниться и заставитъ ихъ отдать крѣпость, потому и написалъ къ жителямъ Каменца и къ гарнизону крѣпости ласковое письмо, въ которомъ просилъ впустить въ крѣпость сына его, Тимоѳея, съ цѣлью отъискать тамъ личныхъ враговъ своихъ, будто-бы ушедшихъ отъ пораженія.

17-го іюня, городъ Каменецъ послалъ къ Хмельницкому отвѣтъ, въ которомъ гетмана казацкаго сравнивали съ безбожнымъ Никаноромъ, бичомъ іудеевъ. Хмельницкій двинулся на Каменецъ, но долженъ былъ оставить свое намѣреніе: изъ Украины пришли угрожавшіе слухи о вторженіи польскаго войска; говорили даже, будто король вступаетъ въ русскую землю и хочетъ огнемъ и мечемъ принудить ее къ повиновенію. Сверхъ того, Тимоѳей просилъ отца отпустить его въ Молдавію. «Влюбленнаго юношу (говоритъ польскій историкъ) больше занимала мысль о бракѣ, чѣмъ о взятіи крѣпости; нетерпѣніе терзало его, когда онъ былъ столь близокъ отъ Волощины, гдѣ находилась его возлюбленная, когда онъ дышалъ съ нею однимъ воздухомъ и мѣ-

нялся частыми вздохами ([4]). Хмельницкій отошелъ въ Украину.»

Войско, испугавшее казаковъ, находилось дѣйствительно позади ихъ, но совсѣмъ по другому побужденію, какъ они предполагали. Братъ Калиновскаго не зналъ еще о погибели войска и хотѣлъ поспѣшить на помощь, а между-тѣмъ, желая выместить обиды на русскомъ народѣ, позволялъ подчиненнымъ дѣлать на пути всякія притѣсненія и злодѣянія, но войско не успѣло еще перейти на правый берегъ, какъ вдругъ разнеслась громовая вѣсть ([5]), и самъ Калиновскій получилъ отъ Хмельницкаго въ подарокъ коня съ остриженною гривою, въ знакъ презрѣнія ([6]). Предводители, чтобъ спасти жолнеровъ отъ мести народа, бросились съ войскомъ, котораго было четыре полка ([7]), за Десну, для-того, чтобъ соединиться съ литовцами, но толпы вооруженнаго народа осыпали жолнеровъ со всѣхъ сторонъ; тогда войско стремительно поворотило влѣво, побросало весь багажъ и, спасая единственно жизнь, переправилось чрезъ Днѣпръ — пѣхота на лодкахъ и просто на бревнахъ, а конница вплавь, и, какъ птицы,

---

([4]) «Histor. ab. exc. Wład. IV.» 170.
([5]) «Лѣтоп. самов.» 20.
([6]) «Истор. о през. бр.»
([7]) «Latop. Jerl.» 139.

говоритъ лѣтописецъ [8], полетѣло до Паволочи, а оттуда поскорѣе поспѣшило убраться на Волынь [9]. Однако это бѣгство стоило полякамъ не только имуществъ: нѣкоторые отряды достались на жертву русскимъ. Предводитель одного изъ такихъ отрядовъ, Домарацкій, со многими панами стоявшій въ Прилукахъ, не успѣлъ убѣжать въ Польшу и, думая прорваться, какъ видно, въ Литву, бросился къ Конотопу, но казаки не дали имъ далеко уйти: они догнали ихъ у села Подлиннаго и, по приказанію прилуцкаго полковника, Сомка [10], отрубили имъ головы [11].

Литовское войско также поспѣшило уйти изъ Сѣверіи, съ такою же опасностью и потерями, какъ и коронное. Въ Стародубѣ и Мглинѣ многіе литовцы заплатили жизнью за право собирать стаціи и насиловать женщинъ [12].

Ненависть простаго народа обратилась снова на владѣльцевъ. Въ Кіевѣ въ то время проживало множество шляхтичей, боявшихся жить въ своихъ домахъ. Какъ только разнеслась вѣсть въ городѣ о ба-

---

(8) «Annal. Polon. Clim.» I, 334.

(9) «Истор. о през. бр.»

(10) Прежній прилуцкій полковникъ, Тимофей Носачъ, получилъ чинъ войсковаго обознаго.

(11) «Лѣтоп. Велички.» I, 119.

(12) «Лѣтоп. самов.» 21.

тогскомъ пораженіи, они разбѣгались въ такомъ страхѣ, что покидали на дорогѣ возы съ припасами и одеждою и сожигали свои вещи, о чемъ очень сожалѣли, когда пришли въ память. Надъ тѣми, которые не успѣли убѣжать, повторялись сцены прежнихъ годовъ; доставалось не только виновнымъ, но и невиннымъ; не уважалась ни добродѣтель, ни кротость. Благочестивые люди старались всячески вразумить необузданный народъ, и одинъ современный историкъ передалъ любопытное событіе, которое считалось въ Украинѣ за явленіе правосудія Божія. «Былъ (говоритъ очевидецъ) въ Конотопѣ староста Сосновскій, человѣкъ почтенный и благочестивый. Пятеро дѣтей его возрастали въ правилахъ чистоты и кротости. Даже въ кровавую эпоху 1648 года, когда разъяренные жители предавали смерти всякаго, кто только казался имъ панскаго рода, даже и тогда Сосновскій не убѣжалъ, подобно другимъ, и не покинулъ своего имѣнія. Свирѣпое гайдамацство, нещадившее младенцевъ, неуважавшее ни святыни алтарей, ни тишины могилъ, пощадило Сосновскаго; онъ пережилъ страшные четыре года въ Украинѣ, любимый русскими. Но, въ день Пятидесятницы, 1652 года, пьяная вольница ворвалась въ замокъ, вытащила семейство, замучила его дѣтей и жену, а потомъ умертвила его самого. Спаслись только трое особъ изъ его семейства. Тѣла убитыхъ бросили въ

колодецъ, глубиною до десяти саженъ. Въ день Воздвиженія Честнаго Креста, вода вдругъ поднялась до самой оконечности сруба, выбросила тѣла, совершенно невредимыя, и снова возвратилась въ свое мѣсто. Народъ со страхомъ смотрѣлъ на это чудо (какъ называетъ его лѣтописецъ) и раскаявался въ злодѣяніи. Тѣла мучениковъ похоронены съ честью всѣ въ одной могилѣ, близь колодца, и надолго осталась объ этомъ память во всей Украинѣ» ([13]).

Гетманъ, прибывъ въ Украину, очень радовался, что войско выступило изъ нея, но вовсе не показывалъ съ своей стороны поощренія убивать и изгонять шляхтичей; напротивъ, онъ негодовалъ за мятежъ и казнилъ виновныхъ.

«Если я приказывалъ товариществу казацкому «быть на-готовѣ вооруженнымъ, на коняхъ съ запа«сомъ живности, это сдѣлано было только на случай «вторженія ляховъ (писалъ онъ къ одному изъ пол«ковниковъ лѣвой стороны). Но это не значитъ то, «что́ на меня выдумываютъ, будто я, гетманъ, при«казывалъ умерщвлять шляхту и урядниковъ въ «Украинѣ и Сѣверщинѣ; напротивъ, я всегда и преж«де приказывалъ, и теперь приказываю не причи«нять ни малѣйшаго оскорбленія панамъ, или изъяна «ихъ имуществамъ. *Нехай кожный зь свого ти-*

([13]) «Лѣтоп. самов.» 20.

«*шиться, нехай кожный свого глядыть:* казакъ «своихъ вольностей, а тѣ, которые не приняты въ «списокъ, должны служить панамъ и платить имъ «десятую копу за то, что взорали панскіе ланы и «сѣяли на нихъ хлѣбъ. А того, что̀ они дѣлаютъ, «не годится теперь дѣлать, и непослушный будетъ «наказанъ военнымъ судомъ» ([14]).

Гетманъ отдѣлялъ интересы собственно казацкаго сословія отъ интересовъ посполитыхъ. Казаки, пользуясь своими вольностями, долженствовали образовать новое свободное сословіе наравнѣ съ шляхтою, а панскіе люди опять должны были служить панамъ. Сословіе послѣднихъ увеличивалось, потому къ нему принадлежали уже и казацкіе чиновники, имѣвшіе ранговыя помѣстья. Состояніе посполитыхъ, правда, дѣлалось безъ сравненія легче, чѣмъ прежде, подъ покровомъ гетмана, но тѣмъ не менѣе посполитые были недовольны и этимъ; они хотѣли быть совершенно-свободными земледѣльцами, равными по правамъ казачеству. Такимъ образомъ, съ самаго зборовскаго мира, возникла сильная вражда между казаками и посполъствомъ — важнѣйшая причина неустройствъ въ Украинѣ. Гетманъ неудачно попробовалъ успокоить ее просьбою на сеймъ, въ 1650 году, произведшею вторую войну, и не успѣлъ. Но

([14]) Собствен. универ. Хмельниц. (рукоп.)

ни гетманъ, ни вѣкъ его не были въ-состояніи разрѣшить этого узла.

Господарь, получивъ извѣстіе о пораженіи Калиновскаго, увидѣлъ, что у него нѣтъ болѣе надежды противостоять Хмельницкому. Но онъ не хотѣлъ слишкомъ-внезапно сдѣлаться изъ союзника врагомъ Речи-Посполитой и написалъ королю, что не хочетъ отдать дочери своей за Тимоша; но, лишившись помощи, оставленъ теперь на произволъ неумолимому Хмельницкому, который, какъ думали тогда, домогался руки Домны для своего сына только для того, чтобъ низвергнуть Липулу и возвести на господарскій престолъ его зятя. Молдавскіе бояре требовали усильно, чтобъ онъ согласился немедля на предложеніе гетмана казацкаго.

«Неужели изъ угожденія полякамъ, говорили «они : — которые только обольщаютъ насъ словами, «а въ бѣдѣ покидаютъ, неужели мы для нихъ должны опять терять свои имущества и, забѣжавъ въ «лѣса, смотрѣть оттуда на пылающіе города и за́мки »наши ? Если ты, господарь, еще долѣе будешь «похлѣбствовать полякамъ и наведешь на Молдавію «казацкіе полки и дикія татарскія орды, то можетъ «произойти бунтъ и отдадутъ престолъ Хмельниц«кому» ([15]).

([15]) «Истор. о през. бр.»

Липула могъ всего надѣяться отъ подданныхъ. Много накопилъ онъ серебра и золота; чрезъ то нѣкоторыя фамиліи обѣднѣли; нѣкоторые бояре были находимы мертвыми на постелѣ: подозрѣніе падало на господаря; притомъ племянникъ его ([16]), развратный и своевольный, съ толпою молодёжи дѣлалъ въ Яссахъ безчинства и позорилъ боярскихъ женъ и дочерей. Липула спѣшилъ избавиться отъ опасностей и написалъ къ гетману, что онъ всегда считалъ честью породниться съ его родомъ, что ему мѣшали поляки, а теперь онъ радуется, что уже нѣтъ болѣе препятствія. Онъ просилъ Тимоша на свадьбу, но умолялъ не водить съ собою татаръ.

«Беллона, богиня войны, не ходитъ въ дружкахъ «(писалъ онъ), сладость любви отравляется войною. «Неприлично тебѣ являться на свадебное торжество «съ такимъ множествомъ невѣжливыхъ кавалеровъ. «Отпусти татаръ, оставь безпокойныя казацкія шайки «въ Украинѣ, уговори отца не приближаться съ вой«скомъ къ Молдавіи и пріѣзжай съ Богомъ въ сопро«вожденіи домашней свиты» ([17]).

Хмельницкій потребовалъ заложникомъ безопасности сына, племянника Липулы, который и пріѣхалъ въ Чигиринъ. Тогда Тимошъ, ввѣренный отцомъ по-

---

([16]) «Ист. Малор. Марк.» I, 315.
([17]) «Annal. Polon. Clim.» I, 348.

печенію Выговскаго, отправился на давно-желанный бракъ съ значительнымъ отрядомъ. Въ Ямполѣ, по обычаю того времени, встрѣтилъ его повѣренный отъ невѣсты, переодѣтый и безъ всякой пышности. Онъ долженъ былъ привѣтствовать жениха отъ ея имени. На другой день молодой Хмельницкій перешелъ украинскую границу и въ первомъ молдавскомъ городѣ, Сорокѣ, встрѣтилъ его двоюродный братъ Липулы съ четырьмя тысячами почетной стражи: это былъ обрядъ гостепріимства; они провожали его съ почестями до столицы ([18]).

Домна предпочла Вишневецкому молодца съ черными усами, съ грубымъ мужественнымъ лицомъ и отрывистою казацкою рѣчью. Тимошъ не имѣлъ тѣхъ качествъ свѣтскаго аристократа, которыми могъ похвастать его соперникъ; воспитанный среди грубой казацкой ватаги, Тимошъ не зналъ гостиннаго обращенія, за то никто лучше его не умѣлъ рубиться саблею, никто такъ метко не попадалъ въ цѣль изъ ружья и изъ лука; всѣ изумлялись, когда онъ садился на степнаго татарскаго коня и, какъ молнія, вертѣлся на всемъ скаку ([19]). Тимошъ обладалъ выраженіемъ мужества и воинственной силы, а

([18]) «Histor. ab exc. Wład. IV.» 107.

([19]) «Истор. Мал. Марк.» I, стр. 317. — Изъ архид. Павла.

это въ тотъ вѣкъ плѣняло женщинъ больше комплиментовъ и лести. Онъ нравился также и матери Домны. Желая угодить Хмельницкому, тёща приготовляла свадебное пиршество по украинскому обычаю, а невѣста, въ вечеръ расплетанія косы, приказала себѣ пѣть казацкія думы ([20]).

Когда женихъ подъѣхалъ къ Яссамъ, уже многочисленная толпа народа ожидала его у воротъ города; вышелъ навстрѣчу гофмаршалъ, а за нимъ Липула съ знатнѣйшими боярами. Тимошъ соскочилъ съ коня, припалъ къ ногамъ тестя и обнялъ его колѣни, а господарь поднялъ и поцаловалъ въ голову нареченнаго зятя. «Господарь (говоритъ лѣтописецъ) ([21]) сказалъ ему тогда какой-то комплиментъ, но дурень Тимошка не умѣлъ отвѣчать на него и стоялъ какъ столбъ, поглядывая на Выговскаго, за-то писарь не проронилъ слова и разсыпался въ изъявленіяхъ любви. Потомъ господарь сѣлъ на коня и поѣхалъ позади Тимоша. Толпа повалила за ними съ восклицаніями и, при звонѣ колоколовъ, звукѣ бубенъ, трубъ, барабановъ, гости въѣхали въ дворецъ. 31 августа совершилось бракосочетаніе. Свадебное торжество представляло смѣшеніе украинскихъ обы-

---

([20]) «Woyna dom.» Ч. 2, 77. — «Истор. о през. бр.» — «Pamiętn. o wojn. kaz. za Chm.» 111.

([21]) «Pamiętn. o wojn. kaz. za Chm.» 110.

чаевъ съ молдавскими; казаки играли роль бояръ украинской свадьбы, а молдавскія боярышни были одѣты дружками; весь дворецъ былъ усыпанъ розмаринами; множество знатныхъ и простыхъ пировали на великолѣпномъ обѣдѣ при звукахъ невыносимой, по замѣчанію современника, сербской и турецкой музыки. Наконецъ, 7 сентября, Липула проводилъ зятя съ дочерью въ Украину» ([22]).

Во время бракосочетанія сына, Хмельницкій пошелъ за нимъ съ войскомъ и снова обратился на Каменецъ, на который, по замѣчанію поляковъ, у него былъ большой апетитъ. «Поддайтесь (писалъ «онъ), я нанесъ полякамъ пораженіе хуже корсун«скаго. Польша въ такомъ положеніи, въ какомъ еще «никогда не была. У меня войска много; поддайтесь «и не раздражайте меня: я обѣщаю вамъ милость и «покровительство.»

«Знаемъ, что Польша въ несчастномъ положеніи, «и что у тебя войска много (отвѣчали ему), но земля «польская и жены польскія еще не перестали рож«дать. Каменецъ надѣется на милосердіе Божіе: Богъ «всегда справедливъ и милосердъ, а военное счастіе «случайно и измѣнчиво.»

([22]) «Wojna dom.» Ч. 2, 77. — «Лѣтоп. Велич.» I, 118. — «Pamiętn. o wojn. kaz. za Chm.» 110. — «Histor. ab. exc. Wład. IV.» 121.

Хмельницкій осадилъ городъ и готовился взять его штурмомъ, но въ войскѣ распространилась моровая болѣзнь; татары требовали, чтобъ имъ позволили грабить города и села, и подняли такой ропотъ, что предводитель могъ опасаться междоусобной войны съ казаками ([23]). Онъ въ другой разъ отступилъ отъ Каменца, «и тогда (говоритъ польскій историкъ) «онъ сдѣлалъ престранный поступокъ: не въ силахъ «будучи укротить своевольство татаръ, онъ позво«лилъ имъ пуститься загонами по Украинѣ и въ то «же время распустилъ по сосѣдству универсалы, «которыми возбуждалъ казаковъ и народъ на этихъ «союзниковъ» ([24]).

Столь же оригинально казалось и то, что Хмельницкій, въ одно и то же время, два раза просилъ у короля и Речи Посполитой прощенія и два раза штурмовалъ крѣпость Речи-Посполитой. На первое письмо, которое Хмельницкій послалъ къ королю, когда первый разъ думалъ взять Каменецъ, не было отвѣта. Сенаторы не могли подумать ничего, кромѣ того, что Хмельницкій ругается надъ безсиліемъ Польши. Батогское пораженіе, бѣгство жолнеровъ изъ Украины, новое изгнаніе шляхты произвели сначала паническій страхъ во всемъ королевствѣ.

([23]) «Annal. Polon. Clim.» I, 351.
([24]) «Histor. ab. exc. Wlad. IV.» 107.

«Поляки (говоритъ русскій лѣтописецъ) ([25]) ожидали появленія несмѣтной арміи подъ Варшавой и собрались бѣжать въ Данцигъ и Пруссію: они бы убѣжали за море (прибавляетъ лѣтописецъ), еслибъ умѣли плавать по морю. Между-тѣмъ, дворяне русскаго воеводства страшились, чтобъ казаки не взбунтовали единовѣрныхъ хлоповъ, собирали отряды, укрѣпляли мѣстечки. Король въ такихъ обстоятельствахъ назначилъ чрезвычайный сеймъ, и, 12 іюня, оповѣстилъ въ универсалѣ, что Польша снова находится въ опасности и требуетъ безотлагательнаго принятія мѣръ къ своему сохраненію» ([26]).

Много перемѣнъ надобно было сдѣлать на этомъ сеймѣ; много знатныхъ пановъ погибло подъ Батогомъ или умерло въ короткое время. Мѣсто Калиновскаго занялъ Потоцкій, одинъ изъ сыновей стараго Николая; въ обозные, на мѣсто сына Калиновскаго, назначенъ Чарнецкій, вмѣсто Пршіемскаго — Сапѣга; въ русской землѣ явились новые воеводы: Ляндскоронскій получилъ воеводство русское; черниговское отдано было Тышкевичу, сыну стараго Яна. День батогской битвы открылъ не одному пану дорогу къ почестямъ и богатствамъ; староства убитыхъ на сраженіи розданы панамъ, убѣжавшимъ

([25]) «Истор. о през. бр.»
([26]) «Памятн. кіевск. комм.» II, 3, 19.

изъ–за Днѣпра, въ награду за долгое терпѣніе отъ буйнаго народа.

Предлагали собрать посполитое рушенье, но депутаты не могли согласиться на это; прошедшій годъ побѣда надъ казаками слишкомъ–дорого стоила хозяевамъ, и притомъ польскіе хлопы, пользуясь выходомъ помѣщиковъ, начали–было подражать украинскимъ. Сеймъ далъ согласіе на посполитое рушенье только въ крайнемъ случаѣ, а до того времени рѣшилъ довольствоваться вербунками; положили собрать въ воеводствахъ пятьдесять тысячъ новаго войска, и назначили пóдать для содержанія такого числа воиновъ. Благородное юношество краковской академіи вызвалось добровольно идти подъ военныя знамена, «въ доказательство (говоритъ лѣтописецъ), что это заведеніе не только просвѣщаетъ поляковъ науками, но способствуетъ и къ сохраненію отечества» (27).

Хмельницкій, услышавъ о сборѣ сейма и зная, что дѣло касается его, послалъ снова депутатовъ въ Варшаву, препоручилъ имъ оправдать его и цѣлое казацство. Казацкій предводитель написалъ нѣсколько писемъ панамъ Речи–Посполитой, избиралъ ихъ ходатаями. Одно изъ такихъ писемъ къ мазовецкому воеводѣ мы приведемъ для образчика:

---

(27) «Annal. Polon. Clim.» I, 353—354.

«Калиновскій погибъ (писалъ онъ), но не отъ «моего сына, потому-что гетманъ напалъ на него «безъ всякой причины. Не долженъ ли былъ сынъ «мой защищаться противъ произвола свирѣпаго ти-«рана? Та война справедлива и богоугодна, когда «берутъ оружіе въ защиту себя, когда не остается «никакого средства, кромѣ оружія! Во все продол-«женіе своей воинской власти, Калиновскій посту-«палъ съ казаками безчеловѣчно; не вспоминая того, «что́ дѣлалось давно, нельзя умолчать о недавнемъ. «Въ несчастное время онъ напалъ на Украину, гра-«билъ, предалъ страну крайнему разоренію. Кучами «тѣлъ человѣческихъ покрылъ онъ поля берестеч-«скія, наполнилъ трупами болота, степи, лѣса, за-«прещалъ хоронить мертвыхъ, отдавая на съѣденіе «звѣрямъ. Подъ Бѣлою-Церковью онъ не хотѣлъ мира «и требовалъ совершеннаго истребленія всѣхъ каза-«ковъ. Всю прошлую зиму онъ тиранилъ самымъ «ужаснымъ образомъ простой народъ, и собственная «моя жизнь была несвободна отъ его предательскихъ «козней. Неумолимый, необузданный, онъ не только «терзалъ людей, но простиралъ святотатственныя «руки и на храмы Божіи; колокола, которые народъ «употреблялъ для молитвы, онъ переливалъ на ору-«дія; онъ похищалъ все, что́ только пожелалъ. Сынъ «мой шелъ въ Волощину жениться, а онъ, изъ за-«висти, преградилъ ему путь и вѣрно бы лишилъ

«жизни, еслибъ удалось. Но судьба определила иначе; свадебные факелы, приготовленные для брачной ночи, осветили убійство и задушили его своимъ дымомъ. Правда, сынъ мой поступилъ легкомысленно; но если Речь-Посполитая проститъ его, изъ уваженія къ молодости, то онъ загладитъ свой проступокъ; если же будутъ ему угрожать, то надобно опасаться, чтобъ и онъ не сталъ себѣ искать въ другомъ мѣстѣ обороны. Самъ непріятель долженъ сознаться, что Калиновскій не имѣлъ или разсудка, затрогивая невинныхъ, или счастья, не одолѣвъ вооруженныхъ» ([28]).

Многіе были того мнѣнія, чтобъ не отвѣчать казакамъ.

«Хмельницкій, (говорили они) столько разъ нарушая присягу, сдѣлался до того недостойнымъ всякаго довѣрія королевскаго, что еслибъ онъ приносилъ жертвы предъ алтаремъ и, преклоняя колѣни, клялся именемъ Бога живаго, то и тогда нельзя полагаться на него» ([29]).

Но обстоятельства для поляковъ были до крайности угрожавщія: шведскій король хотѣлъ воспользоваться состояніемъ Польши и напасть на нее войною; царь московскій снова присылалъ требовать

([28]) «Annal. Polon. Clim.» I, 331.
([29]) «Wojna dom.» Ч, 3, 79.

возмездія за пропуски въ титулахъ. Въ это время, нѣкоторые изъ благомыслящихъ членовъ Речи-Посполитой возвысили голосъ, доказывая, что не одно своевольство казаковъ и черни причиною бунтовъ.

«Мы обвиняемъ враговъ своихъ, а на себя не «оглянемся (говорили эти сыны отечества). Чтó такое «наша Польша? Адъ подданныхъ, осужденныхъ на «вѣчную работу владѣльцамъ; дворяне, вмѣсто награ«ды, за труды платятъ имъ безчеловѣчнымъ обраще«ніемъ, берутъ податки съ участковъ земли, съ сохи, «съ дыма, съ каждой головы, и наконецъ выдумываютъ «такіе поборы, какіе только могутъ взойти на умъ. «Этого мало. Чтó остается бѣдному человѣку, послѣ «панскихъ поборовъ, для прокормленія съ женою и «дѣтьми, то заберетъ у него жолнеръ: найдетъ хо«ругвей десять въ одно село; всѣхъ надобно поить, «кормить, каждому дай, а кто не захочетъ или, луч«ше сказать, не можетъ, у того повернутъ все кверху «дномъ; придутъ еще слуги, возницы и до того обе«рутъ несчастнаго поселянина, что у него ни крохи «не останется! Отъ этого хлопы разбѣгаются, бун«туютъ, города и мѣстечки пустѣютъ, поля остаются «незасѣянными, прекращаются ремесла, останавли«вается торговля, и самые владѣльцы теряютъ свои «доходы, и въ казнѣ вѣчныя недоимки. Жолнеръ, «который приходитъ защищать жителей отъ непрія-

«телей, поступаетъ съ ними хуже, чѣмъ непрія-«тель» ([30]).

Всѣ эти обстоятельства заставили позвать на сеймъ казацкихъ депутатовъ. Они явились съ покорнымъ видомъ, но вмѣстѣ какъ невинные, желающіе оправдать себя отъ клеветы. Со слезами божились они всѣми святыми, что Хмельницкій не зналъ о батогскомъ пораженіи и, въ доказательство, ссылались на письмо его, которымъ онъ предостерегалъ Калиновскаго.

— И вы еще плачете, говорилъ имъ съ жаромъ канцлеръ: — когда, между-тѣмъ, замышляете новыя козни противъ короля и Речи-Посполитой! Кровь христіанская, невинно вами пролитая, какъ кровь праведнаго Авеля, вопіетъ къ Богу объ отомщеніи, а вы думаете притворными слезами омыть столько клятвопреступленій! О крокодилы, терзающіе человѣчество! о народъ невѣрный! накажетъ тебя Господь карою братоубійцы Каина.

Но послѣ этихъ нравоученій съ ними обращались ласковѣе; отъ имени сейма назначены были коммиссарами Зацвилиховскій и Черный, издавна знакомые Хмельницкому. Во вниманіе къ раскаянію казаковъ объявляли всеобщее прощеніе и забвеніе батогскаго

([30]) «Annal. Polon. Clim.» I, 343.

дѣла, а Хмельницкому и всему дому его обѣщаны особыя большія почести со стороны республики, если только онъ совершенно прекратитъ союзъ съ татарами и дастъ въ залогъ своего сына.

Въ сентябрѣ, Зацвилиховскій и Черный прибыли въ Чигиринъ. Не доѣзжая до резиденціи казацкаго гетмана, они были встрѣчены Тимошемъ, въ-сопровожденіи двухсотеннаго коннаго отряда. Сынъ Хмельницкаго, отъ имени отца, просилъ ихъ на хлѣбъ-соль, привѣтствовалъ какъ дорогихъ гостей. Когда они въѣхали во дворъ, старикъ Хмельницкій встрѣчалъ ихъ у крыльца съ распростертыми объятіями, называя старыми друзьями; изъявлялъ радость, что видитъ ихъ. Съ особыми знаками гостепріимства они были приглашены къ торжественному столу. Хмельницкій наполнилъ кубки виномъ, провозгласилъ здоровье его королевскаго величества и пушечные выстрѣлы сопровождали заздравные кубки. Цѣлый день Хмельницкій не говорилъ о дѣлѣ, показывалъ видъ, какъ-будто считаетъ ихъ своими частными гостями, а послы, радуясь пріему, надѣялись успѣха. Но утромъ, на другой день, когда они объявили ему, что пріѣхали отъ короля и Речи-Посполитой, Хмельницкій принялъ холодный тонъ и сказалъ:

— Я удивляюсь, господа, вашей отвагѣ, что вы, такія знатныя особы, пожаловали въ такой огонь, когда моровое повѣтріе свирѣпствуетъ повсюду. Что

за дѣло, нетерпящее отлагательства? Право, я не надѣялся васъ видѣть.

— Намъ надобно удивляться, сказалъ одинъ изъ пословъ:—слыша отъ твоей милости такой вопросъ, когда ты прислалъ къ королю просить прощенія своихъ приступленій и милосердія.

Хмельницкій вспыхнулъ, обнажилъ саблю и началъ махать у нихъ подъ носомъ, по выраженію лѣтописи:

— Милосердія! прощенія! говорилъ онъ:—за что̀? за то, что не сдѣлалъ зла королю? Въ томъ ли мое преступленіе, что, послѣ разбитія Калиновскаго, удержалъ татаръ и казаковъ, и не допустилъ ихъ до вторженія въ Польшу въ то время, когда я не только могъ васъ уничтожить, но даже прогнать за Римъ? Такъ за этимъ вы пріѣхали? Что̀ вы, въ-самомъ-дѣлѣ, представляетесь простаками? Что вы строите со мною шутки? Развѣ я не знаю, что король готовитъ на меня войско!

— На посла нечего кричать, возразилъ Черный:— посолъ какъ оселъ: несетъ то, что на него положатъ. Поступай, какъ тебѣ угодно съ нашими предложеніями, но ты долженъ помнить право народовъ, соблюдаемое повсюду.

Выговскій принялся уговаривать взбѣшеннаго гетмана и обращался то къ нему, то къ посламъ, уговаривая послѣднихъ вытерпѣть этотъ припадокъ

вспыльчивости. Наконецъ Хмельницкій успокоился и сказалъ:

— Еслибъ не тебя, панъ Зацвилиховскій, моего давняго знакомца и пріятеля прислали съ этимъ посольствомъ, то я бы иначе поступилъ. Да и панъ Черненькій третій разъ уже у меня! Хорошо! Ну, что жь у васъ за условія?

Ему подали пункты. Прочитавъ, Хмельницкій далъ такое рѣшеніе: «съ татарами я не могу разойдтись, «потому-что ляхи ищутъ моей гибели; коммиссіи нé- «чего теперь затѣвать, когда король готовится идти «на меня войною: какъ ему угодно! Желаю, чтобъ «онъ былъ предводителемъ; я готовъ встрѣтить его «тамъ и тогда, гдѣ и когда онъ захочетъ. Сына я не «пошлю въ залогъ, потому-что одинъ малъ, а другой «недавно женился: нельзя же ему оставить такъ скоро «молодой жены! Мнѣ предлагаютъ почести; но тотъ, «кого возвысила судьба, не нуждается въ нихъ. Пусть «прежде король и Речь-Посполитая подпишутъ зборовскій договоръ, тогда будетъ миръ, а безъ того не- «возможно мириться.»

Послы королевскіе уѣхали, ничего не сдѣлавъ ([31]). Между-тѣмъ, одни послы казацкіе поѣхали въ Москву

([31]) «Wojna dom.» Ч. 3, 81. — «Histor. ab. exc. Wład. IV.» 122. — «Лѣтоп. Величка.» I, 122—123. — «Истор. о през. бр.» — «Annal. Polon. Clim.» I, 354—355.

извѣстить его царское величество, что поляки не исполняютъ договоровъ, и просить царя принять Украину подъ свою крѣпкую руку ([32]); а другіе послы въ Турцію съ такими же предложеніями принять Украину въ покровительство.

Осенью, около Ковеля собралось войско и король приказалъ гетману Потоцкому выступить въ Украину. Хмельницкій не опасался этого; онъ зналъ, что въ Польшѣ въ такое скорое время не соберутъ податей, опредѣленныхъ для платы войску. Въ-самомъ-дѣлѣ, не дойдя до Украины, жолнеры начали роптать и Потоцкій принужденъ былъ распустить ихъ по окрестнымъ селеніямъ для собранія продовольствія; тогда жолнерство производило самыя ужасныя безчинства: это заставило Потоцкаго отнестись къ королю, который, сожалѣя о жителяхъ, приказалъ пріостановить походъ; между-тѣмъ, наступила зима и жолнеры разбрелись. Потоцкій надѣлалъ врагамъ смѣха своими приготовленіями.

1652 годъ оправдалъ предсказанія астрологовъ, къ которымъ тогда имѣли большую вѣру. Кромѣ батогскаго пораженія, Польша испытала почти всѣ возможныя бѣдствія. Все лѣто опустошало Польшу моровое повѣтріе; «и валялись трупы человѣческіе (говоритъ

([32]) «Истор. мал. Росс. Б. Кам.» I, 27—29.

лѣтопись) какъ снопы по полямъ; осиротѣлыя семейства скитались по лѣсамъ и ущельямъ; звѣри забѣгали изъ дебрей въ людскія жилища.» Преданіе, сохраненное современниками, говоритъ, будто носильщики, подбиравшіе тѣла зачумленныхъ, испытавъ болѣзнь и думая, что въ другой разъ она не пристанетъ, мазали мозгами изъ зараженныхъ труповъ двери домовъ, чтобъ увеличить заразу и получить себѣ выгоды, обдирая одежды умершихъ. Подобные вымыслы всегда сопровождаютъ моровыя повѣтрія. Страшные пожары опустошили многолюдные города; отъ дождей погибъ хлѣбъ въ поляхъ; рѣки выступали изъ береговъ. Вода разрушала и сносила домы, и истребляла людей. Въ одномъ мѣстѣ, по извѣстію современника, на плывшей по Вислѣ копнѣ сѣна сидѣли волкъ и коза въ совершенномъ дружелюбіи: общая опасность сдѣлала волка кроткимъ и козу безстрашною.

ГЛАВА X.

Набѣгъ Чарнецкаго на Украину. — Разоренія. — Битва подъ Монастырищемъ. — Сеймъ въ Брестъ-Литовскомъ. — Письмо Хмельницкаго къ полякамъ. — Молдавскія дѣла. — Изгнаніе Липулы. — Водвореніе Липулы Тимоѳеемъ Хмельницкимъ. — Походъ Тимоѳея въ Валахію. — Битва. — Вторичное изгнаніе Липулы. — Союзъ поляковъ съ Ракочіемъ. — Походъ Хмельницкаго. — Рада подъ Тарнополемъ. — Посольство Адамовича.— Московское посольство. — Универсалъ Хмельницкаго. — Сношенія съ Турціею, Крымомъ и Московіею. — Сочавская осада.— Смерть Тимоѳея Хмельницкаго. — Сдача Сочавы. — Походъ Хмельницкаго къ границамъ Молдавіи. — Встрѣча съ тѣломъ Тимоѳея. — Польскій лагерь подъ Жванцемъ. — Положеніе польскаго войска. — Совѣты пословъ. — Мнѣніе Любомирскаго. — Переговоры съ ханомъ. — Жванецкій договоръ. — Опустошеніе Руси татарами.

12 тысячъ войска появилось весною, 1653 года, въ Украинѣ (¹); это войско состояло изъ охотниковъ грабить и разорять. Предводительствовалъ имъ Чарнецкій, который, по смерти Іереміи, слылъ въ общемъ мнѣніи храбрѣйшимъ полководцемъ. Неутомимо было его трудолюбіе; когда онъ что-нибудь замышлялъ, то всегда первый и показывалъ примѣръ какъ дѣлать; замысловаты были его военныя хитрости, которыхъ

(¹) «Pamiętn. o wojn. kaz. za Chm.» 115.

не только враги, но и собственные подчиненные не могли проникнуть до времени; никто не могъ сравниться съ нимъ въ быстротѣ, съ какою онъ переправлялся черезъ рѣки и опасныя мѣста; никто не умѣлъ такъ держать въ повиновенiи войско; жолнеры страшились его и покорялись его желѣзной волѣ, въ которой была какъ-будто сверхъестественная сила; онъ безпрестанно утруждалъ воиновъ манёврами и ученьемъ, прiучалъ жолнеровъ къ безпокойствамъ и лишенiямъ; за малѣйшее непослушанiе казнилъ смертью, а въ награду позволялъ солдатамъ своевольничать, чтобъ прiучить ихъ не жалѣть ничего на свѣтѣ. Для него не существовало состраданiя надъ врагомъ. Корыстолюбивый, мстительный, свирѣпый, безчувственный къ слезамъ и крови, Чарнецкiй рожденъ былъ для войны; огонь былъ у него вмѣсто души человѣческой, говорили современники ([2]). Таковъ былъ полководецъ, котораго мы видѣли не разъ на второмъ планѣ и который теперь вступаетъ на свое славное поприще.

Въ началѣ 1653 года, когда еще зима была постоянна и замерзшiя рѣки и болота способствовали вездѣ удобному прямому пути для войска, Чарнецкiй вбѣжалъ въ Брацлавщину. Всѣ селенья на пути были истребляемы; мѣстечки: Самгородокъ, Прилуки,

---

([2]) «Korona polska przez Kaspra Niesieckego.» I, 349.

Липовецъ, Ягубецъ, Линцы превращены были въ груды пепла ([3]); жолнеры рѣзали жителей безъ разбора, не щадя, говоритъ современникъ, ни красивой дѣвушки, ни беременной женщины, ни невинныхъ младенцевъ на матернихъ персяхъ ([4]). Набѣги поляковъ были внезапны и искусно скрываемы отъ молвы; Чарнецкій обыкновенно разглашалъ, что идетъ въ такой-то край, и когда тамошніе жители услышатъ объ этомъ и соберутся бѣжать, онъ вдругъ оборачивался въ противоположную сторону; едва только въ какомъ-нибудь мѣстечкѣ украинцы узнаютъ объ истребленіи сосѣдняго мѣстечка, Чарнецкій появляется къ нимъ, какъ съ неба, и никто не спасется отъ губительнаго оружія. Въ мѣстачкѣ Погребыщѣ была тогда многочисленная ярмарка; вдругъ Чарнецкій неожиданно появился среди огромнаго стеченія народа; украинцы не только не могли спасти своихъ имуществъ, которыя посвозили какъ-будто нарочно для враговъ, но и своей жизни. Всѣ безъ изъятія быля перерѣзаны жолнерами съ такимъ варварствомъ, что самые современные польскіе писатели вспоминаютъ объ этомъ съ ужасомъ ([5]). Оттуда

([3]) «Крат. истор. о бунт. Хмельниц.» 45. — «Истор. о през. бр.» — «Annal. Polon. Clim.» I, 361.

([4]) «Wojna dom.» Ч. 3, 84.

([5]) «Wojna dom.» Ч. 3, 84.

войско обращалось въ разныя стороны и повсюду совершало такія же убійства и разоренія. Испуганные и ожесточенные жители довершали опустошеніе края; думая, что къ нимъ вступаетъ огромная сила польская, они сами жгли запасы и убѣгали, или запирались въ укрѣпленныхъ мѣстахъ (6). Хмельницкій услышалъ сначала, будто въ Украину вступила немногочисленная партія, (7) а потому и послалъ противъ нея Богуна съ небольшимъ отрядомъ (8) въ четыре тысячи человѣкъ. Самъ гетманъ готовился идти за нимъ вслѣдъ, занимался сборомъ войска и хотѣлъ пригласить орду (9). Удивился и испугался винницкій полковникъ, когда узналъ и увидѣлъ, что̀ надѣлалъ отрядъ Чарнецкаго. Узнавъ, что у непріятеля уже тысячъ пятнадцать войска, Богунъ не рѣшался вступать съ нимъ въ неравный бой и хотѣлъ поспѣшно удалиться, чтобъ выступить снова съ сильнѣйшимъ войскомъ. Но Чарнецкій стремительно бросился уничтожить его. Богунъ, хитрый какъ лисица, по замѣчанію современника (10), послалъ немедлен-

(6) «Annal. Polon. Clim.» I, 312.

(7) «Pamiętn. o wojn. kaz. za Chm.» 116.

(8) «Pamietn. o wojn. kaz. za Chm.» 116. — «Wojna dom.» Ч. 3, 84. — «Лѣтоп. Величка.» I, 128. — «Annal. Polon. Clim. I, 362.

(9) «Лѣтоп. Величка.» I, 129.

(10) «Annal. Polon. Clim.» I, 362.

но гонца къ Хмельницкому ([11]) съ извѣстіемъ о силахъ непріятеля, а самъ бросился въ зáмокъ Монастырище, укрѣпленный валами и рвами. Это было въ половинѣ марта. Цѣль Богуна была задержать Чарнецкаго битвою, пока Хмельницкій нагрянетъ нечаянно. Дѣйствительно, Чарнецкій осадилъ Монастырище и для того, чтобъ увеличить въ глазахъ непріятеля свои силы, одѣлъ въ военное платье слугъ и погонщиковъ, и приказалъ производить сколько возможно болѣе шуму ([12]). Казаки защищались такъ отчаянно, что польскій генералъ потерялъ пять тысячъ войска во время штурма ([13]), но тѣмъ упорнѣе хотѣлъ, во что̀ бы ни стало, уничтожить сильнаго врага и лишить Украину искуснѣйшаго полководца. Наконецъ поляки овладѣли валомъ; защищавшій его казацкій сотникъ, Дрозденко, палъ въ сѣчѣ; наконецъ загорѣлся зáмокъ: Богуну оставалось сдаться ([14]). Онъ, разсчитывая по времени, что Хмельницкій недалеко, выскочилъ изъ зáмка среди огня и дыма, объявилъ, что идетъ поторопить гетмана, а оставшимся казакамъ приказалъ защищаться до прибытія новыхъ силъ. Храбрые казаки не сдавались въ по-

---

([11]) «Лѣтоп. Величка.» I, 129.
([12]) «Annal. Polon. Clim.» I, 362.
([13]) «Лѣтоп. Величка.» 129.
([14]) «Annal. Polon. Clim.» I, 362.

лусгорѣвшемъ монастырѣ; каждый шагъ впереди поляки покупали жизнью; еще полторы тысячи человѣкъ потерялъ Чарнецкій въ отчаянной рѣзнѣ ([15]), и вдругъ стрѣла пронизала ему самому щеки: онъ упалъ безъ чувствъ и чуть-было не захлебнулся кровью ([16]). Въ довершеніе замѣшательства, позади польскаго войска раздался крикъ: «орда идетъ!» На войско нашелъ въ минуту паническій страхъ. Поляки, пораженные, съ одной стороны, вѣстью о непріятелѣ, съ другой, раною генерала, котораго почитали уже погибшимъ, въ безпамятствѣ побѣжали, покинувъ возы съ безчисленною добычею, награбленною въ несчастныхъ украинскихъ мѣстечкахъ и селахъ, покинули раненыхъ и больныхъ: — все летѣло безъ оглядки; вслѣдъ за бѣгущими повезли раненаго Чарнецкаго. ([17]). Не осталось ни одного поляка близь Монастырища. Это была хитрость Богуна. Вышедъ изъ пылающаго зáмка, онъ пошелъ не къ Хмельницкому, а зашелъ въ тылъ польскаго войска и приказалъ крикнуть по-татарски ([18]). Хмельницкій дѣйствительно былъ уже въ дорогѣ, но еще далеко отъ Монастырища; когда онъ приблизился и увидѣлъ

([15]) «Лѣтоп. Величка.» I, 129.
([16]) «Annal. Polon. Clim.» I, 363.
([17]) «Лѣтоп. Величка.» I, 130.
([18]) «Annal. Polon. Clim.» 363.

что̀ сдѣлалось, очень смѣялся надъ поляками, которые, замѣчаетъ ихъ историкъ ([19]), сами не могли дать себѣ отчета: по какой причинѣ такъ постыдно убѣжали.

Вскорѣ Хмельницкій узналъ, что набѣгъ Чарнецкаго былъ только предварительнымъ началомъ замысла истребить все казачество и измѣнить русскую землю такъ, чтобъ въ ней нѐкому было возставать на поляковъ. Въ Брестъ-Литовскомъ собирался сеймъ и король сталъ теперь злѣйшимъ врагомъ Хмельницкаго. Онъ настаивалъ непремѣнно кончить войну, чего бы она ни стоила. Сеймъ, однако, мало давалъ ему надежды; дворянъ съѣхалось немного, да и тѣ, которые пріѣхали, были болѣе склонны примириться съ Хмельницкимъ и отказаться отъ Украины. «Безпрестанная служба отечеству до того намъ надоѣла (говоритъ современникъ), ([20]) что мы не только уклонялись отъ битвъ, но даже и, сидя въ домахъ, не хотѣли давать отечеству помощи и обороны.» Прошлогодняя зараза, голодъ, пораженія отнимали у поляковъ присутствіе духа и надежду на побѣду. Гадатели волновали умы новыми предсказаніями; опять появилась комета, которая, какъ толковали астрологи, своимъ явленіемъ всегда предсказывала про-

([19]) »Кратк. истор. о бунт. Хмельн.» 46.
([20]) «Wojna dom.» Ч. 3, 86.

должительныя бѣдствія ([21]). Войско не хотѣло повиноваться, жалуясь, что ему не платятъ. О собраніи новаго посполитаго рушенья не хотѣли и слышать. «Мы готовы (говорили депутаты) лишиться послѣд-«ней домашней утвари, лишь бы не слышать нена-«вистныхъ вицей и не проливать своей крови.» ([22]). Сеймъ опредѣлилъ вести войну регулярнымъ войскомъ, а для содержанія его наложить подымное. Вмѣсто посполитаго рушенья, однако, положили собрать такъ-называемое лановое войско (agrarius miles, Lanowe ludzie); начальства воеводствъ и повѣтовъ должны были снаряжать отряды изъ сельскихъ жителей, которымъ положена была плата какъ кварцянымъ жолнерамъ и, сверхъ-того, содержаніе и обмундировка. Положено держать ихъ три мѣсяца и заплатить за это время ([23]). Положено назначить коммиссію для взиманія пособій, продовольствія, вооруженія, раздачи жалованья войску и содержанія крѣпостей и обозовъ ([24]). Сборное мѣсто для войска назначено подъ Глинянами. Іоаннъ-Казимиръ вызвался самъ быть предводителемъ для предупрежденія несогласій. «Я иду снова (говорилъ онъ) и не положу

([21]) «Histor. ab. exc. Wład. IV.» 122.
([22]) «Wojna dom.» Ч. 3. 88.
([23]) «Annal. Polon. Clim.» I, 395. — «Histor. belli cosac. polon.» 223.
([24]) «Annal. Polon. Clim.» I, 364.

«оружія, пока совершенно не окончу этой гибель-«ной войны» ([25]).

Дошло до Хмельницкаго, что на Украину собирается новая туча. Гетманъ снова отправилъ письма къ королю и знатнымъ панамъ и, въ томъ числѣ, къ новому гетману, Станиславу Потоцкому, котораго избиралъ ходатаемъ; цѣль его была задержать, по обыкновенію, военныя дѣйствія поляковъ, пока онъ самъ соберется съ силами.

Въ своихъ письмахъ къ королю Хмельницкій обѣщался не двигаться съ своимъ войскомъ и не подавать повода къ войнѣ; просилъ приказать короннымъ и литовскимъ войскамъ не нападать на казаковъ и, между-прочимъ, извѣщалъ, что казачество, желая прочнаго мира, просило ходатайства московскаго царя объ исполненіи просьбы относительно вѣры, церквей и правъ запорожскаго войска ([26]).

Хмельницкій не получилъ отвѣта отъ короля, но Потоцкій писалъ къ нему, восхвалялъ милосердіе государя, укорялъ Хмельницкаго въ вѣроломствѣ и увѣрялъ, что король идетъ въ Украину какъ государь, чтобъ видѣть и успокоить свои области и ввести владѣльцевъ въ управленіе имѣніями, которыя от-

---

([25]) «Wojna dom.» Ч. 3. 86—88. — «Лѣтоп. Величка.» I, 132.

([26]) «Памятн. кіевск. комм.» III, 3, 33.

няты у нихъ взбунтовавшимся народомъ. «Пусть (писалъ онъ) крестьяне дожидаются спокойно и, собравшись въ громаду, склоняютъ головы проѣзжающему королю. А ты самъ, панъ гетманъ, со всѣмъ войскомъ оставайся на мѣстѣ и пошли изъ среды войска старшинъ предаться на волю и милость короля ([27]).

Послѣ сейма король уѣхалъ въ Глиняны къ войску ([28]).

Между-тѣмъ у Хмельницкаго явились новые враги, бывшіе его союзники, теперь испуганные возрастающимъ могуществомъ русскаго повелителя. Тимошъ на свадебномъ пиру увѣрялъ тестя въ готовности служить ему и, выказывая свою силу, говорилъ: «Отецъ мой купитъ у султана Валахію, мы сгонимъ «Радула, тогда и Ракочій пусть бережется» ([29]). Липула видѣлъ буйный и предпріимчивый духъ зятя, боялся, чтобъ онъ не лишилъ его престола, хотѣлъ отвлечь его въ другую сторону и сталъ поддерживать въ немъ мысль о покореніи Валахіи. Въ семейные совѣты ихъ былъ допущенъ великій логофетъ (канцлеръ) Молдавіи, Стефанъ Бурдуцъ, который впродолженіе долгихъ лѣтъ казался постояннымъ

([27]) Тамъ же, III, 3, 30.
([28]) «Annal. Polon. Clim.» I, 367.
([29]) «Истор. о през. бр.»

доброжелателемъ Липулы. Но онъ былъ въ родственныхъ связяхъ съ соперниками: двоюродная сестра его была за Радуломъ, а самъ онъ былъ женатъ на боярынѣ изъ Валахіи. Жена его, замѣтя безпокойство мужа, тайные совѣты при дворѣ, усильно начала допрашивать, что̀ это значитъ и, наконецъ, убѣдила Стефана высказать тайну, которая немедленно была передана Радулу, а потомъ дошла и до Ракочія. Трансильванскій князь узналъ, что Богданъ Хмельницкій недоволенъ имъ за несоблюденіе уговора, когда, во время войны 1651 года, онъ долженъ былъ взять Краковъ. Тогда Радулъ и Ракочій, предупреждая грозящую бурю, заключили союзъ изгнать съ господарства Липулу и предложили тайно логофету господарскій престолъ. Пробужденное властолюбіе, говоритъ современникъ, погасило въ немъ долговременную вѣрность. Стефанъ приступилъ въ договору. Тимошъ былъ въ Украинѣ; Липула сидѣлъ въ Яссахъ, не подозрѣвая для себя никакой опасности. Вдругъ появилось войско Радула и вспомогательныя венгерскія силы въ Молдавію. Стефанъ внезапно перешелъ на ихъ сторону; вся недовольная Василіемъ партія радовалась его паденію. Пораженный неожиданностью, Липула вышелъ на сраженіе, но былъ разбитъ подъ деревней Старлокомъ (30)

(30) «Annal. Polon. Clim.» I, 366—367.

и убѣжалъ со всею семьею въ Каменецъ, гдѣ былъ принятъ Потоцкимъ, котораго преклонилъ дарами ([31]). Потоцкій имѣлъ благовидный предлогъ дать ему убѣжище, какъ союзнику Речи-Посполитой, которымъ онъ не переставалъ казаться. Стефана посадили на господарство.

Тогда при турецкомъ дворѣ начался торгъ за Молдавію. Стефанъ подкупалъ подарками членовъ дивана и обѣщалъ платить тройную дань. Съ своей стороны, Хмельницкій также разсыпалъ подарки, ласкалъ турокъ надеждою, что Украина будетъ данницею оттоманской порты, обѣщалъ завоевать Каменецъ. Между-тѣмъ новый государь на первыхъ порахъ вооружилъ противъ себя бояръ. Два изъ нихъ отправились въ Константинополь, защищали изгнанника и умоляли сжалиться надъ несчастнымъ положеніемъ Молдавіи, растерзанной войною. Турецкій дворъ находился въ нерѣшимости, какой партіи ему держаться, и ограничивался тѣмъ, что къ Радулу и Ракочію посланъ былъ Чаушъ съ приказаніемъ прекратить непріязненныя дѣйствія ([32]). Липула переѣхалъ изъ Каменца въ Украину, и Тимошъ съ двѣнадцатью тысячами ([33]) разнороднаго войска, со-

---

([31]) «Histor. ab exc. Wład. IV.» 126.
([32]) «Annal. Polon. Clim.» I, 368.
([33]) «Лѣтоп. Величка.» I, 123.

браннаго изъ казаковъ, украинскихъ левенцовъ, карпатскихъ горцевъ и татаръ, пошелъ на Молдавію ([34]). Беззащитный Стефанъ убѣжалъ; Яссы достались побѣдителямъ. Тимошъ истребилъ остатокъ враждебной пѣхоты Ракочія, казнилъ враговъ тестя, и снова посадилъ его на господарство. Эта побѣда такъ возгордила его, что, по увѣренію одного историка, онъ ставилъ себя въ параллель съ цезаремъ; говорилъ, что онъ пришелъ — побѣдилъ, даже не видя враговъ ([35]). Тогда-то онъ рѣшился исполнить давнее намѣреніе покорить Валахію.

Усиливъ свое войско молдавскими полками, онъ вошелъ въ Валахію. Воины его грабили, убивали, людей всякаго возраста и состоянія, сожигали жилища, насиловали женщинъ, оскверняли даже храмы; по увѣренію современника, одинъ разъ казаки не чувствовали въ себѣ силы зажечь храмъ, и Тимошъ за это закололъ ихъ собственноручно. Такіе поступки вооружили противъ побѣдителя турецкій дворъ, который сталъ опасаться усиливающагося могущества Тимоша и изъявилъ ему неудовольствіе за возобновленіе вражды ([36]). Тогда Радулъ снова собралъ силы изъ волоховъ, сербовъ и разныхъ охот-

---

([34]) «Annal. Polon. Clim.» I, 368.
([35]) «Histor. ad exc. Wład. IV.» 120.
([36]) «Annal. Polon. Clim.» I, 368.

никовъ; Ракочій прислалъ къ нему войско подъ начальствомъ Януша-Кимени. На берегахъ рѣки Яловеца [37] (Тележина) [38] непріятели встрѣтились; здѣсь произошло кровопролитное сраженіе: сначала было Тимошъ и Василій побѣждали, но вдругъ поднялась гроза и сильная буря прямо въ глаза казакамъ. Молдаване, бывшіе въ войскѣ Тимоша, первые попятились назадъ, другіе передались волохамъ; казаки выбились изъ силъ, чтобъ поправить дѣло и не могли; Василій, спасая жизнь, убѣжалъ въ Галацъ, потомъ за нимъ оставилъ поле битвы Тимошъ и наконецъ полковники Носачъ и Пушкарь; храбрый начальникъ украинскихъ левенцевъ, Грыцько, сбилъ пѣхоту въ четвероугольникъ и, защищаясь, погибъ въ сѣчѣ, а двѣ тысячи казаковъ и нѣсколько тысячъ молдаванъ, лишенные начальниковъ, положили оружіе. Молдаване были отпущены на свободу своими единоплеменниками, а казаковъ, всѣхъ до единаго, Андроникъ, валахскій генералъ, приказалъ изрубить. «Этотъ народъ (говорилъ онъ) охотнѣе разстанется «съ жизнью, чѣмъ съ воеводствомъ» [39].

Стефанъ на челѣ бояръ опять вступилъ въ Яссы и Молдавія въ другой разъ присягнула ему въ вѣр-

---

(37) Ibid. I, 369.
(38) «Wojna dom.» Ч. 3, 89.
(39) «Annal. Polon. Clim.» I, 369.

ности. Жена Василія съ остатками имущества убѣжала въ Сочаву ([40]). Тимоѳей воротился въ Украину, а потомъ снова вступилъ въ Молдавію съ восьмью тысячами и вошелъ въ Сочаву на помощь господаршѣ ([41]).

Тутъ-то враги ополчились на молодаго богатыря. Ракочій обратился къ Іоанну-Казимиру, извѣщалъ о свѣжемъ пораженіи Тимоѳея, просилъ забыть прошлыя недоразумѣнія между собою и Польшею, убѣждалъ послать ему на помощь коронное войско какъ-можно-скорѣе, потому-что наступаетъ время уничтожить сына Хмельницкаго, пока не подоспѣлъ отецъ его навыручку, и съ своей стороны обѣщалъ тридцать тысячъ войска и содѣйствіе Валахіи и Молдавіи къ укрощенію Хмельницкаго. Нѣкоторые изъ польскихъ пановъ не совѣтовали вступать въ союзъ съ Ракочіемъ, напоминали о его недоброжелательствѣ, о связяхъ съ Хмельницкимъ; опасались, чтобъ онъ не измѣнилъ полякамъ въ самомъ критическомъ положеніи.

«Неблагоразумно отвергать чужую помощь (говорили другіе): самъ Богъ намъ посылаетъ ее въ то «время, когда мы не умѣемъ укротить нашего врага.

([40]) Ibid. — «Истор. о през. бр.» — «Лѣтоп. Величка.» I, 145.

([41]) «Истор. мал. Росс.» I, 291.

«Хотя Ракочій сносился съ Хмельницкимъ во время «междуцарствія, но это было дѣло политики. Онъ, «рожденный отъ благородной крови, всегда въ душѣ «гнушался тираномъ, вышедшимъ изъ подлаго званія «ко вреду сосѣдей: а теперь, видя, что мятежникъ «слишкомъ поднялся, понимаетъ, что надобно пре-«градить ему дорогу и, конечно, останется ему все-«гдашнимъ непріятелемъ.»

Послѣднее мнѣніе одержало верхъ и король согласился на предложеніе Ракочія ([42]).

Лишенный престола, Василій показывалъ видъ, что ничѣмъ не раздражалъ Польшу, что онъ, попрежнему, союзникъ Речи-Посполитой и потому, послѣ своего низверженія, послалъ къ королю просить вспомоществованія. Послы его прибыли почти въ одно время съ стефановыми и ракочіевыми. Къ удивленію поляковъ, самъ Тимошъ обратился къ польскому правительству и обѣщалъ присоединить къ Речи-Посполитой подунайскія страны. Безъ дальнѣйшихъ разсужденій, поляки предпочли сторону Стефана и Ракочія. Король призналъ новаго господаря въ его достоинствѣ и отправилъ къ нему въ подарокъ вина и двухъ лошадей. Въ добавокъ, канцлеръ Корыцынскій получилъ въ то же время письмо отъ силистрійскаго паши; онъ изъявилъ негодованіе на

([42]) «Wojna dom.» Ч. 3, 91.

казаковъ за своевольство Тимоша, называлъ ихъ разбойниками и убѣждалъ всѣми силами усмирить ихъ ([43]). Все клонилось ко вреду возраставшей Украины. Король немедленно послалъ на помощь венгерскимъ и валахскимъ войскамъ въ Молдавію шесть тысячъ польскаго войска, подъ начальствомъ Кондрацкаго, и полторы тысячи нѣмецкой пѣхоты ([44]). Два польскіе пана, Яскольскій и Гембицкій, отправились къ трансильванскому князю съ предложеніемъ долговременнаго союза и содѣйствія къ укрощенію казаковъ взаимными силами Польши, Трансильваніи и двухъ подунайскихъ княжествъ ([45]).

Василью Тимошу оставалось надѣяться единственно на помощь Хмельницкаго. Скорбная вѣсть о неожиданномъ измѣненіи дѣлъ въ Молдавіи застала гетмана среди приготовленій къ отпору поляковъ, готовившихся вступить въ Украину. Онъ разсудилъ, что спасеніе зависитъ отъ одной скорости и рѣшился предупредить короля. Изъ глинянскаго лагеря приходили утѣшительныя вѣсти: говорили, что жолнеры разбѣгаются и бунтуютъ. Хмельницкій взялъ съ собою тридцать тысячъ казаковъ, нѣсколько тысячъ

([43]) «Annal. Polon. Clim.» I, 378.
([44]) «Histor. ab. exc. Wład. IV.» 126. — «Annal. Polon. Clim.» I, 378.
([45]) Annal. Polon. Cilm.» I, 379.

татаръ и быстро бросился на Волынь. Уже онъ доходилъ до Збаража; дѣло шло удачно; въ польскомъ лагерѣ не знали вовсе ничего, какъ вдругъ, подъ Зборовымъ, нечаянно наткнулся на казаковъ польскій отрядъ, подъ командою Пѣсочинскаго; отрядъ былъ истребленъ; однако, предводитель успѣлъ убѣжать въ польскій лагерь и принесъ нерадостную вѣсть, что Хмельницкій не ближе, какъ верстъ за сто отъ поляковъ. Такимъ-образомъ, польское войско имѣло время приготовиться и встрѣтить непріятеля въ порядкѣ. Король ободрялъ подчиненныхъ своимъ примѣромъ и рѣшимостью. Напротивъ, эта стычка произвела тревогу между казаками. Плѣнные поляки объявили, что въ польскомъ лагерѣ огромное войско; что коммиссія нашла средства успокоить жолнеровъ; что король заключилъ союзъ съ Валахіею и съ Ракочіемъ дѣйствовать противъ Украины; что скоро должно присоединиться къ польскому войску посполитое рушенье.

Казаки взволновались, роптали на гетмана; неудовольствіе, возраставшее съ каждымъ днемъ, сильно овладѣло подчиненными. Тогда предводитель, дойдя до Тарнополя, собралъ на раду все войско и, сверхъ-того, пригласилъ участвовать въ ней толпы народа изъ разныхъ мѣстъ ([46]). Русскіе выказывали силь-

---

([46]) Ibid. I, 375.

ное неудовольствіе противъ Хмельницкаго за сношенія съ Турціею, вмѣшательство въ чужія дѣла безъ воли народа, за то, что онъ раздражалъ противъ себя сосѣдей и ожесточилъ польскаго короля. Нѣкоторые называли его предателемъ, обличали, что онъ отдаетъ Украину, свое отечество, чужимъ. Хмельницкій оправдывался, представлялъ несчастное положеніе земли и доказывалъ, что она не можетъ спасти себя иначе, какъ только отдавшись подъ покровительство сильной державы. Эта держава могла быть Турція, Московія или Польша. Мысль поддаться Турціи возбуждала въ русскомъ омерзеніе, да и самъ гетманъ никогда въ душѣ не думалъ искренно сдѣлаться данникомъ султана. Но онъ здѣсь въ первый разъ, какъ кажется, предложилъ народу соединиться съ Московіею, указывалъ на единовѣріе, вспоминалъ древнее политическое единство обоихъ русскихъ народовъ, льстилъ русскихъ надеждою, что восточный царь, какъ называли они монарха московской Руси, теперь уже явно заступится за нихъ и объявитъ войну Польшѣ. Дѣйствительно, старые казаки и вообще простой народъ раздѣляли съ гетманомъ мысль, что соединеніе съ великорусскимъ народомъ осталось теперь единственнымъ средствомъ спасенія Украинѣ; но старшины, болѣе-образованные и близкіе къ полякамъ, отъ которыхъ получали тогда образованность, противились этому. Славный Богунъ, по увѣ-

ренію одной изъ позднѣйшихъ украинскихъ исторій ([47]), былъ горячимъ противниковъ московской протекціи. Многіе, вслѣдъ за Богуномъ, начали говорить также противъ соединенія съ великою Россіею и предпочитали остаться лучше въ соединеніи съ поляками, съ тѣмъ условіемъ, чтобъ удержать права своей вѣры и народности ([48]).

Однако Хмельницкій увидѣлъ, что, несмотря на эти толки, большинство народа будетъ согласно на соединеніе съ Великороссіею, и отложилъ до благопріятнаго времени убѣдить старшинъ, а въ настоящее время рѣшился послать еще разъ посольство къ королю. Посланникомъ избранъ былъ Адамовичъ, кіевскій полковникъ, въ-сопровожденіи нѣсколькихъ казацкихъ чиновниковъ. Отправивъ эту депутацію, Хмельницкій отошелъ изъ Галиціи въ Украину и сталъ при Черномъ-Островѣ ([49]).

Адамовичъ явился тогда, когда для поляковъ представлялись новыя несомнѣнныя надежды успѣха въ предпринимаемой войнѣ. Ракочій и волохскіе господари согласились дѣйствовать взаимными силами съ поляками противъ казаковъ и приглашали Іоанна-Ка-

---

([47]) «Истор. Рус.« 98.

([48]) «Annal. Polon. Clim.» I, 375. — «Pamiętn. do pan. Żyg. III, Wład. IV, i Jan. Kaz.» II, 221.

([49]) «Wojna dom.» Ч. 3, 93.

зимира съ войскомъ въ Молдавію для того, чтобъ не дать впустить туда гетмана, уничтожить Тимоѳея и тогда уже идти въ Украину. Король готовился выступить. Адамовича не допустили до короля и призвали предъ гетмана Потоцкаго.

Въ казацкомъ прошеніи сначала излагалось, что, послѣ бѣлоцерковскаго договора, не казаки, а поляки виновны въ возобновленіи кровопролитій, а потомъ было, между-прочимъ, сказано: «Просимъ покорно, «чтобъ на будущее время, его величество, король благоволилъ сохранить зборовскій договоръ, данный запорожскому войску; чтобъ наши русскія церкви и «монастыри, согласно съ правами ихъ, оставались неприкосновенными съ своими имѣніями, а унія была «бы уничтожена, какъ въ польскомъ королевствѣ, «такъ и великомъ княжествѣ литовскомъ. Если же «король и Речь-Посполитая будутъ къ намъ милости«вы, то мы, не желая болѣе кровопролитія, иными «способами будемъ промышлять о своей безопасно«сти» ([50]). Такъ писалъ гетманъ. Самъ Адамовичъ, согласно тайному приказанію Хмельницкаго, присовокупилъ отъ себя, что казаки недовольны Хмельницкимъ за то, что онъ хочетъ отдать ихъ въ рабство туркамъ, и желаютъ остаться въ повиновеніи короля, но съ тѣмъ, чтобъ король утвердилъ зборов-

---

([50]) «Памятн. кіевск. комм.» III, 3, 54—56.

скій договоръ и унія была уничтожена. Но требованія уничтоженія уніи и утвержденія зборовскаго договора и въ устахъ недовольнаго Хмельницкимъ полковника, какъ и въ письмѣ самого Хмельницкаго, произвели одинаковое негодованіе въ собраніи пановъ, такъ-называемомъ *колѣ* рыцарскомъ; самъ гетманъ схватилъ булаву и хотѣлъ-было ею бить пословъ.

— Оружіемъ! кричалъ онъ: — оружіемъ я дамъ вамъ отвѣтъ на ваши глупыя и варварскія требованія.

Присутствовавшіе паны едва удержали его ([51]). Самъ король, услышавъ, понялъ, что посольство казацкое есть ничто иное, какъ обыкновенная хитрость Хмельницкаго. Послѣ совѣта призвали казацкихъ пословъ, и гетманъ отвѣчалъ имъ такъ:

— Не измѣннику Хмельницкому, но всему войску запорожскому я отвѣчаю. Его величество не-только не хотѣлъ читать вашего посланія, написаннаго съ согласія хитраго и двоедушнаго Хмельницкаго, но и видѣть тебя, полковникъ. Я просилъ за васъ и старался — напрасно! ваши преступленія и вѣроломства побѣдили наконецъ всякое милосердіе. Вамъ нѣтъ иного спасенія, какъ только тогда, когда войско за-

---

([51]) «Annal. Polon. Clim.» I, 375. — «Лѣтоп. Величка.» I, 136. — «Wojna dom.» Ч. 3, 98. — «Latop. Jerl.» 148.

порожское выдастъ самого Хмельницкаго и задержитъ Чауша, присланнаго отъ Порты ([52]). Тогда пусть знатнѣйшіе изъ вашихъ, Выговскій и Богунъ, являются въ нашъ лагерь, надѣясь на безопасность. Вы останетесь здѣсь заложниками, а одинъ, самый простой изъ васъ, отнесетъ отвѣтъ.

Это препоручено было какому-то сотнику, по имени Микитѣ ([53]).

— Если, говорилъ Адамовичъ: —воля вашей вельможности такова, что я долженъ здѣсь остаться, — противиться не смѣю, но скажу, что войско будетъ до крайности недовольно такимъ поступкомъ; оно подумаетъ, что меня уже нѣтъ въ живыхъ, придетъ въ ожесточеніе и также задержитъ вашихъ пословъ, когда случится вамъ послать. «Посолъ, какъ оселъ» «говоритъ пословица:» нóсыть то, що на ёго злòжено, зъ чи́мъ мене́ пóслано, зъ ти́мъ наза́дъ повернутися повиненъ. Иначе вы въ сердцахъ казацкихъ возбудите чрезвычайную къ себѣ ненависть.

По словамъ однихъ, гетманъ отпустилъ кіевскаго полковника ([54]), а другіе говорятъ, что удержалъ; впрочемъ, обращался съ нимъ вѣжливо ([55]). Послѣд-

---

([52]) «Wojna dom.» Ч. 3, 94.
([53]) «Histor. ab. exc. Wład. IV.» 128.
([54]) «Лѣтоп. Величка.» I, 138.
([55]) «Histor. ab exc. Wład. IV». 128.

нее вѣроятнѣе, потому-что, въ 1654 году, Адамовичъ находился въ неволѣ у Радзивилла, которому онъ, вѣроятно, былъ переданъ изъ короннаго войска ([56]).

Польское войско готовилось выступать, какъ вотъ, 20-го іюля, явился посолъ Алексѣя Михайловича, бояринъ Репнинъ-Оболенскій съ товарищами. Аудіенція дана имъ во Львовѣ ([57]). Они, попрежнему, привезли требованія относительно пропуска въ титулѣ, показывали болѣе двухсотъ писемъ многихъ польскихъ дворянъ съ ошибками въ титулѣ московскаго государя, требовали немедленно казнить ихъ смертью, жаловались на самого короля, который въ своихъ подлинныхъ грамматахъ дѣлалъ такія же ошибки, и требовали казни шляхтича Окуня, который въ Варшавѣ дурно отозвался о царѣ.

Паны отвѣчали на-отрѣзъ, будто здравый разсудокъ воспрещаетъ казнить людей смертною казнью безъ вины, тѣмъ болѣе, что ошибка въ титулахъ происходитъ не отъ коварства, а отъ недоразумѣній и невѣдѣнія.

— Съ нашей стороны, прибавили они: — мы требуемъ прежде казни тѣхъ дворянъ московскихъ, которые пропускали бѣглыхъ казаковъ въ московское

([56]) «Малорос. перепис. хранящ. въ окруж. пал.» 16.
([57]) «Annal. Polon. Clim.» I, 380.

государство, а равно запрещенія патріарху посвящать въ Польшу поповъ грекороссійской церкви ([58]).

Послѣ обоюдныхъ несогласій, бояринъ наконецъ заговорилъ въ первый разъ о Хмельницкомъ.

— Великій государь, его царское величество, говорилъ бояринъ : — для православной христіанской вѣры и святыхъ Божіихъ церквей сдѣлаетъ брату своему, королевскому величеству, таковую *поступку*, что велитъ отдать вины людямъ, которые объявились въ прискѣ въ государевомъ именованьи, если король и паны рады успокоятъ междоусобіе съ черкасами, возвратятъ православнымъ церкви, которыя были *оборочены* подъ унію, не будутъ впредь дѣлать никакого притѣсненія православнымъ и помирятся съ ними по зборовскому договору ([59]).

— Уніи, отвѣчали паны, король не можетъ истребить безъ нарушенія присяги; подъ Зборовымъ онъ никогда не обѣщалъ, чтобъ люди одной русской вѣры, а не уніаты жили Польшѣ; это то же, еслибъ мы требовали истребить въ московскомъ государствѣ старинную греческую вѣру; но король позволяетъ жить въ своемъ государствѣ христіанамъ всѣхъ вѣроисповѣданій и утвердилъ права духовенства, какъ римско-католическаго, такъ и греческаго,

([58]) «Истор. мал. Росс.» I, 287.
([59]) «Полн. собр. зак. росс. имп.» I, 298.

слѣдуя примѣру предшественниковъ. Причиною междоусобій и мятежей отнюдь не греческая вѣра, которая въ Польшѣ никогда не была гонима, а запрещеніе казакамъ дѣлать самовольства, грабежи и обиды въ сосѣднихъ странахъ, безъ чего казаки не могутъ жить. Речь-Посполитая не можетъ уже мириться съ Хмельницкимъ ни по зборовскому, ни по бѣлоцерковскому договору, а помирится съ нимъ тогда, когда казаки останутся на прежнихъ основаніяхъ до междоусобія. Впрочемъ, если царь беретъ на себя посредничество въ примиреніи короля съ непокорными казаками, то будетъ ли его величество отвѣчать за Хмельницкаго въ его повиновеніи, потому-что онъ уже готовится принять турецкое подданство? Король предпринялъ идти съ войсками на казаковъ: если они положатъ оружіе и покорятся, то король даруетъ имъ прощеніе, а въ противномъ случаѣ, пусть московскій дворъ поможетъ намъ наказать этого мятежника, какъ общаго врага ([60]).

Бояре не принимали отговорокъ и требовали немедленнно мира съ казаками. Паны на-отрѣзъ отказывались. Войско выступало въ походъ при глазахъ посредниковъ. Тогда бояринъ потребовалъ отпуска и, идя уже къ каретѣ, сказалъ панамъ послѣднее слово :

([60]) «Истор. мал. Росс.» I. 290.

— Такъ-какъ великій государь, его царское величество, для православной христіанской вѣры и святыхъ Божьихъ церквей, желая успокоить междоусобіе, хотѣлъ простить такихъ людей, которые за оскорбленіе чести государя достойны были смерти, но король Янъ-Казимиръ и паны рады поставили это ни во что, поэтому великій государь, его царское величество, не будетъ терпѣть такого безчестія и не станетъ къ вамъ посылать своихъ пословъ, а велитъ о всѣхъ вашихъ неправдахъ и о нарушеніи вѣчнаго договора писать во всѣ окрестныя государства къ государямъ христіанскимъ и бусурманскимъ, и за православную христіанскую вѣру, и за святыя Божіи церкви, и за свою честь будетъ стоять, сколько подастъ ему помощи милосердый Богъ ([61]).

Послѣ этой аудіенціи, польское войско двинулось въ Галичъ.

Поляки не знали, куда и съ какимъ намѣреніемъ отошелъ Хмельницкій и были въ нерѣшимости, куда имъ слѣдовать: въ Молдавію ли, куда призывали ихъ союзники, или въ Украину. Ляндскоронскій настаивалъ, чтобъ король шелъ въ Украину и поспѣшилъ уничтожить мятежъ, пока Хмельницкій находится въ неблагопріятномъ положеніи. Не таково бы-

---

([61]) «Полн. собр. зак. росс. имп.» I, 299.

ло мнѣніе Любомирскаго, опытнаго совѣтника, постояннаго соперника короля. Онъ доказывалъ, что поляки обязаны теперь помогать союзникамъ; что, уничтоживъ Тимоѳея, они еще болѣе ослабятъ Хмельницкаго, а сами усилятся, и тѣмъ успѣшнѣе могутъ подавить возстаніе. Король не зналъ, что̀ ему предпринять и приказалъ двинуться на Подоль, намѣреваясь поступить по обстоятельствамъ. Обозъ былъ перенесенъ въ Гусятинъ, потомъ къ Каменцу ([26]). Поляки стали на такомъ пунктѣ, чтобъ преградить украинскому гетману дорогу, если онъ пойдетъ на помощь къ сыну.

Хмельницкій, получивъ отвѣтъ на свое посольство, прибылъ въ Переяславль и, 13 августа, разослалъ по всей Украинѣ универсалъ: онъ оповѣщалъ всѣмъ сословіямъ украинскаго народа о вѣроломствѣ поляковъ, которые привлекли, для погубленія Украины, трансильванскаго князя и волоховъ; извѣщалъ, что отечество въ крайней опасности и приглашалъ безъ замедленія оставлять всякія хозяйственныя занятія и даже жатву, и спѣшить въ вооруженіи въ Чигиринъ, чтобъ оттуда идти умирать, какъ выражается гетманъ, на *достославномъ полѣ битвы и принять отъ десницы Всевышняго страдаль-*

([62]) «Annal. Polon. Clim.» I, 381—384.

ческій вѣнецъ за истину (63). Такое же посланіе отправлено было къ запорожцамъ.

Въ то же время Хмельницкій послалъ деньги въ Турцію, стараясь снова расположить въ свою пользу продажный дворъ. Хмельницкій увѣрялъ визиря, что Ракочій, соединившись съ поляками, думалъ освободиться изъ подданства Турціи, а для того-то поставляетъ новаго господаря въ Молдавіи, дабы ослабить силу турецкой власти въ подунайскихъ земляхъ и имѣть для себя союзниковъ противъ турокъ, что онъ въ заговорѣ противъ Турціи съ римскимъ императоромъ и Венеціею. Визирь, хотя и не былъ совершенно расположенъ въ пользу казачества, ясно видя, что Хмельницкій его обманываетъ, однако боялся допустить усилиться Ракачію, поэтому и обѣщалъ Хмельницкому помощь.

Другое посольство отправлено къ хану. Не трудно было снова преклонить его. Вѣроломный союзникъ остался въ проигрышѣ отъ своей берестечской измѣны. Поляки приписывали побѣду своему искусству, а отнюдь не потачкѣ хана, и, считая себя въ правѣ разорвать утѣснительный зборовскій договоръ, перестали платить крымскому повелителю. Ханъ приказалъ крымскимъ и казильбашскимъ ордамъ соби-

---

(63) «Лѣтоп. Величка.» I, 139—142.

раться въ походъ ([64]). Исламъ-Гирей, съ своей стороны, старался расположить Турцію въ пользу своего предпріятія и представлялъ визирю, что въ настоящее время слѣдуетъ не давать Польшѣ усиливаться и отнять у ней Украину, какъ-будто въ пользу Хмельницкаго, а впослѣдствіи можно будетъ легко завоевать ее и подчинить Турціи ([65]).

Третье посольство отправлено было въ Москву. Посланникомъ былъ какой-то Лавриня Капуста. «Извѣщаю ваше царское величество (писалъ Хмельницкій), что король уже идетъ въ Украину, но мы, не «хотя отдать на поруганіе церквей и монастырей «Божіихъ и христіанъ на мучительство, бьемъ че«ломъ, чтобъ великій государь насъ пожаловалъ и «приказалъ поскорѣе послать къ намъ помощь. Если «ваше царское величество и теперь не сжалишься «надъ православными христіанами, просящими у те«бя милости со слезами, то иновѣрцы насъ подобьютъ «подъ себя и мы, по-неволѣ, должны будемъ чинить «ихъ волю. Уже царь турецкій прислалъ къ намъ «въ обозъ въ Борки своего посланца, приглашая въ «подданство себѣ, но я ему отказалъ, надѣясь на «государеву милость; а если ты, великій государь,

---

([64]) «Wojna dom.» Ч. 3, 97. — «Крат. истор. о бунт. Хмельн.» 46.

([65]) «Кратк. ист. опис. о Мал. Росс.» 26.

«насъ не пожалуешь и не примешь къ себѣ, тогда «мнѣ остается свидѣтельствоваться Богомъ, что я «многократно просилъ у государя милости и не по-«лучилъ. Но съ польскимъ королемъ у насъ мира «не будетъ ни за что» ([66]). Гетманъ получилъ желанный отвѣтъ, что уже на литовской границѣ собирается московское войско и царь пошлетъ въ Украину пословъ для принятія казаковъ подъ свое покровительство.

Между-тѣмъ войско казацкое увеличивалось; число его простиралось до пятидесяти-девяти тысячъ: изъ нихъ девять тысячъ было запорожцевъ, а остальные украинскіе казаки ([67]).

Уже не было тогда одушевленія прежнихъ годовъ; безпрестанныя опустошенія наскучили народу; онъ видимо хотѣлъ отдохнуть.

Хмельницкій, точно какъ и враги его, былъ въ нерѣшимости, куда ему идти. Съ одной стороны, сынъ его просилъ скорѣе прибыть на помощь, съ другой, Украинѣ угрожало вторженіе поляковъ.

За́мокъ сочавскій, лежащій на берегу Сереты, избранъ былъ убѣжищемъ господаршею, какъ по причинѣ его неприступности, такъ и по близости къ Украинѣ, откуда можно было ожидать помощи отъ

([66]) «Полн. собр. зак. рос. имп.» I, 299.
([67]) «Лѣтоп. Величка.» I, 143.

Хмельницкаго. Первоначально вошли въ крѣпость двѣ тысячи двѣсти молдаванъ, изъ которыхъ тысяча человѣкъ пѣхоты наняты на счетъ господарши. Потомъ пришелъ Тимошъ съ своимъ отрядомъ, а наконецъ явился другой вспомогательный отрядъ казаковъ, подъ начальствомъ искуснаго и отважнаго вождя, кальницкаго полковника, Ивана Өедоренка. Этотъ отрядъ простирался, по сказанію однихъ историковъ, до семи тысячъ ([68]), а по сказанію другихъ—до двѣнадцати тысячъ ([69]). Огромное войско изъ волоховъ, молдаванъ, передавшихся Стефану, трансильванцевъ и наконецъ поляковъ окружило Сочаву. Казаки защищались около двухъ мѣсяцевъ съ необычайнымъ мужествомъ; ни искусство инженеровъ, ни храбрость венгровъ, предводительствуемыхъ искуснымъ Янушемъ Кимени, не могли ничего сдѣлать. Вылазки казаковъ были часты, неожиданны и гибельны; предводители, утомившись, оставляли уже осаду, но тутъ явился еще новый польскій отрядъ изъ Вара; начальникъ его, старикъ Гувальтъ, пристыдилъ осаждавшихъ насмѣшками надъ трусостію и уговорилъ кончить начатое. Осажденные продолжали обороняться съ прежнею отвагою, но припасы ихъ истощались: они должны были довольствоваться тремя колодцами

([68]) «Annal. Polon. Clim.» I, 377.
([69]) «Лѣтоп. Величка.» I, 145.

съ дурною и неизобильною водою. Поляки отняли у нихъ лучшую воду, заперли теченіе водопровода изъ Серета.

Такъ прошло около двухъ мѣсяцовъ. Пріѣхавшій отъ короля уполномоченнымъ Маховскій послалъ предложеніе сдать за́мокъ. Господарша отвергла его съ презрѣніемъ. «Эта женщина (говоритъ современникъ) показала тогда, что у ней душа была выше ея пола ([70]); съ неутомимою дѣятельностью она лично всѣмъ завѣдывала, раздавала воинамъ муку, мясо, напитки, воду, сыпала казакамъ деньги; поддерживала къ себѣ любовь молдаванъ привѣтливостью и обѣщаніями; безпрестанно увѣряла, что они скоро будутъ избавлены, что Хмельницкій уже недалеко и скоро явится въ тылъ осаждающимъ. Безъ сомнѣнія, такъ бы и случилось, еслибъ неожиданное несчастіе не разрушило всѣхъ надеждъ».

Въ союзное осадное войско прибылъ Дмитрій Вишневецкій, непримиримый врагъ Тимоѳея, отбившаго у него невѣсту. Онъ не зналъ соперника въ лицо, и посулилъ большія деньги тому, кто его укажетъ. Трое шляхтичей, взятыхъ въ плѣнъ казаками и спасенные Тимоѳеемъ отъ смерти, взялись услужить князю. И вотъ, однажды, когда Тимоѳей ходилъ по валу между пушками, предатели указали на не-

([70]) «Annal. Polon. Clim.» I, 385.

го. Инженеры направили туда колюбрину (такъ назывался тогда родъ пушекъ), ядро попало въ возъ, на которомъ стояла казацкая пушка, осколки дерева ударили Тимоша въ ногу и въ голову, и казаки отнесли въ зáмокъ предводителя, окровавленнаго, безъ чувствъ (71). «Явная небесная кара!...» восклицаетъ современный польскій историкъ, убѣжденный, что ядро, какъ громъ, убиваетъ не по нѣкоему случаю, а по начертанію высшаго правосудія (72).

Казаки немедленно послали нарочнаго къ Хмельницкому. Несмотря на трудность прохода, гонецъ успѣлъ пробраться, но напрасно! Черезъ четыре дня Тимошъ скончался отъ антонова огня (73). Господарша показала здѣсь въ высшей степени свое геройство. Она скрыла тѣло Тимоша, увѣряла, что онъ живъ, а между-тѣмъ отдала команду Ѳедоренкѣ и употребляла всѣ силы, чтобъ обороняться до прихода Богдана (74).

Ѳедоренко съ казаками сдѣлалъ сильную вылазку, ударилъ на венгровъ и поляковъ и поразилъ такъ, что они потеряли нѣсколько тысячъ (75). Они обра-

---

(71) »Annal. Polon. Clim.» I, 386. — «Лѣтоп. Величка.» I, 146. — «Histor. ab. exc. Wład. IV.» 129.

(72) «Wojna dom.» Ч. 3, 99.

(73) «Истор. мал. Росс.» I, 292.

(74) «Annal. Polon. Clim.» 386.

(75) «Лѣтоп. Величка.» I, 146.

тились въ бѣгство; побѣдители бросились расхищать лагерь. Но Кондрацкій и Денгофъ успѣли остановить бѣгущихъ: собравшись, они дали отпоръ; Ѳедоренко отступилъ въ крѣпость ([76]).

Съ-тѣхъ-поръ храбрость давала казакамъ рѣшительный перевѣсъ; но обманъ не могъ продолжаться: казаки узнали, что Тимоша нѣтъ на свѣтѣ и взволновались. Изъ страха и уваженія, они жертвовали жизнью за Хмельницкаго; но когда его не стало, имъ казалось излишнимъ подвергать себя гибели изъ-за чужихъ. Тогда господарша бросилась въ толпу и, со слезами, начала ихъ упрашивать. «Вы (говорила она) «геройски сражались за живаго своего полководца. «Уже-ли теперь потеряете славу свою? Уже-ли предательски оставите меня, бѣдную сироту? Вспомните, что я родила ту, которая теперь носитъ во чревѣ плодъ Тимоѳея... еще нѣсколько дней — явится «Богданъ; онъ уже близь Умани и идетъ освободить «насъ: вы будете спасены со славою и честью!»

Ея просьбы, ея мужество и рѣшимость обуздали на-время казаковъ. Толпа привѣтствовала ее восклицаніями. Поднимая къ небу правыя руки, казаки обѣщали стоять за нее вѣрно до послѣдней капли крови ([77]). Между-тѣмъ, союзники усилили свои на-

---

([76]) «Histor. ab. exc. Wład. IV.» 129.
([77]) «Annal. Polon. Clim.» I, 387.

тиски: изъ польскаго королевскаго лагеря пришло извѣстіе, что Хмельницкій идетъ спасать осажденныхъ, а ханъ присоединяетъ свои орды къ нему на помощь. Король требовалъ, чтобъ Кондрацкій и Донгофъ постарались, какъ-можно-скорѣе, взять крѣпость (78). Казаки, ободряемые господаршею и Ѳедоренкомъ, были въ безпрестанныхъ битвахъ, но голодъ между ними усиливался до-того, что, лишенные хлѣба и воды, они грызли кожу; (79) изъ двадцати тысячъ оставалось въ живыхъ только восемь тысячъ (80). Они съ-часу-на-часъ дожидались Богдана, но Богданъ не приходилъ, а между-тѣмъ, вмѣсто избавителей, могъ появиться къ нимъ польскій король съ войскомъ. Снова началось волненіе. Одни не надѣялись пощады отъ поляковъ, которыхъ раздражали упорствомъ (81) истребивъ нѣсколько тысячъ союзниковъ во время осады (82), другіе, напротивъ, изнуренные голодомъ, выбивались изъ силъ и готовы были сдаться, тѣмъ болѣе, что Маховскій нѣсколько разъ предлагалъ имъ пощаду отъ имени короля (83). Ѳедоренко предпочи-

(78) «Лѣтоп. Величка.» I, 147.
(79) «Истор. мал. Росс.» I, 291.
(80) «Лѣтоп. Величка.» 146.
(81) «Wojna dom.» Ч. 3, 99.
(82) «Лѣтоп. Величка. I, 146.
(83) Ibid.

талъ смерть сдачѣ. Но тогда, господарша, видя крайность, сама сказала полковнику: «Уже теперь дѣться некуда; намъ бѣда не только отъ враговъ, но и «отъ своихъ, потому-что, съ-часу-на-часъ, надобно «ожидать явнаго возмущенія: если среди внутренняго «безпорядка враги возьмутъ насъ, то истребятъ всѣхъ «огнемъ и мечомъ, а если мы сдадимся на честныя «условія, то спасемъ жизнь, свободу и имущества». Өедоренко послалъ трубача къ Кондрацкому ([84]). «Мы готовы сдаться на предложенія отъ имени ко«роля (извѣщалъ онъ); но знайте, что хотя казаки «въ крайнемъ положеніи, хотя голодъ терзаетъ насъ «и оружіе непріятельское не даетъ намъ ни на мину«ту покоя, однако мы готовы лучше, защищаясь, «положить свои головы, какъ прилично храбрымъ, «чѣмъ купить жизнь цѣною такой сдачи, которая бу«детъ гнустною» ([85]).

Кондрацкій сообщилъ предложеніе Өедоренка Маховскому и Кимени ([86]). Полководцы чрезрычайно обрадовались, потому-что боялись прибытія Хмельницкаго ([87]). Немедлинно составили и отослали Өедоренку продложенія такого содержанія:

([84]) «Histor. ab. exc. Wład. IV.» 129.
([85]) «Annal. Polon. Clim.» I, 388.
([86]) «Histor. ab. exc. Wlad. IV.» 129.
([87]) «Annal. Polon. Clim.» I, 390.

«казаки должны присягнуть въ вѣрности королю, «и Речи-Посполитой и въ сохраненіи пріязни къ «трансильванскому князю и обоимъ волошскимъ гос«подарямъ; положить предъ генералами и коммис«сарами знамена, въ знакъ покорности и примире«нія, и взять потомъ съ собою, исключая десяти, «подъ которыми войдутъ въ польскій лагерь, поло«жить также всѣ пушки и оружіе, и взять ихъ съ «собою подъ клятвою не обращать противъ союзни«ковъ, ни подъ какимъ предлогомъ не брать съ со«бою ничего, принадлежащаго собственно крѣпости, «а также оставить имущество Тимоѳея и все, взятое «во время войны въ молдавскихъ церквахъ; никого «чужаго не выводить съ собою, и не оказывать на «пути въ Украину никакихъ непріязненныхъ дѣй«ствій. Господаршѣ предоставлено ѣхать съ сыномъ «своимъ, со всею свитою и имуществомъ, куда ей «угодно, а все, принадлежавшее бывшему господа«рю, казенное и боярское, должно перейти въ рас«поряженіе новаго господаря, Стефана» ([88]).

Ѳедоренко принялъ немедленно условія. Впослѣдствіи носились слухи, что Кондрацкій, услышавъ о

([88]) «Histor. ab. exc. Wlad. IV.» 130. — «Annal. Polon. Clim.» I, 388. — «Кратк. опис. о бун. Хмельн.» 49. — «Wojna dom.» Ч. 3, 100. — «Лѣтоп. Величка.» 147.

приближеніи Хмельницкаго и не желая со стыдомъ бѣжать изъ-подъ Сочавы, подкупилъ Ѳедоренка за огромныя деньги согласиться на мирныя условія. Скорую послѣ того смерть Кондрацкаго нѣкоторые приписывали ипохондріи, которая постигла его отъ горести о потерянныхъ деньгахъ ([89]).

Какъ бы то ни было, 9 октября, Ѳедоренко, въ сопровожденіи сотниковъ и старшины, явился въ польскій лагерь и, въ присутствіи военачальниковъ, съ поднятыми вверхъ пальцами, произнесъ предъ евангеліемъ присягу въ томъ, что казаки не будутъ предпринимать ничего непріязненнаго противъ Польши и союзниковъ ([90]). Стефанъ вступилъ въ зáмокъ. «Жена Липулы (говоритъ современникъ) съ твердостью встрѣтила супругу соперника, теперь заступившую ея мѣсто ([91]), и, сохраняя свое достоинство, уѣхала съ приближенными женщинами. Однако Стефанъ не отпустилъ ее безъ мщенія: онъ приказалъ распороть ноздри сыну Василія, чтобъ онъ не могъ быть господаремъ по причинѣ уродства» ([92]). Немного поживился въ крѣпости новый господарь, какъ ожидалъ, думая, что богатства Липулы несмѣтны. Преду-

---

([89]) «Annal. Polon. Clim.» I, 390.
([90]) Ibid. I, 389. — «Лѣтоп. Величка.» I, 148.
([91]) «Annal. Polon. Clim.» I, 390.
([92]) »Истор. Мал. Росс.» I, 292.

**

смотрительный Липула заранѣе пустилъ свои капиталы въ оборотъ, раздавъ венеціанскимъ, амстердамскимъ и данцигскимъ негоціантамъ на проценты ([93]). Побѣдителю досталось только много драгоцѣнныхъ камней и дорогихъ металлическихъ вещей, но и то бо̀льшею частью было раздарено поздравлявшимъ его съ побѣдою ([94]). Въ знакъ благодарности, онъ послалъ польскому королю сто яловыхъ коровъ и нѣсколько бочекъ меда и вина къ столу ([95]). Поляки взяли съ собою также нѣсколько орудій и такимъ образомъ отправились къ лагерю ([96]).

Хмельницкій получилъ извѣстіе о ранѣ сына среди приготовленій къ защитѣ Украины противъ нашествія короля, готоваго вступить въ русскую землю и, въ порывѣ горести, перемѣнилъ свои планы и рѣшился двинуться въ Молдавію. Старшины вознегодовали на него. На собранной радѣ полковники сказали: «Не потре́бно намъ чужу́ зе́млю обороня́ты, «а свою́ безъ остерега́нья мета́ты, потрѐба намъ за «себе́ стоя́ты и свою́ землю обороня́ты.» Гетманъ, бывъ тогда пьянъ, взбѣсился и саблею ударилъ по

([93]) «Annal. Polon. Clim.» I, 390. — «Wojna dom.» Ч. 3, 101.

([94]) «Кратк. истор. о бунт. Хмельн.» 49.

([95]) Ibid. — «Wojna dom.» Ч. 3, 101.

([96]) «Annal. Polon. Clim.» I, 390.

рукѣ черкасскаго полковника Ворonченка, но потомъ, опомнившись и, вѣроятно, увидѣвъ, что эта горячность еще болѣе вооружила противъ него подчиненныхъ, просилъ прощенія, три раза поклонился казакамъ въ землю, выкатилъ имъ меду и сквозь слезы умолялъ ихъ: «Диткы мои! Напыйтеся та и менé «не подайте!» Такая кротость восхитила вольныхъ казаковъ.

»Пáне гетмáне!» кричали казаки: «нехáй твоя вóля бýде, а мы съ тобóю уси готóви» ([97]).

Хмельницкій оставилъ для обереганія Украины полки: нѣжинскій, переяславскій и черниговскій, подъ начальствомъ Золотаренка и приказалъ ему стать подъ Черниговъ, на случай вторженія литовскаго войска ([98]). Въ Бѣлоруссію посланъ былъ съ казацкимъ отрядомъ Подобайло для возмущенія хлоповъ. Онъ разглашалъ, что царь московскій идетъ освободить отъ насилія польскихъ пановъ ([99]). Казаки тѣмъ легче согласились идти въ Молдавію, что и война противъ поляковъ должна была разъиграться въ этой странѣ, или въ сосѣдствѣ ея.

На дорогѣ неожиданно встрѣтилъ Богданъ казаковъ, возвращавшихся изъ Сочавы. Они везли съ

([97]) «Истор. Мал. Росс.» I, прим. 302.
([98]) «Лѣтоп. самов.» 21.
([99]) «Annal. Polon. Clim.» I, 392.

собою гробъ Тимоѳея. «Слава Богу! (сказалъ старикъ.) «Мой Тимоѳей умеръ какъ казакъ, и не до«стался въ руки враговъ» ([100]).

Казаки представили ему плѣннаго польскаго ротмистра Могильницкаго. Вопреки договору, онъ напалъ на нихъ на пути и хотѣлъ отнять тѣло Хмельницкаго, но казаки разсѣяли отрядъ и взяли въ плѣнъ предводителя ([101]). Польскій современникъ представляетъ это дѣло иначе и обвиняетъ въ вѣроломствѣ казаковъ. Могильницкій, по словамъ его, былъ данъ казакамъ для того, чтобъ привести ихъ въ королевскій лагерь для доставленія пушекъ; но на Днѣстрѣ, когда поляки вышли пасти лошадей, казаки напали на нихъ и насильно повлекли съ собою предводителя въ Украину. Они обманули Кондрацкаго: они оставили ему четырехъ заложниковъ, выдавая ихъ за знатныхъ чиновниковъ, а потомъ объяснилось, что это были простые казаки ([102]). Трудно рѣшить, кто правъ изъ историковъ воюющихъ между собою народовъ.

Хмельницкій приказалъ вести тѣло сына въ Чигиринъ, поставить въ церковь и не хоронить до своего возвращенія. Останки юноши были привезе-

---

([100]) «Истор. мал. Росс.» I, 293.
([101]) «Лѣтоп. повѣств. о Мал. Росс.» 170.
([102]) «Annal Polon. Clim.» I, 389.

ны, 22-го октября, въ Чигиринъ. Убитая горемъ, Домна Розанда, родившая въ отсутствіе мужа двухъ близнецовъ, встрѣтила гробъ за городомъ, вмѣстѣ съ женою Хмельницкаго и дочерьми его. Погребальный звонъ сливался вмѣстѣ съ пушечными и ружейными выстрѣлами: такъ слѣдовало отдавать послѣдній долгъ рыцарю ([103]).

Между-тѣмъ, отецъ шелъ далѣе; ханъ слѣдовалъ къ нему на помощь. Короля, по взятіи Сочавы, ничто болѣе не останавливало въ намѣреніи идти въ Украину, и польское войско двигалось по направленію къ Бару ([104]). Хмельницкій распустилъ слухъ, дошедшій до короля, будто онъ, вовсе не зная о сдачѣ Сочавы, идетъ на выручку своихъ ([105]). Въ это время случилось, что одна передовая польская хоругвь наткнулась подъ Баромъ на татаръ и, въ страхѣ, побѣжала назадъ. Жолнеры приносили ужасныя вѣсти, будто ханъ съ безчисленными ордами находятся ужь подъ Баромъ.

Это извѣстіе было несправедливо: около Бара проявился не ханъ, а татарскій загонъ, но поляки не пошли далѣе ([106]), чтобъ не разлучиться съ союз-

---

([103]) «Истор. мал. Росс.» I, 293.
([104]) «Histor. ab. exc. Wład. IV.» 128.
([105]) «Лѣтоп Величка. I, 148.
([106]) «Wojna dom.» Ч. 3, 102.

никами, воротились подъ Каменецъ и остановились лагеремъ подъ Жванцемъ, на берегу Днѣстра, противъ, лежащаго за Днѣстромъ, Хотина, въ пятнадцати верстахъ отъ Каменца.

Мѣстоположеніе, избранное польскимъ обозомъ, было очень-выгодно для оборонительной войны: съ юга закрывалъ его Днѣстръ, съ сѣвера — большая болотистая долина, съ фронта — укрѣпленный за́мокъ, а съ запада — овраги и лѣса. Съ великимъ трудомъ поляки сдѣлали плотину чрезъ Днѣстръ для сообщенія съ союзниками ([107]). Войско состояло изъ тридцати тысячъ поляковъ, двадцати, а по двугимъ двадцати-девяти тысячъ нѣмецкой пѣхоты ([108]) и восьми тысячъ новобранцевъ, присланныхъ изъ воеводствъ ([109]); сверхъ того, на другой сторонѣ Днѣстра, около Хотина, стояли союзники: десять тысячъ венгровъ подъ начальствомъ Кимени и три тысячи волоховъ ([110]). Польскіе писатели не показываютъ, какъ велико было число лановыхъ, а украинскій лѣтописецъ простираетъ число всего королевскаго войска до восьмидесяти тысячъ ([111]). Но всего вообще народа въ

([107]) «Annal. Polon. Clim.» I, 393.

([108]) «Histor. ab. exc. Wład. IV.» 130. — «Latop. Jerl.» 157.

([109]) «Annal. Polon. Clim.» I, 394.

([110]) Ibid. — «Histor. ab. exc. Wład. IV.» 130.

([111]) «Лѣтоп. Величка.» I, 151.

польскомъ лагерѣ было еще болѣе, потому-что, кромѣ настоящихъ жолнеровъ, поляки брали съ собою множество нефронтовыхъ слугъ и погонщиковъ, годныхъ къ битвѣ, которыхъ можно было употребить, при случаѣ, въ дѣло. Ракочій подтвердилъ съ Іоанномъ-Казимиромъ союзъ дѣйствовать общими силами противъ враговъ ([112]); силистрійскій паша, по взятіи Сочавы, двинулъ назадъ войска, предназначенныя для помощи Хмельницкому, въ случаѣ необходимости ([113]); написалъ къ польскому канцлеру ласковое письмо ([114]). Турція остерегалась столько же Хмельницкаго, сколько и Ракочія. Самъ ханъ, услышавъ о взятіи Сочавы, остановился и началъ снова охладѣвать въ своемъ предпріятіи. Такимъ-образомъ много надеждъ представлялось полякамъ.

Надежды эти были пустыя. Хмельницкій обѣщалъ хану имущество Липулы и своего сына, и указывалъ, что теперь-то самое вѣрное средство уничтожить въ конецъ поляковъ ([115]). Казацкій гетманъ составилъ тогда планъ войны очень-замысловатый: онъ воспользовался мѣстностью, гдѣ стояли поляки, и научилъ хана послать татарскіе загоны на Волынь,

---

([112]) «Histor. ab. exc. Wlad. IV.» 131—132.
([113]) »Лѣтоп. Величка.» I, 148.
([114]) «Histor. ab. exc. Wlad. IV.» 130.
([115]) «Annal. Polon. Clim.» I, 391.

чтобъ отрѣзать непріятельское войско отъ отечества ([116]) и съ намѣреніемъ началъ медлить для того, чтобъ продержать непріятеля до зимы ([117]): онъ зналъ, что продовольствіе у него скоро истощится, что воины, не получая жалованья, не запасшись на зиму теплымъ платьемъ, не станутъ служить, и готовился напасть на враговъ тогда, когда ужь они дойдутъ до критическаго положенія. На сторонѣ Хмельницкаго было много выгодъ: онъ зналъ все, что̀ дѣлалось въ польскомъ лагерѣ, между-тѣмъ, какъ враги его не получали вѣрныхъ извѣстій о татарахъ и казакахъ. Хотя изъ польскаго лагеря, одинъ за другимъ, выѣзжали подъѣзды, кружили по Украинѣ, добѣгали даже до Днѣпра, а въ лагерь при[illegible]и какого-нибудь поселянина, который или не [illegible]ъ ничего, или не хотѣлъ ничего сказать ([118]).

Татарскіе загоны грабили по Волыни, Подоли и Червоной Руси до самаго Львова и протянулись линіею, чтобъ преградить полякамъ обратный путь. Такимъ-образомъ поляки стояли до половины ноября въ бездѣйствіи. Лановые жолнеры кричали, что срокъ ихъ кончился, что они обязывались служить только три мѣсяца и требовали отпуска. Всѣ убѣжденія и

([116]) Ibid. I, 392.
([117]) «Лѣтоп. повѣств. о мал. Росс.» 171.
([118]) «Wojna dom.» Ч. 3, 104.

обѣщанія гетмана и полководцевъ были напрасны ([119]). «Они (говоритъ лѣтописецъ) не дорожили честью, но стыдились безславія, самовольно убѣгали, и, вмѣсто прибытія домой, обыкновенно попадались въ руки татарамъ и высказывали непріятелю о безпорядкахъ въ польскомъ лагерѣ» ([120]). Даже тѣ, которымъ удавалось избавиться отъ татарскаго загона, приходили домой полунагіе; слуги и погонщики обирали ихъ ([121]). Въ то время своевольство дошло до такой степени, что шляхтичи набирали разнаго рода бродягъ, одѣвались въ татарское или казацкое платье, и безчинствовали въ селахъ и мѣстечкахъ. Бѣглецы изъ войска или попадались въ руки подобныхъ себѣ, или же сами собою увеличивали толпы разбойниковъ. Такіе безпорядки происходили безнаказанно; нѣкоторые попадались въ руки мѣщанамъ и, бывъ приведены на судъ, оправдывались, потому-что были дворяне ([122]).

Примѣръ лановыхъ подѣйствовалъ и на кварцяныхъ. Послѣ праздника св. Мартина, обыкновенно польскія войска распускались на зимовыя квартиры. Жолнеры роптали, что ихъ держатъ вопреки закон-

---

([119]) «Histor. pan. Jan. Kaz.» I, 168.
([120]) »Annal. Polon. Clim.» I, 326.
([121]) «Wojna dom.» Ч. 3, 103.
([122]) «Krona miasta Lwowa.» 333.

ному положенію и притомъ не платятъ и не даютъ ѣсть. Многіе расходились самовольно. Король раздавалъ имъ деньги изъ собственной кассы ([123]), но и то не успокоило ихъ, потому-что въ лагерѣ недоставало продовольствія и за деньги; притомъ осенніе дожди и холодъ дѣлали несноснымъ положеніе воиновъ въ шалашахъ и палаткахъ. Воины окоченѣвали отъ стужи; распространились смертельныя болѣзни; въ-особенности страдала нѣмецкая пѣхота, лучшее и надежнѣйшее войско въ обозѣ ([124]). Въ то же время оставили короля и союзники. Венгры ушли, несмотря на то, что король платилъ имъ понедѣльно: они отговаривались тѣмъ, что пришли подъ Хотинъ безъ зимней одежды ([125]). Молдаване не только ушли прежде всѣхъ, какъ только заслышали о приближающемся непріятелѣ ([126]), но сдѣлались изъ союзниковъ врагами поляковъ: голодные польскіе жолнеры пустились собирать продовольствіе по Молдавіи, грабили, что̀ попадало, разоряли домы, виноградники, скотные дворы и даже насиловали дѣвушекъ и женщинъ; взбѣшенные молдаване гонялись

([123]) «Лѣтоп. Величка.» I, 149. — «Wojna dom.» Ч. 3, 103.

([124]) «Wojna dom.» Ч. 3, 103.

([125]) «Annal. Polon. Clim.» I, 375.

([126]) «Histor. ab. exc. Wład. IV.» 130.

за ними и пришли къ такое ожесточеніе, что безъ разбора каждаго польскаго воина, котораго встрѣчали въ своихъ деревняхъ, рѣзали, сажали на колъ, топили въ водѣ, вѣшали на деревѣ ([127]). При такомъ печальномъ положеніи войска, между предводителями возникли несогласія; на короля роптали. «Мы (говорили паны) провели весну, лѣто и осень въ без-«полезныхъ разсужденіяхъ и совѣтахъ, и теперь дол-«жны сражаться зимою, когда у насъ нѣтъ ни одеждъ, «ни припасовъ, когда холодный и голый жолнеръ не «въ силахъ зарядить пушки» ([128]).

Хмельниикій, зная о такомъ положеніи непріятеля, увидѣлъ, что настаетъ наконецъ пора дѣйствовать и побудилъ хана осадить польское войско, чтобъ выморить его голодомъ. Въ-самомъ-дѣлѣ, поляки, по собственному сознанію ихъ, обречены были въ гибель. Непріятельское войско двинулось на нихъ во второй половинѣ ноября.

Поляки все еще не знали ничего, и первое извѣстіе о приближеніи хана принесъ вѣрный королю казакъ Яснобурскій. Онъ извѣстилъ, что несмѣтныя орды Исламъ-Гирея находятся ужь подъ Шаргоромъ; что ханъ послалъ къ Ракачію и молдавскимъ господарямъ посольство. Тогда Шембергъ нарядился въ

([127]) «Annal. Polon. Clim.» I, 395.
([128]) «Wojna dom.» Ч. 4, 105.

молдавское платье, взялъ съ собой шесть человѣкъ и, встрѣтивъ татарскаго посла, привѣтствовалъ его на волошскомъ языкѣ и объявилъ, что господарь, услышавъ о посольствѣ хана, выслалъ его на встрѣчу. Отъ имени господаря онъ изъявлялъ желаніе измѣнить полякамъ и пристать къ татарамъ и казакамъ. Татаринъ довѣрился ему и продолжалъ съ нимъ путь, какъ вдругъ, воспользовавшись его оплошностью, Шембергъ съ своею малочисленною свитою схватилъ татарина и ускокалъ въ польскій лагерь ([129]). Ханскія письма прочитаны были въ военномъ совѣтѣ. «Если ты (писалъ ханъ Ракачію) не отстанешь отъ «поляковъ, то не сомнѣвайся, что тебѣ будетъ очень «худо. Я изолью обильное мщеніе надъ цѣлымъ тво«имъ народомъ; ты всему причиною: ты напалъ на «стараго господаря и выгналъ его. Теперь, если хо«чешь спастись отъ совершеннаго разоренія, то от«ступи отъ поляковъ, пришли мнѣ подарки и дѣй«ствуй въ мою пользу» ([130]). Подобныя предложенія были ужь въ другой разъ ([131]), и, вѣроятно, страшась хана и Турціо, Ракочій самъ приказалъ Кимени заблаговременно уйдти. Стефанъ молдавскій,

---

([129]) »Annal. Polon. Clim.» I, 332.

([130]) «Wojna dom.» Ч. 3, 104. — «Лѣтоп. Величка.» 149.

([131]) «Annal. Polon. Clim.» I, 391.

овладѣвъ съ помощью поляковъ, престоломъ, также разсудилъ спокойно пользоваться имъ.

Поляки начали разспрашивать татарина. «Хмельницкій и ханъ (скалалъ онъ) знаютъ, что войско «ваше изнурено до крайности и намѣреваются отрѣзать васъ отъ Польши. Загоны заняли ужь всю Подоль и Покутье; васъ примкнутъ къ Днѣстру и будутъ всю зиму морить холодомъ и голодомъ. Для «этого ханъ приказалъ татарамъ запастись тулупами« ([132]). Тогда, говоритъ русскій лѣтописецъ, въ въ польскомъ войскѣ возникъ страхъ пилявскій, винницкій и зборовскій. Многіе, не только простыя, но и знатныя особы, безъ позволенія бросили войско и побѣжали ([133]). Чрезъ нѣсколько дней поляки узнали, что уже ханъ подъ Гусятинымъ. Намѣреніе хана было ясно: онъ могъ изъ-подъ Шаргороди ближе напасть на поляковъ, но пошелъ на западъ, чтобъ отрѣзать имъ совершенно путь въ Польшу ([134]).

Предводители собрали совѣтъ.

— Единственное средство, говорили одни:—выйдти на встрѣчу непріятеля и дать рѣшительное сраженіе.

([132]) «Лѣтоп. Величка.» I, 149. — «Кратк. опис. о бунт. Хмельн.» 50. — «Wojna dom.» Ч. 3, 104.

([133]) «Annal. Polon. Clim.» I, 396.

([134]) «Wojna dom.» Ч. 3, 106. — «Лѣтоп. Беличка.» I, 150.

— Это значитъ, возражали имъ на совѣтѣ: — отдать на погибель короля и все войско. Посмотрите на нашихъ воиновъ и сравните съ непріятельскими: у непріятеля сила такая же, какъ подъ Берестечкомъ! Да еще можетъ присоединиться къ Хмельницкому здѣшняя чернь. Гораздо лучше поскорѣе убѣжать домой чрезъ Покутье и какъ-нибудь обмануть непріятеля.

Большинство придерживалось такого мнѣнія.

— Это невозможно, говорили третьи: — всѣ проходы заняты казаками и татарами; они насъ будутъ преслѣдовать со всѣхъ сторонъ: намъ остается положиться на судьбу, молиться Богу и оставаться на мѣстѣ. Мѣстоположеніе здѣсь удобно: воды отнять у насъ нельзя (135), а продовольствіе будемъ получать изъ Молдавіи (136).

— А кто же поручится, возражалъ имъ Любомирскій: — что враги не окружатъ насъ со всѣхъ сторонъ? Конечно этого надобно ждать. Если мы останемся въ такомъ положеніи еще нѣсколько дней, то невѣрные будутъ насъ брать полуживыхъ отъ голода и холода, и вязать, какъ барановъ. Надобно было думать объ этомъ прежде; а когда мы ужь допустили себя до такого положенія, то, чтобъ, по-

---

(135) «Лѣтоп. Величка.» I, 150.
(136) «Annal. Polon. Clim.» I, 397.

крайней-мѣрѣ, не погибнуть даромъ, предложимъ хану войти въ переговоры и попробуемъ разлучить татаръ съ казаками ([137]).

Противъ этого мнѣнія возникли неудовольствія; начали еще совѣтовать раздѣлить войско и отправить часть его на татаръ. Любомирскій представлялъ несообразность такого предпріятія, но король, постоянно-недовольный Любомирскимъ, грубо отвергнулъ его представленія ([138]), рѣшился испробовать счастья, приказалъ всему войску оставаться въ обозѣ и отправилъ въ поле отрядъ подъ начальствомъ Клодзинскаго. Едва этотъ отрядъ выѣхалъ въ поле, какъ татары напали на него, разбили, и самъ Клодзинскій, раненый въ затылокъ, едва спасся въ обозъ съ вѣстью, что ханъ со всею ордою ужь подъ Кудринцами, верстъ за восемь отъ Жванца ([139]).

Іоаннъ-Казимиръ, по увѣренію современника, замышлялъ-было съ нѣкоторыми приближенными уйдти тихонько, оставя войско на произволъ судьбы, но другіе узнали и не допустили его до этого ([140]). Убѣждаемый канцлеромъ Корыцинскимъ, онъ дол-

---

([137]) «Wojna dom.» Ч. 3, 306. — «Pamiętn. o wojn. kaz. za Chm.» 127.

([138]) «Annal. Polon. Clim.» I, 397.

([139]) «Крат. истор. о бунт. Хмельниц.» 31. — «Annal. Polon. Clim.» I, 398. — «Wojna dom.» Ч. 3, 107.

([140]) «Latop. Jerlicza.» 152.

женъ былъ по-неволѣ пристать ко мнѣнію Любомирскаго ([141]). «Поляки (говоритъ современникъ) ([142]) увидѣли, что ни подъ Зборовымъ, ни въ другомъ мѣстѣ отечество не было въ такой опасности. Польша готова была лишиться всего священнаго и драгоцѣннаго, что̀ называла своимъ, и даже предковскихъ гробовъ. Предводители съ ужасомъ замѣтили, что изъ всей пѣхоты осталось только четыре тысячи: остальное умерло съ голода или разбѣжалось. Въ отчаяніи, жолнеры начали окапываться, а предводители совѣтовались, какъ преклонить хана, и вдругъ ханскій визирь присылаетъ въ лагерь канцлеру записку слѣдующаго содержанія:

«Неприлично такому монарху, какъ польскій ко-«роль, закапываться въ землю и прятаться за ни-«чтожными валами предъ голыми татарами. Къ-чему «томить и себя и васъ? Выходите въ поле и рас-«правьтесь съ нами оружіемъ, или помиримся.»

Канцлеръ отвѣчалъ ему такъ:

«Неприличнѣе хану, монарху, вести *побратым-«ство* съ холопами. Гораздо приличнѣе быть бра-«томъ короля. Мы готовы и на то и на другое: и расправиться оружіемъ и заключить миръ» ([143]).

([141]) «Annal. Polon. Clim.» I, 397.

([142]) «Wojna dom. Ч, 3, 110.

([143]) «Лѣтоп. Величка.» I, 151. — «Wojna dom.» Ч. I, 107. — «Кратк. ист. о бунт. Хмельн.» 51.

Въ тоже время прислалъ ханскій визирь письмо къ Любомирскому, просилъ освободить Фетака, своего слугу, попавшагося въ плѣнъ, и предлагалъ маршалу идти по слѣдамъ своего отца и устроить миръ между монархами. Любомирскій изъявилъ готовность, но показывалъ видъ, что поляки еще способны къ защитѣ ([144]). Король отправилъ лейтенанта, польскаго гетмана, Войниловича для предварительныхъ совѣщаній ([145]). Тутъ Хмельницкій принялся всѣми силами отклонять хана отъ примиренія и убѣждалъ поскорѣе сдѣлать нападеніе ([146]); но ханъ искалъ только своей выгоды: ему нужно было возвратить дань, которой лишило его берестечское пораженіе; онъ боялся возвышенія Хмельницкаго, зналъ о его сношеніи съ царемъ и давно ужь внутренно былъ къ нему нерасположенъ ([147]). Видя, что ханъ рѣшительно склоняется къ миру, Хмельницкій выслалъ на битву своихъ казаковъ и пригласилъ ногайскую орду: союзники кинулись къ обозу и начали сраженіе, ([148]) пагубное для поляковъ ([149]) при ихъ край-

---

([144]) «Annal. Polon. Clim.» I, 398—399.

([145]) «Wojna dom.» Ч. 3, 108. — «Кратк. истор. о бунт. Хмельниц.» 51. — «Annal. Polon. Clim.» I, 400.

([146]) «Лѣтоп. Велич.» I, 151.

([147]) «Истор. о през. бр.»

([148]) «Annal. Polon. Clim.» I, 399—401.

([149]) «Истор. о през. бр.»

немъ безсиліи. Въ этой стычкѣ отличался Морозенко или Морозовицкій, бывшій полковникъ корсунскій. Съ 1649 года имя его не упоминается; гдѣ былъ онъ — неизвѣстно, но народная пѣсня, воспѣвая дѣло подъ Жванцемъ, прославляетъ его подвиги. Сраженіе было прервано пріѣздомъ посла ханскаго вмѣстѣ съ Войниловичемъ.

Войниловичъ увѣрялъ, что ханъ дѣйствительно хочетъ мира и даже есть надежда разсорить его съ Хмельницкимъ. Ханскій посолъ оправдывался въ нападеніи на поляковъ и объяснилъ, что это дѣло безбожнаго, какъ онъ выражался ([150]), Хмельницкаго: онъ предлагалъ назначить мѣсто для переговоровъ, отрядить коммиссаровъ и размѣняться заложниками. Одинъ изъ мурзъ оставленъ былъ въ польскомъ лагерѣ; въ ханскій лагерь поѣхалъ яворовскій староста, Янъ Собѣйскій ([151]).

4-го декабря, на-разсвѣтѣ, прибыли подъ Каменецъ съ обѣихъ сторонъ коммиссары для заключенія мира. Коммиссарами назначены были: коронный канцлеръ Корыцинскій, Любомирскій, Ляндскоронскій — русскій воевода ([152]); другіе историки говорятъ, что,

([150]) «Histor. pan. Jan. Kaz. I, 173. — «Annal. Polon. Clim. I, 409.

([151]) «Wojna dom.» Ч. 3, 109. — «Кратк. истор. о бунт. Хмельниц.» 51.

([152]) «Annal. Polon. Clim.» I, 402.

кромѣ ихъ, выѣхалъ изъ лагеря польный гетманъ съ нѣсколькими знатнѣйшими старостами ([153]). Ханъ выслалъ съ своей стороны Шефферкази, Карачъ-Мурзу и Сегинь-Мурзу ([154]).

— Государь мой (началъ ханскій канцлеръ) привѣтствуетъ брата своего, короля, и удивляется, почему зборовскій договоръ между ними нарушенъ: за Польшею остается неуплаченными хану болѣе ста тысячъ червонцевъ.

— Король, съ своей стороны, привѣтствуетъ хана и думаетъ, что вся Европа должна удивляться, почему зборовскій договоръ нарушенъ со стороны хана. Польскій король не отказывается отъ платежа ста тысячъ червонцевъ, если только, его величество, ханъ, помня нашъ союзъ, отступитъ отъ измѣнниковъ, и нарушителей общественнаго спокойствія — казаковъ ([155]).

— Миръ можетъ состояться, если поляки, во первыхъ, заплатятъ намъ сто тысячъ червонцевъ и будутъ потомъ ежегодно исправно платить намъ, на основаніи зборовскаго договора съ ханомъ; во вторыхъ, если позволятъ ордѣ, возвращаясь, брать

([153]) «Wojna dom.» Ч. 3, 109. — «Кратк. истор. о бунт. Хмельниц.» 51. — «Лѣтоп. Величка.» I, 154.
([154]) Ibid. — «Annal. Polon. Clim.» I, 402.
([155]) «Histor. ab. exc. Wład. IV.» 132.

*

сколько угодно яссыру въ польскихъ областяхъ; и втретьихъ, если подтвердятъ казакамъ зборовскій договоръ ([156]).

Само-собою разумѣется, что второе предложеніе было неслыханное и показывало полякамъ крайній упадокъ ихъ отечества. Но когда король и паны получили отъ коммиссаровъ извѣстіе объ этихъ требованіяхъ, то всего болѣе раздражались тѣмъ, что ханъ домогается зборовскаго договора для казаковъ, и, въ порывѣ досады, приказали выступить всему войску, съ намѣреніемъ дать бой ([157]). Охота къ брани начала, однако, проходить, когда увидѣли, ка́къ мало осталось войска и въ какомъ печальномъ положеніи находились эти бѣдные остатки ([158]). Коммиссары написали къ королю, что приготовленія къ битвѣ раздражаютъ татаръ, и что имъ самимъ угрожаетъ опасность, если король не оставитъ показывать готовность къ бою. Они просили денегъ, чтобъ задобрить ханскихъ коммиссаровъ. Король послалъ къ нимъ пять тысячъ червонныхъ золотыхъ ([159]).

([156]) «Annal. Polon. Clim.» 403. — «Wojna dom. Ч. 3, 109. — «Лѣтоп. Величка.» I, 154.

([157]) «Wojna dom.» Ч. 3, 110. — «Annal. Polon. Clim.» I, 404.

([158]) «Кратк. истор. о бунт. Хмельниц.» 53.

([159]) «Лѣтоп. Величка.» I, 154.

Получивъ деньги, татары перемѣнили тонъ и стали уступчивѣе. Когда, послѣ этого, съѣхались коммиссары, Шефферкази отозвалъ Любомирскаго въ сторону и сказалъ: «Не думайте, чтобъ ханъ цѣнилъ «лучше побратымство съ глупою чернью, чѣмъ съ «королемъ ([160]). Лишь бы король наградилъ за это ха- «на, а то мы отступимъ отъ казаковъ» ([161]).

Тогда договорились, что ханъ отказывается отъ казаковъ ([162]); но, чтобъ не раздражить ихъ, для вида постановили, будто король, въ числѣ условій, подтверждаетъ зборовскій договоръ казакамъ ([163]). Что касается права собирать яссыръ, то коммиссары постановили такую сдѣлку: король допускалъ татаръ впродолженіе сорока дней грабить, разорять и уводить въ плѣнъ единственно русскихъ жителей, отнюдь не касаясь поляковъ ([164]), то-есть дворянъ и католиковъ. Король и паны согласились на нее. Ляндскоронскій, сынъ воеводы, и Станиславъ Олесницкій

([160]) «Histor. ab. exc. Wład. IV.» 132.

([161]) «Annal. Polon. Clim.» I, 403.

([162]) «Histor. ab. exc. Wład. IV.» 133.

([163]) «Annal. Polon. Clim.» I, 404. — «Wojna dom.» Ч. 3, 111. — «Лѣтоп. Величка.» I, 155. — «Истор. о през. бр.»

([164]) «Histor. belli cosac. polon.» 223. — «Кратк. опис. о бунт. Хмельниц.» 51.

отправились къ хану заложниками вѣрности до уплаты суммы ([165]).

Напрасно Хмельницкій умолялъ хана не покидать его; напрасно уговаривалъ мурзъ просить за него.

«Безъ всякой вины нашей (говорилъ онъ хану) «твое величество оставляешь насъ и допускаешь сно«ва пасть въ бездну несчастія. Я помню твои благо«дѣянія; моя душа чувствуетъ ихъ и я готовъ все«гда отблагодарить за нихъ. Не обращай, государь, въ «погибель нашу то покровительство, которое намъ «приносило счастіе. Обратись лучше на поляковъ, «зачинщиковъ раздора, чѣмъ преслѣдовать несчаст«ныхъ казаковъ, лишенныхъ всякой помощи.»

Но ханъ былъ глухъ къ его моленіямъ; онъ отговаривался, что сдѣлалъ для него все, что̀ могъ, но не можетъ кормить голодныхъ татаръ обѣщаніями и словами. «Главное дѣло (замѣчаетъ польскій лѣтописецъ), Хмельницкій не могъ дать ему денегъ ([166]) столько, сколько посулили поляки». Другой современникъ замѣчаетъ, что ханъ положилъ себѣ дѣйствовать такъ, чтобъ не допускать до совершеннаго перевѣса ни поляковъ, ни русскихъ, а коль-скоро одни начнутъ усиливаться, онъ начиналъ защищать слабѣйшихъ, дабы, такимъ-образомъ, сосѣди безпре-

---

([165]) «Annal. Polon. Clim.» I, 409.
([166]) Ibid. I, 404.

станно сами себя терзали, а татары могли получать отъ того свою пользу ([167]). По заключенію трактата, ханъ игралъ предъ Хмельницкимъ роль покровителя и поздравлялъ его съ возвращеніемъ зборовскаго договора; а между-тѣмъ отправилъ въ польскій лагерь тайнаго посла. «Ханъ (говорилъ этотъ посолъ) изъ-«являетъ желаніе помогать принудить къ повинове-«нію казаковъ. Пусть только пригласятъ татаръ вое-«вать москалей и прикажутъ идти въ походъ и ка-«зацкому войску: тогда мы ихъ окружимъ и прида-«вимъ» ([168]).

Хмельницкій узналъ, что поляки и татары заключили такой договоръ на погибель Украины ([169]). Онъ не могъ противиться и дѣйствовать самъ противъ поляковъ: онъ могъ опасаться, что ханъ открыто соединится съ врагами. У него оставалась одна надежда на московскаго царя и потому онъ поспѣшилъ удалиться съ своимъ войскомъ. 16-го декабря н. с. уѣхалъ король во Львовъ, а за нимъ пошли на зимовыя квартиры остатки польскаго войска. Изъ него болѣе двадцати тысячъ нѣмцевъ оказалось погибшими подъ Жванцемъ отъ голода, стужи, болѣзней ([170]),

([167]) «Histor. belli cosac. polon.» 224. — «Истор. о през. бр.»

([168]) «Annal. Polon. Clim.» I, 405.

([169]) «Истор. о през. бр.»

([170]) «Latop. Jerl.» 153.

остальное вскорѣ забыло горе и начало дѣлать насиліе поселянамъ ([171]).

Тогда крымскія и ногайскія орды разсѣялись по брацлавскому и подольскому воеводствамъ, и весь край до самаго Люблина загорѣлся и задымился огнемъ и кровью. Это было слѣдствіе договора съ поляками! «О, какое горе! (восклицаетъ лѣтописецъ) какой плачъ, какое стенаніе! Языкъ не можетъ выразить всего ужаса этихъ дней: растлѣніе дѣвицъ, посрамленіе супругъ, лишеніе имуществъ, голодная смерть, стыдъ неволи и цѣпей!» ([172]) Но и поляки были тогда же наказаны за договоръ: хотя положено было разорять однихъ русскихъ, однако, своевольные ногайцы опустошали всю русскую страну по самую Припеть, не разбирая своихъ жертвъ, разоряли и сожигали шляхетскіе домы и болѣе пяти тысячъ шляхты — мужей, женъ и дѣвицъ — пошло на арканахъ въ Крымъ ([173]). Современники разсказываютъ, что подъ Дубномъ отправлялась свадьба знатнаго пана, венденскаго каштеляна Кашевскаго; на свадьбѣ было много гостей. Вдругъ, когда началось свадебное пиршество, гости услышали крикъ наро-

---

([171]) «Annal. Polon. Clim.» 405.

([172]) «Истор. о през. бр.»

([173]) «Histor. belli cosac. polon.» 223.» — «Кратк. опис. о бунт. Хмельниц.» 52.

да: *татары! татары!* и увидѣли пожаръ. Они считали невозможнымъ попасться въ руки невѣрныхъ, и въ то время, когда нѣкоторые схватилисиь-было за оружіе, другіе смѣялись надъ испугомъ товарищей и опорожняли чаши: вѣроятно, надѣясь на договоръ, они полагали, что бѣда отъ татаръ грозитъ только отверженнымъ холопамъ. Но татары ворвались въ палацъ, зажгли все строеніе и всѣхъ гостей, жениха, свадебныхъ дружекъ и поѣзжанъ погнали въ Крымъ на веревкахъ. Только полуживая мать и невѣста скрылись въ болотѣ ([174]).

Такое же разореніе постигло и Украину ([175]). Ханъ, возвращаясь изъ-подъ Жванца, позволилъ крымцамъ поступать съ украинцами, какъ угодно, и татары сожгли до основанія нѣсколько селеній и мѣстечекъ, а изъ другихъ увели въ плѣнъ всѣхъ жителей ([176]). «Тогда (говоритъ старинная пѣсня): *за-«журылась* Украина и увидѣла, что негдѣ ей дѣть-«ся; тогда орда топтала конями маленькихъ дѣтей,

---

([174]) «Истор. о през бр.» — «Лѣтоп. повѣтств. о Мал. Росс. 172.

([175]) «Annal. Polon. Clim.» I, 392. — «Wojna dom.» Ч. 3, 114. — «Кратк. истор. о бунт. Хмельниц.» 52.— «Истор. о през. бр.» — «Лѣтоп. повѣств. о мал. Росс.» 172. — «Histor. belli cosac. polon.» 224.

([176]) «Истор. о през. бр.»

**

рубила старыхъ, брала въ плѣнъ молодыхъ» ([177]). Такъ–то разсчитывалась бѣдная Украина за свое шестилѣтнее побратымство съ невѣрными! «Бусурманы (говоритъ лѣтописецъ) въ соумышленіи съ поляками хотѣли погубить до конца русскій народъ, но Богъ, запинаяй лукавыхъ въ коварствѣ, обрати и постави, яко же бѣ ему звѣстно въ неизслѣдимомъ совѣтѣ!» ([178]).

([177]) «Украин. народ. пѣсни, изд. Максим.»
([178]) «Истор. о през. бр.»

ГЛАВА XI.

Земская дума въ Москвѣ. — Прибытіе московскихъ пословъ въ Переяславль. — Переяславская рада 8-го января 1694 года. — Присяга. — Московскіе послы въ Кіевѣ. — Утвержденіе переяславскаго договора.

1-го октября, 1653 года, въ Москвѣ происходило великое событіе. Столица восточной Руси кипѣла множествомъ народа, прибывшаго изъ разныхъ сторонъ государства. Государь слушалъ обѣдню въ церкви Покрова Пресвятыя Богородицы, гдѣ служилъ патріархъ Никонъ. Потомъ, осѣняемый хоругвями и образáми, при громѣ колоколовъ, сопровождаемый духовенствомъ и мірянами, царь пошелъ въ грановитую палату и, въ царственномъ одѣяніи, сѣлъ на тронъ. По бокамъ его сѣли духовные: Никонъ, Сильвестръ, митрополитъ крутицкій, сербскій митрополитъ Михаилъ, нѣсколько почетныхъ архимандритовъ и игумновъ, бояре, окольничьи, думные люди, стольники, стряпчіе, дворяне московскіе, дворяне городовые, дѣти боярскіе; вся зала наполнилась людьми разнаго сословія; здѣсь были гости и торговые люди, наконецъ выборные изъ посадовъ и уѣздовъ и стрѣльцы. Это была Земская Дума или соборъ, собиравшійся въ важныхъ случаяхъ.

Воцарилось безмолвіе. Думный дьякъ съ возвышеннаго мѣста началъ читать вслухъ, что, по послѣднему миру съ поляками, было постановлено писать царскій титулъ по его государскому достоинству, какъ великій государь самъ себя описуетъ, но что въ королевскихъ грамматахъ и письмахъ разныхъ польскихъ магнатовъ открыто много ошибокъ; что, кромѣ-того, въ польскихъ книгахъ печатаны были такія «*злыя безчестья, и укоризны, и хулы, чего не только великимъ государямъ христіанскимъ, помазанникамъ Божіимъ, и простому человѣку слышати и терпѣти невозможно и помыслити страшно*»; что государь нѣсколько разъ посылалъ требовать удовлетворенія и не получалъ; что, притомъ, поляки дѣлали неоднократно разныя притѣсненія порубежнымъ жителямъ московскаго государства. Потомъ было объявлено, что гетманъ, Богданъ Хмельницкій, со всѣмъ войскомъ запорожскимъ нѣсколько разъ въ прошедшихъ годахъ извѣщалъ государя, что паны, рада и вся Речь-Посполитая возстали на православную вѣру греческаго закона, и на святыя Божія восточныя церкви, отвращали запорожскихъ казаковъ отъ истинной православной вѣры, неволили къ своей религіи, запечатывали церкви Божіи, обращали въ унію и причиняли православнымъ такія поруганія и оскорбленія, какихъ не дѣлаютъ надъ еретиками и жидами. Вслѣдъ затѣмъ, чтецъ описывалъ, ка́къ украинцы ополчились

за вѣру, ка́къ принудили поляковъ согласиться на уничтоженіе уніи, но поляки не исполняли договоровъ и клятвъ своихъ; ка́къ Хмельницкій со всѣмъ войскомъ запорожскимъ просилъ государя принять его подъ государеву высокую руку; а если государь не захочетъ, то, по-крайней-мѣрѣ, вступиться за нихъ и помирить ихъ съ поляками; ка́къ государь предлагалъ королю и Речи-Посполитой прощеніе оскорбителямъ царской чести, если, съ своей стороны, польское правительство помирится съ казаками на условіяхъ зборовскаго договора, перестанетъ преслѣдовать вѣру и уничтожитъ унію, и ка́къ король и паны отказали въ этомъ и снова начали воевать съ казаками. Это изложеніе гласило въ концѣ, что турецкій царь зоветъ украинскую чернь въ подданство, но гетманъ лучше хочетъ, чтобъ принялъ его государь подъ свою руку.

По окончаніи чтенія началось отбираніе мнѣній и голосовъ. Бояре первые дали такое мнѣніе.

«Когда Янъ-Казимиръ былъ избранъ на королев-
«ство, то присягалъ, чтобъ ему всѣхъ христіанъ,
«которыхъ вѣроисповѣданіе отлично отъ римско-ка-
«толическаго, остерегать и защищать, и никакимъ
«образомъ ни самому никого за вѣру не притѣснять,
«ни другимъ того не позволять; а если онъ своей
«присяги не сдержитъ, то подчиненные его освобож-
«даются отъ всякой вѣрности и послушанія. Но ко-

«роль, Янъ-Казиміръ, своей присяги не сдержалъ: «возсталъ на православную христіанскую вѣру греческаго закона, разорилъ многія Божія церкви, обратилъ другія въ уніатскія. Слѣдовательно гетманъ «Хмельницкій и все войско запорожское стали теперь, послѣ нарушенія королевской присяги, вольные люди. А потому, чтобъ не допустить ихъ въ «подданство турецкому султану или крымскому хану, слѣдуетъ гетмана, со всѣмъ войскомъ и со всѣми городами и землями, принять подъ высокую государеву руку.»

Потомъ отбирались мнѣнія у прочихъ сословій; всѣ согласились на то же и приговорили, что государь долженъ объявить войну Польшѣ и Литвѣ за оскорбленіе вѣры и своей царской чести. Гости и торговые люди вызвались участвовать въ общемъ дѣлѣ отечества вспоможеніями; люди служилые говорили, что идутъ биться противъ польскаго и литовскаго короля, не щадя головъ своихъ и рады умереть за честь государя. Всѣ безъ исключенія изъявили охоту жертвовать и достояніемъ и жизнью за важное дѣло. Патріархъ и духовенство благословили государя и всю державу, и сказали, что они будутъ просить Бога, Пресвятую Дѣву и всѣхъ святыхъ о пособіи и одолѣніи (1).

---

(1) «Полн. собр. закон. росс. имп.» I, 292, 301, 208.

Послѣ этого приговора Земской Думы, царь послалъ трехъ уполномоченныхъ пословъ: боярина Бутурлина, окольничьяго Алферьева и думнаго дьяка Лопухина съ товарищами въ Переяславль для принятія Украины подъ покровительство московскаго государя.

Послы прибыли въ Переяславль 31-го декабря, въ то время, когда еще Хмельницкій едва воротился изъ жванецкаго похода и находился въ Чигиринѣ, гдѣ хоронилъ сына и уговаривалъ къ принятію московской протекціи ея противниковъ. Онъ извинялся предъ послами невозможностью, переѣхать черезъ Днѣпръ, по причинѣ хилаго льда. Дорогихъ гостей принималъ переяславльскій полковникъ Тетеря, какъ хозяинъ города, недоброжелатель московской власти. За пять верстъ отъ города, съ сотниками и атаманами своего полка и шестью стами казаковъ онъ встрѣчалъ ихъ. Какъ только послы къ нимъ подъѣхали, казаки бросились съ лошадей; заиграли трубачи, довбиши ударили въ котлы. Тетеря проговорилъ имъ рѣчь. Вмѣстѣ съ казаками послы слѣдовали до городскихъ воротъ; тамъ были разставлены казаки и привѣтствовали гостей ружейнымъ залпомъ. У воротъ стоялъ переяславльскій протопопъ Григорій, со всѣмъ городскимъ духовенствомъ, въ полномъ облаченіи; около нихъ возвышались образа, церковные кресты и хоругви. Послы вышли изъ экипажей, при-

ложились къ святынѣ, приняли благословеніе и окропленіе святою водою отъ духовенства и выслушали привѣтственное слово протопопа. Послѣ того они шли пѣшкомъ черезъ городъ, осѣняемые образáми, при церковномъ пѣніи и громкихъ восклицаніяхъ народа въ церковь, гдѣ отправлено было молебствіе о царскомъ семействѣ (²).

6-го января пріѣхалъ гетманъ. Когда онъ выѣзжалъ изъ Чигирина, то сдѣлалъ обѣдъ послѣднимъ пятидесяти полякамъ, взятымъ на батогской битвѣ и только тогда выкупленнымъ. Отпуская ихъ, онъ сказалъ:

— Теперь, господа поляки, мнѣ кажется, что мы уже на вѣкъ разлучимся, такъ-что вы не будете наши, а мы ваши; этой потери вы себѣ никогда не можете вознаградить, да и мы никогда уже не покажемъ склонности къ вознагражденію. Не наша вина, а ваша, а потому жалуйтесь на самихъ себя за то, чтó вы добровольно, по вашему неблагоразумію и легкомыслію, потеряли (³).

8-го января онъ назначилъ общую раду въ Переяславлѣ. По разсвѣтѣ, въ седьмомъ часу утра, довбиши забарабанили въ литавры; переяславльская площадь начала наполняться. Между-тѣмъ у гетмана

(²) «Истор. Мал. Росс.» I, 309.
(³) «Лѣтоп. Величка.» I, 160.

происходила тайная рада съ генеральною старшиною. По призыву гетмана, приглашены были къ этому времени въ Переяславль всѣ полковые старшины и знатнѣйшіе казаки. Посрединѣ толпы сдѣлано было просторное мѣсто. Въ одинадцать часовъ, гетманъ вышелъ на площадь, одѣтый парадно, прикрытый бунчукомъ; за нимъ шла вся старшина украинская. Генеральный есаулъ приказалъ молчать, народъ на улицѣ, на крышахъ домовъ слушалъ рѣчь своего повелителя.

— Панове полковники, есаулы, сотники, все войско запорожское и всѣ православные христіане! говорилъ гетманъ: — всѣмъ вамъ извѣстно, ка́къ насъ Богъ освободилъ изъ рукъ враговъ, преслѣдующихъ церковь Божію, озлобляющихъ все христіанство нашего восточнаго православія, хотящихъ искоренить насъ такъ, чтобъ и имя русское не упоминалось въ землѣ нашей. Всѣмъ намъ уже это стало несносно и, видно, нельзя намъ жить болѣе безъ царя. Поэтому мы собрали сегодня раду, явную всему народу, чтобъ вы съ нами избрали себѣ государя изъ четырехъ, какого захотите: первый царь турецкій, который много разъ призывалъ насъ подъ свою власть чрезъ своихъ пословъ; второй — ханъ крымскій; третій — король польскій, который и теперь можетъ принять насъ въ свою милость, если сами захотимъ; четвертый — царь православный великой Руси, царь

восточный, котораго уже шесть лѣтъ мы безпрестанно умоляемъ быть нашимъ царемъ и паномъ. Тутъ, котораго хотите, того и избирайте! Царь турецкій бусурманъ. Всѣмъ намъ извѣстно, какую бѣду терпятъ наши братья, православные христіане-греки, и въ какомъ утѣсненіи они отъ безбожниковъ. Крымскій ханъ тоже бусурманъ; хотя мы, по нуждѣ, и свели съ нимъ дружбу, однако приняли черезъ то нестерпимыя бѣды, плѣненіе и нещадное пролитіе крови христіанской! Объ утѣсненіяхъ отъ польскихъ пановъ не надобно и сказывать: сами знаете, что они почитали лучше жида и собаку, чѣмъ нашего брата, христіанина! А православный христіанскій царь восточный одного съ нами греческаго благочестія, одного исповѣданія; мы съ православіемъ Великой Руси едино тѣло Церкви, имѣющее главою Іисуса Христа. Этотъ-то великій царь христіанскій, сжалившись надъ нестерпимымъ озлобленіемъ православной церкви въ нашей Малой Руси, не презрѣвъ нашихъ шестилѣтнихъ моленій, склонилъ теперь къ намъ милостивое свое царское сердце и прислалъ къ намъ своихъ великихъ ближнихъ людей съ царскою милостью. Возлюбимъ его съ усердіемъ: кромѣ его царской руки, мы не найдемъ благоотишнѣйшаго пристанища. Кто насъ не захочетъ послушать, тотъ пусть идетъ куда хочетъ: вольная дорога!

Тысячи голосовъ отвѣчали:

— Волимъ подъ царя восточнаго! Лучше намъ умереть въ нашей благочестивой вѣрѣ, нежели доставаться ненавистнику Христову, поганину!

Тогда переяславскій полковникъ началъ обходить майданъ кругомъ и спрашивалъ:

— Чи вси такъ соизволяете?

— Вси! кричалъ народъ.

Гетманъ закричалъ громкимъ голосомъ:

— Буди тако! Да укрѣпитъ насъ Господь подъ его царскою крѣпкою рукою!

Народъ восклицалъ:

— Боже, утверди! Боже, укрѣпи, чтобъ мы навѣки вси были едино ([4]).

Потомъ начали читать приготовленныя условія, на которыхъ Украина должна соединиться съ Московіею ([5]). Главнѣйшія изъ нихъ были: цѣлость южной Руси по обѣимъ сторонамъ Днѣпра, гдѣ жили казаки, по линію, утвержденную зборовскимъ договоромъ, то-есть Украину лѣваго берега Днѣпра и на правомъ берегу нынѣшнія губерніи кіевскую, подольскую и часть волынской; право имѣть собственное управленіе, независимо отъ царскихъ чиновниковъ, право собственнаго законодательства и

([4]) «Полн. собр. закон.» I, 318—319. — «Истор. Мал. Росс.» 41.

([5]) «Лѣтоп. Величка.» I, 172.

судопроизводства, право избирать гетмановъ и чиновниковъ, вольными голосами, право принимать пословъ и сноситься съ иноземными государствами, сохраненія муниципальныхъ правъ городовъ, неприкосновенность личныхъ правъ сословій: шляхетскаго, духовнаго, мѣщанскаго, казацкаго и посполитаго, неприкосновенность имуществъ, умноженіе реестроваго войска до 60,000; жалованья казакамъ изъ мѣстныхъ доходовъ, но по приведеніи ихъ въ извѣстность. Украина обязывалась платить дань своему государю, но безъ вмѣшательства московскихъ сборщиковъ, и и обязывалась помогать царю войсками на войнахъ, а царь долженъ былъ защищать ее и совершенно освободить отъ притязаній Польши.

Народъ былъ доволенъ такими лестными условіями. Послѣ совѣщанія вступили на раду послы. По обычаю того времени, они прежде всего спросили гетмана и старшину отъ имени царя о здоровьи, что̀ означало царскую милость, потомъ Бутурлинъ произнесъ къ народу рѣчь.

Онъ излагалъ всѣ несчастія Украины, гоненіе за вѣру, многократныя посольства къ царю, принудившія наконецъ царя сжалиться надъ единовѣрцами; доказалъ, что присягавшій и несдержавшій присяги король болѣе не государь имъ.

— И такъ, великій государь, его царское величество, прибавилъ онъ: — не хотя того слышать, чтобъ

вамъ, единовѣрнымъ, православнымъ христіанамъ, быть въ конечномъ разореніи, а церквамъ благочестивымъ въ запустѣніи и поруганіи отъ латиновъ, велѣлъ васъ, гетмана, Богдана Хмельницкаго, и все войско запорожское, со всѣми городами и землями, свободныхъ отъ подданства королю, черезъ преступленіе имъ присяги, принять подъ свою высокую руку, и приказалъ своимъ царскимъ ратнымъ людямъ помогать вамъ противъ клятвопреступниковъ, разорителей вѣры христіанской. А вы всѣ — гетманъ, Богданъ Хмельницкій, и все войско запорожское, — видя къ себѣ милость и жалованье великаго государя нашего, его царскаго величества, должны ему, государю, служить, желать добра и надѣться на его милость. Онъ же, великій государь, его царское величество, будетъ сохранять тебя и все войско запорожское въ своей милости, защищать и оборонять отъ всякихъ недруговъ (6).

Послѣ этого рада начала расходиться. Гетманъ сѣлъ съ послами въ карету и поѣхалъ въ соборную церковь для произнесенія присяги на вѣрность новому государю. За нимъ поѣхали старшины, На паперти собора стоялъ Григорій со всѣмъ переяславскимъ духовенствомъ и клирами всѣхъ церквей; о

---

(6) «Полн. собр. закон.» I, 317. — «Истор. Мал. Росс.» 41.

бокъ его стояли московскіе духовные, пріѣхавшіе съ послами; изъ нихъ главнымъ былъ казанскій архимандритъ преображенскаго монастыря, Прохоръ. На аналоѣ, посреди храма, лежала чиновная книга, присланная царемъ. Московскіе духовные хотѣли начинать обрядъ присяги, но гетманъ остановилъ ихъ и сказалъ:

— Слѣдуетъ прежде вамъ присягнуть отъ имени его царскаго величества въ томъ, что его величество, великій государь, не нарушитъ нашихъ правъ, даруетъ намъ на права наши и имущества граматы и не выдастъ насъ польскому королю.

— Никогда не присягнемъ мы за своего государя, отвѣчали послы: — да гетману и говорить о томъ непристойно: подданные должны дать вѣру своему государю, который не оставитъ ихъ жалованьемъ, будетъ оборонять отъ недруговъ, не лишитъ правъ и имѣній вашихъ.

— Мы поговоримъ объ этомъ съ полковниками и со всѣми людьми, отвѣчалъ гетманъ, и вышелъ изъ церкви.

Чрезъ нѣсколько времени вошли въ церковь два полковника: переяславскій и миргородскій Лѣсницкій и Саковичъ. Они требовали непремѣнно присяги.

— Это небывалое дѣло, возражали послы: — одни подданные присягаютъ государю, а государю неприлично присягать подданнымъ.

— Однако, польскіе короли всегда намъ присягали, говорили полковники.

— Польскіе короли невѣрные и несамодержцы: они не хранятъ присяги своей, а государское слово перемѣнно не бываетъ, отвѣчали послы.

— Гетманъ и мы, вся старшина, сказали казаки: — вѣримъ этому, но казаки простые не вѣрятъ и домогаются непремѣнно присяги за государя.

— Его царское величество, возразили послы: — ради христіанской православной вѣры и святыхъ Божіихъ церквей изволилъ принять васъ подъ свою высокую руку по вашему челобитью, и вамъ надлежитъ помнить милость великаго государя, слѣдуетъ служить ему и всякаго добра хотѣть, войско запорожское привести къ вѣрѣ, а незнающихъ людей унимать отъ непристойныхъ рѣчей (7).

Полковники пошли къ гетману, и вскорѣ Хмельницкій и старшины прибыли въ церковь и на евангеліи присягнули въ вѣчномъ подданствѣ царю отъ имени всей Украины въ тѣхъ границахъ, въ какихъ она постановлена по зборовскому договору (8).

Бантышъ-Каменскій думаетъ, что присягнули только украинцы, а бояре не присягали (9). Но лѣто-

---

(7) «Истор. Мал. Росс.» 46.
(8) «Лѣтоп. Величка.» I, 173.
(9) «Истор. Мал. Росс.» I, 312.

пись Величка, который пользовался записками Зорки, современника, безъ-сомнѣнія, бывшаго на присягѣ, утверждаетъ, что бояре московскіе, послѣ присяги казаковъ, однякожь, дали отъ имени монарха клятвенное обѣщаніе, что государь будетъ держать всю Малую Россію со всѣмъ войскомъ запорожскимъ подъ своимъ покровительствомъ, при ненарушимомъ сохраненіи всѣхъ ея древнихъ правъ, и охранять войсками и помогать казною отъ всякихъ непріятельскихъ нападеній (10).

Послѣ священнаго обряда началось утвержденіе гетмана въ его гетманскомъ достоинствѣ. Бутурлинъ давалъ Хмельницкому дары царя: сначала знамя, потомъ булаву, далѣе ферезію, или одежду, наконецъ шапку, и при подачѣ проговаривалъ рѣчи, въ которыхъ изображалъ символическое значеніе вещей (11), а вслѣдъ затѣмъ раздаваемы были подарки войсковымъ старшинамъ, полковникамъ, полковымъ чиновникамъ и простымъ казакамъ (12). Цѣлый день присягали казаки и переяславскіе жители.

Послы отправили стольниковъ и стряпчихъ по всѣмъ городамъ и полкамъ Украины для приведенія къ присягѣ жителей, а сами избрали для себя три

(10) «Лѣтоп. Величка.» I, 173.
(11) «Полн. собр. закон. росс. имп. I, 319—321.
(12) «Лѣтоп. Величка.» I, 172.

знатнѣйшіе города русскіе: Кіевъ, Нѣжинъ и Черниговъ, и 14-го января отправились въ Кіевъ. Тысяча кіевскихъ казаковъ встрѣтили ихъ, съ девятью распущенными знаменами, за десять верстъ отъ города. Они пристали къ нимъ и открыли торжественное шествіе. За казаками вели двѣнадцать царскихъ лошадей турецкой породы въ златоглавыхъ чепракахъ, которые волочились по землѣ; на нихъ лежали вышитыя золотомъ сѣдла. За ними шелъ полкъ дѣтей боярскихъ, одѣтыхъ въ собольи шубы; за ними еще рядъ турецкихъ лошадей, которыхъ сбруя сверкала золотомъ и жемчугомъ, и между ними четыре знамени, удивлявшихъ своею огромностью и работою: на одномъ изъ нихъ вышитъ былъ левъ, на другомъ единорогъ, на третьемъ и на четвертомъ морскія чудовища. Послѣ того ѣхали послы ([13]). Процессія слѣдовала къ золотымъ воротамъ, и версты за полторы встрѣтило ихъ духовенство: тамъ былъ митрополитъ, черниговскій епископъ Зосима, печерскій архимандритъ Іосифъ Тризна, игумны и намѣстники разныхъ монастырей въ южной Руси. Сильвестръ Коссовъ привѣтствовалъ ихъ такою рѣчью:

«Вы приходите (говорилъ онъ) отъ благочестиваго «царя съ желаніемъ посѣтить наслѣдіе древнихъ ве«ликихъ князей русскихъ, къ сѣдалищу перваго бла-

---

([13]) «Latop. Jerl.» 154.

«гочестиваго русскаго великаго князя, и мы исхо-
«димъ вамъ во срѣтеніе; въ лицѣ моемъ привѣтству-
«етъ васъ оный благочестивый Владиміръ, привѣт-
«ствуетъ васъ святый апостолъ Андрей Первозван-
«ный, провозвѣстившій на этомъ мѣстѣ сіяніе вели-
«кой Божіей славы, привѣтствуютъ васъ начальники
«общежительства, преподобные Антоній и Өеодосій
«и всѣ преподобные, изнурившіе для Христа жизнь
«свою въ пещерахъ. Войдите въ домъ Бога нашего,
«на сѣдалище первѣйшаго благочестія русскаго, и
«пусть вашимъ присутствіемъ обновится, какъ ор-
«ляя юность, наслѣдіе благочестивыхъ русскихъ кня-
«зей» ([14]).

При звонѣ колоколовъ послы пріѣхали въ софій-
скій соборъ. Митрополитъ отслужилъ молебенъ, про-
пѣто многолѣтіе царской фамиліи.

— Отчего, ваше высокопреосвященство, сказалъ
Бутурлинъ: — никогда не писали къ царю и не ис-
кали себѣ милости царской въ то время, когда гет-
манъ Богданъ Хмельницкій и все войско запорож-
ское неоднократно просили великаго государя, его
царское величество, принять ихъ подъ свою высокую
руку?

— Происходившая между гетманомъ и государемъ

([14]) «Истор. Мал. Росс.» примѣч. 320.

переписка мнѣ была неизвѣстна, отвѣчалъ Коссовъ: — а теперь я долженъ молить Бога о многолѣтнемъ здравіи государя, государыни-царицы и благовѣрныхъ царевенъ ([15]). Такимъ-образомъ, митрополитъ показалъ, что онъ хотя не враждуетъ къ московскому монарху, однако не раздѣляетъ намѣреній Хмельницкаго.

Кіевскіе казаки и горожане были приведены къ присягѣ. Духовенство не только не присягнуло, но и не согласилось послать шляхтичей, служившихъ при митрополитѣ и другихъ духовныхъ особахъ, монастырскихъ слугъ и всѣхъ вообще людей, изъ имѣній принадлежащихъ церквамъ и монастырямъ. Митрополитъ употреблялъ разные извороты, говорилъ, что опасается мести короля и не хочетъ отвѣчать за невинныя души, ссылался на печерскаго архимандрита, а печерскій архимандритъ ссылался на него. Духовенство не согласилось и удержало свою независимость еще на пятьдесятъ лѣтъ: впослѣдствіи оно хотя и признало себя подъ благословеніемъ патріарха московскаго, но оставалось подъ непосредственнымъ вѣдомствомъ константинопольскаго патріаршаго престола ([16]). Сильвестръ Коссовъ и кіевское духовен-

([15]) «Истор. Мал. Росс.» I, 316.

([16]) «Wojna dom.» Ч. 3, 115. — «Кратк. опис. о бунт. Хмельниц.» 53. — «Annal. Polon. Clim.» I, 416.

*

ство, какъ мы видѣли, отличались въ высшей степени покорностью властямъ; они всегда были удалены отъ всякихъ мятежныхъ замысловъ, поэтому скорая перемѣна власти казалась для нихъ предосудительною. Надобно принять во вниманіе и то, что духовные, классъ образованнѣйшій въ Украинѣ, съ малыхъ лѣтъ получали воспитаніе на польскій образецъ и привыкли къ польскимъ понятіямъ и западному образу воззрѣнья.

Изъ Кіева бояре, недовольные духовенствомъ, отправились въ Нѣжинъ, гдѣ полковникъ Золотаренко, шуринъ Хмельницкаго, принялъ ихъ со всѣми почестями, и городъ присягнулъ безъ сопротивленія. Черниговъ присягнулъ также легко 28-го января, и послы уѣхали въ отечество.

Тогда Хмельницкій отправилъ посланниками генеральнаго судью Самойла Богдановича Заруднаго, и переяславскаго полковника въ Москву. Они пріѣхали въ Москву, въ началѣ марта, съ просьбою о подтвержденіи договорныхъ статей.

Эти статьи заключали въ себѣ тѣ же условія, какія предназначены были на переяславской радѣ. Царь утвердилъ ихъ почти всѣ съ незначительными ограниченіями: въ числѣ послѣднихъ важнѣйшимъ было то, что гетманъ, хотя имѣлъ право принимать иностранныхъ пословъ, однако долженъ былъ доносить государю и задерживать такихъ, которые пріѣхали

бы съ какимъ-нибудь предложеніемъ, неблагопріятнымъ для московскаго правительства, и не ссылаться съ турецкимъ султаномъ и польскимъ королемъ безъ соизволенія государя ([17]).

([17]) «Лѣтоп. повѣст. о Росс. I, 184—199.

СТАТЬИ,

ПОСТАНОВЛЕННЫЯ ВЪ МОСКВѢ СЪ ПОСЛАНЦАМИ ГЕТМАНА ХМЕЛЬНИЦКАГО.

Бьютъ челомъ великому государю, царю и великому князю Алексѣю Михайловичу, всея великія и малыя Россіи самодержцу и многихъ государствъ государю и обладателю, его царскаго величества подданные, Богданъ Хмельницкій, гетманъ войска запорожскаго, и все войско запорожское, и весь міръ христіанскій россійскій, чтобъ его царское величество пожаловалъ ихъ тѣмъ, о чемъ посланники ихъ бити челомъ учнутъ, а они его царскому величеству во всякихъ его государскихъ повелѣніяхъ служити будутъ во вѣки, и что на которую статью царскаго величества изволенье, и то подписано подъ статьями.

1) Чтобъ въ городѣхъ урядники были изъ ихъ людей обираны къ тому достойные, которые должны будутъ подданными царскаго величества уряжати, и доходы всякіе въ правду въ казну царскаго величества отдавати, для того, что царскаго бъ величества воевода пріѣхавъ, учалъ права ихъ ломать и уставы какіе чи-

нить, и тобъ имъ было въ великую досаду, а какъ тутошніе ихъ люди, гдѣ будутъ старшіе, то они противъ правъ своихъ учнутъ исправляться.

И сей статьѣ царское величество пожаловалъ, велѣлъ быть по ихъ челобитью; а быти бъ урядникомъ въ городѣхъ, войтамъ, бурмистрамъ, райцамъ, лавникамъ, и доходы всякіе, денежные и хлѣбные сбирать на царское величество, и отдавать въ его государеву казну тѣмъ людямъ, которыхъ царское величество пришлетъ; да тѣмъ же присланнымъ людямъ, кого для тоя сборныя казны царское величество пришлетъ, и надъ тѣми сборщиками смотрѣть, чтобъ дѣлали правду.

2) Писарю войсковому, чтобъ, по милости царскаго величества, 1000 золотыхъ польскихъ для подписокъ давать, а на судей войсковыхъ по 300 золотыхъ польскихъ, а на писаря судейскаго по 100 золотыхъ польскихъ, на писаря, да на хорунжаго полковаго по 50 золотыхъ, на хорунжаго сотницкаго 30 золотыхъ, на бунчужскаго гетманскаго 50 золотыхъ.

Царское Величество пожаловалъ, велѣлъ быть по ихъ челобитью: а давать тѣ деньги изъ тамошнихъ доходовъ.

3) На писаря и на судей войсковыхъ на 2 человѣка, и на всякаго полковника, и на эсауловъ войсковыхъ и полковыхъ, чтобъ по мельницѣ было для прокормленія, что расходъ имѣютъ великой.

Царское Величество пожаловалъ, велѣлъ быть по ихъ челобитью.

4) На подѣлку наряда войсковаго, и на пушкарей, и на всѣхъ работныхъ людей, которые у наряда бываютъ, чтобъ царское величество пожаловалъ, изволилъ учинить свое царское милостивое призрѣнье какъ въ зиму,

такъ и о станахъ; такожде на обознаго арматнаго 400 золотыхъ, а на хорунжаго арматнаго 50 золотыхъ.

Царское величество пожаловалъ, велѣлъ давать изъ тамошнихъ доходовъ.

5) Послы, которые издавна къ войску запорожскому приходятъ изъ чужихъ краевъ, чтобъ гетману и войску запорожскому, которые въ добру бъ были, вольно приняти; а только бъ что имѣло быть противно царскаго величества, то должны они царскому величеству извѣщати.

По сей статьѣ царское величество указалъ пословъ о добрыхъ дѣлѣхъ принимать и отпускать, а о какихъ дѣлѣхъ приходили и съ чѣмъ отпущены будутъ, о томъ писать къ царскому величеству подлинно и вскорѣ; а которые послы присланы отъ кого будутъ царскому величеству съ противнымъ дѣломъ, и тѣхъ пословъ и посланниковъ задерживать въ войскѣ, и писать объ нихъ о указѣ къ царскому величеству вскорѣ жъ, а безъ указа царскаго величества, назадъ ихъ не отпускать; а съ турскимъ салтаномъ и съ польскимъ королемъ, безъ указа царскаго величества, не ссылаться.

6) О митрополитѣ кіевскомъ посланникамъ изустный наказъ данъ; а въ рѣчахъ посланники били челомъ, чтобъ царское величество пожаловалъ, велѣлъ дать на его маетности, свою государскую жалованную граммоту.

Царское величество пожаловалъ митрополиту и всѣмъ духовнаго чина людямъ на маетности ихъ, которыми они нынѣ владѣютъ, свою государскую жалованную граммоту дать велѣлъ.

7) Чтобъ царское величество изволилъ рать свою вскорѣ прямо къ Смоленску, послать, не отсрочивая ничего, чтобъ непріятель не могъ исправиться; и съ иными совокупитися, для того, что войска нынѣ при-

нуждены, чтобъ никакой ихъ лести не вѣрили, еслибъ они имѣли въ чемъ дѣлать.

Царское величество изволилъ на непріятеля своего, на польскаго короля идти самъ, и бояръ и воеводъ послать со многими ратьми по просухѣ, какъ конскіе кормы учнутъ быть.

8) Чтобы наемнаго люду здѣ по рубежу, отъ ляховъ, для всякаго безстрашія, съ 3000, или какъ воля царскаго величества будетъ, хотя и больше.

Царскаго величества ратные люди всегда на рубежѣ для Украйны обереганья есть, и впредъ стоять учнутъ.

9) Обычай тотъ бывалъ, что всегда войску запорожскому платили; бьютъ челомъ и нынѣ царскому величеству, чтобъ на полковниковъ по 100 ефимковъ, на ясауловъ полковыхъ по 200 золотыхъ, на ясауловъ войсковыхъ по 400 золотыхъ, на сотниковъ по 100 золотыхъ, на казаковъ по 30 золотыхъ польскихъ давать.

И въ прошлыхъ годѣхъ присылалъ къ царскому величеству гетманъ Богданъ Хмельницкій и все войско запорожское, и били челомъ многижды, чтобъ его царское величество ихъ пожаловалъ, для православныя христіанскія вѣры и святыхъ божьихъ церквей за нихъ вступился, и принялъ ихъ подъ свою государеву высокую руку, и на непріятелей ихъ учинилъ ихъ помощь. И, великому государю нашему, его царскому величеству, въ то время подъ свою государеву высокую руку, приняти было васъ не мочно, потому-что, у его царскаго величества съ короли польскими и великими князи литовскими было вѣчное доконачанье. А что съ ихъ королевскія стороны, царскаго величества отцу, блаженныя памяти, великому государю, царю и великому князю, Михайлу Өедоровичу, всея руссіи самодержцу и многихъ государствъ государю и обладателю, и дѣ-

ду его государеву, блаженныя памяти великому государю, святѣйшему патріарху Филарету Никитичу московскому и всея Руссіи, и великому государю нашему, царю и великому князю Алексѣю Михайловичу, всея Руссіи самодержцу, его царскому величеству, учинились многія безчестія и укоризны; и о томъ по королевскимъ грамматамъ, и по сеймовому уложенью, и по конституціи, и по посольскимъ договорамъ царское величество ожидалъ исправленья, а гетмана Богдана Хмельницкаго, и все войско запорожское, хотѣлъ съ королемъ польскимъ помирить черезъ своихъ государевыхъ великихъ пословъ, тѣмъ способомъ: буде Янъ Казиміръ—король учинитъ съ ними миръ по зборовскому договору, и на православную христіянскую вѣру гоненія чинить не учнетъ, и уніятовъ всѣхъ выведетъ; и царское величество виннымъ людямъ, которые за его государскую честь довелись смертны казни, вины ихъ хотѣлъ отдать, и о томъ посылалъ къ Яну Казиміру—королю своихъ государевыхъ великихъ и полномочпыхъ пословъ, боярина и намѣстника великопермскаго князя Бориса Александровича Репнина.—Оболенскаго съ товарищи, и тѣ царскаго величества великіе и полномочные послы о томъ мирѣ и о поступкахъ королю и паномъ радѣ говорили всякими мѣрами, и Янъ Казиміръ—король и паны рада ни на которую мѣру не сошли, и то великое дѣло поставили ни во что, и тѣхъ царскаго величества великихъ и полномочныхъ пословъ отпустили безъ дѣла. И великій государь нашъ, его царское величество, видя такія съ королевскія стороны многія неисправленья, и грубости, и неправды, и хотя православлую христіянскую вѣру и всѣхъ православныхъ христіянъ отъ гонителей, и хотящихъ церкви божія разорити, и вѣру христіянскую искоренити, отъ латынь оборонити, подъ свою государеву высокую руку васъ принялъ; а для вашія

обороны, собравъ русскія и татарскія и нѣмецкія рати многія, идетъ самъ великій государь нашъ, его царское величество на непріятелей христіянскихъ, и бояръ своихъ и воеводъ шлетъ со многими ратьми, и нэ тотъ ратный строй, по его государеву указу, роздана его государева казна многая, и нынѣ имъ, посланникамъ, о жалованіи на войско запорожское говоритъ, видя такую царскаго величества милость, и къ нимъ оборону, не довелось. А какъ былъ у гетмана, у Богдана Хмельницкаго, государевъ ближній бояринъ и намѣстникъ тверскій, Василій Васильевичъ Бутурлинъ съ товарищи, и гетманъ говорилъ съ ними въ разговорѣхъ о числѣ войска запорожскаго, чтобъ учинить 60000; а хотя бъ де того числа было и больше, и государю де въ томъ убытка не будетъ, но потому-что, они жалованья у государя просить не учнутъ; да имъ Самойлу и Павлу, и инымъ людямъ, которые въ то время при гетманѣ были, про то вѣдомо жъ, а что въ малой Россіи въ городѣхъ и мѣстѣхъ какихъ доходовъ, и про то царскому величеству невѣдомо, и великій государь нашъ, его царское величество, посылаетъ доходы описать дворянъ; а какъ тѣ царскаго величества дворяне, доходы всякіе опишутъ и смѣтятъ, и въ то время о жалованьи на войско запорожское, по разсмотрѣнію царскаго величества и указъ будетъ. А нынѣ царское величество, жалуя гетмана и все войско запорожское, хочетъ послать своего государева жалованья, по давнимъ обычаемъ предковъ своихъ, великихъ государей, царей и великихъ князей россійскихъ, гетману и всему войску запорожскому золотыми.

10) Крымская орда, если бы имѣла вкинутися, тогда отъ Астрахани и отъ Казани надобно на нихъ наступити, такожде и донскимъ казакамъ готовымъ быть, а нынѣ еще въ братствѣ, дать сроку, и ихъ не задирать.

Царскаго величества указъ и повелѣнье, на Донъ къ

казакамъ послано: буде крымскіе люди задора никакаго не учинятъ, и на нихъ ходить и задора чинить не велѣно; а буде крымцы задоръ учинятъ, и въ то время царское величество укажетъ надъ ними промыслъ чинить.

Кодакъ, городъ на рубежѣ отъ Крыма, въ которомъ гетманъ всегда по 400 человѣкъ держитъ и кормы всякіе имъ даетъ, чтобъ и нынѣ царское величество пожаловалъ кормами и порохомъ къ наряду изволилъ построити; также и на тѣхъ, которые за порогами коша берегутъ, чтобъ царское величество милость свою изволилъ показать, понеже нельзя его самого безъ людей оставити.

О той статьѣ царскаго величества милостивый указъ будетъ впередъ, какъ про то вѣдомо будетъ, по скольку какихъ запасовъ въ тѣ мѣста посылывано, и сколько будетъ доходовъ въ сборѣ на царское величество.

А что въ письмѣ же вашемъ написано: какъ великій государь нашъ, его царское величество, гетмана Богдана Хмельницкаго и все войско запорожское пожалуетъ, свои государскія граммоты на вольности ваши дать велитъ, тогда вы смотръ межъ собою учините, кто будетъ казакъ или мужикъ. А чтобъ число войска запорожскаго было 60,000, и великій государь нашъ, его царское величество на то изволилъ, тому числу списковымъ казакамъ быть велѣлъ; и какъ вы — посланники будете у гетмана, у Богдана Хмельницкаго, и вы бъ ему сказали, чтобъ онъ велѣлъ казаковъ разобрать вскорѣ и списокъ имъ учинилъ, да тотъ списокъ за своею рукою, прислалъ къ царскому величеству вскорѣ.

ПРОШЕНІЕ

ГЕТМАНА БОГДАНА ХМЕЛЬНИЦКАГО КЪ ЦАРЮ АЛЕКСѢЮ МИХАЙЛОВИЧУ СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ДОГОВОРНЫХЪ ПУНКТОВЪ.

Божіей милостію, великій государю царю и великій княже, Алексѣю Михайловичу, всея великія и малыя Россіи самодержче, и многихъ государствъ государю и обладателю, твоему царскому величеству.

Мы, Богданъ Хмельницкій, гетманъ войска запорожскаго, и все войско запорожское; и весь міръ христіянскій россійскій, до лица земли челомъ бьетъ:

Обрадовався вельми спожалованья великаго и милости неисчетныя твоего царскаго величества, которую намъ изволилъ твое царское величество показать, много челомъ бьемъ тебѣ, государю нашему, царскому величеству, и служити прямо и вѣрно во всякихъ дѣлѣхъ и повелѣніяхъ царскихъ твоему царскому величеству будемъ по вѣки, только просимъ вельми, яко и въ граммотѣ просили есмы, изволь намъ, твое царское величество, въ томъ всемъ пожалованьѣ и милость свою царскую указати, о чемъ посланники наши отъ насъ твоему царскому величеству будутъ челомъ бити.

1) Вначалѣ, изволь, твое царское величество, подтвердить права и вольности наши войсковыя, какъ изъ вѣковъ бывало въ войскѣ запорожскомъ, что своими правами суживалися и вольности свои имѣли, въ добрахъ и въ судахъ чтобъ ни воевода, ни бояринъ, ни стольникъ въ суды войсковые не вступались, но отъ старшихъ своихъ чтобъ товарищество суждены были: гдѣ

три человѣка казаковъ, тогда два третьяго должны судити.

Подъ сими статьями помѣта думнаго дьяка Алмаза Иванова:

Сей статьѣ указалъ государь и бояре приговорили: быть такъ по ихъ челобитью.

2) Войско запорожское въ числѣ 60 тысячь чтобъ всегда полно было.

Указалъ государь и бояре приговорили: быть по ихъ челобитью 60 тысячь человѣкъ.

3) Шляхты, которые въ Россіи обрѣтаются и вѣру, по непорочной заповѣди Христовой тебѣ, великому государю нашему, твоему царскому величеству, учинили, чтобъ при своихъ шляхецкихъ волостяхъ пробывали и межъ себя старшихъ на уряды судовые обирали, и добра свои и вольности имѣли, какъ при королѣхъ польскихъ бывало, чтобъ и иные, увидя такое пожалованье твоего царскаго величества, клонился подъ область и подъ крѣпкую и высокую руку твоего царскаго величества со всѣмъ міромъ христіянскимъ. Суды земскіе и градскіе черезъ тѣхъ урядниковъ, которыхъ они сами себѣ добровольно оберутъ, исправлены быти имѣютъ какъ и прежде сего; тако жь шляхта, которые казну свою имѣли по крѣпостямъ на маетностяхъ тогда и нынѣ, любо чтобъ имъ поплачено, или на маетностяхъ довладѣти дано.

Симъ статьямъ указалъ государь и бояре приговорили: быть по ихъ челобитью.

4) Въ городѣхъ урядники изъ нашихъ людей чтобъ были обираны на то достойные, которые должны будутъ подданными твоего царскаго величества, испра-

вляти или удержати, и приходъ на лежащей въ правду въ казну твоего царскаго величества отдавати.

Указалъ великій государь и бояре приговорили; быть по ихъ челобитью, а быти бъ урядникомъ, войтомъ, бурмистромъ, райцомъ, лавникомъ, и доходы денежные и хлѣбные и всякіе на государя збирать имъ и отдавать въ государеву казну тѣмъ людямъ, которыхъ государь пришлетъ, и тѣмъ людемъ, ково для тое зборныя казны государь пришлетъ, надъ тѣми, зборщиками смотрѣть, чтобъ дѣлали правду.

5) На булаву гетманскую, что надано со всѣми принадлежностями староство чигиринское, чтобъ и нынѣ для всего ряду прибывало.

Указалъ государь и бояре приговорили: быть по ихъ челобитью.

6) Сохрани Боже смерти на пана—гетмана (понеже всякъ человѣкъ смертенъ, безъ чего не мочно быти) чтобъ войско запорожское само межь себя гетмана избирали и его царскому величеству извѣщали, чтобъ то его царскому величеству не въ кручину было, понеже тотъ давной обычай войсковой.

Государь указалъ и бояре приговорили: быть по ихъ челобитью.

7) Имѣній казацкихъ, чтобъ никто не отнималъ; которые землю имѣютъ и всѣ пожитки съ тѣхъ земель чтобы при тѣхъ имѣніяхъ добровольно имѣли; вдовъ послѣ казаковъ остальныхъ чтобы и дѣти такія жь вольности имѣли, какъ предки и отцы ихъ.

Быть по ихъ челобитью.

8) Писарю войсковому чтобъ, по милости его царскаго величества, одна тысяча золотыхъ для подписковъ,

также и мельницу для прокормленія, что великій расходъ имѣетъ.

Быть по ихъ челобитью, давать изъ таможнихъ доходовъ.

9) На всякаго полковника, чтобъ по мельницѣ было, для того что расходъ великій имѣютъ, но когда милость будетъ твоего царскаго величества, и больше того, чѣмъ твое царское величество пожаловать изволишь.

Государь пожаловалъ по ихъ челобитью.

10) Также на судей войсковыхъ, по 300 золотыхъ, и по мельницѣ, а на писаря судейскаго по 100 золотыхъ.

Государь пожаловалъ по ихъ челобитью, а про судей допроситъ сколько судей.

11) Также ясауламъ войсковымъ и полковымъ, что на услугахъ войсковыхъ завсегда обрѣтаются и хлѣба пахать не могутъ, по мельницѣ бъ имъ было, просить твоего царскаго величества.

Государь пожаловалъ по ихъ челобитью.

12) На подѣлку снаряду войсковаго и пушкарей и на всѣхъ людей работныхъ у снаряду, просимъ твоего царскаго величества, изволь имѣти свое царское милостиво призрѣніе, яко о зимѣ, такъ и о станахъ, такожде на обознаго по 400 золотыхъ.

Государь пожаловалъ, велѣвъ давать изъ тамошнихъ доходовъ.

13) Права, наданыя изъ вѣковъ отъ княжатъ и королей какъ духовнымъ и мірскимъ людемъ, чтобъ ни въ чемъ не нарушены были.

Государь пожаловалъ велѣлъ быть потому.

14) Послы, которые изъ вѣка изъ чужихъ земель приходятъ къ войску запорожскому, чтобъ пану—гетману и

войску запорожскому, которые къ добру бъ были, вольно приняты, чтобъ то его царскому величеству въ кручину не было, а чтобы имѣло противъ его царскаго величества быти, должны мы его царскому величеству извѣщати.

Государь указалъ и бояре приговорили: пословъ о добрыхъ дѣлѣхъ пріимати и отпускать, а о какихъ дѣлѣхъ, приходили и съ чѣмъ отпустятъ, о томъ писать къ государю; а которые послы присланы отъ кого будутъ съ противнымъ дѣломъ государю, и тѣхъ задерживать и писать объ ихъ государю; а безъ государева указу ихъ не отпускати, а съ турскимъ салтаномъ и съ польскимъ королемъ безъ государева указу не ссылаться.

15) Какъ по польскимъ землямъ дань вдругъ отдается, волили бы есмя и мы, чтобъ цѣною вѣдомою давать отъ тѣхъ людей, которые твоему царскому величеству належатъ; а если бы инако быти не могло, тогда ни на единаго воеводу не позволятъ, о томъ договариваться развѣ бы изъ тутошныхъ людей обобравши воеводу, человѣка достойнаго, имѣетъ тѣ всѣ доходы въ правду его царскому величеству отдавать.

Сей статьѣ государь указалъ и бояре приговорили быть потому, какъ выше сего написано, збирать войтомъ, и бурмистромъ, и райцомъ, и лавникомъ, а отдавать въ государеву казну тѣмъ людемъ, кого государь пришлетъ, и тѣмъ людемъ надъ зборщики смотрѣть, чтобы дѣлали правду.

16) А то для того имѣютъ посланники наши договариваться, что наѣхавъ воевода права бы ломати имѣлъ и установы какія чинилъ, и тобъ быти имѣло съ великою досадою, понеже праву иному не могутъ вскорѣ навыкнуть и тяготы такія не могутъ носити; а изъ ту-

тошнихъ людей когда будутъ старшіе, тогда противъ правъ и установъ тутошнихъ будутъ исправляться.

О правахъ государевъ указъ и бояръ же приговоръ написанъ въ иныхъ статьяхъ.

17) Прежде сего отъ королей польскихъ никакого гоненія на вѣру и на вольности наши не было, всегда мы всякаго чину свои вольности имѣли, и для того мы вѣрно и служили; а нынѣ, за наступленія на вольности наши, побуждены его царскому величеству подъ крѣпкую и высокую руку поддаться. Прилѣжно просити имѣютъ послы наши, чтобъ правился его царское величество намъ на хартіяхъ писанныя съ печатьми вислыми, единъ на вольности казацкіе, а другіе на шляхетцкіе, далъ, чтобъ на вѣчные времена непоколебимо было; а когда-то одержимъ, мы сами смотръ межь себя имѣти будемъ, и кто казакъ, тотъ будетъ вольность казацкую имѣть, а кто пашенной крестьянинъ, тотъ будетъ должность обыклую его царскому величеству отдавать, какъ и прежде сего; такожe и на люди всякіе, которые его царскому величеству подданные, на какихъ правахъ и вольностяхъ имѣютъ быти.

Государь указалъ и бояре приговорили: быть по ихъ челобитью.

18) О митрополитѣ помянути имѣютъ, какъ будутъ разговаривати, и о томъ посломъ нашимъ изустный наказъ далъ есмь.

Государь указалъ и бояре приговорили: митрополиту на маетности его, которыми нынѣ владѣетъ, дать жалованную граммоту.

19) Такожде просити прилѣжно послы наши имѣютъ его царскаго величества, чтобъ его царское величество рать свою вскорѣ прямо къ Смоленску послалъ, не

отсрочивая ничего, чтобъ непріятель не могъ исправиться и съ иными совокупиться для того, что войска нынѣ принуждены, чтобъ никакой ихъ лести не вѣрили, если бъ они имѣли въ чемъ дѣлать.

Указалъ государь и бояре приговорили: про походъ ратныхъ людей объявить посланникамъ, съ котораго числа государь самъ и бояре, и ратные люди, съ Москвы пойдутъ, а къ гетману не писать.

20) И то надобное дѣло припомнити, чтобы наемнаго люду здѣ по рубежу отъ ляховъ, для всякаго безстрашія, съ 3,000, или, какъ воля его царскаго величества будетъ хотя и больше.

Допросить въ коихъ мѣстахъ по рубежу стоятъ.

21) Обычай тотъ бывалъ, что всегда войску запорожскому платили: просить и нынѣ его царскаго величества, чтобъ на полковника по 200 золотыхъ, на ясауловъ войсковыхъ — по 400 золотыхъ, на сотниковъ по 100 золотыхъ, на казаковъ по 30 золотыхъ.

Отговаривать. Великій государь, его царское величество, для православныя христіянскія вѣры, хотя ихъ отъ гонителей и хотящихъ разорити церкви Божія и искоренити вѣру христіянскую, отъ латынь оборонити, собралъ рати многія и идетъ на непріятелей, и свою государеву казну для ихъ обороны ратнымъ людемъ раздалъ многую. А какъ было у гетмана, у Богдана Хмельницкаго, государевъ ближній бояринъ, и намѣстникъ тверской, Василій Васильевичь Бутурлинъ съ товарищи, и говорилъ съ гетманомъ о числѣ войска запорожскаго, и гетманъ говорилъ: Хотя число войска запорожскаго и велико будетъ, а государю въ томъ убытка не будетъ, потому что они жалованья у государя просить не учнутъ; а говорилъ гетманъ при ихъ, при

судьѣ и при полковникѣ, и имъ нынѣ о томъ говорить не доводится.

22) Орда естьлибы имѣла вкинуться, тогда отъ Астрахани и отъ Казани надобно на нихъ наступати, такожде и донскимъ козакамъ готовымъ быть; а нынѣ еще въ братствѣ дати сроку а ихъ не задирать.

Сказать: на Донъ къ козакамъ государево повелѣнье послано будетъ; буде крымское люди задору никакого не учинятъ, на нихъ не ходить, а буде задоръ учинятъ, и въ то время государь укажетъ надъ ними промыслъ чинить.

23) Кодакъ городъ, который есть сдѣланъ на рубежу отъ Крыму, въ которомъ панъ гетманъ всегда по 400 человѣкъ тамъ имѣетъ и кормы всякіе имъ даетъ, чтобъ и нынѣ его царское величество какъ кормами, такъ и порохомъ къ наряду изволилъ построити; также и на тѣхъ, которые за порогами Коша берегутъ; чтобъ его царское величество милость свою изволилъ показать, понеже нельзя его самаго безъ людей оставити.

Допросить: по сколько корму человѣку на тѣхъ 400 человѣкъ даютъ и за порогами для Коша сколько человѣкъ, и о чемъ за нихъ бьютъ челомъ.

Доложить государю бояре говорили: которые государевы всякихъ чиновъ люди учнутъ бѣгати въ государевы черкасскіе города имѣете, и тѣхъ бы сысковъ отдавати.

ЖАЛОВАННАЯ ГРАММОТА.

Божіею милостію, мы великій государь, царь и великій князь, Алексѣй Михайловичь, всея великія и малыя Руссіи самодержецъ, пожаловали есмя нашего цар-

скаго величества подданныхъ. Богдана Хмельницкаго, гетмана войска запорожскаго, и писаря Ивана Виговскаго, и судей войсковыхъ, и полковниковъ и ясауловъ, и сотниковъ и все войско запорожское; что, въ нынѣшнемъ во 162 году, какъ, по милости Божіей, учинились подъ нашею государскою высокою рукою онъ—гетманъ Богданъ Хмельницкій, и все войско запорожское, и вѣру намъ великому государю, и нашимъ государскимъ дѣтямъ, и наслѣдникамъ на вѣчное подданство учинили, и, въ мартѣ мѣсяцѣ, присылали къ намъ, великому государю, къ нашему царскому величеству онъ, гетманъ Богданъ Хмельницскій и все войско запорожское посланниковъ своихъ, Самойла Богданова, судью войсковаго, да Павлу Тетерю, полковника переяславскаго; а въ листѣ своемъ къ намъ, великому государю, къ нашему царскому величеству, гетманъ писалъ и посланники били челомъ чтобъ намъ, великому государю, его, гетмана Богдана Хмеленицкаго и все войско запорожское пожаловати, велѣти прежнія ихъ права и вольности войсковыя, какъ издавна бывали при великихъ князѣхъ русскихъ и при королѣхъ польскихъ, что суживались и вольности свои имѣли въ добрахъ и судахъ, и чтобъ въ тѣ ихъ войсковые суды никто не вступался, но отъ своихъ бы старшинъ судились, подтвердити и прежнихъ бы ихъ правъ, каковы даны духовнаго и мірскаго чина людемъ отъ великихъ князей русскихъ и отъ королей польскихъ, не нарушить и на тѣ бъ ихъ права дати нашу государскую жалованную граммоту, за нашею государскою печатью; и чтобъ число войска запорожскаго списковое учинить шестьдесятъ тысячь, а было бъ то число всегда полно. А будетъ судомъ Божіемъ смерть случится гетману, и намъ бы, великому государю, поволить войску запорожскому, по прежнему

обычаю, самимъ, межъ себя гетмана обирати, а кого оберутъ, и про то намъ, великому государю, объявляти; имѣній козацкихъ и земель, которыя имѣютъ для пожитка, чтобъ у нихъ отнимать не велѣть, также бы и вдовъ, послѣ козаковъ осталыхъ, дѣти повольности имѣли, какъ дѣды и отцы ихъ, и мы, великій государь, наше царское величество, подданнаго нашего, Богдана Хмельницкаго, гетмана войска запорожскаго, и все наше царскаго величества войско заторжское пожаловали, велѣли имъ быти подъ нашего царскаго величества высокою рукою, по прежнимъ ихъ правамъ и привиліямъ, каковы имъ даны отъ королей польскихъ и отъ великихъ князей литовскихъ, и тѣхъ и правъ и вольностей нарушивати ничѣмъ не велѣли, и судитись имъ велѣли отъ своихъ старшинъ по своимъ прежнимъ правамъ, а число войска запорожскаго указали есмя, по ихъ же челобитью, учинить списковаго 60,000 всегда полное. А буде судомъ Божіимъ смерть случится гетману, и мы, великій государь, поволили войску запорожскому выбирати гетмана, по прежнимъ ихъ обычаямъ, самимъ межъ себя, а когда гетмана оберутъ и о томъ писати къ намъ, великому государю, да тому жъ новообранному гетману на подданство и на вѣрность вѣру намъ, великому государю, учините, при комъ мы, великій государь, укажемъ. Также и имѣній козацкихъ и земель, которыя они имѣютъ для пожитка, отнимати у нихъ и вдовъ послѣ козаковъ осталыхъ и дѣтей не велѣли, а быти имъ за ними по прежнему. И по нашему царскаго величества жалованья, нашимъ царскаго величества подданныхъ Богдану Хмельницкому, гетману войска запорожскаго, и всему нашему, царскаго величества, войску запорожкому быти подъ нашею, царскаго величества, высокою рукою, по своимъ прежнимъ правамъ

и привиліямъ, и по всѣмъ статьямъ, которыя писаны выше сего, и намъ, великому государю, и сыну нашему, государю-царевичу-князю, Алексѣю Алексѣевичу и наслѣдникамъ нашимъ служити и прямите и всякаго добра хотѣти, и на нашихъ государскихъ непріятелей, гдѣ наше государское повелѣнье будетъ, ходити и съ ними битись, и во всемъ быти въ нашей государской волѣ и послушаньи на вѣки. А о которыхъ о иныхъ статьяхъ намъ, великому государю, нашему царскому величеству, тѣ вышеимянованные посланники Самойло и Павелъ, именемъ Богдана Хмельницкаго, гетмана войска запорожскаго, и всего нашего царскаго величества войска запорожскаго били челомъ и подали нашимъ, царскаго величества, ближнимъ, боярамъ боярину и намѣстнику казанскому, князю Алексѣю Никитичу Трубецкому, боярину и намѣстнику тверскому, Василью Васильевичу Бутурлину, окольничему и намѣстнику каширскому, Петру Петровичу Головину, думному дьяку Алмазу Иванову статьи, и мы, великій гокударь, тѣхъ статей выслушали милостиво, и что на которую статью наше царскаго величества, изволенье, и то велѣли подписать подъ тѣми жъ статьями, да тѣ статьи нашего царскаго величества указомъ велѣли дать тѣмъ же посланникамъ Самойлу и Павлу, и хотимъ его гетмана Богдана Хмельницкаго и все войско запорожское держать въ нашемъ, царскаго величеста, милостивомъ жалованьи и въ призрѣньи, и имъ бы на нашу государскую милость быть надежнымъ.

ГЛАВА XII.

Неудачный сеймъ въ Польшѣ. — Объявленіе войны Алексѣемъ Михайловичемъ. — Второй сеймъ. — Завоеваніе русскими литвы. — Пораженіе литовцевъ подъ Шкловымъ. — Взятіе Смоленска. — Неудовольствіе въ Украинѣ. — Универсалъ короля.— Хитрость Богдана. — Союзъ Польши съ Крымомъ. — Вступленіе польскихъ войскъ въ Украину. — Взятіе Буши.

Шестилѣтняя война съ украинцами не только привела Польшу въ разстроенное положеніе, но поразила уже поврежденныя нравственныя силы польской націи. Слабость власти, эгоизмъ, своеволіе, продажность, низость еще болѣе развились въ ней съ этого времени и, затмѣвая прежнія славянскія добродѣтели, низвергали ее въ гибель. По прибытіи короля въ Варшаву собранъ сеймъ: жаловались на короля, приписывали неудачу медленности во Львовѣ; волынцы и подольцы кричали, что правительство отдало ихъ на зарѣзъ татарамъ; литовцы обвиняли короля за то, что онъ раздражалъ московское государство и не умѣлъ удержать съ нимъ мира; всѣ вообще жаловались на подати, повинности и военные постои. Но среди этихъ обвиненіи никто не могъ дать совѣта о спасеніи отечества. Нѣсколько знатныхъ магнатовъ добивались гетманства въ коро-

левствѣ и Литвѣ и заводили одинъ противъ другаго интриги. Наконецъ, не постановивъ ничего, не избравъ никакихъ средствъ къ оборонѣ государства, не сдѣлавъ никакихъ распоряженій для внутренняго порядка въ разоренной странѣ, депутаты разошлись. Прусскій посолъ сорвалъ сеймъ своимъ всемогущимъ депутатскимъ: *не позволяю* (1). «О несчастное оте«чество! (восклицаетъ полякъ-современникъ) о, ес«либъ можно было укорить твою свободу!» (2)

Алексѣй Михайловичъ объявилъ формально войну. Король, желая, по-крайней-мѣрѣ, хотя отстрочить грозящую опасность, отправилъ въ Москву посломъ сенатора Млоцкаго. Примасъ архіепископъ Гнѣзненкій, написалъ убѣдительное письмо къ Никону и умолялъ именемъ любви Христовой убѣдить царя не проливать христіанской крови. По извѣстію польскихъ лѣтопасей, патріархъ началъ отвѣтствовать Алексѣю Михайловичу мѣшаться въ междоусобную рѣзню поляковъ съ казаками. Онъ вспоминалъ несчастія, которыя потерпѣла Россія въ смутныя времена междоцарствія; представлялъ, что Хмельницкій можетъ легко примириться съ поляками и, вмѣсто благодарности Москвѣ, обратить на нее оружіе по при-

---

(1) «Annal. Polon. Clim.» I, 364.
(2) «Wojna dom.» Ч. 3. 88.

казанію короля [3]. Но царь слишкомъ-ясно видѣлъ пользу своей державы; притомъ казалось предосудительнымъ оставить предавшійся ему народъ въ руки враговъ. Млоцкій возвратился съ извѣстіемъ, что московское войско идетъ къ литовской границѣ [4].

Тогда король, въ іюнѣ, снова собралъ сеймъ. Шляхтичи, видя крайнюю опасность, на этотъ разъ дѣйствовали согласнѣе, предоставили королю право собрать посполитое рушенье, назначили подати для платы войску и сдѣлали постановленіе объ укрѣпленіи Смоленска. Чтобъ не отягощать себя, открыли новый источникъ доходовъ: начали давать дворянское достоинство за деньги; это было еще однимъ новымъ зломъ изъ тѣхъ золъ, которыя разрушали нравственный бытъ Польши. Король назначилъ короннымъ великимъ гетманомъ Потоцкаго, а польнымъ — Ляндскоронскаго, великимъ литовскимъ гетманомъ — Радзивилла, пріобрѣвшаго воинскую репутацію со времени войны противъ казаковъ, а польнымъ литовскимъ Радзивиллова врага, Гонсѣвскаго. Самъ король выѣхалъ въ Гродно наблюдать надъ войною [5].

Московское войско, подъ начальствомъ Серебрен-

---

(3) «Wojna dom.» Ч. 4, 118. — «Истор. о бунт. Хмельн.» 53. — »Annal. Polon. Clim.» I, 417.

(4) «Annal. Polon. Clim.» I, 415.

(5) Ibid. 424—427.

наго и князя Хованскаго, въ числѣ сорока тысячъ, вступило въ Литву въ концѣ мая (6). За нимъ вслѣдъ съ другимъ войскомъ слѣдовалъ самъ царь (7). У москвитянъ было сто-пятьдесятъ пушекъ, отличные артиллеристы и инженеры, вызванные изъ Голландіи, Франціи и Швеціи (8). Хмельницкій послалъ на помощь царю три полка: черниговскій, нѣжинскій и вновь-составленный имъ изъ сѣверскихъ жителей подъ названіемъ стародубскаго и охотныхъ казаковъ, всего до двадцати тысячъ войска; главное начальство поручено было Золотаренку, который назывался наказнымъ гетманомъ, имѣлъ неограниченную власть въ походѣ и, въ знакъ своего сана, получилъ булаву и бунчукъ (9).

Войска Речи-Посполитой въ Литвѣ не было: по случаю сорваннаго сейма не сдѣлано было никакихъ распоряженій къ оборонѣ. Москвитяне разсѣялись по всей Литвѣ и съ-разу завоевали Бѣлый, Дорогобужъ, Серпейскъ, Дубровну, Невель, Мстиславль,

---

(6) Ibid. I, 415.

(7) «Histor. ab. exc. Wlad. IV.» 142. — «Лѣтоп. самов.» 22. — «Истор. о през. бр.»

(8) «Annal. Polon. Clim.» I, 438.

(9) «Лѣтоп. самов.» 22. — «Истор. о през. бр.» — «Annal. Polon. Clim.» I, 428. — «Лѣтоп. о повѣст. о Мал. Росс.» 296.

Рославль, Оршу, Копысъ, Шкловъ, Гору, Друю ([10]). Царь осадилъ Смоленскъ, въ которомъ заперся съ гарнизономъ и шляхтою воевода — Филиппъ Обуховичъ. Казаки взяли Рѣчицу, осадили Гомель, но не могли взять его и присоединились къ царскому войску подъ Смоленскомъ ([11]). Осада длилась упорно. Неприступное положеніе города и могучія укрѣпленія защищали городъ болѣе, чѣмъ люди ([12]).

Литовское войско снаряжено было только въ августѣ, собралось посполитое рушенье и Радзивиллъ двинулся отбивать Смоленскъ. Первыя дѣйствія литовцевъ были удачны. Отрядъ Гонсѣвскаго и Мирскаго напалъ подъ Оршею на спящихъ русскихъ и разбилъ ихъ ([13]). Это возгордило Радзивилла; онъ надѣялся уничтожить враговъ, однако необходимость защищать отечество не заставила его помириться съ Гонсѣвскимъ; оба полководца дѣйствовали наперекоръ одинъ другому и посылали королю другъ на

([10]) «Лѣтоп. самов.» 23. — «Лѣтоп. повѣст. о мал. Росс.» 206. — «Wojna dom.» Ч. 4, 122. — «Лѣтоп. Величка.» I, 187. — «Истор. о през. бр.» — «Histor. ab. exc. Wład. IV.» 143.

([11]) «Лѣтоп. самов.» 23. — «Повѣст. о томъ, что̀ случ. на Укринѣ.» 15. — «Истор. о през. бр.»

([12]) «Histor. ab. exc. Wład. IV.» 142.

([13]) «Wojna dom.» Ч. 4, 123. — «Опис. о бунт. Хмельниц.» 54.

друга доносы ([14]). Посполитое рушенье, приставшее къ войску, увидѣло вокругъ себя непріятельскіе отряды и взбунтовалось: шляхтичи не слушали ни угрозъ, ни убѣжденій, покинули знамена и разбѣжались ([15]). Радзивиллъ надѣялся на кварцяное войско, пошелъ далѣе и, подъ Шкловымъ, наткнулся на сильное непріятельское войско, въ которомъ было пятнадцать тысячъ москвитянъ, подъ главнымъ начальствомъ Трубецкаго, и нѣсколько тысячъ казаковъ съ Золотаренскимъ; это войско послано изъ-подъ Смоленска. Здѣсь, 12-го августа, соединенныя русскія войска окружили со всѣхъ сторонъ Радзивилла и одержали блистательную побѣду; литовцы попадались въ плѣнъ, кидали оружіе и бѣжали во всѣ стороны. Русскіе побрали у нихъ всѣ пушки и знамена; самъ гетманъ едва спасся отъ погони и убѣжалъ въ Минскъ ([16]).

Съ-тѣхъ-поръ города сдавались одинъ за другимъ.

([14]) «Annal. Polon. Clim.» 425—428.

([15]) «Малорос. переп. хран. въ московск. оруж. палатѣ.» 13.

([16]) «Annal. Polon. Clim.» I, 429. — «Histor. ab. exc. Wład. IV.» 143. — «Histor. Jan. Kaz.» I, 189.— «Лѣтоп. Величка.» I, 189. — «О томъ, что̀ случ. въ Украинѣ.» 15. — «Wojna dom.» Ч. 4, 127. — «Истор. о през. бр.»

Могилевъ самъ отворилъ ворота русскимъ ([17]); на другомъ концѣ литовской границы сдался Полоцкъ съ своею твердою крѣпостью, потомъ сдался Витебскъ ([18]); черниговскій полковникъ Подобайло взялъ Гомель, Пропойскъ, Новый Быховъ; но, осадивъ старый Быховъ, былъ убитъ, къ сожалѣнію современниковъ, скорбѣвшихъ о его молодости и отвагѣ. Тѣло его съ честью было погребено въ ильинскомъ черниговскомъ монастырѣ, который полковникъ возобновилъ на свой счетъ послѣ раззоренія батыевскаго ([19]). Золотаренко съ другимъ отрядомъ снова возвратился къ царю подъ Смоленскъ; городъ держался еще до конца сентября; наконецъ Обуховичъ, видя, что нѣтъ ему болѣе помощи, сдалъ городъ, выговоривъ прежде себѣ съ гарнизономъ свободный пропускъ ([20]). Царь вступилъ въ Смоленскъ и приказалъ обратить въ православныя церкви костёлы, которые были обращены поляками изъ церквей. Алексѣй Михайловичъ очень былъ доволенъ казаками, которые показали свое искусство и храбрость подъ Смоленскомъ и, въ знакъ уваже-

---

([17]) «Малорос. переп. хран. въ московск. оруж. палатѣ.» 13.

([18]) Ibid. — «Annal. Polon. Clim » I, 428. — «Histor. ab. exc. Wład. IV.» 142. — «Лѣтоп. самов.» 23.

([19]) «Лѣтоп. Величка.» I, 190.

([20]) «Annal. Polon. Clim.» I, 436—437. — «Histor. ab. exc. Wład. IV.» 142. — «Истор. о през. бр.»

нія, приглашалъ къ столу старшинъ, угощалъ простыхъ казаковъ и раздавалъ имъ золотыя медали ([21]). Послѣ того царь уѣхалъ въ столицу, а московскія и казацкія войска продолжали брать города и зáмки.

Бѣлоруссія и Литва оставались безотпорны. Войска не было. Русскіе мѣщане и, угнетенные владычествомъ пановъ, поселяне съ радостью принимали своихъ единовѣрцевъ. Болѣе двухсотъ городовъ поддались царю. Успѣхъ былъ бы еще дѣйствительнѣе, еслибъ русскіе, какъ московитяне, такъ и казаки, вели войну съ большимъ воздержаніемъ; но въ тотъ вѣкъ воевать и разбойничать значило одно и тоже. Побѣдители жгли и разоряли шляхетскіе дворы, оскверняли костёлы, мучили ксендзовъ; насиловали женщинъ. Московитяне говорили: «Теперь мы поквитаемся съ «вами тѣмъ же, чтó дѣлали поляки и литовцы у насъ» ([22]). Вѣроятно, вслѣдствіе такихъ насилій, жители Шклова, принявшіе прежде московскій гарнизонъ, нечаянно перерѣзали всѣхъ воиновъ и снова впустили литовцевъ ([23]).

([21]) «Лѣтоп. самов.» 23. — «Истор. о през. бр.» — «Лѣтоп. повесть о Мал. Росс.» 206.

([22]) «Annal. Polon. Clim.» I, 140. — «Histor. Jan. Kaz.» 195. — «Малорос. переп. хран. въ оруж. палатѣ.» 13.

([23]) «Wojna dom.» Ч. 4, 127. — «Лѣтоп. Величка.» I, 190.

Такъ проходилъ 1654 годъ въ Литвѣ. Другое войско московское, подъ начальствомъ Бутурлина, находилось, въ Украйнѣ въ соединеніи со всѣмъ казацкимъ войскомъ, надъ которымъ командовалъ Хмельницкій. Сначала, какъ только Хмельницкій присягнулъ царю, возникла сильная партія нежелавшихъ бытъ подданными московскаго государя. Изъ замѣчательныхъ лицъ казацкаго сословія являются между недовольными Сѣрко, впослѣдствіи кошевой атаманъ, и Богунъ. Сѣрко не хотѣлъ повиноваться и ушелъ съ толпою недовольныхъ за пороги ([24]). Богунъ отрекался отъ присяги со всѣмъ Побужьемъ.

Польское правительство узнало о такомъ несогласіи между врагами и старалось извлечь изъ этого свою пользу. 28-го февраля король выдалъ универсалъ къ русскимъ мѣщанамъ и поселянамъ, называлъ ихъ милыми и вѣрными, объявлялъ всему народу милость.

«Дошло до насъ (было сказано въ универсалѣ), «что злобный измѣнникъ Хмельницкій, не довольствуясь ни пролитіемъ христіанской вашей крови впродолженіе долговременнаго междоусобія, ни погибелью «стольких душъ, взятыхъ въ плѣнъ невѣрными, ни «поколебаніемъ вашей вѣрности, запродалъ васъ на

([24]) «Histor. pan. Jan. Kaz.» I, 182.

«вѣчное мученіе царю московскому, подъ нестерпимое «ярмо, противное вашей свободѣ, и принуждаетъ васъ «присягать противъ воли этому мучителю; однако, «между вами нашлось много постоянныхъ въ вѣрности, «которые, увидя измѣну мятежника, отступили отъ «него. Мы, похваляя васъ за постоянство, считаемъ «долгомъ предостеречь тѣхъ, которые принуждены бы-«ли насиліемъ, какъ намъ извѣстно, цаловать крестъ «царю и совѣтуемъ, чтобъ они образумились зара-«нѣе, остались въ подданствѣ намъ и всей Речи-«Посполитой и дали объ этомъ знать прежде, чѣмъ «войска наши вступятъ, а мы желаемъ принять всѣхъ «съ милостью и радушіемъ, и обѣщаемъ хранить ваши «древнія права и вольности.»

Чрезъ мѣсяцъ послѣ того, подольскій воевода извѣщалъ жителей Подоліи, что войско вступаетъ для преслѣдованія мятежниковъ, и совѣтовалъ заранѣе прибѣгнуть изъ-подъ вѣчно-мучительнаго ярма московскаго подъ милостивыя крылья его королевской милости (25).

Какъ-скоро коронный гетманъ узналъ, что Богунъ противится Хмельницкому и не хочетъ присягнуть царю, то послалъ къ нему въ Кальникъ (26) какого-

(25) «Малор. переп. хран. въ московск. оруж. палатѣ.» 11—12.

(26) «Annal. Polon. Clim.» I, 417.

то Павла Олекшича съ предложеніемъ гетманства надъ казаками, дворянскаго достоинства и любаго староста въ Украинѣ ([27]).

Но Богунъ москвитянъ только боялся, а поляковъ давно уже ненавидѣлъ. Хитрый украинскій Одиссей здумалъ, однако, употребить въ пользу довѣріе пана и послалъ къ гетману согласіе.

«Москва овладѣла Украиною (писалъ онъ) Хмель-«ницкій сдѣлался мучителемъ и ищетъ головы моей «за то, что я отсовѣтовалъ казацкимъ полкамъ идти «подъ московское ярмо; теперь я скитаюсь безъ вся-«каго пристанища. Вы спасете меня, если отправите «ко мнѣ войско въ Кальникъ для соединенія съ не-«довольными казаками и для нашего охраненія» ([28]).

Въ то же время Богунъ отослалъ Хмельницкому предложеніе поляковъ въ доказательство своего безкорыстія ([29]) и просилъ прислать поскорѣе войско, чтобъ окружить короннаго гетмана, котораго онъ обманываетъ. Потоцкій, оставя войско свое подъ Меджибожьемъ, пошелъ съ одной дивизіей скорѣе, чѣмъ могла прійдти помощь для Богуна отъ Хмельницкаго; винницкій полковникъ отретировался къ Умани, все

([27]) «Истор. Мал. Росс.» I, 11—6.

([28]) «Annal. Polon. Clim.» I, 417. — «Лѣтоп. повѣст. о Мал. Росс.» 208.

([29]) «Истор. Мал. Росс.» II, 6.

еще обманывалъ Потоцкаго и просилъ слѣдовать къ нему. Тутъ коронный гетманъ узналъ какъ-то о хитрости: онъ не пошелъ за Богуномъ, а, съ досады, перерѣзалъ нѣсколько сотъ русскихъ поселянъ, и воротился въ лагерь ([30]).

Хмельницкій извѣстилъ о поступкѣ Богуна Алексѣя Михайловича, который послалъ винницкому полковнику похвалу за постоянство, твердость и непоколебимость, и поручилъ Хмельницкому привести его къ присягѣ: присягнулъ ли Богунъ государю — неизвѣстно ([31]).

Но во все лѣто польское войско не начинало рѣшительной войны. Оно не смѣло идти на помощь къ литовскому, потому-что, въ такомъ случаѣ, Хмельницкій и Бутурлинъ, пользуясь беззащитностью южныхъ предѣловъ, могли вторнуться въ королевство. Оно не начинало непріятельскихъ дѣйствій въ Украинѣ, потому-что политика трудилась надъ пріобрѣтеніемъ союзниковъ. Господари обязывались дѣйствовать въ пользу Польши и прислать вспомогатевьное войско; впрочемъ, Стефанъ въ то же время посылалъ мирныя предложенія и къ Хмельницкому, а Хмельницкій, съ своей стороны, приглашалъ его принять

([30]) «Wojna dom.» Ч. 4, 119. — «Истор. о бунт. Хмельн.» 54.

([31]) «Истор. Мал. Росс.» II, 6.

покровительство московскаго царя и послать въ Москву бояръ ([32]). По извѣстію современника, господаря Валахіи, у Хмельницкаго въ Чичиринѣ появился тогда Михаилъ, родственникъ Стефана, жившій до того времени при нѣмецкомъ императорѣ. Хмельницкій хотѣлъ отдать за него свою дочь и, съ помощью Стефана, низвергнувъ валахскаго господаря, посадить вмѣсто него своего зятя, а потомъ, съ помощью Турціи, которую снова надѣялся преклонить на свою сторону, посредствомъ обѣщаній подданства, низвергнуть седмиградскаго князя и посадить на его мѣсто своего свата Липулу ([33]). Но въ то же время самъ Ракочій, какъ только увидѣлъ, что надъ Польшей собирается новая туча, предполагая что-нибудь для себя выиграть, обратился къ Хмельницкому, приписывалъ происшедшее несогласіе дерзости сына Хмельницкаго, напавшаго своевольно на Валахію, увѣрялъ, что звалъ Тимоѳея для переговоровъ, а Тимоѳей, вмѣсто отвѣта, началъ непріязненныя дѣйствія противъ трансильванскихъ войскъ, просилъ забыть прошедшее и предлагалъ свои услуги ([34]). Только возобновленіе союза съ крымскимъ царствомъ сдѣлалось невозмож-

---

([32]) «Малорос. переп. хран. въ московск. оруж. палатѣ.» 17.

([33]) «Памятн. кіевск. комм.» III, 3, 82.

([34]) «Малорос. переп. хран. въ московск. оруж. палатѣ.» 17.

нымъ послѣ соединенія съ великороссіянами, которыхъ крымцы почитали злѣйшими врагами.

Исламъ-Гирея не стало. Говорятъ, плѣнница украинская, взятая въ его гаремъ, отравила его въ отмщеніе за измѣну ея отечеству и насилія соотечественникамъ ([35]). Наслѣдникомъ его былъ братъ его, Махметъ-Гирей.

Весною, 1654 года, польское покровительство послало въ Бахчисарай Яскульскаго очернить предъ новымъ ханомъ Хмельницкаго, обличить его въ сношеніи съ москвитянами, заклятыми врагами Крыма, побудить хана дѣйствовать вмѣстѣ съ поляками противъ московитянъ и казаковъ и за то обѣщать деньги и подарки; а въ доказательство того, что Хмельницкій отдался московскому царю, Яскульскій повезъ съ собой копію универсала казацкаго гетмана къ украиницамъ.

Пріѣхавъ въ Бахчисарай, Яскульскій былъ позванъ къ хану. Визирь, вѣроятно, принимая во вниманіе важность положенія своего хана и печальное состояніе Польши, которая нуждалась въ союзѣ съ Крымомъ, не хотѣлъ-было давать ему ханскаго коня, на которомъ посолъ долженъ былъ ѣхать на аудіенцію.

— Наша вѣра, говорилъ онъ:—не позволяетъ намъ прислать коня.

([35]) «Annal. Polon. Clim.» I, 407.

— А наша вѣра, возразилъ Яскульскій:—не позволяетъ мнѣ ѣхать на своемъ конѣ, потому-что мой конь исхудалъ, да притомъ, его величество, король достоинъ такого уваженія отъ хана.

Полякъ настоялъ на-своемъ: ему дали коня. Потомъ визирь хотѣлъ-было заставить его, по восточному обычаю, поцаловать полу своего платья. Яскульскій воспротивился и настоялъ на томъ, что ему позволили, по европейскому обычаю, поцаловать ханскую руку ([36]).

Послѣ первой аудіенціи заставили посла ждать въ бездѣйствіи около трехъ недѣль. Въ то время въ Бахчисараѣ явились послы московскіе, венгерскіе отъ Ракочія и казацкіе. Всѣ предлагали свои услуги и искали расположенія хана. Крымцы понимали, что сосѣди давали большое значеніе тому положенію, какое принималъ Крымъ въ предстоящихъ смутныхъ событіяхъ. Ханъ созвалъ большой совѣтъ изъ султановъ, мурзъ и агъ. Всѣ раздѣляли ненависть противъ Московіи; но нѣкоторые мурзы, испытавшіе на себѣ щедрость Хмельницкаго, возстали противъ союза съ поляками.

«Пока у насъ было побратимство съ казаками «(говорили они), мы наполняли Крымъ польскими не«вольниками, а теперь что́ возьмемъ, воюя противъ

([36]) «Памятн. кіевск. комм.» III, 59—64.

«казаковъ за поляковъ? Казаки бились за свободу, а «намъ доставался яссырь; не будетъ намъ такой вы-«годы, когда будемъ сражаться за поляковъ. Поляки «люди гордые: ходятъ въ богатыхъ одеждахъ, въ до-«рогихъ шубахъ, въ турецкихъ салопахъ: не станутъ «они биться для нашей выгоды.» ([37])

Но вражда противъ московитянъ заглушала такія представленія. Выгоды Крыма побуждали татаръ избрать въ настоящее время союзъ съ поляками; однако они хотѣли повести дѣло такъ, чтобъ поляки имъ кланялись и просили ихъ союза, а не они поляковъ.

Визирь призвалъ Яскульскаго и обходился съ нимъ довольно-сухо. Яскульскій просилъ отпустить польскихъ плѣнниковъ, захваченныхъ въ набѣги. Визирь отговаривался, исчислялъ различныя прежнія вины этихъ плѣнниковъ противъ Крыма, наконецъ сказалъ рѣшительно:

— Напрасно и говорить о томъ, что̀ взято саблею!

Яскульскій коснулся татарскихъ набѣговъ, причинившихъ Польшѣ опустошенія; визирь съ гнѣвомъ закричалъ:

— Какъ, гордецы! вы еще хотите приказывать

([37]) «Annal. Polon. Clim.» I, 443. — «Histor. Jan. Kaz.» I, 198.

хану? А знаете ли, что если ханъ соединится съ казаками и москвитянами — вся Польша погибнетъ!

— Это въ Божьей волѣ, отвѣчалъ Яскульскій, испугавшійся своихъ замѣчаній: — но я сказалъ это не для того, чтобъ приказывать его милости, хану, а чтобъ показать вамъ честность и правду нашу, за которыя мы терпѣли отъ васъ непріязненность.

— Казаки прислали къ намъ пословъ, сказалъ визирь: — они просятъ союза съ нами; они говорятъ, что если обратились къ москалямъ, то потому, что король не послалъ къ нимъ ни пословъ, ни грамматы: надобно было вамъ удерживаться отъ войны съ ними. Зачѣмъ сами ихъ затрогиваете?

— Удивляюсь, возразилъ Яскульскій: — что вы придираетесь къ тому, что его королевское величество не посылалъ Хмельницкому ни пословъ, ни грамматъ. Приличнѣе будетъ, если рабъ прежде поклонится своему господину. Видали ли вы, чтобъ ханъ писалъ письма къ мятежникамъ, когда у васъ былъ бунтъ?

— Казаки, сказалъ визирь: — говорятъ, что они послали къ вамъ пословъ Антона, а вы его задержали.

— Этому уже годъ, отвѣчалъ Яскульскій: — а послѣ жванецкаго договора они не присылали по-

словъ. Хмельницкій и себя самого и всю Украину отдалъ московскому царю, и Москва въ городахъ королевскихъ и шляхетскихъ поставляе́тъ свое начальство и беретъ доходы. А когда кто у кого что-нибудь отнимаетъ, какъ не защищать своего?

— Видимъ, что казаки плуты, сказалъ визирь. — Мы пошлемъ къ нимъ своего посла вмѣстѣ съ ихъ посломъ и предложимъ, чтобъ они покорились королю, возвратили бы Украину, а сами шли бы съ нами воевать московитянъ. Если же этого не сдѣлаютъ, тогда поднимемъ вмѣстѣ съ вами на нихъ сабли.

Наконецъ визирь совершенно искренно выразился, сказавъ Яскульскому:

— Все сдѣлаемъ только тогда, когда получимъ отъ васъ упоминки.

Такимъ-образомъ, на первый разъ Яскульскій не получилъ ничего, кромѣ обѣщаній, и писалъ немедленно о необходимости скорѣе выслать денегъ какъ крымскому хану, такъ равно и окружавшимъ его лицамъ. Каждый изъ нихъ изъявлялъ готовность ходатайствовать предъ ханомъ съ своей стороны, если получитъ польскіе злотые. Московскіе послы были отправлены съ отказомъ. Что касается казацкаго посольства, то, по увѣренію Яскульскаго, ханъ далъ ему самую непріятную аудіенцію; на представленіе его онъ нѣсколько разъ возражалъ ему:

— Лжешь, сякой-такой сынъ, холопъ! ([38]).

Оставивъ поляковъ въ нерѣшимости, только съ надеждами, ханъ уѣхалъ въ Константинополь искать султанскаго утвержденія. Послы Хмельницкаго были отправлены вмѣстѣ съ ханскимъ посломъ — Тохтамышъ-агою, привезшимъ гетману граммату, въ которой ханъ изъявлялъ готовность сохранить прежнее братство съ казаками, но съ тѣмъ, чтобъ Хмельницкій отступилъ отъ московскаго царя, иначе грозилъ соединиться съ поляками, навести, сверхъ-того, на Украину венгровъ, молдаванъ, волоховъ и предать ее опустошенію.

Хмельницкій отвѣчалъ ему;

«Мы не можемъ отступить отъ царя московскаго; «мы помнимъ, что Господь Богъ строго наказываетъ «каждаго за нарушеніе присяги. И потому, не ища «никакого предлога къ нарушенію мира, мы, полагаясь на свою справедливость, будемъ молиться «Богу, готовые умереть, отбивая отъ предѣловъ своихъ всякаго непріятеля. Всемогущій Творецъ будетъ охранять справедливыхъ и воздастъ местью за «несправедливость. А что ваша ханская милость «стращаетъ насъ венграми, молдаванами, волохами «и великою силою крымскихъ войскъ, то мы пола-

---

([38]) «Памятн. кіевск. комм.» III, 3, 68—80. — «Latop. Jerl.» 156—166.

«гаемъ надежду болѣе на Бога, чѣмъ на огромность «войскъ московскаго царя и силу запорожскаго вой- «ска. Богъ въ одно мгновеніе поражаетъ великія «войска, противящіяся Его святой волѣ» (39).

Когда ханъ все лѣто пробылъ въ Константинополѣ, послы Речи-Посполитой — Бѣгановскій и Янъ Собѣй- скій упрашивали турецкаго визиря побуждать хана противъ Хмельницкаго (40). Визирь увѣрялъ ихъ, что еслибъ поляки и прежде просили содѣйствія ту- рокъ, то не испытали бы столько золъ (41). Визирь ясно видѣлъ, что Хмельницкій только обманывалъ диванъ, когда изъявлялъ желаніе поддать Украину оттоманской портѣ. Турція опасалась возвышенія русской державы, и потому въ то время легко было расположить ее къ Польшѣ.

Возвращаясь изъ Турціи, въ сентябрѣ, ханъ близь Очакова встрѣтилъ поляка Корыцкаго, посланнаго къ нему отъ имени польскихъ гетмановъ.

— Скажи своимъ гетманамъ, сказалъ ему ханъ: — что я все сдѣлаю для короля и Речи-Посполитой, какъ поставилъ съ нимъ въ договорѣ братъ мой (42).

---

(39) «Памятн. кіевск. комм.» III, 3, 118.

(40) «Annal. Polon. Clim.» I, 409. — «Histor. Jan. Kaz.» I, 179.

(41) «Wojna dom.» Ч. 4, 120.

(42) «Памятн. кіевск. комм.» III, 3, 82.

Возвратившись въ Крымъ, онъ засталъ тамъ Яскульскаго, и далъ ему аудіенцію, на которой говорилъ такъ:

— Братъ мой, Исламъ-Гирей, воевалъ шесть лѣтъ съ поляками, а наконецъ жалѣлъ объ этомъ, и передъ смертью заключилъ съ ними договоръ. Я неизвѣстенъ полякамъ ни дружбою, ни враждою. Заключаю съ вами союзъ, соединяю съ вами свое войско, буду воевать противъ москалей, общихъ нашихъ заклятыхъ враговъ, и вы узнаете, что нашли себѣ искренняго и вѣрнаго союзника. Богъ да поможетъ вамъ (43).

Тогда написанъ былъ союзный договоръ: обѣ стороны заключили между собою тѣсную и вѣрную дружбу. Предполагалось, чтобъ у поляковъ и татаръ были общіе друзья и общіе враги. Татары не должны были никогда не только дѣлать набѣговъ на польскія владѣнія, но даже вступать безъ позволенія въ предѣлы Польши. Ханъ долженъ былъ обязаться идти съ войскомъ на услуги королю, когда только окажется случай, а король ежегодно платить хану *упоминки*, какъ постановлено съ Исламъ-Гиреемъ. Въ предстоящую войну поляки и татары обязывались дѣйствовать взаимно и не полагать оружія одни безъ

---

(43) «Annal. Polon. Clim.» I, 443.

другихъ ([44]). Ханъ торжественно присягнулъ предъ Яскульскимъ въ сохраненіи этого договора. Король утвердилъ еще прежде клятвою эти условія съ послами Исламъ-Гирея. Настоящій договоръ былъ только возобновленіемъ прежняго ([45]).

Ханъ, въ знакъ расположенія, отпустилъ болѣе двухсотъ польскихъ плѣнниковъ и, въ томъ числѣ, двухъ Сапѣгъ и бѣднаго Кашовскаго, захваченнаго такъ неожиданно на собственной усадьбѣ ([46]). Вслѣдъ за тѣмъ ханъ извѣстилъ короля, что сильная орда немедленно отправится въ Украину для соединенія съ поляками противъ русскихъ. Мѣсто для соединенія назначено подъ Чернеіовцами ([47]).

Махметъ-Гирей, заключая договоръ съ поляками, послалъ къ Хмельницкому письмо. Смыслъ его былъ таковъ:

«Если гетманъ хочетъ союза съ крымскихъ ханомъ, то пусть отступитъ отъ союза съ Москвою, «повяжетъ московскихъ старшинъ и офицеровъ и от-

---

([44]) «Wojna dom.» Ч. 4, 124. — «Лѣтоп. Величка.» I, 208.

([45]) «Wojna dom.» Ч. 4, 127. — «Кратк. истор. о бунт. Хмельн.» 54.

([46]) «Annal. Polon. Clim.» I, 443. — «Wojna dom.» Ч. 4, 124.

([47]) «Памятн. кіевск. комм.» III, 3, 106.

«дастъ ихъ въ неволю татарамъ, признаетъ короля «единственнымъ господиномъ, дозволитъ и поможетъ «польскимъ дворянамъ утвердиться въ Украинѣ и не «будетъ имѣть реестровыхъ казаковъ болѣе десяти «тысячъ.»

Хмельницкій со смѣхомъ принялъ и отправилъ это послѣднее предложеніе хана (48). Современный польскій историкъ (49) говоритъ, что тогда разбѣшенный ханъ приказалъ посланцу Хмельницкаго, котораго удержалъ еще прежде, обрѣзать ноздри и отправилъ его къ гетману.

Это сношеніе съ ханомъ продолжалось до конца октября, а гетманы не осмѣливались выступить въ походъ, и стояли лагеремъ подъ Меджибожьемъ. Наконецъ, когда пришло извѣстіе, что ханъ присылаетъ въ скоромъ времени орду для соединенія съ польскими войсками, Потоцкій двинулся на укрощеніе отпавшей Руси. Войско его, по русскимъ историкамъ, простиралось до шестидесяти тысячъ (50), по сказанію польскихъ историковъ — около сорока, а по другимъ — около тридцати тысячъ (51), изъ которыхъ болѣе двадцати тысячъ было одной кон-

---

(48) «Лѣтоп. Величка.» I, 208.
(49) «Histor. ab. exc. Wład. IV.» 146.
(50) «Лѣтоп. Величка.» I, 208.
(51) «Lat. jerl.» 151.

ницы ([52]). Оно заключало двѣнадцать конныхъ и пѣшихъ полковъ и отрядъ пруссаковъ, присланныхъ бранденбургскимъ курфирстомъ. Они раздѣлились на корпуса и брали города одинъ за другимъ. Города Шаргородъ, Мурахва, Красное и Чернесівцы были взяты.

Поляки обратились на мѣстечко Бушу ([53]), недалеко отъ Днѣстра, которое, послѣ сожженія Могилева, служило убѣжищемъ подольскимъ левенцамъ, или такъ-называемому поднѣстранскому полку. Мѣстечко лежитъ на высокой горѣ; оно было тогда хорошо укрѣплено валами и съ одной стороны защищено ставомъ, и раздѣлялось на три половины: двѣ назывались городами, а третья, зàмокъ, назывался пригородкомъ. Туда укрылось шесть тысячъ левенцевъ съ женами, дѣтьми и имуществами, двѣнадцать тысячъ жителей обоего пола, и толпа молдавскихъ удальцовъ, служившихъ въ украинской вольницѣ. Войско польское было слишкомъ-велико; подоляне заранѣе рѣшились умереть, но не сдаваться на поруганіе непріятелю. Какъ только отрядъ польскій приблизился къ стѣнамъ города, его привѣтствовали

([52]) «Histor. Jan. Kaz.» I, 199. — «Annal. Polon. Clim.» I, 444.

([53]) Ныньче мѣстечко Яруга, при сліяніи водъ Мурахвы и Буши, въ могилевскомъ уѣздѣ.

сильнымъ залпомъ со стѣнъ, быстро вылетѣли казаки изъ воротъ, разсѣяли непріятелей; погибъ самъ начальникъ отряда. Ободренные левенцы, въ знакъ торжества, ударили въ колокола, но вслѣдъ затѣмъ бросился на штурмъ Чарнецкій съ нѣсколькими полками. Онъ увидѣлъ, что одна брама стояла ниже прочихъ: тамъ стѣна спускалась съ полугоры: туда направилъ онъ жолнеровъ. Левенцы дали сильный отпоръ, отступили и впустили поляковъ въ браму; но когда торжествующіе враги вошли въ мѣстечко и уже удалялись отъ брамы, въ которую вошли, вдругъ за ними сдѣлался пожаръ, а спереди бросились на нихъ осажденные мужчины и женщины съ оружіемъ, косами, рогатинами и дубинами. Поляки были наткнуты въ огонь; множество погибло, и самъ Чарнецкій, съ простреленною ногою, едва успѣлъ выскочить.

Гетманы, видя такое упорство, жалѣли людей и послали въ городъ трубача съ предложеніемъ милости, прощенія и совершеннаго забвенія мятежа; но левенцы съ поруганіемъ разстрѣляли этого трубача въ виду непріятелей.

Тогда предводители приказали идти на генеральный штурмъ цѣлому войску. Бушу окружили со всѣхъ сторонъ. Ляндскоронскій приказалъ конницѣ оставить лошадей и лѣзть на скалы: послалъ туда даже погонщиковъ и слугъ. Долго всѣ усилія были напрасны: левенцы сыпали на нихъ градомъ пули, спу-

скали огромныя бревна и колоды; поляки падали съ укрѣпленія; Буша была невредима. Чарнецкій замѣтилъ, что можно спустить воду изъ пруда, который примыкалъ къ городу въ самомъ приступномъ мѣстѣ: сдѣлали плотину вода обмельчала, и въ то время, когда казаки должны были отражать во всѣхъ пунктахъ сильнѣйшій приступъ, польская конница побросала коней, перешла чрезъ прудъ и бросилась на одну башню; казаки долго защищали это мѣсто, множество жолнеровъ погибло, но часъ-отъ-часу прибывали новыя силы къ слабому мѣсту, сдѣлали въ стѣнѣ проломъ, зажгли башню и посыпались въ мѣстечко, между-тѣмъ, какъ другіе, пользуясь раздѣленіемъ силъ осажденныхъ, всходили на стѣны въ иныхъ мѣстахъ. Невозможно было держаться противъ огромнаго войска. Тогда русскіе, въ ожесточеніи, не хотя отдаваться врагамъ, зажгли свои домы и начали умерщвлять другъ друга. Жена убитаго сотника Завистного сѣла на бочку пороха, сказавъ: «не хочу послѣ милаго мужа доставаться игрушкою «солдатамъ!» зажгла бочку и взлетѣла на воздухъ. Ободренныя ея примѣромъ, женщины бросали въ пламя и въ колодцы дѣтей своихъ и сами кидались за ними. Погибло шестнадцать тысячъ храбраго народа. Все имущество сдѣлалось добычею огня; жолнеры не вознаградили себя за потерю товарищей и за собственныя раны. Семьдесятъ женщинъ успѣли

скрыться въ пещерѣ, находившейся недалеко отъ мѣстечка и закрытой густымъ терновникомъ. Но нѣкоторыя, бѣжавши, потеряли по дорогѣ свои наметки. Это замѣтили слуги и полковникъ Целарій получилъ приказаніе принудить къ сдачѣ скрывшихся. «Сдавайтесь (кричали имъ жолнеры): мы обѣщаемъ «вамъ жизнь, прощеніе, цѣлость вашего имущества. «Не губите себя напрасно». Изъ пещеры имъ отвѣчали выстрѣлами. Целарій не сталъ посылать жолнеровъ на безполезную смерть, но увидѣлъ другой способъ выжить ихъ изъ убѣжища: неподалеку изъ горы протекалъ источникъ; онъ приказалъ отвести его и направить прямо въ пещеру. Женщины потонули, но ни одна не отдалась въ руки побѣдителей.

ГЛАВА XIII.

Самоотверженіе русскихъ. — Истребленіе украинскихъ местечекъ и селеній. — Битва подъ Охматовымъ. — Сношеніе Хмельницкаго съ Швеціею. — Война Швеціи съ Польшею. — Успѣхи шведовъ. — Бѣгство польскаго короля. — Походъ казаковъ и московитянъ въ Черновую Русь. — Битва подъ Гродекомъ. — Осада Львова. — Бесѣда Хмельницкаго съ Любовицкимъ. — Свиданіе Хмельницкаго съ ханомъ. — Взятіе Люблина.

Коронный гетманъ выдалъ жителямъ Подоли всеобщій универсалъ, въ которомъ извѣщалъ о наказаніи, постигшемъ Бушу за упорство, и совѣтовалъ всѣмъ, для избѣжанія подобнаго жребія, покориться, обѣщая милость и прощеніе. «Но твердыя сердца русскія не имѣли надъ собою никакого состраданія (говорить историкъ). Всѣ готовились послѣдовать примѣру Буши и погибнуть съ честью» (¹). Изъ-подъ Буши поляки двинулись въ Украину и вступили въ ту часть Побужья, которая называлась Брацлавщина. «Прежде всего намъ слѣдуетъ (говирили предводите«ли), до прибытія непріятеля, очистить отъ мятежни«ковъ Побужье, а потомъ уже пойдемъ въ самое

(¹) «Annal. Polon. Clim.» I, 414—446.

«логовище непріятельское и завоюемъ Кіевъ, какъ «приказывалъ король». Шпіоны доносили, что Хмельницкій назначилъ Брацлавъ главнымъ пунктомъ охраненія Побужья, и что въ этомъ городѣ находится сильный казацкій гарнизонъ. Польскіе отряды завоевали по окрестностямъ Брацлавля города и мѣстечки, взяли Томаковку, которую покинулъ начальникъ охочихъ казаковъ, Махержыньскій ([2]), потомъ взяли и сожгли Кальникъ и Немировъ ([3]). Въ этомъ послѣднемъ городѣ всѣ улицы были завалены трупами. Нѣсколько сотъ человѣкъ обоего пола убѣжало въ каменный погребъ. Враги требовали сдачи: никто не сдался и всѣ погибли, задохшись отъ дыма ([4]). Главное войско отправилось на Брацлавль. Чарнецкій съ сильнымъ отрядомъ пошелъ впередъ лѣсомъ и развѣдалъ, что въ Брацлавлѣ двѣнадцать тысячъ казаковъ, — три полка: винницкій, подъ начальствомъ Богуна, брацлавскій, подъ начальствомъ Зеленскаго, и поднѣстранскій — отрядъ левенцевъ, подъ начальствомъ полковника Гоголя. Къ изумленію поляковъ, когда они подошли къ городу, то не увидѣли ни стражи за стѣнами, ни людей на валахъ: всѣ городскія ворота были отворены настежь; живая душа не по-

---

([2]) «Histor. Jan. Kaz.» I, 201.
([3]) «Woyna dom.» ч. 4, 129.
([4]) «Памятн кіевск. комм.» III, 3, 41.

казывалась изъ города! «Это хитрость Богуна, сказалъ Чарнецкій: «онъ нарочно представляется безпеч«нымъ и лѣнивымъ, но вѣрно спряталъ гдѣ-нибудь «войско и готовитъ намъ какую-нибудь ловушку». Восемь разъ обходили поляки вокругъ Брацлава: ворота были отворены, никто не появлялся. Поляки не могли понять, что̀ это значитъ, терялись въ догадкахъ и боялись каждую минуту попасть въ-просакъ. Вдругъ, 8 декабря, казаки стремительно бросились изъ Брацлавля и стали надъ Бугомъ въ боевомъ порядкѣ. Поляки бросились на русскихъ; русскіе дали сильный залпъ, потомъ перешли мостъ, сожгли его и спокойно пошли по дорогѣ къ Умани въ виду многочисленнаго непріятельскаго войска: оно не смѣло за ними слѣдовать, зная, что въ небольшомъ отрядѣ казацкомъ былъ Богунъ; враги непремѣнно ожидали какой-нибудь хитрой продѣлки.

Гораздо безопаснѣе казалось для поляковъ воевать съ мѣщанами и женщинами и разорять мѣстечки, а потому жолнеры разсѣялясь снова партіями по Брацлавщинѣ. Жители не сдавались, пренебрегали обѣщаніями пощады и милости, которыя расточали предводители, отваживались защищаться до послѣдней капли крови и погибали съ женами и дѣтьми. Имущества обыкновенно были сожигаемы самими хозяевами вмѣстѣ съ жилищами. Русскіе были слишкомъ сильны для того, чтобъ не предпочесть смерть неволѣ,

и слишкомъ-слабы, чтобъ охранить жизнь противъ многочисленнаго войска. Такъ погибли впродолженіе мѣсяца множество мѣстечекъ и селъ и, въ числѣ ихъ, Лысянка, Тульчинъ, Зиньковки, Котаржынъ, Балаповка и Дембовка ([5]). Послѣдняя принадлежала когда-то Дмитрію Вишневецкому; самъ владѣлецъ осадилъ ее, но напрасны были всѣ предложенія его: она не сдалась, но была взята приступомъ и жители истреблены безъ разбора ([6]).

Между-тѣмъ обѣщанное полякамъ вспомогательное войско явилось подъ Ободовкою въ числѣ сорока тысячъ ([7]). Главное начальство надъ ними дано Менгли-Гирею, сыну Ислама-Гирея, но только для вида, потому-что ему было всего шестнадцать лѣтъ отъ-роду. Распоряженія предоставлены были мурзамъ, въ числѣ которыхъ былъ главнымъ Хамамбетъ ([8]). Ставъ кошемъ, татары пустились на грабежи, тотчасъ же вступили въ стычки съ казаками и разбили наказнаго Хмельницкаго — Томиленка ([9]).

10 января (20-го н. ст.), соединенное войско поляковъ и татаръ, въ числѣ ста тысячъ, пошло къ Умани, гдѣ, какъ услышали они, заперлись полковники

([5]) «Annal. Polon. Clim.» I, 447—450.
([6]) «Woyna dom.» ч. 4, 129.
([7]) «Лѣтоп. Величка.» I, 209.
([8]) «Annal. Polon. Clim.» I, 450.
([9]) «Истор. о през. бр.»

ушедшіе столь смѣло отъ Брацлава. Городъ Умань былъ въ то время обнесенъ тремя высокими валами, между которыми ноходились три сухіе рва. Кромѣ двѣнадцати тысячъ казаковъ, взялись за оружіе мѣщане и прибѣжавшіе сосѣди. По сказанію одного изъ польскихъ историковъ, въ городѣ было до двадцати тысячъ народа ([10]) — число, безъ-сомнѣнія, преувеличенное. Богунъ приказалъ полить валы водою, и, покрытые льдомъ, они свѣтились какъ стекло при утреннемъ солнцѣ въ глазахъ союзниковъ, расположившихъ кругомъ города неизмѣримый обозъ для показанія своей силы ([11]). Сначала Потоцкій послалъ уманьцамъ милостивый универсалъ, призывавшій къ повиновенію, «но уманьцы (говоритъ современникъ) пушечною стрѣльбою показали намъ свое повиновеніе» ([12]). Гетманы приказали пѣхотѣ идти на штурмъ; «казаки отразили ихъ съ величайшею потерею для поляковъ и нѣмцевъ, составлявшихъ пѣхоту», говоритъ современникъ ([13]). Разсердившись за неудачу, Потоцкій, на другой день, въ полдень, назначилъ опять генеральный штурмъ, велѣлъ сойти съ лошадей всей конницѣ, смѣшалъ ее съ пѣ-

---

([10]) Histor. ab. exc. Wład. IV.» 146.
([11]) «Annal. Polon. Clim.» I, 451.
([12]) Памятн. кіевск. комм.» III, 3, 44.
([13]) «Histor. ad. exc. Wład. IV.» 146.

хотою и приглашалъ всѣхъ татаръ. Союзники, подъ выстрѣлами осажденныхъ, овладѣли первымъ валомъ, вступили въ ровъ, но тогда Богунъ нечаянно сдѣлалъ вылазку и обратилъ въ бѣгство огромную толпу враговъ. Послѣ второй неудачи, поляки открыли канонаду, но въ Умани было много влажности: ядра не повредили городу ([14]).

Въ это время, прибѣжавшій татаринъ даетъ знать, что Хмельницкій съ соединенными казацкими и московскими силами спѣшитъ зайти въ тылъ осаждающимъ ([15]). Предводители оставили осаду, покинули обозъ съ частью войска, а сами отправились въ походъ. Пройдя околодо тридцати верстъ, они встрѣтили на дорогѣ татарскій загонъ. Татары объявили, что они только-что дрались съ казацкимъ отрядомъ, который ушелъ въ Охматовъ и тамъ заперся. Это былъ полтавскій полковникъ Пушкаренко. Поляки подумали тогда, что извѣстіе, полученное подъ Уманью, относилось единственно къ этимъ казакамъ и разсудили уничтожить малый отрядъ, убѣжавшій въ незначительное укрѣпленіе, и потомъ свободно продолжать осаду Умани. Войско приступило къ Охматову и на

([14]) «Annal. Polon. Clim.» I, 451.—«Histor. ad. exc. Wład. IV.» 146.

([15]) «Annal. Polon. Clim.» I, 452. — «Лѣтоп. повѣст. о мал. Росс.» 209. — «Woyna domow.» Ч. 4, 129.

зарѣ, 20 января, (20 н. с.) начало палить въ Охматовъ ([16]).

Хмельницкій въ то время былъ недалеко. Онъ также не зналъ, что войско польское велико. Богунъ, еще до пришествія татаръ, въ Брацлавлѣ видѣлъ только часть его, потому-что другая невидима была за кустарниками. Плѣнникъ далъ гетману невѣрное извѣстіе. Соединенное русское войско казаковъ и москвитянъ простиралось до 80,000, или до 90,000, по увѣренію польскихъ историковъ ([17]), кромѣ калмыковъ; но Хмельницкій не счелъ нужнымъ тащить его въ походъ. Когда дошла до него вѣсть, что поляки приступили къ Умани, онъ оставилъ обозъ подъ Бѣлою Церковью, гдѣ находился главнокомандующимъ московскими войсками Бутурлинъ, а самъ отправился вмѣстѣ съ бояриномъ Василіемъ Борисовичомъ Шереметевымъ, взявъ только двадцать-пять тысячъ ([18]).

Когда поляки начали палить подъ Охматовымъ, Хмельницкій съ Шереметевымъ завтракали въ Ставищахъ, верстъ за десять слишкомъ отъ Охматова. Услышавъ громъ орудій, они немедленно дали приказъ двинуться всему двадцати-пятитысячному вой-

---

([16]) «Annal. Polon. Clim.» I, 452—455.

([17]) «Annal. Polon. Clim.» — «Histor, ab. exc. Wład. IV.» 147.—«Histor. Jan. Kaz.» I, 207.

([18]) «Лѣтоп. Величка.» I, 209.

ску въ путь съ обозомъ. Польскій отрядъ Рощица, посланный высматривать непріятеля, узналъ о немъ заранѣе и донесъ гетманамъ. Тогда польское войско оставило Охматовъ и двинулось на встрѣчу русскимъ ([19]).

Войска встрѣтились другъ съ другомъ, на закатѣ солнца, на полѣ, которое называлось отъ маленькаго, тамъ текущаго протока, *Бавы*, гдѣ теперь деревушка Багва. Предводители приказали вступить въ сраженіе ([20]). «Хотя наступаетъ ночь (говорилъ Ляндско-«ронскій, ободряя воиновъ), но она только сокроетъ «трусость вѣроломныхъ враговъ, а не предастъ забве-«нію ваши доблестные подвиги: — доблесть скрыться «не можетъ» ([21]).

Съ обѣихъ сторонъ началась жестокая, упорная битва, продолжавшаяся пять часовъ въ темную, морозную ночь. Пушечная и ружейная пальба была, по сказанію современниковъ, такъ часта, что было ясно какъ въ день ([22]). Перевѣсъ былъ рѣшительно на сторонѣ поляковъ. Потоцкій занялъ возвышеніе и польскіе выстрѣлы были дѣйствительнѣе русскихъ; со всѣхъ сторонъ заходили поляки и прорывали ряды

([19]) «Annal. Polon. Clim.» I, 452.
([20]) «Лѣтоп Величка.» I, 209.
([21]) «Annal. Polon. Clim.» I, 453.
([22]) Histor. ab. exc. Wład. IV. 147.

пѣхоты, наконецъ имъ удалось оторвать часть обоза и отнять двадцать-двѣ пушки. Въ союзномъ войскѣ смятеніе распространилось; московитяне приходили въ отчаяніе ([23]) и готовы были положить оружіе, какъ вдругъ все измѣнилось нечаянно.

Какъ только поляки отступили отъ Умани, Богунъ съ необычайною смѣлостью вышелъ за ними изъ крѣпости, прошелъ счастливо черезъ оставленный польскій обозъ и въ самое несчастное для своихъ время неожиданно появился сзади польской арміи и ударилъ ей въ тылъ. Эта внезапность до-того поразила поляковъ, что они смѣшались, среди ночи не могли разсмотрѣть, что̀ это за войско и ка̀къ велико оно, оставили Хмельницкаго и вступили въ сраженіе съ новымъ непріятелемъ. Три тысячи жолнеровъ погибло въ той сѣчѣ. Богунъ съ своею горстью разрѣзалъ ряды многочисленнаго войска и соединился съ Хмельницкимъ ([24]), который, пользуясь тѣмъ временемъ, когда поляки занялись битвою съ Богуномъ, устроивалъ къ защитѣ свой обозъ ([25]). Казаки набрали тогда труповъ и сдѣлали изъ нихъ валъ ([26]).

([23]) «Annal. Polon. Clim.» I, 454.—«Histor. Jan. Kaz.» l. 207.

([24]) «Лѣтоп. Величка.» 1, 210. — «Woyna dom.» ч. 4, 130.

([25]) «Histor. ab. exc. Wład. IV.» 147.

([26]) «Лѣтоп. самов.» 24.

Московскій предводитель съ неудовольствіемъ замѣтилъ Богуну: для чего онъ оставилъ Брацлавщину на разграбленіе и завелъ по слѣдамъ своимъ непріятеля, о которомъ ложно писалъ, будто онъ не силенъ. «Когда приманиваютъ птичекъ (отвѣчалъ Богунъ), «то всегда бросаютъ имъ что-нибудь на кормъ» ([27]). Богунъ имѣлъ планъ завести польское войско въ средину Украины, чтобъ оно наткнулось на соединенное русское войско; но, вопервыхъ, обманулся самъ, не зная силы поляковъ, а вовторыхъ, Хмельницкій и московитяне взяли съ собой слишкомъ-мало войска. При такомъ неравенствѣ силъ оставалось только отступить къ Бѣлой Церкви, къ главному обозу и остальному войску. Но поляки обложили ихъ со всѣхъ сторонъ; надобно было пробиваться силою. Хмельницкій устроилъ тройный рядъ саней, связанныхъ цѣпями, поставилъ на нихъ пѣхоту и артиллерію, а въ средину помѣстилъ конницу и такимъ-образомъ на другой день двинулся на проломъ ([28]). Поляки напирали на него со всѣхъ сторонъ, но русскіе отбивались съ чрезвычайнымъ рвеніемъ и искусствомъ, защищались не только выстрѣлами, но оглоблями отъ саней, дубинами и рукопашнымъ боемъ. Прусская пѣхота, одѣтая въ панцыри, закрытая мѣд-

([27]) «Annal. Polon. Clim.» I, 453.
([28]) «Histor. ab. exc. Wlad. IV.» 147.

ными щитами, надѣясь на такое вооруженіе, хотѣла, какъ говоритъ лѣтописецъ, пріобрѣсть себѣ славу, и вся погибла; конные наскакивали на сани и теряли лошадей. Такъ прошло два дня, поляки выбились изъ силъ и оставили преслѣдованіе. Они не рѣшились идти до обоза, подъ Бѣлую-Церковь, гдѣ было огромное войско. При этомъ сдѣлался такой сильный морозъ, какой рѣдко бываетъ въ этихъ странахъ: воины толпами замерзали отъ стужи. Казаки, вспоминая эти трудные дни, прозвали съ-тѣхъ-поръ это урочище *Дрыжи-поле*, то-есть поле дрóжи. Соединенное русское войско благополучно прибыло къ Бѣлой-Церкви, впрочемъ, не безъ значительной потери: съ обѣихъ сторонъ пало въ сраженіи до пятнадцати тысячъ (29).

Поляки приписывали избавленіе Хмельницкаго измѣнѣ татаръ и въ особенности Хамамбета, который, какъ говорили они, взялъ съ Хмельницкаго, своего стараго союзника, деньги за то, чтобъ пропустить его (30). Татары, разсердившись, самовольно оставили польское войско и разбрелись загонами грабить Украину (31). Тогда Хмельницкій отправилъ Богуна

(29) «Лѣтот. Величка.» I, 211.

(30) «Annal. Polon. Clim.» I, 457. — «Histor. ab. exc. Wład. IV.» 147.

(30) «Истор. о през. бр.»

съ десятью тысячами для преслѣдованія ихъ. Полководецъ быстрый, искусный, знавшій всѣ пути въ Украинѣ, бросался стремительно изъ одной стороны въ другую, настигалъ татаръ въ разныхъ мѣстахъ, освобождалъ плѣнниковъ, отнималъ награбленное; «восемь тысячъ (говоритъ лѣтописецъ) не минуло богуновыхъ рукъ; изъ нихъ двѣ тысячи пятьсотъ доставлено было Хмельницкому. Въ короткое время вся орда была изгнана ([32]), но не надолго: въ началѣ марта прибылъ султанъ Галга съ шестидесятью тысячами на новое горе Украинѣ ([33]).

Поляки, оставивъ Хмельницкаго, продолжали истреблять мѣстечки и селенія украинскія. Такъ были разорены: Кристіанополь, Устье, Берлады, Каменица, Киріевка, Лещыновка, Кѣсинцы, Берестки и другіе ([34]). Всѣ эти разоренія сопровождались самыми безчеловѣчными убійствами и вездѣ русскіе показывали величайшее упорство и твердость, вездѣ погибали не прежде, какъ давъ отпоръ врагамъ, и польскіе предводители увидѣли весною, что зимній походъ стоилъ имъ значительной потери людей, а остальные терпѣли нужду, потому-что имущества русскихъ доставались огню, а не имъ.

([32]) «Лѣтоп. Величка.» I, 212.
([33]) «Histor. Jan. Kaz.» I. 212.
([34]) «Annal. Polon. Clim.» I, 459.

Снова начали они собирать и усиливать войско: безпрестанно прибывали новыя толпы татаръ; но между-тѣмъ съ сѣвера возстала страшная туча, грозившая не только поколебать, даже уничтожить польскую Речь-Посполитую

Уже давно Хмельницкій обратилъ вниманіе на Швецію и старался вооружить ее противъ Польши. Неизвѣстно, когда именно украинскій гетманъ вошелъ въ сношеніе съ шведскимъ дворомъ, но въ 1650 году, какъ говорено было выше, отправлялись въ Стокгольмъ посланники какъ-будто татарскіе, но въ-самомъ-дѣлѣ отъ казацкаго вождя. Въ 1652 году польскій подканцлеръ Радзѣевскій побуждалъ королеву Христину противъ отечества, и въ тоже время отправилъ къ Хмельницкому посла, предлагая гетману прислать въ Стокгольмъ посланниковъ, знающихъ греческій языкъ, на которомъ особенно любила изъясняться ученая королева, и держать въ шведской столицѣ резидента ([35]). Посолъ Радзѣевскаго, Ясинскій, не дошелъ до Хмельницкаго, и, проговорившись неосторожно на дорогѣ, былъ схваченъ Зацвилиховскимъ. Но сношенія Украины съ Швеціею были скоро возобновлены. Послѣ сраженія подъ Батогомъ, Хмельницкій отпустилъ въ Швеціею двухъ

([35]) «Histor. ad. exc. Wład. IV,» 167. — «Памятн. кіевск. комм.» III, 3, 10—18.

взятыхъ въ плѣнъ капитановъ, родомъ шведовъ, служившихъ въ польскомъ войскѣ, и писалъ, неизвѣстно къ кому именно, что теперь Польшѣ нанесенъ ударъ и удобно можно поколебать ее (36). Въ 1653 году, онъ отправлялъ нарочное посольство въ Швецію; по всему видно, резидентъ Хмельницкаго дѣйствительно находился въ Стокгольмѣ, какъ предлагалъ Радзѣевскій. Этотъ резидентъ былъ, какъ кажется, аѳинскій игуменъ, Даніилъ, грекъ (37). При Христинѣ трудно было подвинуть шведовъ, потому-что королева болѣе любила литературу и греческую словесность, чѣмъ оружіе; но когда, въ 1654 году, она отказалась отъ престола и преемникомъ ея сдѣлался пылкій и предпріимчивый герцогъ цвейбрикенскій, Карлъ-Густавъ, тогда возникло недоумѣніе между польскимъ и шведскимъ кабинетами. Хмельницкій подущалъ новаго короля противъ своихъ враговъ. По извѣстію украинскаго лѣтописца, Хмельницкій взялъ въ плѣнъ двухъ офицеровъ ленной прусской пѣхоты въ држипольской битвѣ; они были родомъ шведы. Гетманъ увидѣлъ удобный случай черезъ нихъ отправить къ шведскому двору депешу, потому-что отправить ее чрезъ казацкое посольство было трудно: надобно было посламъ ѣхать или чрезъ Польшу, гдѣ ихъ могли пой-

(36) «Лѣтоп. Величка.» I, 217.
(37) «Histor. belli cos. Polon » 268.

мать, или чрезъ Московію, гдѣ такое посольство возбудило бы подозрѣніе царя. Гегманъ зналъ, что Карлъ-Густавъ ищетъ предлога къ войнѣ и убѣждалъ его напасть на Речь-Посполитую, находящуюся въ крайнемъ положеніи, обѣщалъ оказывать свое содѣйствіе къ покоренію Польши съ тѣмъ, чтобъ король, приготовляясь къ такому замыслу, отправилъ посломъ въ Украину генерала Вильгельма Карлуса, который ѣхалъ подъ видомъ купца чрезъ Московію съ подарками и грамматою, въ которой король уполномочивалъ его заключить условія съ казаками. Хмельницкій постановилъ воевать взаимно Польшу и не мириться одинъ безъ другаго. Онъ послалъ королю трехъ турецкихъ коней съ богатымъ приборомъ, три янчарки, три буйволовыхъ рога и три казацкія одежды вишневаго бархата, украшенныя жемчугомъ и золотомъ: одежды эти назывались шабельтасами и кулечницами ([38]).

Нетрудно было королю шведскому начать войну. Онъ придрался къ Іоанну-Казимиру за употребленіе титула шведскаго. Война поведена была съ удивительнымъ успѣхомъ. Деморализированное польское войско въ великой Польшѣ передалось непріятелю. 29-го іюля, Познань со всею великою Польшею от-

---

([38]) «Лѣтоп. Велич.» I, 218.

далася въ подданство шведскому королю, на условіяхъ сохраненія религіозныхъ и гражданскихъ правъ. Варшава сдалась безъ боя. Мазовія присягнула побѣдителю. Король, Іоаннъ-Казимиръ бѣжалъ въ Силезію. Краковъ, защищаемый Чарнецкимъ, держался до 7-го октября и сдался на основаніи трактата, обезпечивавшаго гарнизону свободный выходъ, а городу и провинціи — неприкосновенность правъ церковныхъ и гражданскихъ. Такимъ-образомъ, вся Польша досталась почти безотпорно въ руки иноземцевъ. Паны не считали для себя предосудительнымъ присягать Карлу-Густаву: замѣчательно, что, въ числѣ измѣнниковъ, были враги Хмельницкаго, Конецпольскій и Дмитрій Вишневецкій.

Въ тоже время русскіе завоевали Могилевъ, Минскъ, Ковно и наконецъ Вильну, которая сильно пострадала отъ разоренія. Алексѣй Михайловичъ торжественно въѣхалъ въ столицу Ягеллоновъ и повелѣлъ именовать себя великимъ княземъ литовскимъ. Гетманъ Радзивиллъ продолжалъ спорить съ Гонсѣвскимъ, арестовалъ своего соперника, а потомъ отдался шведамъ, подобно многимъ другимъ магнатамъ. Южная часть Литвы была завоевана казаками; только Старый Быховъ, сильнѣйшая крѣпость, не сдался: Золотаренко, командовавшій осаднымъ войскомъ, былъ убитъ на герцѣ; послѣ смерти наказнаго гетмана, простые казаки начали своевольничать, напали на

купеческій обозъ съ водкою, перепились и хотѣли перебить старшинъ, когда тѣ стали удерживать ихъ буйство; старшины, съ своей стороны, должны были употребить рѣшительныя мѣры и перебили множество бунтовщиковъ. Отъ этого войско бѣжало, и такъ оставлена была осада. Казаки препроводили тѣло убитаго предводителя въ Нѣжинъ, а оттуда въ Корсунь, гдѣ погребеніе его оставило послѣ себя долгую память страннымъ приключеніемъ. Поляки впослѣдствіи разсказывали, будто, во время панихиды, трупъ Золотаренка приподнялся изъ гроба и сказалъ: «*Утикайте, утикайте!*» Вслѣдъ за тѣмъ громъ поразилъ церковь и сжегъ ее съ трупомъ и со множествомъ народа. Коховскій выдаетъ это событіе за несомнѣнную истину, слышанную впослѣдствіи отъ Выговскаго; но лѣтописецъ украинскій, бывшій самъ лично при погребеніи Золотаренка, объясняетъ, что церковь дѣйствительно загорѣлась, но отъ неосторожности пономаря, и что, по причинѣ тѣсноты, погибло народа болѣе четырехсотъ-тридцати человѣкъ ([39]). Конисскій, нечитавшій вѣрно Самовидца и Ерлича, но невѣрившій, по духу XVIII-го вѣка, чудесамъ, какимъ вѣрили въ XVII-мъ, выдумалъ, по своему обыкнове-

---

([39]) «Лѣтоп. Велич.» 25. Почти въ такомъ же видѣ передаетъ это событіе другой современникъ Ерличъ (стр. 179).

нію, выставлять собственныя ипотезы за истину, будто церковь загорѣлась отъ удара молніи, не зная того, что погребеніе Золотаренка совершалось 25-го декабря, и соображая, что Золотаренко былъ тогда нѣжинскій полковникъ, перенесъ этотъ фактъ въ Нѣжинъ.

Среди успѣховъ русскихъ и шведовъ въ войнѣ съ поляками, Хмельницкій и Бутурлинъ двинулись въ іюлѣ содѣйствовать союзникамъ. Съ ними было до тридцати (40), по извѣстіямъ поляковъ,—до шестидесяти (41) тысячъ казацкаго и московскаго войска. Цѣль казацкаго гетмана была завоевать южныя части польскаго королевства, населенныя русскими, и такимъ образомъ довершить освобожденіе своего народа. Русскіе приступили къ Каменцу, но, простоявъ около него три съ половиною недѣли, отошли (42).

Король, соразмѣрно тремъ непріятелямъ, напавшимъ на Польшу, раздѣлилъ войско на три части: двѣ изъ нихъ постыдно отдались врагамъ; третья выставлена была противъ Хмельницкаго, подъ начальствомъ гетмана Потоцкаго. Это войско было не-очень-велико, но, конечно, не столь мало, какъ го-

---

(40) «Лѣтоп. Величка.» I, 220.
(41) «Histor. pan. Jan. Kaz.» I, 232,
(42) «Latop. Jerl.» 172.

ворятъ польскіе историки, простирающіе его только до четырехъ тысячъ. Оно должно было пополниться посполитымъ рушеньемъ, которое уже получило третьи вици; но дворяне многихъ воеводствъ не захотѣли идти въ походъ. «Одинъ король (говорили они) имѣетъ «право предводительствовать ополченіемъ посполи-«таго рушенья; а такъ-какъ король убѣжалъ, то мы «не считаемъ себя въ обязанности находиться подъ «командою гетмана.» Каждый заботился о себѣ; шляхтичи поскорѣе убѣгали съ семействами и имуществами въ Венгрію; другіе, пользуясь суматохою, составляли партіи, но вмѣсто-того, чтобъ идти къ войску, нападали по дорогамъ на бѣгущихъ, грабили, безчинствовали. Карпатскіе гуцулы, съ своей стороны, разсыпались шайками по Червонной Руси, соединялись съ жителями и нападали на пановъ. Только изъ Волыни, Бельза и Пршемысла прибѣжало нѣсколько отрядовъ въ войско, потому-что уже нельзя было пробѣжать за границу, и приближеніе непріятеля поневолѣ заставляло ихъ взяться за оружіе ([43]). Потоцкій долженъ былъ дать Хмельницкому отпоръ на Подоли; но какъ-только услышалъ, что русскіе недалеко, то отретировался безъ боя до самаго Львова. Русскіе вступили въ Червонную Русь:

([43]) «Histor. belli cosac. polon.» 233—235.

города и за́мки, одинъ за другимъ, падали или сдавались; въ нѣкоторыхъ, какъ, напримѣръ, въ Ягельвяницахъ, гарнизоны приставали къ казакамъ [44]). Такимъ-образомъ они приблизились къ Львову. Потоцкій не рѣшился тамъ дать сраженія и отступилъ къ Слонигродеку, четыре мили отъ Львова. Испуганные львовскіе мѣщане сожгли свои предмѣстья, едва-возобновленныя послѣ посѣщенія казаками Львова, ровно семь лѣтъ назадъ. Въ концѣ сентября, Хмельницкій оставилъ значительную часть войска подъ Львовымъ и отправилъ другую часть (до сорока тысячъ, если вѣрить польскому историку), съ Даниломъ Выговскимъ и Павломъ Тетерею, въ погоню за польскимъ войскомъ.

Потоцкій почиталъ мѣсто подлѣ Гродека чрезвычайно-удобнымъ для обороны: впереди города было большое глубокое озеро, которое наполнялось множествомъ впадающихъ протоковъ. Поляки стали за этимъ озеромъ и разставили кругомъ себя караульныхъ; Но передовые казацкіе отряды подкрались искусно и истребили караульныхъ: тогда казацкое войско воспользовалось лѣсистымъ мѣстоположеніемъ, закрывавшимъ видъ, разобрало въ сосѣднихъ селахъ хаты ночью, при лунномъ свѣтѣ, сдѣлало плотину и пе-

---

([44]) «Latop. Jerl.» 172.

решло на другую сторону протоковъ. Поляки услышали объ этомъ и одинъ отрядъ побѣжалъ препятствовать переходу непріятеля ([45]), но былъ опрокинутъ казаками. Русскіе свободно очутились на другомъ берегу и ворвались въ городъ; въ городѣ сдѣлался пожаръ; поляки бросились тушить; русскіе посреди пламени разогнали ихъ и бросились въ ихъ лагерь. Потоцкій защищался около трехъ часовъ ([46]) и москвитяне стали-было подаваться назадъ, но казаки поправили дѣло ([47]). Въ это время въ польскомъ войскѣ кто-то крикнулъ: «*новое войско идетъ на насъ*!» Это произвело паническій страхъ; все бросилось бѣжать, сломя голову, покидавъ артиллерію, знамена, ружья; гетманъ ускользнулъ отъ плѣна, за-то множество дворянъ было схвачено во время погони; весь лагерь достался русскимъ. Войско дѣйствительно приближалось, но это былъ отрядъ перемышльскаго посполитаго рушенья, который, въ свою очередь, немедленно разбѣжался ([48]).

Побѣдоносное казацкое войско возвратилось къ Львову. Русскіе расположились кругомъ города по

([45]) «Histor. belli cosac. polon.» 234. — «Annal. Polon. Clim.» II, 36.

([46]) «Annal. Polon. Clim.» II, 36.

([47]) »Kron. miast. Lw.» 355.

([48]) «Histor. belli cosac. polon.» 234.

полямъ и горамъ; Хмельницкій поставилъ обозъ близь загородной церкви св. Юрія, гдѣ слушалъ богослуженіе. Гетманъ, 3 октября, послалъ къ магистрату ласковое письмо, припоминалъ свою умѣренность въ 1648 году, извѣщалъ о разбитіи послѣдняго войска польскаго и требовалъ сдачи города на милосердіе побѣдителя. Магистратъ изъявилъ желаніе выслать уполномоченныхъ для переговоровъ и просилъ заложниковъ; Хмельницкій отвергнулъ это предложеніе, требуя безусловнаго къ себѣ довѣрія, предводитель южнорусскаго народа не считалъ своими непріятелями жителей древняго и славнаго города земли русской и пришелъ съ цѣлью доставить ему независимость, какъ и Украинѣ, а потому и не хотѣлъ переговариваться съ ними какъ съ чужеземцами. Магистратъ долженъ былъ согласиться и отправилъ пятерыхъ гражданъ. «Депутаты (говоритъ современный дневникъ) прошли среди громадныхъ полковъ москвитянъ и русскихъ, кланялись имъ вѣжливо и отъ нихъ получали привѣтствія.» 6 октября они допущены были въ шатеръ Хмельницкаго, который сидѣлъ на лавкѣ, подлѣ стола, съ сложенными накрестъ ногами, по турецкому обычаю; съ нимъ были: Иванъ Выговскій, братъ его, Данило, генеральный обозный, Носачъ, генеральный судья, Зарудный и переяславскій полковникъ, Тетеря. Все это были люди, которые раздѣляли съ Хмельницкимъ его тай-

ные планы и намѣренія, люди, по уму и по образованію, стоявшіе выше прочихъ, особенно Тетеря, который, по замѣчанію современника, не только хорошо зналъ латинскій, польскій и славянскій языки, но обладалъ ученостью (eruditus). Кромѣ старшинъ, депутаты нашли здѣсь переодѣтаго гонца Іоанна-Казимира, родственника Выговскаго, пріѣхавшаго съ цѣлью склонить Хмельницкаго къ примиренію чрезъ посредство писаря, пріобрѣтавшаго со-дня-на-день болѣе власти надъ Хмельницкимъ. Іоаннъ-Казимиръ готовилъ явное посольство къ Хмельницкому и послалъ этого гонца для предварительнаго расположенія казацкаго начальства въ пользу поляковъ; здѣсь былъ гонецъ отъ крымскаго хана и какой-то грекъ Іоаннъ, который, по замѣчанію современника, былъ однимъ изъ дѣйствующихъ лицъ въ дѣлѣ соединенія Хмельницкаго съ царемъ. Гетманъ, при входѣ депутатовъ, приподнялся, привѣтствовалъ ихъ вѣжливо и просилъ сѣсть.

— Мы пришли въ этотъ край по-необходимости, сказалъ Хмельницкій послѣ первыхъ привѣтствій:— мы всегда удалялись пролитія невинной крови христіянской, никогда не подавали сами ни малѣйшей причины къ этому, но коронное войско Речи-Посполитой безпрестанно вносило мечъ и огонь въ Украину и принуждало насъ защищать жизнь. Прошлою зимою, въ противность миру, гетманы соеди-

нились съ татарами, напали на Украину, варварски истребляли жителей; татары грабили и разоряли насъ своими загонами и такимъ образомъ войско запорожское вызвано было къ войнѣ, хотя, быть можетъ, его величество король этого и не хотѣлъ. Богъ послалъ намъ побѣду и недавно мы разсѣяли враговъ нашихъ подъ Гродекомъ, что̀ они могутъ сами засвидѣтельствовать.

Хмельницкій позвалъ двухъ плѣнныхъ: сына воеводы подольскаго Потоцкаго и Быковскаго, и вѣжливо просилъ ихъ сѣсть рядомъ съ собою Вошли также двое офицеровъ московскаго войска: стольникъ Рамодановскій и иностранецъ Гротусъ. Хмельницкій продолжалъ разсказывать о битвѣ и побѣдѣ казаковъ.

Москвитяне, вмѣшавшись въ разговоръ, смѣялись надъ трусостью польскаго войска и отпускали надъ поляками вообще оскорбленія.

— Напрасно такъ думаете, замѣтилъ Потоцкій: — напрасно приписываете себѣ побѣду надъ короннымъ войскомъ; насъ побѣдили не вы, но мужественные казаки. Еслибъ пѣхота казацкая не поспѣшила выручить васъ, то московское войско потерпѣло бы большое пораженіе.

Хмельницкій и полковники дали замѣтить, что имъ нравилось такое мнѣніе побѣжденныхъ, а москвитяне сидѣли недолго и ушли. Депутаты замѣтили, что, несмотря на свѣжій союзъ украинцевъ съ москови-

тянами, уже между ними посѣялась какая-то недовѣрчивость. Еще яснѣе увидѣли они это, когда наступилъ обѣдъ: духовникъ Хмельницкаго читалъ молитву и не упоминалъ имени царя.

Но тѣмъ-не-менѣе Хмельницкій, казалось, дѣйствовалъ сколько для пользы южной Руси, столько же и для славы царя-покровителя. Депутаты, пробывъ у Хмельницкаго день, возвратились въ городъ и на другой день пришли снова въ лагерь.

Выговскій встрѣтилъ ихъ. Хмельницкаго не было.

— Не желаете ли, сказалъ писарь: — повидаться съ Васильемъ Васильевичемъ, главнокомандующимъ московскаго войска?

— Мы не имѣемъ къ нему писемъ, отвѣчали депутаты: — и, не смѣя преступить предѣлы нашей обязанности, не можетъ входить въ такіе переговоры.

— Я совѣтую вамъ, сказалъ Выговскій: — оказать имъ по-крайней-мѣрѣ честь, какъ гостямъ, и соблюсти ихъ обычай: пусть трое изъ васъ поднесутъ имъ бѣлаго хлѣба и вина, — таковъ у нихъ обычай.

Трое изъ пословъ исполнили это, взяли хлѣбъ и пошли, но прибавили, что не будутъ входить съ ними въ трактаты.

Между-тѣмъ къ Выговскому и оставшимся съ нимъ

двумъ депутатамъ вошелъ Хмельницкій и заговорилъ о состояніи Польши.

— Еще никогда, сказалъ онъ: — не доходила Польша до подобнаго бѣдствія; его величество, король—Янъ Казимиръ оставилъ свое королевство; шведы взяли Краковъ; нѣтъ болѣе никакого войска и я сдѣлался теперь господиномъ земли русской. Нѣтъ болѣе надежды полякамъ. Это было приготовленіе.

Возвратились депутаты отъ Бутурлина.

— Что́, какъ принялъ васъ Василій Васильичъ? спросилъ ихъ Хмельницкій.

— Очень-дурно, очень-неласково, сказали депутаты: — онъ отъ насъ не принялъ ни хлѣба, ни вина, и требуетъ, чтобъ мы отдали городъ и за́мокъ и присягнули московскому царю, — удивительное требованіе!

— Такъ и быть должно, сказалъ отрывисто Хмельницкій: — иначе не будетъ ничего.

— Василій Васильичъ требуетъ отъ васъ справедливаго, сказалъ Выговскій, ударяя съ жаромъ кулакомъ по столу: — всѣ обстоятельства должны вамъ показать, что Польша потоптала права божескія и человѣческія. Казаки хотятъ, чтобъ всѣ русскія земли были соединены съ ними въ одномъ государствѣ русскомъ. Не лучше ли быть вмѣстѣ съ нами подъ покровительствомъ православнаго царя? Притомъ, еслибъ и не такъ, то городъ Львовъ, находясь подъ

властью поляковъ, будетъ терпѣть всегдашнія утѣсненія и католики не перестанутъ преслѣдовать нашу православную — грекорусскую вѣру. Мы не попустимъ, чтобъ наша вѣра гдѣ-нибудь была утѣсняема.

Въ-самомъ-дѣлѣ, въ недавнее время львовяне могли убѣдиться, что полякамъ нельзя было ни въ чемъ довѣрять. Принужденный зборовскимъ договоромъ, Іоаннъ Казимиръ даровалъ, 12 февраля 1650 года, дипломъ, которымъ предоставлялъ полную свободу русскому народу во Львовѣ, возвратилъ каѳедры, церкви и церковныя имѣнія православнымъ духовнымъ и даровалъ право свободнаго книгопечатанія львовскому русскому братству; но послѣ разбитія Хмельницкаго подъ Берестечкомъ, всѣ эти права были нарушены безъ всякаго повода со стороны города, братство ограблено, его типографіи и имѣнія отданы въ подарокъ одному придворному льстецу, Студзинскому, и, въ добавокъ, русскіе горожане были въ судахъ и въ своихъ торговыхъ оборотахъ всячески преслѣдуемы не только католиками, но даже жидами ([49]).

— Позволено ли говорить намъ, сказалъ тогда Кушевичъ, одинъ изъ депутатовъ.

([49]) «Kron. miasta. Lwowa.» 327

— Говорите! сказалъ Хмельницкій: — говорите рѣшительно и смѣло, теперь не шуточное дѣло.

— Милостивый панъ гетманъ, сказалъ Кушевичъ: — жизнь наша въ рукахъ вашихъ, и если мы воротимся въ городъ, то должны приписать это милости вашей; но присягать на имя царя московскаго не станемъ: — мы уже разъ присягнули Яну Казимиру и сохранимъ свою вѣрность въ какое бы положеніе судьба ни поставила нашего государя. Смѣемъ надѣяться, что, при стараніи вашемъ, милостивый панъ, и войска запорожскаго, вся Украина снова возвратится подъ власть собственнаго государя. Если жь мы теперь измѣнимъ нашему законному монарху и отдадимся чужому, то вы сами, милостивый панъ, и все войско запорожское, почтете насъ до крайности легкомысленными. Что́ подумаетъ самъ царь московскій о вѣрности и добродѣтели нашей? Просимъ покорно васъ, милостивый панъ, не принуждайте насъ къ тому, чего не можемъ мы сдѣлать безъ нарушенія совѣсти.

Выговскій снова началъ-было убѣждать ихъ, но Кушевичъ прервалъ его и сказалъ:

— Напрасно тратите время: мы ничего иного не скажемъ, кромѣ того, что до-тѣхъ-поръ, пока живъ нашъ милостивый монархъ, Янъ Казимиръ, мы не будемъ присягать другому государю.

Старшинамъ казацкимъ, цѣнившимъ всегда твердость, понравилась такая рѣшимость депутатовъ.

— Sitis constantes et generosi (вы постоянны и благородны), сказалъ потихоньку одному изъ пословъ Павелъ Тетеря.

Съ-тѣхъ-поръ цѣлый октябрь шла переписка между членами магистрата и казаками. Отправляя письмо къ Хмельницкому, магистратъ отправилъ другое, къ Выговскому, прося его хлопотать за городъ передъ гетманомъ. Дѣйствительно, Выговскій, который, при свиданіи, такъ сильно настаивалъ сдаться Алексѣю Михайловичу, писалъ къ горожанамъ, чтобъ они не сдавались царю московскому ни подъ какимъ видомъ. Среди переговоровъ происходила пальба, но преимущественно отъ москвитянъ. Современники увѣряютъ, что пальба не сдѣлала никому вреда и приписываютъ это заступленію Божіей Матери. Очевидно, что Хмельницкій приказалъ нарочно палить такъ, чтобъ орудія были безвредны для русскаго города и своихъ соотечественниковъ. Гетманъ не хотѣлъ насиловать совѣсти; притомъ присяга насильственная не только была бы недѣйствительною, но и вооружила бы червоноруссовъ противъ украинцевъ и преградила бы возможность къ будущему ихъ соединенію, которое Хмельницкій предоставлялъ времени. Кромѣ того, въ то же время подъ Львовъ пріѣхалъ посланецъ отъ Карла-Густава, какой-то Га-

моцкій, родомъ львовскій армянинъ, но съ юныхъ лѣтъ служившій въ Швеціи. Онъ привезъ отъ своего государя самыя лестныя предложенія. Карлъ-Густавъ предоставлялъ себѣ все, что́ завоевалъ у поляковъ, москвитянамъ Литву, а Хмельницкому отдавалъ всю русскую землю, но просилъ казаковъ въ настоящее время удалиться изъ Червонной Руси и дожидаться мира.

Хмельницкій могъ надѣяться, что въ предполагаемомъ всеобщемъ мирѣ, русской землѣ даруется независимость отъ Польши, такъ точно, какъ онъ уже видѣлъ недавно примѣръ подобнаго признанія голландцевъ свободными отъ испанскаго владычества. Гетманъ считалъ долгомъ не раздражать своего союзника, шведскаго короля. Онъ согласился не принуждать болѣе Львовъ къ присягѣ царю, если граждане заплатятъ окупу сто тысячъ злотыхъ и выдадутъ жидовъ. Магистратъ отказалъ наотрѣзъ въ послѣднемъ требованіи и представлялъ невозможность заплатить такую большую сумму, потому-что городъ потерпѣлъ много отъ поборовъ. Львовскій епископъ, Арсеній, явившись предъ казацкаго вождя, склонялъ его къ миру. Между-тѣмъ, разнесся слухъ, что ханъ выступилъ на помощь Польшѣ противъ Хмельницкаго. Это заставило гетмана поскорѣе кончить дѣло со Львовымъ, чтобъ татары тѣмъ временемъ не разорили Украины. Хмельницкій быстро согласился на

шестьдесятъ тысячъ злотыхъ, и получилъ ихъ даже не деньгами, а преимущественно товарами ([50]).

Въ то время, 29 октября, прибылъ посланникъ отъ Іоанна Казимира, Станиславъ Любовицкій; съ нимъ былъ Самуилъ Грондскій, одинъ изъ историковъ нашей эпохи, котораго Любовицкій, встрѣтивъ на дорогѣ, пригласилъ съ собою. Король понялъ, что причиною всѣхъ бѣдствій Польши — Хмельницкій, и старался преклонить его обѣщаніями, но вмѣстѣ съ тѣмъ не оставилъ и прежней польской политики противъ казаковъ. Любовицкій съ письмомъ, наполненнымъ самыхъ лестныхъ и даже униженныхъ комплиментовъ, везъ съ собою другое письмо къ татарскому хану, въ которомъ Іоаннъ Казимиръ возбуждалъ крымскаго повелителя противъ Хмельницкаго. Этотъ Любовицкій былъ однимъ изъ кліентовъ Оссолинскаго и, вмѣстѣ съ канцлеромъ, посѣщалъ Украину при Владиславѣ IV, и потому былъ знакомъ съ Хмельницкимъ.

Хмельницкій, прочитавъ письмо короля и выслушавъ убѣжденія Любовицкаго, отвѣчалъ:

— Любезный кумъ! вспомни, что̀ намъ было обѣщано подъ Замостьемъ, подъ Зборовымъ, подъ Бѣлою-Церковью и въ другихъ мѣстахъ, и что̀ мы по-

([50]) «Kron. miasta Lwowa.» 338—376. — «Supplem. ad. Histor. Russ. monum.» 193—210.

лучили? Всѣ обѣщанія давались намъ подъ руководствомъ науки *вызуитовъ,* которые говорятъ: не должно держать слова, даннаго схизматикамъ. И гдѣ тѣ обѣщанія, которыя король давалъ намъ послѣ своего избранія? Едва только онъ короновался на царство, тотчасъ же послалъ противъ насъ войско; то же дѣлалось послѣ другихъ договоровъ. Поляки нарушали права гостепріимства, называли насъ холопами, били нагайками, отнимали имѣнья, выгоняли изъ домовъ. Когда казаки, не терпя всего этого, убѣгали и покидали женъ съ дѣтьми, потому-что въ зимнюю погоду не могли съ собою брать ихъ, польскіе жолнеры насиловали женъ нашихъ, а уходя изъ нашего края, сожигали бѣдныя хижины наши часто съ дѣтьми. А когда казаки противоставали панамъ, то поляки мало того, что топили ихъ тайно въ мѣшкѣ, такъ, чтобъ нельзя было найти ни слѣдовъ убитыхъ, ни отъискать виновника: этимъ не удовольствовались... еще сажали ихъ на высокіе колья, чтобъ выказать всеобщую ненависть къ русскимъ и презрѣніе къ ихъ безсилію. Но что̀ всего оскорбительнѣе, они не щадили священниковъ нашихъ, а еще преимущественнѣе мучили ихъ и такимъ-образомъ вооружили противъ себя людей, которые всего болѣе склонны къ спокойствію. Столько перетерпѣвъ, бывъ столько разъ обмануты, мы принуждены искать, для облегченія нашей участи, средствъ, которыхъ нель-

зя уже никакимъ образомъ оставить. Поздно испрашиваетъ король нашей помощи, поздно и напрасно думаетъ онъ о примиреніи казаковъ съ поляками.

— Мы не можемъ отрицать, сказалъ Любовицкій:— что король нѣсколько разъ обѣщалъ казакамъ свои милости и не исполнялъ ихъ; но ты самъ, панъ гетманъ, провидя причину этого, когда-то, во время зборовскаго трактата, сказалъ: «самъ король человѣкъ добрый, но королевскія собаки будутъ на него «лаять до-тѣхъ-поръ, пока не встревожатъ его.» Такъ и сдѣлалось. Едва король сталъ на сеймѣ стараться за васъ передъ чинами государства, какъ самые презрѣнные депутаты, дворяне, изъ которыхъ иной не зналъ, гдѣ мать родила его, а другой не стоилъ самъ-по-себѣ двухъ грóшей, подняли такой крикъ, что бѣдный король онѣмѣлъ и долженъ былъ нарушить свои обѣщанія. Но теперь наияснѣйшій король объявилъ, что будетъ признавать благородными не тѣхъ, которые ведутъ длинный рядъ генеалогіи отъ дѣдовъ, а тѣхъ, кто окажетъ теперь услугу отечеству. Поэтому, оставьте забвенію все прошедшее и помогите помазаннику Божію: вы будете уже не казаками, а друзьями короля; вамъ будутъ даны достоинства, коронныя имѣнія; уже онъ не дастъ себя обманывать, не позволитъ нарушать своего покоя этимъ собакамъ, чтó теперь разбѣжались и покинули господина, котораго должны были защищать.

Такъ говорилъ королевскій посолъ, отправленный къ татарамъ для подущенія ихъ противъ тѣхъ, которымъ обѣщалъ такія золотыя горы.

По окончаніи рѣчи, Выговскій вышелъ, а Хмельницкій сѣлъ подалѣе и началъ говорить съ старшиною. Тогда Грондскій подходитъ къ своему товарищу и говоритъ:

— Надобно прежде всего помнить, что не отъ короля зависитъ королевство, а отъ королевства король; будетъ королевство — сыщется король, а погибнетъ королевство и королю не будетъ мѣста. Выхваляй короля, да не срами же и королевства. Притомъ о братьяхъ въ отсутствіи надобно говорить такъ, какъ бы они были здѣсь.

Любовицкій вспыхнулъ, въ досадѣ подбѣжалъ къ Хмельницкому и сказалъ:

— Панъ гетманъ! насъ здѣсь двое. Этотъ человѣкъ посланъ не королемъ, а я самъ пригласилъ его: онъ теперь укоряетъ меня за то, что я говорю о дворянствѣ. Прикажите арестовать его.

Грондскаго увели, но чрезъ нѣсколько минутъ Любовицкій вспомнилъ, что Грондскій знаетъ о письмахъ къ татарамъ, и когда вошелъ Выговскій, онъ объяснилъ, что неосторожно раздражилъ своего товарища и просилъ выпустить его.

Выговскому нетрудно было найти предлогъ. Онъ отвелъ въ сторону гетмана и сказалъ ему:

— Уже по всему лагерю, и между казаками и между москалями, распространяются толки, что гетманъ приказалъ арестовать королевскаго посла. Народное право не позволяетъ дѣлать насилія и ему, какъ равно и Любовицкому.

Гетманъ, въ свою очередь, разсудилъ, что это сдѣлано опрометчиво и притомъ москвитяне тотчасъ узнаютъ, что онъ принимаетъ пословъ отъ короля польскаго, на что́ не согласился царь въ договорѣ. Онъ приказалъ немедленно позвать Грондскаго.

— Садитесь и слушайте, господа, сказалъ онъ тогда: — вы принесли намъ прекрасныя предложенія отъ короля; но возможно ли ихъ принять или невозможно? Выслушайте эту побасенку. Въ древнія времена, говорятъ, жилъ у насъ поселянинъ очень-зажиточный; всѣ сосѣди завидовали ему. У этого поселянина былъ домашній ужъ, который никого не кусалъ: хозяева ставили всегда ему молоко въ нору и онъ часто ползалъ между семьею. Случилось однажды, дали мальчику молока, приползъ и ужъ и сталъ хлебать молоко изъ чашки; за это мальчикъ ударилъ его ложкой по головѣ, а ужъ укусилъ мальчика. На жалобный крикъ дитяти прибѣжалъ отецъ, и узналъ, что ужъ укусилъ сына, бросился убивать животное; ужъ успѣлъ вложить голову въ нору, а хвоста не успѣлъ; хозяинъ отрубилъ ему хвостъ. Мальчикъ умеръ отъ укушенія, а ужъ остал-

ся уродомъ и съ-тѣхъ-поръ боялся выходить изъ норы. Въ короткое время послѣ этого, богатства этого человѣка начали значительно уменьшаться, наконецъ онъ пришелъ въ крайнюю бѣдность и, желая узнать причину, побѣжалъ къ знахарямъ и говоритъ имъ: «Скажите, прошу я васъ: что́ это значитъ, что въ «прошлые годы я меньше прилагалъ старанія о хо-«зяйствѣ, а всего у меня было много: ни у кого не «было такъ много и такихъ прекрасныхъ воловъ, какъ «у меня, ни у кого коровы не давали столько моло-«ка, ни у кого овцы не давали такой блестящей шер-«сти, нигдѣ кобылы не раждали такихъ складныхъ же-«ребятъ, нигдѣ поля не приносили такой обильной «жатвы, ни чьи сады не оглашались такимъ множе-«ствомъ пчелъ; стада мои не страдали отъ болѣзней; «я самъ не зналъ никакихъ непріятностей; домъ мой «всегда посѣщали гости; ни у кого изъ сосѣдей не «было такого многочисленнаго семейства; нищій не «отходилъ отъ моего дому съ пустыми руками; ни «въ чемъ не было недостатка; всякаго добра было у «меня обильно. Но вотъ, за нѣсколько лѣтъ, разсѣя-«лось все, что́ я собралъ впродолженіе жизни, и ме-«жду сосѣдями нѣтъ беднѣе меня; и хотя я изнемо-«гаю отъ трудовъ для поддержанія жизни, однако, ни-«что мнѣ нейдетъ въ пользу, но съ каждымъ днемъ «все хуже-и-хуже. Скажите, если знаете, причину «моего горя и нельзя ли пособить ему?» Ему отвѣ-

чали: «Пока ты въ прошлые годы хорошо обходил-«ся съ своимъ домашнимъ ужомъ, онъ принималъ на «себя всѣ грозившія тебѣ несчастія, а тебя оставлялъ «свободнымъ отъ нихъ; теперь же, какъ между вами «стала вражда — всѣ бѣдствія обрушились на тебя. «Если ты хочешь прежняго благополучія, примирись «съ ужомъ.» Услышавъ это, бѣднякъ воротился домой и сталъ совѣтоваться съ женой, какимъ бы обра-зомъ возобновить дружбу съ ужомъ. Жена понесла ужу молоко, но ужъ наѣлся молока и снова спря-тался въ нору. Нѣсколько времени наблюдалъ за этимъ хозяинъ и началъ приглашать его заключить прежнюю дружбу. Тогда ужъ ему отвѣчалъ: «На-«прасно хлопочешь, чтобъ была между нами такая «дружба, какъ прежде, потому-что какъ только я по-«смотрю на свой хвостъ, потерянный за твоего сына, «тотчасъ и возвращается ко мнѣ досада; съ другой «стороны, и ты, какъ только вспомнишь, что лишился «сына, тотчасъ закипитъ въ тебѣ отцовское негодо-«ваніе, такъ-что ты готовъ размозжить мнѣ голову. «Поэтому достаточно будетъ дружбы между нами, если «ты будешь жить въ своемъ домѣ, ка́къ тебѣ угодно, «а я въ своей норѣ, и будемъ помогать другъ дру-«гу.» Тоже самое, господинъ посолъ, случилось ме-жду поляками и русскими. Было время, когда въ этомъ огромномъ зданіи Речи-Посполитой мы вмѣстѣ наслаждались счастьемъ, радовались общимъ успѣ-

хамъ нашимъ: казаки отклоняли отъ королевства грозящія опасности и сами принимали на себя удары варваровъ. Жители Польши, сохраняя въ свободѣ казаковъ, не досадовали на то, если и они хлебали изъ того молока, которое находили въ углахъ, куда не достигали называющіе себя единственно сынами древняго отечества. Тогда королевство польское процвѣтало и сіяло счастіемъ въ глазахъ всѣхъ народовъ; всѣ народы ему завидовали: никто не бралъ добычи съ польскаго королевства; но куда только польскія войска шли совокупно съ казацкими силами, вездѣ торжествовали, вездѣ воспѣвали побѣдныя пѣсни. Но, впослѣдствіи, называющіе себя дѣтьми королевства начали нарушать свободу русскихъ и начали бить ихъ по головѣ, а русскіе, когда сдѣлалось имъ больно, начали кусаться; тогда случилось, что и русскихъ большая часть отсѣчена, и сыновъ королевства не мало пропало. Съ-тѣхъ-поръ, какъ только прійдутъ этимъ народамъ на память бѣдствія, нанесенныя другъ другу, тотчасъ возникаетъ досада, и хотя начнутъ мириться, но отъ малѣйшей причины не доведется дѣло до конца. Мудрѣйшій изъ смертныхъ не можетъ сдѣлать того, чтобъ между нами установился твердый и продолжительный миръ, какъ только такъ: пусть королевство польское откажется отъ всего, что́ принадлежало къ княжествамъ земли русской, пусть уступитъ казакамъ въ управленіе цѣ-

лую Русь до Владиміра, и Львовъ, и Ярославъ, и Перемышль, съ уговоромъ, чтобъ мы, сидя-себѣ въ Руси своей, какъ въ норахъ, отклоняли враговъ отъ королевства польскаго, но я знаю: еслибъ въ цѣломъ королевствѣ осталось только сто пановъ и тогда-бъ они не согласились на это. А казаки, пока будутъ имѣть оружіе, также не отстанутъ отъ этихъ условій. Поэтому прощайте, кумъ.

Помолчавъ, Любовицкій вынулъ изъ кармана пакетъ и сказалъ:

— Панъ гетманъ! Ея величество, королева, надѣясь, что я застану вашу вельможность въ вашей резиденціи, написала письмо къ госпожѣ супругѣ вашей вельможности. Не знаю здѣсь ли въ лагерѣ ея вельможность и полагаю, что никому вѣрнѣе не могу отдать письма наияснѣйшей королевы, какъ вашей вельможности.

Онъ подалъ письмо и вмѣстѣ съ нимъ драгоцѣнный камень, который королева Марія посылала въ даръ казачкѣ. Хмельницкій прочиталъ прослезился и, поднявъ къ небу глаза, сказалъ:

— Боже всемогущій! что̀ значу я предъ лицомъ твоимъ? — червь презрѣнный, и вотъ какое значеніе даровала мнѣ милость Твоя, что къ моей Аннѣ наияснѣйшая королева польская пишетъ письма и удостоиваетъ ее просить о заступленіи предо мною! Твое это дѣло, не мнѣ принадлежитъ оно, но силѣ

Твоей и божественной благодати, за которую да будетъ имя Твое благословенно во вѣки!

Онъ обратился къ Любовицкому и сказалъ:

— Я не могу исполнить того, чего проситъ ея величество чрезъ письмо и чрезъ васъ: нельзя нарушить тѣснаго союза, который мы заключили съ москалями и шведами. Изъ тѣхъ провинцій, которыя слѣдуютъ по договору казакамъ, я могу уступить ихъ величествамъ воеводства: люблинское, бельзское, волынское и русское, а ярославское удержу за собою. Хотѣлъ здѣсь остаться на зиму, но, изъ уваженія къ наияснѣйшему королю, выхожу изъ этой земли. Если угодно его величеству, пусть возвратится изъ Силезіи и начнетъ переговоры съ шведами и москвитянами; дальнѣйшее предоставимъ времени. Казаки останутся вѣрными союзниками Речи Посполитой, если Речь Посполитая чрезъ коммиссаровъ своихъ торжественно признаетъ русскій народъ свободнымъ, какъ, десять лѣтъ назадъ, призналъ испанскій король голландцевъ. А теперь прошу обѣдать ([51]).

Надежда, что Речь Посполитая принуждена будетъ признать самостоятельность Украины, побудила еще болѣе Хмельницкаго оставить Львовъ и показать склонность къ примиренію съ поляками. Онъ пожелалъ

([51]) «Histor. belli cosac. polon.» 239—249.—«Histor. ab. exc. Wład. IV.» 203—204.

видѣться съ комендантомъ Гродзицкимъ, который былъ нѣкогда въ Кодакѣ взятъ въ плѣнъ казацкимъ гетманомъ и отпущенъ. Гродзицкій явился къ своему побѣдителю безъ заложниковъ, довѣряя слову гетмана, и разговаривалъ о дѣлахъ.

Слушая увѣренія коменданта въ преданности Іоанну Казимиру, Хмельницкій сказалъ:

— Я самъ вѣрный союзникъ Іоанна Казимира, и первымъ доказательствомъ моего расположенія будетъ отступленіе отъ города. Постановляйте, какія хотите, условія съ московитянами, я ихъ оставляю и иду себѣ въ свое русское владѣніе ([52]).

8-го ноября, казацкое войско пошло въ путь. Хмельницкій проѣхалъ подъ самыми стѣнами города въ виду многочисленныхъ жителей. Надъ нимъ несли гербъ, его абданкъ, бѣлый бунчукъ и два знамени: одно красное, другое бѣлое съ изображеніемъ Михаила архангела, поражающаго дракона. Тридцать знаменъ съ гербами полковъ и частей освобожденной Руси горделиво возвышались за нимъ посреди войска. Гродзицкій и офицеры его вѣжливо прощались съ гетманомъ; онъ привѣтливо кланялся ([55]). Вслѣдъ затѣмъ, чрезъ два дня, двинулось въ путь и войско московское подъ командою Бутурлина.

([52]) «Histor. ab. exc. Wład. IV.» 201.
([53]) «Kron. miasta Lw.» 345, 376.»

Любовицкій, получивъ отвѣтъ отъ Хмельницкаго, услышалъ, что татары недалеко и поспѣшилъ къ нимъ, но былъ схваченъ казаками. Неизвѣстно, успѣлъ ли онъ отдать письмо татарамъ и задержанъ ли былъ онъ на возвратномъ пути, или же казаки не допустили его до хана; во всякомъ случаѣ, кажется, этимъ онъ былъ обязанъ своему товарищу Грондскому, потому-что казаки, задержавъ Любовицкаго, отпустили, однако, Грондскаго. Грондскій прибѣжалъ къ гетманамъ Потоцкому и Ляндскоронскому, которые собирали разсѣянное войско подъ Сандомиромъ, и наговорилъ, что самъ былъ свидѣтелемъ, какъ посланецъ Іоанна Казимира отъ имени короля просилъ казаковъ помогать королю уничтожить вольность Речи Посполитой, чтобъ самому сдѣлаться неограниченнымъ государемъ. Гетманы и множество пановъ, слушая это, перешли къ шведамъ ([54]). Любовицкаго казаки повезли съ собою.

Русскія войска пошли раздѣльно, по всему видно, по причинѣ неудовольствія между Бутурлинымъ и гетманомъ. Татары, находившіеся недалеко, воспользовались этимъ; ханъ послалъ сильный отрядъ орды занять пространство, раздѣлявшее союзныя войска, и перерѣзалъ сообщеніе между казаками и москвитянами, а другіе татарскіе отряды напали на тѣхъ

([54]) «Histor. belli cosac. polon.» 255.»

и другихъ. Самъ ханъ атаковалъ Хмельницкаго; казаки счастливо отбили нападенiе, но москвитяне потеряли много убитыхъ; въ числѣ плѣнныхъ былъ сынъ Бутурлина. Ханъ, однако, не рѣшился отваживаться на дальнѣйшую и упорную борьбу, потому-что не надѣялся на скорую помощь отъ Iоанна Казимира; онъ притомъ думалъ, что болѣе окажетъ услуги союзнику, если преклонитъ къ нему казаковъ. Извѣстивъ Хмельницкаго о плѣненiи сына Бутурлина, онъ предлагалъ выпустить его, если Хмельницкiй отпуститъ Любовицкаго. Хмельницкiй согласился. Бутурлинъ былъ отпущенъ къ отцу, а Любовицкiй поѣхалъ къ Iоанну Казимиру (55).

Тогда Махметъ-Гирей изъявилъ Хмельницкому желанiе повидаться съ нимъ. Взявъ двухъ мурзъ заложниками, гетманъ отправился къ хану въ ставку его близъ Езерной. Въ богатоубранномъ шатрѣ Махметъ-Гирей сидѣлъ на коврѣ, разостланномъ на землѣ; кругомъ него были придворные. Хмельницкiй привѣтствовалъ повелителя Крыма и поднесъ ему въ подарокъ серебряный позолоченый конскiй уборъ, осыпанный драгоцѣнными камнями; но ханъ бросилъ подарокъ на землю съ видомъ пренебреженiя и закричалъ:

— Зачѣмъ соединился съ москалями? Ты не искалъ ихъ помощи тогда, когда, при нашемъ содѣйствiи,

---

(55) Ibid. 252

неблагодарный, сложилъ съ себя ярмо рабства и ниспровергъ польскія силы, столь страшныя при Сигизмундѣ III и Владиславѣ всѣмъ окрестнымъ государствамъ, особенно москалямъ, которые принуждены были избрать царемъ своимъ Владислава?

Гетманъ съ твердостью выслушалъ этотъ крикъ, потомъ изложилъ хану исторію войны и представлялъ, что напрасно татары приписываютъ себѣ блестящіе успѣхи казаковъ и освобожденіе южной Руси.

— Правда, говорилъ онъ: — выпросилъ я у покойнаго хана охотныхъ татаръ, но подъ Жовтыми-Водами и Корсуномъ была только небольшая орда Тугай-Бея: не татары, а казаки разбили польское войско и плѣнили двухъ гетмановъ; подъ Пилявою было только четыре тысячи съ Карачъ-Мурзою, а я рязсѣялъ многочисленное войско и взялъ безчисленную добычу. Все это, конечно, сдѣлали не татары! Подъ Забарашемъ хоть и пришелъ ханъ, но съ намѣреніемъ причинить бѣду христіянамъ, потому-что Украина тогда же потерпѣла разореніе отъ орды. А если вы и помогли намъ, то сколько выгодъ получили? Не говорю о добычѣ польской, о плѣнникахъ, за которыхъ вы получили выкупъ; вспомните, что теперь вамъ свободно можно плавать по морю и по Днѣпру, а прежде никто не смѣлъ пуститься на воду, страшась казаковъ. Вы прежде хаживали въ кожаныхъ тулупахъ, а теперь ходите въ золототкан-

ныхъ одеждахъ, — все это по милости казаковъ. А чѣмъ вы заплатили намъ? Времени не достанетъ исчислять всѣ ваши оскорбленія и коварства; но я припомню тебѣ ихъ, чтобъ ты не считалъ меня трусомъ предъ тобою. Вспомни, какъ я подъ Берестечкомъ ополчился противъ трехсотъ тысячъ королевскаго войска; два дня сражались казаки и побѣждали, бѣжали враги, умирали на полѣ знатные полководцы, но на третій день, ханъ, начальствовавшій правымъ крыломъ войска, въ то время, когда наши начали одолѣвать непріятеля, вдругъ, безъ всякой причины, постыдно убѣжалъ съ сраженія; когда я хотѣлъ остановить его и, оставя войско свое, молилъ возвратиться и не быть подобнымъ боязливой женщинѣ, онъ задержалъ меня и я погубилъ свое войско и въ одинъ день уничтожилъ прежнія мои побѣды. Такова-то ваша татарская пріязнь! Чрезъ обманъ хана мы должны были допустить ляховъ въ Украину на погибель нашу. Вспомни, что сдѣлалось подъ Жванцемъ: еслибъ казаки были одни, то, конечно, принудили бы изнемогающихъ отъ осады поляковъ признать русское наше отечество свободнымъ, и тогда же былъ бы конецъ войнѣ, и цѣлы бы остались города, села, люди; но вы, догадавшись, что если мы помиримся, то уже вамъ нельзя будетъ свободно ходить въ Польшу и плѣнять христіянъ, какъ скотовъ безсловесныхъ, помѣшали нашему союзу

ради своей бусурманской пользы, послали тайно къ ляхамъ, извѣщая ихъ, что вы и прежде всегда хотѣли находиться съ ними въ согласіи, но только боялись раздражить казаковъ, и предлагали отдать насъ на поруганіе и погибель. И ляхи, обезумленные злобою, будучи въ-состояніи безъ вашей бусурманской пріязни присягнуть казакамъ въ сохраненіи мира и такимъ образомъ избавить себя и королевство отъ упадка, что было въ нашей, а не въ татарской волѣ, ляхи, не понимая тайно-устроенной вами для нихъ западни, обрадовались вашему миру, дали вамъ сто тысячъ злотыхъ червонцевъ и позволили разорять города и села и брать людей въ неволю! Вы всегда мѣшали намъ примириться, какъ бы слѣдовало христіянамъ съ христіянами, для того, чтобъ самимъ терзать и Польшу и Украину.

— Предъ покойнымъ предшественникомъ нашимъ, сказалъ ханъ: — не смѣлъ бы ты, Хмельницкій, такъ разглагольствовать, а теперь кротость наша возбуждаетъ тебя къ дерзости.

— Къ чему многословіе? отвѣчалъ Хмельницкій: — дѣло и безъ словъ видно. Предшественникъ твой, умершій ханъ, такъ почиталъ меня, еще незначительнаго человѣка, что, по словесному прошенію моему, далъ мнѣ четыре тысячи человѣкъ; а ты не стыдишься съ гнѣвомъ говорить мнѣ — во всемъ тебѣ равному вождю народа.

— Я имѣю права, отвѣчалъ ханъ: — гнѣваться на тебя, потому-что ты на насъ всегда клевещешь, будто мы воюемъ не съ войскомъ, а съ женами и дѣтьми во время жатвы; будто мы умышленно погубляемъ Русь вашу: этого умысла не было у насъ; но по вашему прошенію мы рѣшились защищать васъ отъ насилія, какъ свободный народъ, хотя и враговъ нашихъ.

— Покойный ханъ, сказалъ Хмельницкій: —подущалъ меня идти съ ляхами на единовѣрныхъ московитянъ, и мурза его грозилъ меня самаго погубить; но еще явственнѣе видна вражда ваша къ украинорусскому народу, когда, во время мира, вы сожигали наши жилища, убивали и брали въ плѣнъ жителей. Конечно, вы о томъ стараетесь, чтобъ обезсилить народы русскіе, разорить и даже погубить ихъ, чтобъ такимъ образомъ возвысить татарское свое племя. Вотъ и теперь, взявъ съ поляковъ деньги, ты враждуешъ противъ насъ и противъ монарха русскаго.

— Знаешь ли ты, Хмельницкій, сказалъ Махметъ-Гирей: — какъ много татаръ въ московскомъ царствѣ? Всѣ они готовы помогать намъ; а ты обезумѣлъ, не подумалъ съ кѣмъ разбратался и къ кому присталъ? или у тебя войска больше, чѣмъ нѣкогда у всѣхъ князей русскихъ, поляковъ, угровъ, нѣмцевъ, когда ханъ Бату истребилъ ихъ и столько вѣковъ владѣли татары Кіевомъ и всѣми русскими землями?

— Тебя, напротивъ, омрачила гордыня, сказалъ Хмельницкій:—до того, что думаешь устрашить меня, какъ малоумнаго отрока. Я очень-хорошо знаю, что царства: сибирское, казанское, астраханское, касимовское, рязанское и другія не могутъ тебѣ подать помощи, потому-что они уже подъ властью московскаго самодержавія, а прочіе татары не пойдутъ далеко для прихотей вашихъ. Что хвалитесь Батыемъ? Вѣдь война, словно мечъ обоюдуострый, обращается на обѣ стороны; Батый пріобрѣлъ, Мамай погубилъ; за пріобрѣтеніями всегда слѣдуютъ потери.

— Хорошо, сказалъ ханъ: — довольно толковать, ступай, скоро узнаешь, что́ значатъ татарскія силы.

Хмельницкій ушелъ и отступилъ въ Украину ([56]).

Когда Хмельницкій стоялъ подъ Львовымъ, отрядъ соединеннаго русскаго войска подступилъ къ Люблину 15-го октября. Современникъ простираетъ его до десяти тысячъ. Другой отрядъ, по однимъ извѣстіямъ—до шести, а по другимъ—болѣе десяти тысячъ, двинулся до Вислы, чтобъ преградить бѣгство изъ Люблина. Городъ былъ беззащитенъ и потому, только-что казаки ударили на краковское предмѣстье и жидовскій городъ, какъ магистратъ выставилъ бѣлое знамя. Явились къ русскимъ послы: одинъ изъ этихъ пословъ былъ іезуитъ, и казаки не утерпѣли, чтобъ

([56]) «Истор. о през. бр.»

не ограбить его до ниточки. Царскій воевода потребовалъ отдачи всего имущества жидовъ, католическихъ духовныхъ и шляхты, всѣ орудія, выдачи всѣхъ жидовъ, окупъ съ города и присяги на вѣрность царю Алексѣю Михайловичу. Русскіе почитали Люблинъ старымъ своимъ городомъ и, слѣдовательно, наслѣдіемъ царей московскихъ. Городъ согласился безропотно. Члены магистрата, отъ имени всего Люблина, присягнули служить вѣрою и правдою царю, его супругѣ и его благороднымъ дѣтямъ, заплатили десять тысячъ флориновъ чистыми деньгами, а на пятнадцать тысячъ дали шелковыхъ тканей и металлическихъ издѣлій, выдали нѣсколько пушекъ и погнали жидовъ на убой казакамъ. Русскіе даровали имъ жизнь, однако ограбили и зажгли, такъ-называемый жидовскій городъ, часть Люблина, исключительно-населенную евреями. Пожаръ продолжался шесть дней; сами казаки разламывали близкіе домы, чтобъ не дать огню распространиться за предѣлы еврейскихъ жилищъ. Въ католическихъ монастыряхъ происходили кровавыя сцены: въ монастырѣ св. Бригитты, куда убѣжало множество католическихъ духовныхъ и свѣтскихъ католиковъ, произошла страшная рѣзня: монахинь убивали, или продавали, какъ животныхъ. Очевидецъ замѣчаетъ, что между москвитянами господствовали умѣренность и порядокъ; но казаки старались одинъ другаго превзойти въ

звѣрствѣ. «Казалось (говоритъ онъ), сами фуріи вселились въ нихъ». Неизвѣстно, что́ сталось съ имуществомъ дворянъ, но кажется, что воевода отказался отъ конфискаціи его, потому-что, описывая подробно событія этихъ дней, современникъ не говоритъ, чтобъ ихъ лишили имущества, но грабили только тѣхъ, которыя попались въ руки своевольному казачеству. Воевода установилъ въ Люблинѣ новый магистратъ изъ выборныхъ членовъ, включивъ въ число ихъ двухъ русскихъ и двухъ диссидентовъ и взялъ частицу животворящаго креста, которою славился городъ. 27-го октября соединенное русское войско отошло отъ Люблина. Очевидецъ замѣчаетъ, что тогда происходили неудовольствія между царскимъ воеводою и предводителемъ казаковъ, Даниломъ Выговскимъ.

Люблинцы не имѣли столько твердаго духа, какъ жители Львова. Не сдержавъ присяги Іоанну Казимиру, они не сдержали ее и Алексѣю Михайловичу. Сначала шведы овладѣли городомъ, — Люблинъ призналъ власть Карла Густава; чрезъ нѣсколько времени потомъ поляки выгнали шведовъ—и Люблинъ присягнулъ Іоанну Казимиру, прежнему своему государю ([57]).

([57]) «Relat. von der Verstörung der Stadt Lublin.»

ГЛАВА XIV.

Посольство въ Москву. — Высокомѣріе шведовъ. — Польское посольство къ Хмельницкому. — Польское посольство къ московскому царю. — Виленскій договоръ. — Неудовольствіе Хмельницкаго. — Угрозы Австріи. — Договоръ съ Швеціею и Ракочіемъ о раздѣлѣ Польши. — Вторженіе Ракочія въ Польшу. — Примиреніе Хмельницкаго съ Польшею. — Границы Украины. — Изгнаніе Ракочія. — Внутреннія распоряженія Хмельницкаго. — Болѣзнь его. — Подозрѣніе въ отравѣ. — Свиданіе съ Бутурлинымъ. — Послѣдняя рада. — Избраніе въ гетманы Юрія Хмельницкаго. — Смерть Богдана Хмельницкаго. — Погребеніе его тѣла.

Возвратясь въ Чигиринъ, Хмельницкій собралъ раду и, съ согласія казаковъ, отправилъ къ Алексѣю Михайловичу посольство. Онъ благодарилъ царя за оказанное великорусскимъ войскамъ содѣйствіе къ защитѣ и освобожденію отъ поляковъ южной Руси, изъявилъ желаніе, чтобъ Волынь и Червонная Русь, земли, принадлежащія къ древней русской системѣ княжествъ, были также возвращены отъ Польши, какъ и Украина, и просилъ напередъ, чтобъ великодушный царь, соблюдая южную Русь подъ покровительствомъ высокодержавной десницы своей, былъ хранителемъ ея самостоятельности и благополучія народнаго.

Между-тѣмъ, Польша начала, въ 1656 году, опра-

вляться отъ ужасныхъ ударовъ, воздвигнутыхъ на нее русскими и шведами. Удаленіе Хмельницкаго, слухъ о расположеніи его къ королю ободрялъ поляковъ. Шведы раздражали побѣжденныхъ. Карлъ-Густавъ, вмѣсто того, чтобъ оказывать уваженіе къ республиканскому порядку польской націи, показывалъ видъ побѣдителя, открыто говорилъ, что его сабля предпишетъ законы побѣжденнымъ; шведы начали дѣлать самовольства, оскорблять религію. Ихъ поступки произвели то, что паны мало-по-малу начали предаваться прежнему королю: гетманы, Конецпольскій и Вишневецкій, были уже снова слуги Яна-Казимира; наконецъ, въ-особенности, взволновалъ польскій народъ набѣгъ шведовъ на ченстоховскую обитель — предметъ всеобщаго религіознаго уваженія. Воззванія короля, Чарнецкаго и Любомирскаго возбудили народъ; поляки вдругъ какъ-будто переродились; голосъ церкви гремѣлъ противъ враговъ-протестантовъ; оживился духъ народный. Чарнецкій одержалъ блистательную побѣду надъ непріятелемъ; Варшава была осаждена поляками; король шведскій удалился въ Пруссію, гдѣ возбуждалъ на Польшу ея вассала, бранденбургскаго курфирста.

Среди этихъ успѣховъ, король отправилъ въ маѣ разомъ два посольства къ русскимъ: одно къ Хмельницкому, другое къ царю; Лянцкоронскій пріѣхалъ въ Чигиринъ, былъ встрѣченъ, по обыкновенію, вѣ-

жливо, но съ перваго вида замѣтилъ, что Хмельницкій не тотъ, какимъ надѣялся его застать. Причина была та, что Хмельницкій узналъ о тайнѣ Любовицкаго.

— Я не могу болѣе довѣрять его величеству, говорилъ онъ: — я ужь испыталъ, что король столько же высокомѣренъ въ счастіи, сколько уклончивъ въ несчастіи.

Ляндскоронскій убѣждалъ его содѣйствовать оружіемъ противъ шведскаго короля, не говорилъ ни слова о московскомъ государѣ, разсыпа́лъ ничего-незначущія обѣщанія дружбы и признательности, но не показывалъ согласія Речи-Посполитой признать Украину независимою.

— И только-то? и болѣе ничего? сказалъ Хмельницкій съ гнѣвнымъ хохотомъ. — Каково-жь послѣ этого безуміе вашего короля и всѣхъ вашихъ сенаторовъ! Вы просите себѣ въ союзники казаковъ, которыхъ еще прошлый годъ, во время войны подъ Ставищемъ, грозили истребить однимъ ударомъ, не предлагаете никакихъ прочныхъ условій мира, а хотите употребить для своей защиты кровь русскую! «Не говорите какую награду представляете за то, что храбрые воины будутъ падать, какъ жертвы вашей прихоти Довольно обманывать насъ, довольно считать насъ глупцами! Полякамъ, за ихъ всегдашнее вѣроломство, никто въ мірѣ не повѣритъ; было

время, когда мы соглашались на миръ, изъ уваженія къ королю, который всегда въ душѣ имѣлъ противное тому, что показывалъ на видъ. Пусть знаетъ Польша, что мы не войдемъ съ нею въ дружескіе договоры, пока она не откажется отъ цѣлой Руси. Пусть поляки формально объявятъ русскихъ свободными, и тогда мы будемъ жить съ вами, какъ друзья и сосѣди, а не какъ подданные и рабы, и тогда напишемъ клятвенный договоръ на вѣчныхъ скрижаляхъ. Но я знаю, пока въ Польшѣ будутъ властвовать паны — не быть миру между русскими и поляками.

Ляндскоронскій удалился изъ Чигирина ([1]).

Посольство въ Москву было успѣшнѣе для поляковъ. Униженныя просьбы и лестныя обѣщанія Іоанна-Казимира склонили Алексѣя Михайловича оказать великодушіе. Посолъ императора австрійскаго, принявшаго въ этомъ дѣлѣ роль посредника, Алегретти, природный славянинъ изъ Рагузы, объясняясь кстати порусски, умѣлъ подѣйствовать на бояръ и духовныхъ. Патріархъ Никонъ, съ своей стороны, убѣждалъ царя помириться съ поляками и обратить оружіе на шведовъ, чтобъ отнять Ливонію и земли, издавна-принадлежавшія Новгороду-Великому. Царь отправилъ своихъ полномочныхъ въ Вильну, гдѣ съ

([1]) «Histor. ab. exc. Wlad. IV.» 244.

полномочными Речи Посполитой, въ сентябрѣ, 1656 года, заключили трактатъ, по которому Речь Посполитая обязывалась, по смерти Яна Казимира, избрать на польскій престолъ Алексѣя Мичайловича, а Алексѣй Михайловичъ, считая уже Польшу какъ-бы своимъ достояніемъ, обѣщался защищать ее и обратить оружіе противъ шведовъ, бывшихъ своихъ союзниковъ (2). Украинскій лѣтописецъ (3) говоритъ, будто на этомъ съѣздѣ пословъ было постановлено, что царь приметъ на себя долгъ усмирить и подчинить казаковъ власти короны польской, которая будетъ ему принадлежать, а въ другомъ мѣстѣ самъ отрицаетъ это. Видно изъ всего только, что такое мнѣніе господствовало въ Украинѣ. Оно подтверждалось еще такимъ обстоятельствомъ:

Хмельницкій послалъ на виленскій съѣздъ своихъ пословъ (4), которые должны были говорить въ пользу южной Россіи, но коммиссары царя Алексѣя Михайловича напомнили имъ, что Хмельницкій и казаки—подданные, а потому не должны осмѣливаться подавать голоса тамъ, гдѣ рѣшаютъ ихъ судьбу посланники государей (5). Они принуждены были уѣхать.

---

(2) «Полн. собр. зак.», I, 405—410, 411.
(3) «Лѣтоп. Величка.» I, 272. 366.
(4) «Лѣт. самов.», 26.
(5) «Истор. Мал. Росс.» т. II, прим. 60.

Вообще Хмельницкій былъ очень-недоволенъ такимъ образомъ обстоятельствъ. Хмельницкій зналъ поляковъ лучше московскихъ бояръ и понималъ, что поляки обманываютъ царя, желая единственно увернуться отъ опасности и употребить москвитянъ орудіемъ къ возобновленію прежняго состоянія Речи Посполитой. Іоаннъ Казимиръ могъ жить еще долго; Алексѣй Михайловичъ, въ качествѣ будущаго короля Польши, могъ уступить Украину будущему своему владѣнію и, конечно, употребилъ бы силу, когда бы украинцы воспротивились. Если же случилось бы, что Алексѣй Михайловичъ скоро сдѣлался королемъ польскимъ (что́ Хмельницкій считалъ невозможнымъ), то, вопервыхъ, сохраняя весь порядокъ Речи Посполитой и, слѣдовательно, всю власть пановъ, онъ, при своемъ добромъ желаніи, не могъ бы сохранить правъ Украины иначе, какъ при содѣйствіи московскаго войска, и чрезъ это потерялъ бы польскую корону; а вовторыхъ, еслибъ даже при немъ Украина была счастлива, то послѣ него другіе избранные сеймомъ короли, предали бы ее въ жертву мщенія пановъ. Такъ думалъ Хмельницкій.

Въ то же время Хмельницкому препятствовали не только поляки, но и другіе сосѣди къ довершенію намѣреній его. Императоръ австрійскій требовалъ покорности Польшѣ, обѣщалъ ходатайствовать о распространеніи правъ казацкихъ, а въ случаѣ упор-

ства ([6]), грозилъ послать противъ Украины сильное войско; съ другой стороны, крымскій ханъ послалъ къ нему пословъ, требовалъ возобновленія связи съ Польшею и грозилъ пустить орду по Украинѣ. Турція прислала своего чауша и также обѣщала послать войско на помощь полякамъ. Все это повергло Хмельницкаго въ тоску и уныніе, а потомъ въ болѣзнь ([7]). Вѣроятно, въ эти грустныя минуты гетманъ-поэтъ создалъ ту печальную аллегорическую пѣсню, въ которой, подъ видомъ бѣдной чайки, обижаемой двумя птицами, плачущей за дѣтей своихъ, выражена такъ поэтически судьба современной южной Руси, если только правда, что эта пѣсня сочинена лицомъ, а не создана народомъ.

Между-тѣмъ, пользуясь успокоеніемъ польско-литовскихъ предѣловъ со стороны Московіи, Іоаннъ Казимиръ пріобрѣталъ болѣе-и-болѣе успѣховъ. Варшава была возвращена и лучшій шведскій генералъ, Виттенбергъ, взятъ въ плѣнъ и отправленъ въ Замостье. Чарнецкій повсюду побѣждалъ. Императоръ австрійскій Фердинандъ заключилъ съ польскимъ королемъ дружескій союзъ и грозилъ врагамъ Польши послать противъ нихъ войско. Но и Карлъ Густавъ искалъ также себѣ союзниковъ; убѣдилъ бранден-

---

([6]) «Ист. Мал. Росс.», 11, 12.

([7]) «Истор. о през. бр.»

бургскаго курфирста дѣйствовать взаимными силами и продолжалъ просить содѣйствія Хмельницкаго. Въ январѣ, 1656 года, аѳонскій монахъ возвратился изъ Швеціи въ Чигиринъ и привезъ какія-то депеши, которыхъ содержаніе неизвѣстно; въ слѣдъ за тѣмъ, въ маѣ, прибылъ въ Чигиринъ Грондскій, уже въ другой разъ посѣщавшій Хмельницкаго, только отъ иного короля.

«Еслибъ (писалъ король) я имѣлъ такое храброе «войско, какъ казаки, то выдержалъ бы сраженіе съ «цѣлымъ поголовнымъ ополченіемъ польской націи. «Я прошу, чтобъ, въ случаѣ необходимости, казаки «не отказали мнѣ содѣйствовать, впрочемъ, не преж- «де, когда я приглашу; ибо я надѣюсь заключить «выгодный миръ съ поляками, при которомъ обѣщаю, «что, съ своей стороны, я рѣшусь на миръ не ина- «че, какъ тогда, когда будутъ исполнены всѣ жела- «нія казацкой націи. Прошу заранѣе нарядить ком- «миссаровъ, изложить требованія и, съ своей сторо- «ны, извѣстить меня, какое угодно было бы на «чить время и мѣсто для коммиссіи ([8])».

Неизвѣстно, что̀ предложили тогда съ своей стороны казаки; впрочемъ, предположенія короля шведскаго о мирѣ относились къ дальнѣйшему времени: Карлъ Густавъ приглашалъ съ собою дѣйствовать

([8]) «Hist. belli cos. polon.»,268

новаго союзника, Ракочія. Нѣкоторые польскіе дворяне, отчасти, диссиденты, которые искали правъ своей религіи, а еще болѣе такіе люди, которые руководились своекорыстными видами, убѣжавшіе во время суматохи въ Трансильванію, приглашали князя быть королемъ польскимъ. Ракочій обратился къ Хмельницкому и прислалъ своихъ пословъ съ просьбою помогать ему (9). Хмельницкій далъ тогда его посольству обоюдные отвѣты.

— Ракочій, говорилъ Выговскій Грондскому: — очень желаетъ союза съ нами, а мы не хотимъ соединять наше войско съ такими солдатами, которые выучены за печкою. Однако, чтобъ не вооружить его противъ себя, мы даемъ ему двусмысленые отвѣты. Правду сказать, рана, которую нанесъ нашему пану-гетману Ракочій погибелью сына — неизцѣлима, и гетманъ все еще ищетъ отомстить ему (10).

Грондскій имѣлъ порученіе ѣхать въ Трансильванію и убѣждалъ Хмельницкаго приступить къ концу. Гетманъ заглушилъ въ себѣ чувство оскорбленія и далъ согласіе. Хмельницкій готовъ былъ на всѣ средства, лишь бы достигнуть своихъ цѣлей.

Вмѣстѣ съ Грондскимъ отправился отецъ Данило. они проѣхали черезъ Молдавію, чтобъ не попасть

(9) Ibid. 301.
(10) Ibid. 366.

въ руки поляковъ, и прибыли къ Ракочію. Ракочій принялъ это посольство съ радостью и отправилъ въ Швецію съ отвѣтомъ, черезъ Москву, отца Данила, а Грондскаго оставилъ у себя. Такимъ-образомъ время протянулось до зимы, пока отъ Карла Густава прибыли уполномоченные въ Трансильванію. Послѣ виленскаго договора Хмельницкій уже не колебался ни мало и, 26-го ноября, заключилъ съ Ракочіемъ особый предварительный союзъ, по которому обѣ стороны должны были защищать другъ друга противъ всѣхъ непріятелей и жители обоихъ государствъ находиться въ совершенномъ согласіи. Ракочій обязывался подавать украинцамъ помощь въ случаѣ утѣсненія, отъ кого бы то ни было, вѣрѣ ихъ и правамъ.

Вслѣдъ затѣмъ, въ началѣ 1657 года, заключенъ былъ Швеціею, Трансильваніею и Украиною договоръ о раздѣлѣ Польши; это уже вторая попытка къ тому, чего не избѣгла Польша черезъ сто лѣтъ слишкомъ. Королю шведскому должна была достаться великая Польша, Ливонія, Данцигъ съ приморскими окрестностями; бранденбургскому курфирсту всѣ польскія владѣнія въ пруссіи; Ракочію — малая Польша, великое княжество литовское, княжество мазовецкое и княжество русское (Червонная Русь), а Украина съ остальными южно-русскими землями долженствовала быть признанною навсегда отдѣльною отъ Польши. Эти договорныя статьи подписаны были, со

стороны Ракочія, Стефаномъ Хорватомъ и Топошемъ, со стороны Украины — генеральнымъ судьею — Самуиломъ Богдановичемъ Зарудными и генеральнымъ обознымъ Ковалевскимъ ([11]). По заключеніи такого договора, Хмельницкій послалъ къ Ракочію на помощь двѣнадцать тысячъ войска, подъ начальствомъ Адамовича, Зеленецкаго и сотника Попенка ([12]).

Напрасно канцлеръ Любомирскій убѣждалъ Ракочія не начинать непріязненныхъ дѣйствій и доказывалъ, что нѣтъ никакого повода къ разрыву между Трансильваніею и Польшею. Леопольдъ, король венгерскій и богемскій, принявшій власть, по смерти Фердинанда III-го, чрезъ архіепископа Нитры, Юрія Шелепчена, дѣлалъ ему убѣжденія. Ракочій ссылался на то, что поляки предлагали ему корону и твердилъ, что считаетъ обязанностью защищать свою честь ([13]). Въ январѣ, 1657 года, Ракочій двинулся въ Польшу.

Кромѣ двѣнадцати тысячъ казаковъ, у него въ войскѣ было своихъ около двадцати тысячъ ([14]). Это былъ пестрый сбродъ всѣхъ націй и состояній: здѣсь, кромѣ венгровъ, подданныхъ Ракочія, были венгер-

---

([11]) Ibid. 358—389.

([12]) «Annal. Polon. Clim.» II, 197—217. «Истор. о през. бр.»

([13]) «Histor. ab. exc. Wlad. IV.» 327—328.

([14]) Ibid. 346.

скіе гайдуки, волохи, поляки и больше всего украинцы — поднѣстровскіе левенцы, привыкшіе жить войною ([15]). Два бѣглые поляка, диссиденты, взялись преклонять на сторону побѣдителя подданныхъ Іоанна-Казимира: первый былъ извѣстный намъ Грондскій ([16]), другой, также знакомый намъ, Немиричъ, который былъ въ казацкомъ войскѣ, перешелъ къ шведамъ и теперь дѣйствовалъ съ Ракочіемъ для разоренія своего шляхетскаго отечества ([17]).

На дорогѣ встрѣтилъ ихъ гонецъ отъ московскаго государя Алексѣя Михайловича.

Онъ уговаривалъ трансильванскаго князя оставить свое препріятіе, если цѣнитъ дружбу государя.

— Въ противномъ случаѣ, прибавлялъ онъ: — великій государь, его царское величество, будетъ оружіемъ защищать Польшу, какъ бы и собственное отечество, потому-что онъ избранъ быть королемъ польскимъ.

— Не знаю, отвѣчалъ Ракочій: — когда царь московскій получилъ приглашеніе быть польскимъ королемъ, но мнѣ, и прежде, и въ недавнее время,

---

([15]) «Annal. Polon. Clim.» II, 198. — «Histor. ab. exc. Wład. IV.» 332.

([16]) «Histor. belli cosac. polon.» 371.

([17]) «Annal. Polon. Clim.» II, 211.

поляки предлагали корону. Если его царское величество признаетъ Польшу своею, то объ этомъ мы сдѣлаемъ постановленіе послѣ. Я не отрицаю, что дорожу дружбою его царскаго величества, однако, не до такой степени, чтобъ для нея отказаться отъ польской короны. Если ужь нарушать миръ, то за царство ([18]).

Войско вступило въ Покутію, а отсюда прошло до Львова.

Всѣ убѣжденія Грондскаго къ львовскому магистрату о сдачѣ города и признанія Ракочія остались напрасны. Львовъ обѣщался признать Ракочія королемъ, когда вся Польша его признаетъ, но не измѣнилъ Іоанну-Казимиру ([19]). Опасаясь медлить подъ Львовымъ, Ракочій пошелъ далѣе. 29-го марта онъ вступилъ въ Краковъ, все еще занятый шведами, взялъ на слѣдующій день присягу на вѣрность отъ гражданъ и дворянства; на другой день онъ выступилъ изъ столицы, повидался съ Карломъ Густавомъ ([20]). Оба пошли подъ Замостье. Ракочій уполномочилъ Немирича склонить на свою сторону владѣтеля крѣпости сандомирскаго воеводу-Замойскаго ([21]).

([18]) «Histor. belli cosac. polon.» 362.
([19]) Ibid. I, 375—384.
([20]) «Histor. ab. exc. Wład. IV.» 332—333.
([21]) «Wojna dom.» Ч. 4, 224.

На всѣ представленія Немирича отвѣчали полнымъ пренебреженіемъ:

«Письмо, полученное мною (писалъ Замойскій), «только и можетъ быть написано подобнымъ измѣн-«никомъ, каковъ Немиричъ. Не пиши ко мнѣ, пока «не омылъ своей измѣны болѣе-благороднымъ дѣ-«ломъ; ибо я стыжусь имѣть сношеніе съ гадинами, «терзающими внутренности своего отечества» (22).

Союзники поворотили отъ Замостья. Карлъ обратился къ Бресту, взялъ его и принудилъ присягнуть Ракочію (23). Ракочій покорилъ Люблинъ, нанесъ несчастному городу новое разореніе и принудилъ жителей уже въ третій разъ сложить подданство Іоанну-Казимиру (24); потомъ оба союзника соединились и пошли къ Варшавѣ. Дикое войско Ракочія повсюду, гдѣ проходило, производило грабежи, убійства, насилія. «Мѣстечки и села (говоритъ современникъ) превращались въ кучи пепла. Жители были истребляемы безъ разбора; не смотрѣли на святыню церквей, мучили священниковъ, не щадили младенцевъ (25). Разноплеменныя толпы этого войска, не-

(22) «Annal. Polon. Clim.» II, 212.
(23) Ibid.
(24) «Wojna dom.» Ч. 4, 225.
(25) Ibid. Ч. 3, 219. — «Annal. Polon. Clim.» II, 212.
(26) «Histor. ab. exc. Wlad. IV.» 337.

понимавшія другъ друга, дрались и между собою: шведы отбивали добычу у венгровъ, украинцы отнимали ее у шведовъ. Каждый часъ въ лагерѣ была драка, шумъ, убійство ([26]). Такое-то нестройное полчище вторглось въ Варшаву. Столица сдалась, надѣясь на Карла Густава, но не спаслась отъ разоренія. Дикія толпы, не повинуясь предводителямъ, оскверняли храмы, грабили домы, сожигали предмѣстья и не пощадили даже дворца» ([27]).

Но здѣсь положенъ былъ предѣлъ торжеству Ракочія: польскій король, во время вторженія враговъ, убѣжалъ въ Данково, имѣніе краковскаго каштеляна Варчинскаго, недалеко отъ ченстоховскаго монастыря ([28]) и дѣйствовалъ противъ враговъ искуснымъ образомъ. Посолъ его, Лещинскій, отправился къ Леопольду ([29]) и упросилъ послать въ Трансильванію сильный отрядъ подъ начальствомъ Гарцфельда ([30]). Въ то же время и Любомирскій вошелъ съ польскимъ войскомъ въ Трансильванію и приказалъ производить опустошенія, чтобъ отомстить за разореніе

([27]) «Annal. Polon. Clim.» II, 214.

([28]) «Wojna dom. Ч 3, 228. — «Annal. Polon. Clim.» II, 219.

([29]) «Wojna dom.» Ч. 3, 223.

([30]) «Histor. ab. exc. Wład. IV.» 336. — «Wojna dom.» Ч, 3, 224.

Польши и возбудить подданныхъ противъ князя. Онъ издалъ манифестъ ко всѣмъ жителямъ седмиградскаго княжества, и въ манифестѣ этомъ доказывалъ, что несчастія, понесенныя жителями, они должны приписывать своему владѣтелю, изображалъ его тираномъ, жалѣлъ о потерянной свободѣ венгровъ ([31]). Другой посолъ, Яскольскій, отправился въ Турцію, счастливо избѣжалъ рукъ матери Ракочія, которая было поймала его, но должна была отпустить, страшась мщенія турокъ. Опасаясь могущества Московіи и желая разлучить съ нею казаковъ, турецкій дворъ принялъ просьбу короля ласково и посланникъ возвратился съ вѣстью, что ханъ пойдетъ со всею ордою противъ казаковъ ([32]).

Еще въ апрѣлѣ, 1657 года, король Іоаннъ-Казиміръ посылалъ къ Хмельницкому волынскаго каштеляна—Станислава Беньйовскаго. Это былъ хитрый и ловкій дипломатъ. Неизвѣстно, ка́къ велись съ нимъ переговоры: — они не состоялись; но, при помощи Выговскаго, издавна благопріятствовавшаго мысли примиренія съ Польшею, Хмельницкій далъ ему надежду. Въ письмѣ своемъ къ королю, отъ 18-го апрѣля, Хмельницкій вычислилъ прежнія заслуги казаковъ, напомнивъ о польской неблагодарности, но

([31]) «Histor. ab exc. Wład. IV.» 340—341.
([32]) «Annal. Polon. Clim.» II, 217.

изъявилъ согласіе на миръ, выражаясь такъ: «Мы, «съ посломъ Беньйовскимъ, изъискивали мѣры, чтобъ «ни достоинство вашего величества, ни наша сво-«бода не потерпѣла.» Онъ предоставилъ Беньйовскому подробно представить требованія русскихъ и просилъ, чтобъ дѣло приведено было къ окончанію самимъ Беньйовскимъ: видно, что онъ болѣе, чѣмъ другимъ, оказывалъ ему довѣріе (33). Украинскій лѣтописецъ поясняетъ въ чемъ состояли требованія, сообщенныя Хмельницкимъ Беньйовскому: онъ просилъ присылки коммисаровъ для разграниченія Украины отъ Польши (34).

Въ іюнѣ, въ Чигиринъ явился снова Беньйовскій съ смоленскимъ кастеляномъ, Лудовикомъ Евлашевскимъ. Въ инструкціи Беньйовскому предоставлялась полная власть заключить договоръ съ Хмельницкимъ и составить актъ, съ приложеніемъ съ обѣихъ сторонъ печатей. Король обѣщалъ за себя и за всѣ чины Речи-Посполитой принять и хранить свято и ненарушимо все, чтó будетъ постановлено съ Беньйовскимъ. Отъ Хмельницкаго требовалось отказаться отъ гибельнаго для Польши договора съ Ракочіемъ и шведами, и послать на помощь полякамъ десять ты-

(33) «Памятн. кіевск. комм.» III, 3, 190.
(34) «Истор. о през. бр.»

тячъ войска на первый разъ ([35]). Украинскій лѣтописецъ говоритъ, что король прислалъ гетману письмо такого содержанія: «Я знаю, благородный гетманъ, «твой умъ и надѣюсь, что ты уже удовольствованъ «мщеніемъ за обиды, которыя сдѣланы русскому на«роду. Простри же великодушно руку примиренія и «подай помощь падающей Польшѣ, которая была и «твоимъ отечествомъ. Ты главная причина бѣдствія «Польши: теперь, быть-можетъ, шведы и венгры «раздерутъ ее! Я не прибѣгаю къ суетнымъ сред«ствамъ, не приглашаю наемнаго войска изъ итальян«цевъ, французовъ, нѣмцевъ: я обращаюсь къ тебѣ, «къ войску казацкому, ко всему мужественному рус«скому народу. Отъ васъ началось Польшѣ разоре«ніе, пусть же отъ васъ послѣдуетъ и спасеніе!» ([36]).

Хмельницкій заплакалъ, прочитавъ эти воззванія, призывалъ имя Бога во свидѣтели, что не желаетъ кровопролитія, прославлялъ имя Іоанна-Казимира и обѣщалъ съ ревностью дѣйствовать для спасенія Польши.

— Для чего же, замѣтили посланники: — не дождавшись коммиссаровъ, заключенъ союзъ съ Ракочіемъ? для чего Антонъ Адамо́вичъ и Зеленскій разоряютъ теперь съ врагами королевство польское?

([35]) «Памятн. кіевск. комм.» III, 3, 153—160.
([36]) «Истор. о през. бр.»

«Хмельницкій, по замѣчанію польскаго историка, хотя уже приближался къ смерти, однако не оставилъ своей привычки хитрить.»

— Союзъ съ Ракочіемъ? говорилъ онъ съ видомъ удивленія: — старымъ врагомъ казаковъ? убійцею моего сына? — никогда! Казаки, помогающіе Ракочію, дѣйствуютъ самовольно; они достойны казни: я отзову ихъ немедленно, если только преступная совѣсть сохраняетъ еще какое-нибудь уваженіе къ власти. Но что́ дѣлать: власть гетмана ограничена; я не могу поступать вопреки народной радѣ ([37]).

Тогда коммиссары опредѣлили границы Украины такимъ образомъ:

Отъ устья Днѣстра, вверхъ по Днѣстру, до границъ Покутья, оттуда на сѣверъ до вершины рѣки Горыни (рѣка Горынь служила границею до самаго впаденія ея въ Припеть), оттуда граница шла къ старому Быхову (неизвѣстно, эта граница шла прямо ли сухопутьемъ отъ устья Горыни, или по теченію Припети до впаденія ея въ Днѣпръ), а потомъ вверхъ по Днѣпру. Слѣдуетъ принять второе предположеніе, потому-что, вопервыхъ, это были бы естественныя границы, а вовторыхъ, потому, что королю не́ для чего было отдавать казакамъ значительную полосу

([37]) «Annal. Polon. Clim.» 217—218.

Литвы, гдѣ не было казаковъ, и которая, притомъ, не была населена народомъ южнорусскимъ и, слѣдовательно, не могла быть предметомъ требованій Хмельницкаго. Отъ стараго Быхова граница шла черезъ Днѣпръ, вдоль рѣки Сожи до вершины ея, или до Рославля, оттуда она спускалась внизъ до чернаго моря, но неизвѣстно, по какому именно направленію и что́ служило для обозначенія ея; вѣроятно, такъ-какъ здѣсь граница украинская прилегала къ Московіи, то принималась та граница, которая прежде отдѣляла земли польскаго королевства отъ земель московскаго царства. Съ юга украина граничила Чернымъ Моремъ отъ Днѣпра до Днѣстра. Такъ изображаютъ ее украинскіе лѣтописцы (38), или, лучше сказать, одинъ изъ украинскихъ лѣтописцевъ (39), потому-что прочіе, по всему видно, заимствовали отъ него. Польскіе историки не упоминаютъ объ этомъ и очень-понятно почему: нѣкоторые могли не знать этого, а Каховскій, который одинъ говоритъ о посольствѣ въ это время, не сказалъ о границѣ, хотя бы и зналъ, по привычкѣ умалять и скрывать

---

(38) «Истор. о през. бр.» — «Лѣтоп. повѣтств. о Мал. Росс. 216. — «Истор. Мал. Росс.» 14.

(39) «Истор. о през. бр.» — Эта лѣтопись говоритъ, что границы эти были обозначены со стороны Польши, не Беньйовскимъ, но Мястковскимъ и Киселемъ.

то, что̀ служило къ безчестью его отечества, тѣмъ болѣе, что писалъ уже послѣ смерти Яна-Казимира: онъ бы тѣмъ уменьшилъ право Польши на эти земли, которыя впослѣдствіи опять сдѣлались ея достояніемъ. Но границы между Польшею и Украиною дѣйствительно въ это время были установлены; это доказываютъ современные акты ([40]). Въ сказаніи украинскаго лѣтописца остаются неясности, въ-особенности относительно линіи по протяженію отъ Днѣстра до вершины Горыни. Эти границы были неясны и для тѣхъ, которые ихъ обозначали, потому-что, по смерти Хмельницкаго, поляки роптали на казаковъ за то, что они овладѣли страною между Случью и Горынью, утверждая, что эти западныя границы Украины по договору должны оканчиваться Случью; казаки же, напротивъ, ссылаясь на тотъ же договоръ, увѣряли, что эта граница ихъ — Горынь и въ то же время захватили страну и по другую сторону Горыни ([41]). Между-тѣмъ, обозначая границу Украины Горынью, Хмельницкій имѣлъ притязаніе на Пинскъ, лежавшій за предѣлами Украины. Передъ прибытіемъ Беньйовскаго, жители пинскаго повѣта чрезъ своего повѣтоваго маршала поддались добровольно Хмельницкому, и гетманъ послалъ туда

([40]) «Памятн. кіевск. комм.» III, 3, 168, 171, 178.
([41]) «Памятн. кіевск. комм.» III, 3, 190—191.

для принятія владѣнія казацкаго чиновникз Грушу ([42]) и даровалъ пинскому повѣту жалованную граммату. Въ ней онъ предоставлялъ свободное отправленіе римско-католическаго богослуженія и гражданскія права католиковъ, обѣщалъ никого не принуждать къ принятію греческой вѣры, не уменьшать и не отнимать церковныхъ имѣній, если только они не были захвачены у православныхъ церквей, но не позволялъ существовать уніи и всѣмъ чужимъ сектамъ. Онъ утверждалъ наслѣдственныя племенныя пожалованныя королями имѣнія за владѣльцами, если они дадутъ присягу въ вѣрности, но предоставлялъ всѣ королевскія имѣнія для доходовъ въ пользу свою, постановлялъ, что впередъ такія имѣнія не будутъ отдаваться въ пользу обывателямъ; тѣмъ же, которые владѣли уже ими пожизненно, позволялъ пользоваться только до смерти, а потомъ они должны быть отобраны правительствомъ. Вообще Хмельницкій утверждалъ привиллегіи, льготы и суды шляхетскаго сословія, какъ они были при польскихъ короляхъ, но предоставлялъ себѣ право измѣнять и сокращать судопроизводство, чтобъ избавить шляхту отъ судебныхъ издержекъ. Нѣкоторыя гражданскія должности въ повѣтѣ были выборныя, но гетманъ долженъ былъ утверждать ихъ; остальныя давались

([42]) Ibid. 190, 162, 164.

по назначенію гетмана, съ представленія мѣстнаго начальства. Полковники назначались полною властью гетмана и опредѣляли полновластно низшихъ чиновъ ([43]).

Беньйовскій протестовалъ противъ присоединенія Пинска. Хмельницкій ссылался на желаніе пинскихъ обывателей, добровольно ему поддавшихся. Договоръ былъ подписанъ, но предварительный; окончательное утвержденіе его и разрѣшеніе вопроса относительно Пинска и другихъ статей оставлены до генеральнаго трактата, который долженъ составиться на сеймѣ. Миръ, заключенный между поляками и Украиною, поляки назвали только перемиріемъ; но Беньйовскій заключилъ его съ Хмельницкимъ какъ уполномоченный отъ Польши; король обѣщалъ за себя и за всѣ чины Речи-Посполитой не противиться тому, что́ постановлено будетъ Беньйовскимъ. Это давало договору видъ твердаго, незыблемаго постановленія.

Вмѣстѣ съ польскими коммиссарами были у Хмельницкаго послы отъ крымскаго хана ([44]). Гетманъ примирился съ Махметъ-Гиреемъ; оба народа возобновили прежній союзъ, и Хмельницкій уступилъ крымскому хану всю полосу земли отъ днѣпровскаго

([43]) Ibib. 145, 152.

([44]) «Истор. о през. бр.» — «Annal. Polon. Clim.» II, 217. — «Истор. мал. Росс.» II, 13.

лимана до Міуса. Татарамъ предоставлено было кочевать на этой степи и ходить стадами безъ всякаго препятствія со стороны казаковъ. Татары же обязались доставлять свободный путь въ Черное море украинскимъ купцамъ ([45]). Эти договоры съ поляками и крымцами были утверждены на всеобщей радѣ ([46]).

Среди угощеній и пиршествъ, Беньйовскій заговорилъ о царѣ.

— Что́ мѣшаетъ вамъ, говорилъ онъ : — сбросить покровительство московское. Царь никогда не будетъ польскимъ королемъ въ Польшѣ ! Соединимся съ нами, старыми соотечественниками, какъ равные съ равными, вольные съ вольными, неразрывнымъ дружескимъ союзомъ.

— Я одною ногою стою въ могилѣ, сказалъ Хмельницкій : — на закатѣ дней не прогнѣваю небо нарушеніемъ обѣта царю московскому. Разъ поклялся ему въ вѣрности и сохраню ее до послѣдней минуты. Притомъ-же какую пользу могу принесть королю я, дряхлый старикъ? Если, вотъ этотъ, сынъ мой, Юрій, будетъ гетманомъ, тогда никто не помѣшаетъ ему услужить королю и заслужить военными подвигами и преданностью благосклонность его

([45]) «Истор. о през. бр.»
([46]) Тамъ же.

величества, разумѣется, безъ вреда московскому государству, ибо какъ я, такъ и вы, избравъ его публично своимъ государемъ, какъ носятся слухи, обязаны къ нему постоянною вѣрностью ([47]).

Въ присутствіи пословъ онъ послалъ предписаніе Адамовичу немедленно оставить Ракочія, подъ страхомъ наказанія, какъ выразился гетманъ въ приказѣ, чтобъ представить полякамъ свое неучастіе въ разореніи Польши, и приказалъ немедленно десяти тысячамъ казаковъ идти на помощь полякамъ. Это приказаніе дано было Хмельницкому и царемъ, вступившемуся за Польшу. Начальство надъ войскомъ Хмельницкій поручилъ сыну своему Юрію, шестнадцатилѣтнему мальчику: — это былъ первый его военный дебютъ ([48]).

Но случилось такъ, что едва уѣхали польскіе послы, какъ вдругъ прибылъ гонецъ отъ Ракочія, просилъ скорѣйшей новой помощи и извѣщалъ, что онъ въ критическомъ положеніи. Шведскій король, услышавъ о нападеніи на Швецію датчанъ, покинулъ его. Князь узналъ, что поляки и австрійцы опустошаютъ его владѣнія, повсюду собирается войско и грозитъ ему зайти въ тылъ.

Тогда Хмельницкій послѣдній разъ прибѣгъ къ

([47]) «Annal. Polon. Clim.» II, 217.
([48]) «Истор. Мал. Росс.» II, 12.

обыкновенной своей хитрости. Онъ написалъ Ракочію, что войско уже послано и указывалъ на тотъ отрядъ, который онъ послалъ съ сыномъ своимъ Юріемъ. Такимъ-образомъ каждой изъ двухъ непріязненныхъ сторонъ онъ предоставлялъ думать, что отрядъ посланъ для нея ([49]). Въ то же время онъ приказалъ казакамъ идти какъ-можно-медленнѣе: онъ дожидался, чѣмъ кончится война; и въ томъ, и въ другомъ случаѣ приготовилъ себѣ отговорку; еслибъ побѣдилъ Ракочій, онъ могъ представлять, что послалъ войско и, слѣдовательно, не нарушилъ договора, и требовать исполненія его со стороны союзника; если побѣдятъ поляки, онъ скажетъ Яну Казимиру, что, отнявъ у Ракочія казацкій отрядъ, тѣмъ лишилъ его пособія и содѣйствовалъ королю посылкою войска, которое не успѣло дойти прежде, чѣмъ война кончилась. Такъ и случилось.

Ракочій, не дождавшись помощи, двинулся въ обратный путь, преслѣдуемый Чарнецкимъ по пятамъ. Желая пройти удобнѣе, онъ бросился на Волынь, но, подъ Меджибожемъ, былъ атакованъ со всѣхъ сторонъ. Чарнецкій поражалъ его съ тыла, Любомирскій, возвращаясь изъ Трансильваніи, преградилъ ему дальнѣйшій путь съ многочисленнымъ войскомъ; съ одной стороны бросился на него отрядъ

([49]) «Истор. о през. бр.»

литовскаго войска подъ начальствомъ Сапѣги, а съ другой Потоцкій съ кварцянымъ войскомъ ([50]). Въ это время казаки, получивъ тайное приказаніе Хмельницкаго, оставили Ракочія ([51]). За ними бросились въ бѣгство и самовольно-набѣжавшіе въ войско трансильванскіе украинцы, страшась гетмана. Напрасно Грондскій кинулся къ нимъ и разсыпáлъ краснорѣчивыя убѣжденія.

— Скажите своему князю, отвѣчалъ Адамовичъ: — что ужь теперь нéчего и думать о сраженіи, а надобно искать какъ-нибудь спасенія. Князь ничего лучше не выдумаетъ, если побросаетъ всѣ орудія и заранѣе убѣжитъ хоть съ остатками войска въ наши стороны. У насъ много молодцовъ: проведутъ его домой.

Войско казацкое пошло въ отечество спокойно, въ виду поляковъ, которые не преслѣдовали его ([52]).

Видя совершенную погибель, Ракочій струсилъ и послалъ къ Чарнецкому просить мира.

«Пусть прежде перестанетъ бѣжать (отвѣчалъ Чар-
« нецкій) и подождетъ насъ всѣхъ: тогда на обнажен-
«ныхъ сабляхъ поговоримъ объ обидахъ и мирѣ ([53]).

([50]) «Annal. Polon. Clim.» I, 229. — «Histor. ab. exc. Wład. IV.» 343.

([51]) «Annal. Polon. Clim.» II, 223.

([52]) «Histor. belli cosac. polon.» 420.

([53]) «Histor. ab. exc. Wład. IV.» 343.

«Гнусно покупать миръ венграмъ, а полякамъ про-«давать. Нечего толковать о золотѣ, когда въ рукахъ «желѣзо» ([54]).

Но гораздо-снисходительнѣе были Потоцкій и Любомирскій: они согласились на переговоры, запретили Чарнецкому, къ его крайней досадѣ, нападать на непріятеля, и, 23 іюля, заключили договоръ. Ракочій отказался отъ своихъ притязаній, возвратилъ все награбленное и обѣщался заплатить милльйонъ злотыхъ за убытки на войско; сверхъ-того онъ далъ въ подарокъ вождямъ двѣсти тысячъ злотыхъ. Это-то было причиною, что предводители пощадили его, потому-что въ то время и казна была въ истощеніи, и кошельки панскіе пусты ([55]). Поляки обязались охранять его отъ татаръ, которые поспѣшали на помощь полякамъ. Но на восьмой день послѣ договора остатки войска Ракочія встрѣтилъ ханъ съ огромнымъ войскомъ, ударилъ на нихъ и разбилъ такъ, что самъ Ракочій съ пятьюстами едва ушелъ отъ плѣна, спасенный единственно милостью Любомирскаго: главнокомандующій Ракочія, Кимени, попался въ неволю ([56]). Но и въ отечествѣ не ушелъ отъ печальнаго конца нашъ искатель приключеній. Турецкій дворъ лишилъ

([54]) «Annal. Polon. Clim.» II, 231.
([55]) «Histor. belli cosac. polon.» 442.
([56]) «Dzije pan. Jan. Kazac.»

его седмиградскаго княжества, къ удовольствію подданныхъ, которые злились на него за набѣгъ на Польшу; за него они потерпѣли разореніе отъ поляковъ и союзниковъ ихъ, австрійцевъ ([57]). Воспользовавшись побѣдою, Іоаннъ-Казимиръ возвратилъ себѣ Краковъ.

Между-тѣмъ физическія силы Хмельницкаго болѣе-и-болѣе истощались. Историкъ украинскій говоритъ ([58]), что гетманъ былъ отравленъ. «Пріѣхалъ (повѣствуетъ этотъ историкъ) какой-то польскій дворянинъ знатной фамиліи, подъ видомъ, будто ищетъ руки дочери Хмельницкаго. Проживъ нѣсколько времени, онъ получилъ согласіе гетмана, потомъ снова собрался въ путь подъ предлогомъ приготовиться къ браку, и обѣщалъ скоро быть въ Чигиринѣ. Выѣзжая изъ дома, на прощальномъ обѣдѣ женихъ предложилъ тестю выпить вмѣстѣ съ нимъ за здоровье невѣсты привезенной съ нимъ водки, которою хвалился, какъ рѣдкостью. Отперши свой погребецъ, онъ воспользовался временемъ, когда Хмельницкій отворотился, и налилъ въ его чарку водки не изъ той стклянки, изъ которой наливалъ себѣ. Въ водкѣ былъ положенъ медленно-убивающій ядъ.» Это казалось совершенно-правдоподобнымъ,

([57]) «Annal. Polon. Clim.» II, 231.
([58]) «Истор. о през. бр.»

потому-что наречённый женихъ болѣе не являлся въ Украину. Украинскій лѣтописецъ говоритъ, что онъ былъ наученъ на такое злодѣйство польскимъ правительствомъ, желавшимъ какими бы то ни было мѣрами избавиться отъ сильнаго врага. Съ-тѣхъ-поръ Хмельницкій началъ сохнуть, хирѣть и, день-ото-дня, приближался къ гробу. Прошелъ уже годъ со времени его болѣзни; неудовольствія съ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ довершили ослабленіе силъ его.

Еще послѣ первой посылки Беньйовскаго къ Хмельницкому, Іоаннъ-Казимиръ доносилъ на Хмельницкаго царю, что гетманъ съ Швеціею и Ракочіемъ собирается нападать на московское государство. Царь для изслѣдованія этого доноса послалъ въ Чигиринъ стольника Кикина. Хмельницкій увѣрилъ его, что, напротивъ, поляки подущали его отторгнуться отъ московской власти и самъ Беньйовскій говорилъ, будто статьи, постановленныя въ Вильнѣ, заключены поляками единственно для удержанія московскихъ войскъ отъ разоренія Литвы, а въ-самомъ-дѣлѣ никогда не будутъ исполнены ([59]).

Вскорѣ въ Москвѣ сдѣлалось положительно извѣстно, что Хмельницкій заключаетъ договоры съ шведами и венграми. Алексѣй Михайловичъ послалъ къ

([59]) «Истор. мал. Росс.» II, 112.

нему съ выговоромъ окольничьяго Бутурлина и думнаго дьяка Михайлова. Послы застали гетмана уже на смертной постелѣ.

Первое привѣтствіе обѣщало уже несогласіе.

Хмельницкій, извиняясь болѣзнью, препоручалъ переговорить съ ними Выговскому, но послы отвѣчали, что имъ приказано говорить съ гетманомъ, а не съ писаремъ. Бояре долго не хотѣли даже обѣдать у него.

— По милости царскаго величества изготовленъ у насъ обѣдъ дома, говорили они.

— Развѣ вы, сказалъ Хмельницкій: — хотите присовокупить къ моей скорби новую? Развѣ я въ немилости у его царскаго величества?

Они остались обѣдать. Хмельницкій, хотя былъ слабъ, велѣлъ подвести себя и выпилъ за здоровье царя. Чрезъ нѣсколько дней, гетманъ, лежа, далъ имъ формальную аудіенцію.

— Обѣщалъ ты, гетманъ, Богданъ Хмельницкій, сказалъ Бутурлинъ: — со всѣмъ войскомъ запорожскимъ въ святой божіей церкви, по непорочной Христовой заповѣди, предъ святымъ евангеліемъ, служить и быть въ подданствѣ и послушаніи подъ высокою рукою его царскаго величества и во всемъ ему, великому государю, добра желать, а нынѣ слышимъ мы, что ты желаешь добра не его царскому величеству, а Ракочію, и, еще хуже, соединились

вы съ непріятелемъ великаго государя, Карломъ Густавомъ, королемъ шведскимъ, который съ помощью войска запорожскаго его царскаго величества отторгнулъ многіе города польскіе. И ты, гетманъ, оказалъ пособіе шведскому королю безъ соизволенія великаго государя, забылъ страхъ божій и свою присягу предъ святымъ евангеліемъ. Тебѣ слѣдуетъ помнить Бога, единую православную христіанскую вѣру и премногую милость и жалованье къ себѣ царскаго величества и отъ непріятелей оборону. Находясь подъ высокою рукою великаго государя, ты, со всѣмъ войскомъ запорожскимъ, обязанъ служить его царскому величеству и добра хотѣть какъ истинные единовѣрные христіане православные, связанные союзомъ Христовымъ и любовью, дабы, съ помощію Господа Бога, общимъ усерднымъ попеченіемъ и промысломъ польское королевство и великое княжество литовское присоединены были его царскаго величества къ московскому государству.

— Никогда не отстану я отъ шведскаго короля, сказалъ Хмельницкій: — съ нимъ я друженъ болѣе шести лѣтъ, прежде, нежели поступилъ подъ-руку его царскаго величества. Шведы — люди правдивые, умѣютъ сохранить пріязнь и обѣщанія, а великій государь учинилъ было немилосердіе надо мною гетманомъ и надъ всѣмъ войскомъ запорожскимъ, примирился съ поляками и хотѣлъ возвратить имъ Укра-

ину. И то намъ извѣстно, что его царское величество изволилъ послать изъ Вильны въ помощь полякамъ противъ насъ, шведскаго короля и Ракочія двадцать тысячъ ратныхъ людей. Такъ-ли я поступилъ противъ великаго государя? Не бывъ подданнымъ царскаго величества, я служилъ ему, девять лѣтъ уговаривалъ къ тому крымскаго хана, не допускалъ его разорять великороссійскіе украинскіе города. И теперь мы, вѣрные подданные царскаго величества, неотступны отъ высокой руки его и готовы идти на войну противъ недруговъ великаго государя, бусурмановъ; а хотя бы въ настоящей тяжкой болѣзни постигла меня смерть на дорогѣ, для этого и гробъ возьму съ собою. Я никогда не былъ разорителемъ христіанской вѣры, ибо не только проливалъ кровь свою за православіе и божіи церкви, но заставлялъ дѣлать то же самихъ бусурмановъ, хана крымскаго и татаръ. Пусть будетъ воля великаго государя. Только мнѣ дивно, что бояре его царскаго величества ничего добраго не присовѣтуютъ великому государю. Еще онъ не владѣетъ польскою короною, еще мирное постановленіе съ Польшею не приведено къ концу, а ужь открыта новая война съ Швеціею! Еслибъ я не былъ въ дружбѣ съ шведами, Ракочіемъ, волохами, молдаванами и крымскими татарами, поляки, безъ-сомнѣнія, вмѣстѣ съ ними обратили бы оружіе на Украину и предали бы ее

огню и мечу прежде, чѣмъ могли подоспѣть царскія вспомогатеьныя войска. Это нерадостно было бы государству русскому.

— Стыдись, гетманъ, говорить непристойныя рѣчи, отвѣчалъ Бутурлинъ: — вспомни Бога и присягу свою. Помогая королю шведскому, Ракочію, непріятелямъ его царскаго величества, ты былъ участникомъ разоренія государства, на которое избранъ въ короли великій государь нашъ; ты проливалъ кровь христіанскую и нанесъ вмѣстѣ съ кальвинами оскверненіе церквамъ Божіимъ. Страшись за такія неправды праведнаго гнѣва Божія. Этого ли ждалъ отъ тебя великій государь за милосердіе, оказанное вамъ послѣ слезныхъ вашихъ прошеній принятіемъ васъ подъ высокую царскую руку, за освобожденіе отъ рукъ непріятельскихъ? Теперь, когда Польша безсильна, у васъ мноко друзей, чтобъ разорять ее, а когда она была сильна и васъ устрашала, кто содѣйствовалъ вашему освобожденію, кромѣ великаго государя? Въ то время ты говорилъ иначе съ царскимъ посланникомъ. И со мной ты не такъ обходился, когда я, по указу великаго государя, приходилъ со многими ратными людьми защищать тебя отъ поляковъ и татаръ? Только платье, Хмельницкій, такъ мѣняютъ, а не слово. Карлъ Густавъ огорчилъ великаго государя неправдою и нарушеніемъ вѣчнаго договора, что не только его царскому величеству,

помазаннику Божію, нельзя стерпѣть, но и тебя, простаго человѣка, такія досады вывели бы изъ терпѣнія. Отложи свое неприличное высокомѣріе. Служба твоя извѣстна его царскому величеству и забвенна имъ не будетъ. Онъ какъ теперь, такъ и впредь будетъ содержать тебя и все войско запорожское въ своей государской милости, въ большой чести, а Украину отдать польскому королю и противъ васъ ратныхъ людей посылать никогда и не мыслилъ.

— Я вѣрный подданный, да не буду отлученъ отъ высокой руки его царскаго величества, сказалъ Хмельницкій: — памятны мнѣ милости и оборона, посланная государемъ на Дрыжаполѣ. Нашъ долгъ служить его царскому величеству, не щадить головъ своихъ, сражаясь противъ непріятелей великаго государя. Но я чувствую, что ослабѣваю; прошу дать мнѣ теперь покой... едва могу говорить... Прошу у меня отобѣдатъ попріятельски, чѣмъ Богъ послалъ ([60])!

Гетманъ не могъ продолжать долѣе свиданія. Оно было послѣднее.

Скоро послѣ того старикъ оповѣстилъ по Украинѣ, чтобъ всѣ генеральные и полковые старшины, сотники и выборные казаки собирались на генеральную раду къ 6-му августа.

Настал условленный день. При многочисленномъ

([60]) Тамъ же, II, 15—20.

стеченіи народа русскаго, предводитель выведенъ былъ подъ-руки; отъ слабости онъ не могъ уже ходить.

— Братья! сказалъ онъ, ослабѣвшимъ голосомъ: — еслибъ я долженъ былъ говорить къ незнающимъ нашихъ плачевныхъ обстоятельствъ, то у меня не достало бы ни времени, ни даже слова и здоровья. Но вамъ я считаю излишнимъ разсказывать то, что́ вы сами знаете: извѣстно вамъ, братья, столько же, сколько и мнѣ, какія страшныя угнетенія, гоненія, разоренія, поруганія, ежедневныя мученія терпѣлъ подъ игомъ поляковъ злосчастный народъ русскій, и ка̀къ страдала мать наша, православная восточная церковь; лишенная своего богослуженія, угнетаемая латинствомъ, стонала она въ молчаніи! Наконецъ посѣтилъ насъ Богъ свыше милостію благодати своей и подалъ намъ руку помощи, какъ древле Израилю въ Египтѣ; и возвращено прежнее благочиніе церкви нашей, и освободился отъ тяжкаго и постыднаго рабства народъ русскій. Извѣстно вамъ и то, съ какими трудами, потерями, бѣдствіями и кровопролитіями совершилось это избавленіе православной церкви и отечества отъ ига рабства ляхскаго. Волѣ Божіей то было угодно, чтобъ это совершилось мужествомъ вашимъ, совоинственники милые, казаки-рыцари, и подъ моимъ предводительствомъ. Десять лѣтъ я посвящалъ себя отечеству, не щадя ни здо-

ровья, ни жизни; но теперь, по волѣ Создателя моего, старость и болѣзни одолѣли меня; изнемогаютъ члены тѣла моего, схожу въ могилу, братья, и оставляю васъ на произволъ судьбы! Благодарю васъ, господа честные и братія возлюбленные, за ту честь, которую вы оказали мнѣ избраніемъ въ гетманы. Благодарю за довѣренность ко мнѣ, благодарю за непоколебимую вѣрность и искреннее послушаніе. Благодарю васъ за храбрость, оказанную вами въ тридцати-четырехъ сраженіяхъ съ поляками, венграми, волохами, татарами; а болѣе всего благодарю васъ за то согласіе и единодушіе, съ которымъ вы подвизались въ трудахъ и переносили бѣдствія. Возвращаю вамъ булаву, бунчукъ, знамена, всѣ клейноты, означающіе власть мою. Изберите себѣ гетманомъ кого угодно. Меня же, милые братья, простите по-христіански, если я, по немощи человѣческой, кого-нибудь огорчилъ, или противъ кого-нибудь изъ васъ погрѣшилъ.

Гетманъ поклонился собранію и залился слезами. Казаки не отвѣчали ничего и только рыдали. Хмельницкій, отдохнувъ, снова говорилъ къ товарищамъ:

— Богъ знаетъ, братья, чье это несчастіе, что не далъ мнѣ Господь окончить этой войны такъ, ка́къ бы мнѣ хотѣлось: вопервыхъ, утвердить навѣки



независимость и вольность вашу, вовторыхъ, освободить также Волынь, Покутье, Подоль и Полѣсье,

и такъ избавить оружіемъ нашимъ отъ ига польскаго народъ русскій благочестивый, принуждаемый къ уніи, — словомъ, всѣ земли, которыми владѣли великіе русскіе князья наслѣдственно, преклонить подъ высокую руку всероссійскаго монарха. Богу иначе угодно. Не успѣлъ я окончить своего дѣла, умираю съ величайшимъ прискорбіемъ; но не знаю, что̀ будетъ послѣ меня. Прошу васъ, братья, пока я живъ, изберите себѣ, при моихъ глазахъ, новаго гетмана вольными голосами. Если я буду знать отчасти будущую судьбу вашу, то спокойнѣе сойду въ могилу.

Никто не отвѣчалъ на предложеніе Хмельницкаго. Старикъ подождалъ нѣсколько времени, потомъ снова самъ прервалъ молчаніе.

— Есть между вами люди опытные и искусные: изберите себѣ, братья, либо Антона Адамовича, полковника кіевскаго, или полковника переяславскаго, Тетерю, или полковника полтавскаго, Мартына Пушкаренка, но, по моему мнѣнію, я бы совѣтовалъ вамъ избрать Ивана Выговскаго: онъ былъ все время при мнѣ писаремъ, знаетъ всю политику и можетъ управлять войскомъ. Его бы я желалъ особенно видѣть моимъ преемникомъ.

— Нѣтъ, нѣтъ! закричали голоса: — за твои знаменитыя заслуги предъ войскомъ запорожскимъ, за твои кровавые труды, за твой разумъ и мужество, съ которыми ты избавилъ насъ отъ ярма ляхскаго,

прославилъ предъ цѣлымъ свѣтомъ и устроилъ свободнымъ народомъ, мы должны и по смерти твоей оказывать честь твоему дому. Никто не будетъ у насъ гетманомъ кромѣ Юрія, твоего сына.

Кандидаты, которыхъ предлагалъ Хмельницкій, съ своей стороны отказывались отъ начальства и подавили голоса въ пользу Юрія.

— Вижу, братья мои возлюбленные, вижу, что вы любите меня и благодарю васъ, но долженъ вамъ отсовѣтовать: сынъ мой дитя молодое; ему ли исправлять должность гетмана и въ такое опасное время? Нуженъ для этого мужъ опытный и искусный, а не юноша. Сынъ же мой пусть служитъ войску запорожскому по его лѣтамъ, и вы другимъ образомъ будете покровительствовать ему, и тѣмъ докажете благодарность свою ко мнѣ.

— Хотя сынъ твой и молодъ, возразили ему: — но мы будемъ окружать его людьми опытными и старыми, которые будутъ наставлять его мудрыми совѣтами. Если сынъ твой будетъ начальствовать надъ нами, намъ будетъ легче, когда гетманомъ у насъ будетъ Хмельницкій, мы будемъ любить его, слушаться и вспоминать и благословлять тебя, милаго батька нашего!

Долго не соглашался Хмельницкій: съ одной стороны онъ не могъ не видѣть несообразности избранія мальчика въ должность гетмана, съ другой, бо-

ролся съ чувствомъ отеческимъ. Рада говорила, что казаки имѣли всегда право выбирать вольными голосами предводителей и теперь избираютъ Юрія. Многіе изъ нихъ въ душѣ вовсе не хотѣли видѣть Юрія гетманомъ, но должны были согласиться изъ желанія угодить отцу, ибо думали, что старикъ хотя отсовѣтываетъ, но это для него непріятно.

Наконецъ Хмельницкій согласился, подозвалъ Юрія, вручилъ ему знаки гетманскаго достоинства и сказалъ:

— Сынъ мой! не гордись временнымъ господствомъ; воздавай должную честъ старшимъ себя; не обременяй подчиненныхъ трудами выше того, сколько могутъ снести; не прилѣпляйся къ богатымъ и не презирай убогихъ; имѣй равную любовь ко всѣмъ. Да будетъ въ сердцѣ твоемъ страхъ Божій, храни заповѣди Божіи, не дерзай нарушить вѣрности его царскому пресвѣтлому величеству, такъ-какъ и я одинъ разъ присягнулъ и до смерти остался вѣренъ присягѣ. Если жь ты будешь поступать противно этому, то всякое зло, которое произойдетъ отъ тебя, да отвратится отъ другихъ и обратится на твою голову.

Старикъ обратился къ собранію и продолжалъ:

— Вамъ поручаю его въ покровительство: подкрѣпляйте его благими совѣтами. Пребывайте въ единодушіи и братствѣ.

Старика увели. Толпа съ радостными восклицаніями провозгласила Юрія гетманомъ.

«Дай Богъ (кричали казаки) и при новомъ моло-«домъ нашемъ гетманѣ жить, какъ жили мы при ста-«ромъ: хлѣбъ-соль его вкушать, города турецкіе раз-«зорять, славы царскія добывать.»

Чиновники прикрывали его знаменами и шапками, по казацкому обычаю; играли на трубахъ, били въ литавры, палили изъ пушекъ и ружьевъ въ знакъ торжественнаго избранія новаго гетмана вольными голосами (61).

Хмельницкій установилъ для управленія совѣтъ, который долженъ былъ руководить юношу-гетмана. Членами этого совѣта были: Выговскій, генеральный обозный, Носачъ, Тетеря, Мартынъ Пушкаренко, есаулъ Ковалевскій и Григорій Лѣсницкій-Сахновичъ; послѣднему, человѣку образованному, отецъ завѣщалъ пещись о воспитаніи Юрія. Между-тѣмъ, разнесся слухъ, что татары бѣлогородской орды сдѣлали набѣгъ въ Украину. Лѣтописецъ украинскій говоритъ, что это было дѣло польской политики, которая, несмотря на видимое примиреніе, не переставала вредить прежнимъ врагамъ. Молодой гетманъ

---

(61) «Ист. о през. бр.» — «Лѣт. повѣст. о Мал Росс.» 216 — 217. — «Народ. дума».

Юрій вмѣстѣ съ Богуномъ отправились противъ татаръ ([62]).

Выпроводивъ сына, старикъ весь предался Богу. Архіепископъ черниговскій, ученый Лазарь Барановичъ, сдѣланный тогда блюстителемъ митрополичьяго престола, по случаю недавней смерти Сильвестра Коссова, пріѣхалъ въ Чигиринъ и приготовлялъ его къ отходу изъ міра. Хмельницкій дѣлалъ распоряженія о своемъ погребеніи. «Я не желаю лежать въ «Чигиринѣ (сказалъ онъ): Чигиринъ былъ долго подъ «господствомъ враговъ русскаго народа: похороните «меня въ Субботовѣ, которое я пріобрѣлъ кровавыми «трудами, изъ котораго потомъ, когда его у мэня от«няли, возникъ пламень войны, освободившій Украи«ну ([63])».

Нѣсколько дней толпы народа съ часу на часъ ожидали его кончины. Старшины находились постоянно въ Чигиринѣ. 15-го августа Хмельницкій утромъ пріобщился св. Тайнъ; ровно въ полдень выстрѣлъ пушки и погребальный звонъ на исходъ души возвѣстилъ казакамъ, что предводитель ихъ скончался.

Возвратились изъ похода Юрій и Богунъ. 30-го августа, въ воскресенье, останки освободителя Руси повезли въ Субботово ([64]). Всѣ чиновники и полпы

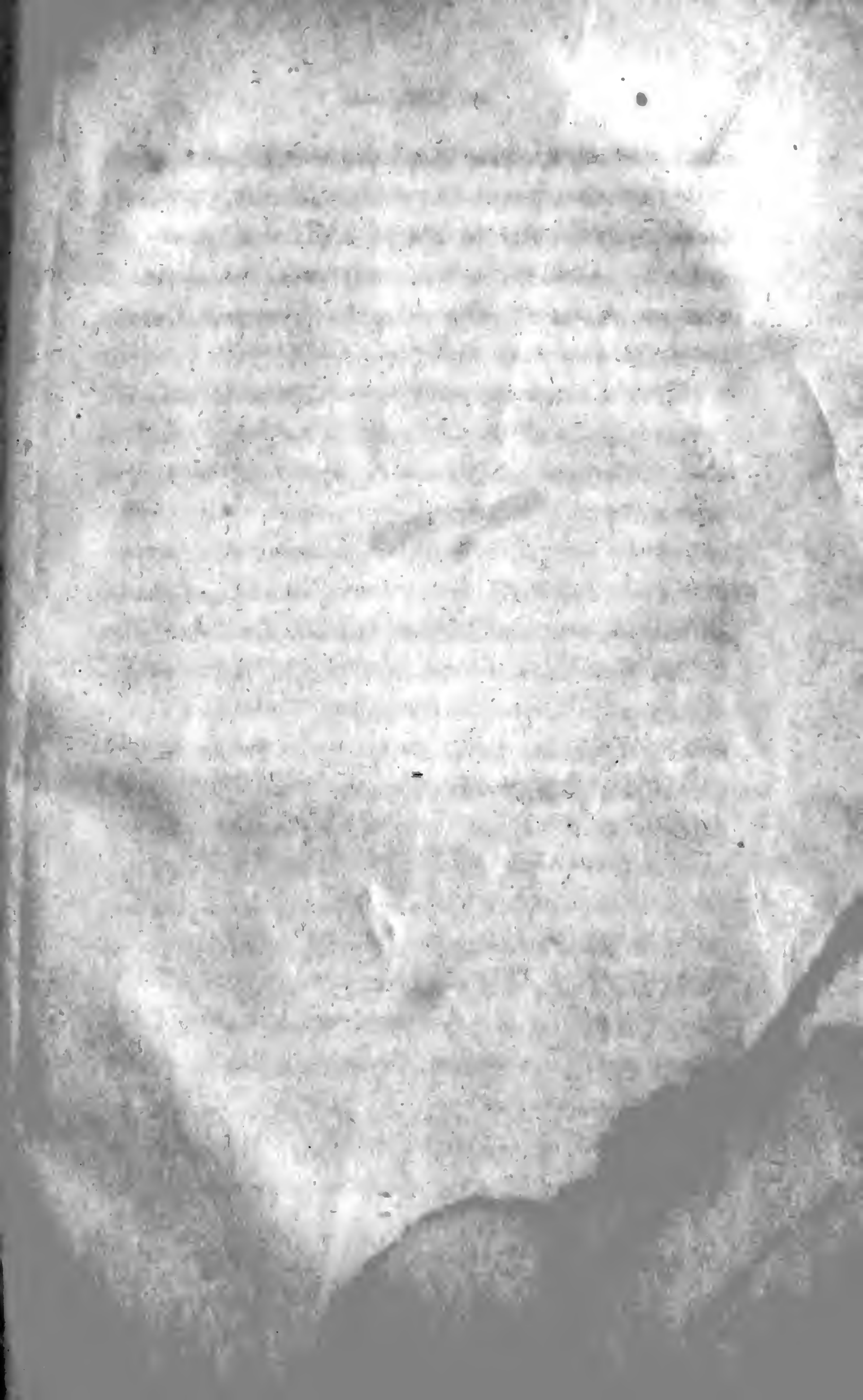
([62]) «Ист. о през. бр.». — «Лѣт. Велич.», I, 288.
([63]) «Лѣтоп. Велич.», I, 298.
([64]) Тамъ же, I, 288.

войсковой черни провожали его съ пушечными и ружейными выстрѣлами. Рыданія народа заглушали церковное пѣніе. «То не вѣтры осенніе бушевали въ дубравѣ (говоритъ современная народная дума), то плакали и вопили казаки, погребая батька своего, стараго Хмельницкаго!»

Въ числѣ зрителей былъ посолъ Іоанна Казимира, пріѣхавшій съ новыми попытками заключить дружескій союзъ между Польшею и Украиною, и онъ съ честью провожалъ гетмана въ могилу. Домашній секретарь умершаго, Зорка произнесъ на польскомъ языкѣ погребальную рѣчъ. Гробъ поставили въ каменной церкви, построенной самимъ гетманомъ ([65]). Но напрасно путешественникъ искалъ бы его теперь: впослѣдствіи Чарнецкій, захвативъ Субботово, приказалъ выбросить на поруганіе кости человѣка, поколебавшаго могущество Польши.

КОНЕЦЪ.

([65]) Тамъ же, I, 288 — 298.

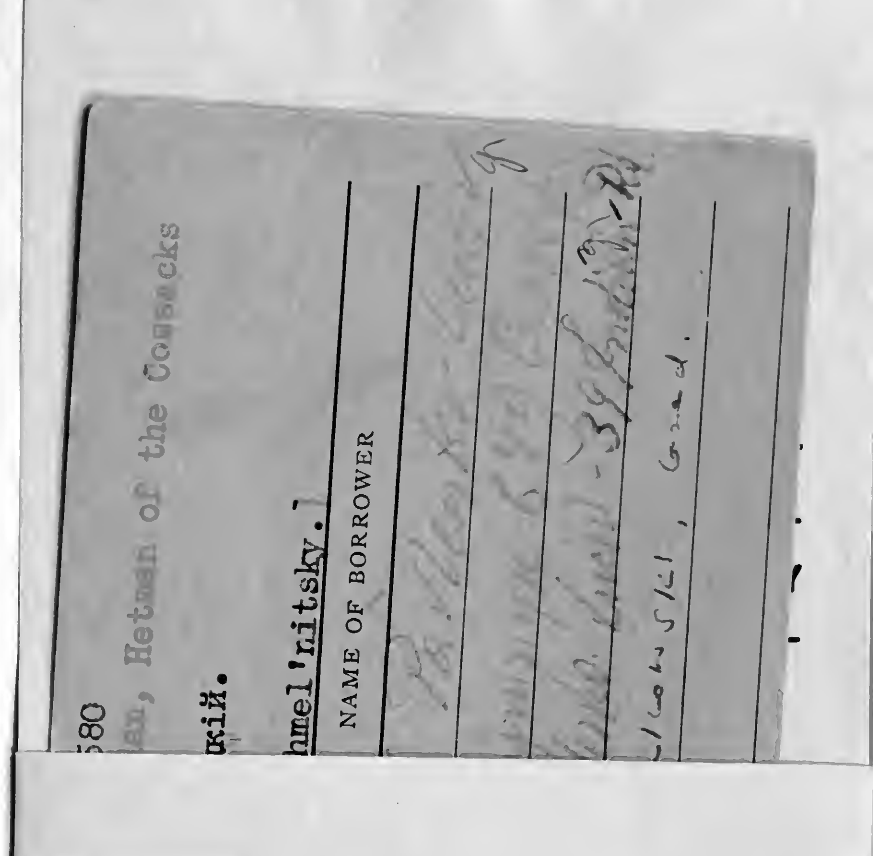


Стр.	Строки.	напечатано:	читать слѣдуетъ:
303	19	на чортъ	на чорта
305	10	выкупать	выпустить
310	10	Подлиннаго	Подлиппаго
313	1	глядыить	глядыть
327	4	приступленій	преступленій
344	21	съ воеводствомъ	съ воевольствомъ
361	21	Сереты	Серета
367	17	гнустпою	гнусною
371	14	подъ Чернаговъ	подъ Черниговомъ
377	26	**Krona**	**Kronica**
381	9	тутупами	тулупами
—	16	изъ подъ Шаргороди	изъ подъ Шаргорода
385	7	Лейтенанта,	Лейтенанта
392	20	Кашевскаго	Кашовскаго
345	16	Сильвестръ,	Сильвестръ
400	5	народа,	народа
406	23	Лѣсницкій и Саковихъ	Лѣсницкій-Саковичъ
412	17	Богдановича Заруднаго	Богдановича-Заруднаго
424	14	по польскимъ	по прочимъ
432	9	укорить	укоротить
—	17	лѣтопасей	лѣтописей
453	6	отправилъ	отправилъ назадъ
461	4	Зиньковки	Зиньковка
—	5	Балаповка	Балаповка
469	10	Галга	Калга
474	7	Корсунь	Корсунъ
—	24	Лѣтоп. Величк.	Лѣтоп. Самов.
477	2	въ Ягельвяницахъ	въ Ягельницахъ
479	1	обозъ	шатеръ
501	18	подъ Забарашемъ	подъ Збаражемъ
504	1	права	право
513	2	образомъ	оборотомъ
532	24	прибѣгъ	прибѣгнулъ
534	6	въ войско трансильванскіе украинцы	въ войско трансильванское украинцы
542	3	на Дрыжаполѣ	на Дрыжи-полѣ
548	6	царскія	рыцарскія

Сверхъ того имя господаря Молдавіи, напечатанное: Липула (стран. 108 стр. 228—2; 285—2, 10, 11, 16, 21; 287—3; 305—19, 314—12; 315—1, 8, 23, 317—9; 340—17; 341—1, 14, 18, 24; 342—21; 369—14, 22; 370—1; 375—17; 443—12) слѣдуетъ читать: Лупула.

ОПЕЧАТКИ ВТОРАГО ТОМА.

Стр.	*Строки.*	*напечатано:*	*читать слѣдуетъ:*
3	22	возсядемъ	возсядемь
25	21	съ Тарквинія, который припоминая какъ онъ	съ Тарквинія, припоминая, какъ онъ
32	28	линовецкаго	липовецкаго
33	10	которые былы	которое было
—	27	коневскомъ	ка́невскомъ
34	5	Млійвъ	Млійовъ
—	11	Коневскій	Ка́невскій
—	14	Коневъ	Ка́невъ
—	16	Теретеміровъ	Терехтемировъ
36	3	менѣе 37, 549	менѣе: 37, 549.
40	24	макри	мирки
75	25	кровавыя на нихъ	на нихъ кровавыя
108	13	въ пѣхотѣ	въ Польшѣ
113	9—11	до Красностова	до Красностава
128	2	Перепятина	Перенятина
131	21	боязнь	боязни
135	7	польскимъ опелченіямъ	польскаго ополченія
146	11	ленгицкимъ	ленчицкимъ
157	2	жаднокровая	хладнокровія
158	4	покинулъ	покинула
185	17	Ченца	Чепца
199	4	до разоренія	разорять насъ
203	15	оже	уже
204	14	не будутъ	не будуть
215	9	и насѣкахъ	и пасѣкахъ
117	7	кононаду	канонаду
225	11	пойдемъ	войдемъ
229	6	на остальное	на остальное, стоявшее
278	16	и другіе полки	и въ другихъ полкахъ
288	21	до Ладжина	до Ладыжина
298	14	сичухи	сичучи



580
, Hetman of the Cossacks
кий.
hmel'nitsky.]
NAME OF BORROWER

